

Санкт-Петербург
2020

БОРИС ВИШНЕВСКИЙ

ТЕ ЖЕ БУКВЫ,
НО

ДРУГИЕ
ДЬЯЛНЕ
СЛОВА

Художественное оформление
Наталии Введенской

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6
В55

Вишневский Б. Л.

В55 Те же буквы, но другие слова. – Санкт-Петербург,
2020. – 416 с.

ISBN

В новый сборник Бориса Вишневского – писателя, публициста, политолога, руководителя фракции «Яблоко» в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга, лауреата премии «Золотое перо России», – вошли его статьи, интервью и публичные выступления 2018–2020 годов по наиболее актуальным темам российской и петербургской политики.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6

ВСТУПЛЕНИЕ

Жутко, но скажу. У «Яблока», автор прав, никогда не было проблем с умными мыслями. А с умными избирателями, добавлю от себя, вечная проблема.

Проблема, друзья, не с Вишневым и Явлинским. Она с нами.

Мы ни хрена не можем быть верными и умными. Наш удел обольщаться и никчемничать. Вот нам тексты, поступки, мысли — как бьется за нас Вишневский, невысокий бессеребrenник в старой куртке и без депутатской машины, которую он прогнал в гараж.

А вот мы. Которые брезгливо не различают добра и зла в надежде исправить ошибку эмиграцией.

Читаем книжку.

Она стоит того времени, которое мы бы потратили на споры про «а где граница компромисса».

Она там, друзья, где вы догадываетесь: ничего для себя.

Дмитрий Муратов, главный редактор «Новой газеты»

Борис Вишневский — уникальная фигура в общественной жизни Санкт-Петербурга, да и всей России.

Сегодня он, пожалуй, один из немногих по-настоящему народных депутатов.

На протяжении трех десятилетий Борис — политик, правозащитник и публицист — словом и делом отстаивает идеалы представительной демократии и гражданских прав и свобод. Новый сборник его выступлений, интервью и колонок в средствах массовой информации представляет различные аспекты деятельности Вишневого за последние годы — борьба за открытость при принятии решений и за конкуренцию

в политике, обеспечение прав горожан против произвола властей, искренние слова в защиту тех, кто подвергается политическим преследованиям... эта книга очень полезна не только активистам, но и всем тем, кому не безразлично происходящее в нашей стране и кто по-настоящему обеспокоен ее будущим и будущим своих детей и внуков.

Борис, борись!

*Владимир Гельман, профессор Европейского университета
в Санкт-Петербурге и университета Хельсинки*

Борис Вишневский — один из самых ярких политических деятелей и публицистов современного Петербурга. Мне особенно близки его многолетняя неутомимая работа в рядах градозащитного движения и роль защитника культурного наследия родного города. «Не оставляйте стараний, маэстро!»

*Александр Марголис, историк, председатель
Совета Санкт-Петербургского отделения
Всероссийского общества охраны памятников
истории и культуры*

Борис Вишневский — интегральная часть городского ландшафта, как клуб «Зенит», ресторанная улица Рубинштейна, или надпись «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

Это народный депутат — в полном смысле слова, вечно хлопочущий о несправедливо обиженных, готовый выручить невинного из узилища ночью, выстоять в мороз пикет за несокрушимость какого-нибудь мало известного сквера.

Бессребреник, праведник, петербургский дервиш.

Его, мне кажется, уважают и им умиляются даже классовые враги.

Вишневский — политик, правозащитник, но и математически логичный аналитик — публицист.

Его статьи и колонки 2019 года — важнейший источник по изучению бурного времени позднего Путина.

Лев Лурье, историк

Хотите услышать правдивый рассказ о российской драме — о деградирующем самодержавии и попытках выйти из исторического тупика?

О Путине, Кремле и российской власти? О политических репрессиях? О необъявленной войне с Украиной? О протестном Шиесе? О лицемерии и продажности российской «элиты»? О неотвратимости нашего пробуждения и рассвета?

Тогда этот сборник для вас, читатель.

И это ваш автор- Борис Вишневский.

Несгибаемый и мужественный политик, блестящий аналитик и эссеист, писатель и бард.

И Человек Чести.

Лилия Шевцова, доктор исторических наук, профессор

Хвалить Вишневского — дело неблагодарное! Да и как можно хвалить человека, который вечно неизвестно чем занят? То он мчится в отдел полиции, то пишет письмо очередному чиновнику, то дает интервью, не выходя из троллейбуса. Зачем он предпочитает свитер строгому костюму, зачем предпочитает песни под гитару «ночному хоккею»?

Пусть Вишневского хвалят другие! Мы будем его только ругать! Так нам спокойнее, да и ему полезнее. Вдруг он и правда поверит, что он единственный и неповторимый, что в Петербурге он не просто политик и депутат, а целое политическое явление, зачастую подменяющее всю парламентскую оппозицию. Что мы тогда делать будем? Вот, то-то!

*Григорий Михнов-Вайтенко, член Правозащитного совета
Санкт-Петербурга*

«...Не теряйте надежды!» — говорится и поется в одной из песен Бориса Вишневского.

Я и не теряю. Более того — надежды мои крепнут, когда я читаю его публикации, написанные честным, искренним, порядочным человеком, верящим в свою правоту и прекрасное будущее нашей России.

*Олег Басилашвили, почетный гражданин Санкт-Петербурга,
народный артист СССР*

ОТ АВТОРА

Дорогие мои читатели, представляю вам новый сборник моих статей, выступлений и интервью – «Те же буквы, но другие слова».

Не я придумал название: это – девиз моей любимой «Новой газеты», с которой моя жизнь связана уже двадцать лет.

В этом сборнике – мои статьи из «Новой», блоги, размещенные на сайте «Эхо Москвы», несколько моих публичных выступлений и интервью (осень 2018 – январь 2020 года).

2019-й – год продолжающейся войны. Необъявленной – с Украиной, у которой отняли одну часть территории и послали вооруженных интервентов в другую, и объявленной – в Сирии, где российские войска сохраняют у власти диктатора Асада.

2019-й – год чудовищно-циничного преследования политзаключенных. Вышли на свободу Олег Сенцов и Оюб Титиев – но остаются в неволе Юрий Дмитриев и обвиняемые по фабрикованным делам «Сети» и «Нового величия» ингушские и крымско-татарские активисты, Константин Котов, Данила Беглец, Кирилл Жуков и многие другие.

2019-й – год нечестных, сфальсифицированных, декоративных выборов.

В фарс были превращены выборы губернатора Петербурга. Значительное число оппозиционных кандидатов было отстранено от выборов в Петербурге и Москве. Часть результатов петербургских муниципальных выборов была нагло подделана.

2019-й – год демонстративного наплевательства власти на общественное мнение.

Упорные попытки «втолкнуть» в Шиес мусорный полигон, нагло отрицать, что Сандармох – это место массовых политических репрессий сталинской поры, распространить

мошенническую «реновацию» на всю страну, еще больше поднять налоги и тарифы, ввести новые, еще более абсурдные запреты и ограничения — приметы ушедшего года.

И, тем не менее, 2019-й — год пробуждающегося общественного сопротивления.

Именно оно заставило власть отказаться от застройки сквера в Екатеринбурге. Именно оно заставило отпустить нескольких участников «московского дела». Именно оно помогло оппозиционным кандидатам (в том числе моим товарищам по «Яблоку») победить на выборах в Москве, Петербурге и Пскове. И оно будет нарастать — потому что, как и в конце 80-х годов, лживой и лицемерной власти все больше перестают верить и все больше начинают ее презирать. И все меньше — бояться.

Наша страна и наш город будут свободными.

Да, тьма пока еще наступает.

Но мы обязаны приближать рассвет.

Его наступление неотвратимо.

Благодарю моих читателей — я необычайно ценю их внимание и стараюсь не обманывать их ожидания.

Благодарю моих друзей, в том числе — за их критические замечания.

Ольга Покровская и Александр Шишлов, Сергей Шелин и Лилия Шевцова, Григорий Михнов-Вайтенко и Андрей Чернов, Григорий Явлинский и Виктор Шейнис, Лев и Жанна Шлосберг, Екатерина Агаширинова и Евгений Миронов, Владимир Кара-Мурза и Лариса Дмитриева, Ольга Старовойтова и Наталья Евдокимова, Александр Балаян и Владимир Гельман, Александр Марголис и Ольга Крокинская, Владимир Котегов и Николай Копосов — чтобы я без вас делал?

Благодарю моих коллег из «Новой газеты», «Эха», «Фонтанки» и других изданий — за поддержку и сотрудничество.

Дмитрий Муратов, Сергей Кожеуров, Виталий Ярошевский, Андрей Липский, Кирилл Мартынов, Вера Челищева, Сергей Соколов, Диана Качалова, Ирина Тумакова, Виталий Дымарский, Виталий Рувинский, Валерий Нечай, Татьяна Троянская, Ирина Ананина, Сергей Кагермазов, Арсений Веснин, Иван Штейнерт, Александр Горшков, Венера Галеева, Ирина Корбат, Елена Кузнецова, Мария Карпенко, Ксения

Клочкова, Александра Конфисахор, Наталья Ковтун, Галина Артеменко и многие другие – спасибо!

Благодарю мою семью, терпеливо переносящую мою работу и поддерживающую меня во всем.

Благодарю Сергея Алимова, Дмитрия Анисимова, Сергея Капполя и Наталью Сивохину за неоценимую помощь в подготовке издания.

Отдельная благодарность – Наталье Введенской, без которой мои последние книги вообще не вышли бы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЕТЕР ВЕРНЕТСЯ

Статьи в «Новой газете»

В КОНСТИТУЦИИ НЕ БЫЛО СЛОВА «ЕЛЬЦИН»

К 25-ЛЕТИЮ ОСНОВНОГО ЗАКОНА СТРАНЫ

11 декабря 2018

Ровно четверть века назад — 12 декабря 1993 года — была принята нынешняя российская Конституция. Вскоре после разгона парламента, обстрела Белого дома из танковых орудий и уничтожения в стране всей системы представительных органов власти — когда осталась только исполнительная.

Именно она, возглавляемая (де-факто и де-юре) президентом Борисом Ельциным, крайне недовольная старой Конституцией, проектировала новую. С огромной и бесконтрольной властью президента, пораженным в правах парламентом и судами, состоящими из назначенцев президента.

Неудивительно, что исполнительная власть начертала Конституцию так, чтобы более никто и ни в чем не мог ей помешать — то есть недемократической.

Удивительно, что ее в этом поддерживали многие демократы. Не обратившие внимание, что в Конституции написано не «Ельцин», а «президент».

Большинство демократов, ратовавших за «ельцинскую Конституцию», искренне хотели, как лучше. Но вышло — как всегда. Да и не могло не выйти. Если чертежи рисовали конструкторы-оружейники, то вместо кровати при сборке просто обязан был получиться пулемет.

Тогда, четверть века назад, очень популярен был тезис о «всевластии советов». О том, что съезд народных депутатов России, который может принять любое решение, связывает руки президенту и правительству, не позволяя им проводить необходимые экономические реформы.

При этом как-то за скобками оставался вопрос о том, кто определяет, какие реформы необходимы, а какие нет (и которым как раз нужно бы помешать)? И что делать, если у президента и парламента разные мнения на сей счет — как это и было в 1992–93 годах?

Казалось бы, в рамках демократической традиции ответ очевиден: договариваться, искать компромиссы, приходиться к «равномерному распределению разочарований». Но к компромиссам тогда (как, впрочем, и позднее) стремились немногие. А остальные стремились к полной и окончательной победе над оппонентами.

На минувших выходных в Екатеринбурге (в музее Ельцина в президентском центре) мне показывали известное фото: Борис Николаевич подписывает проект Конституции РФ для вынесения на голосование 12 декабря 1993 года, внеся перед тем последние правки. Но еще за несколько месяцев до того, когда еще работал парламент, президентский вариант Конституции уже обрел все ключевые «самодержавные черты».

Очень многое в этом проекте Конституции решало одну и ту же задачу: закрепить на многие годы результат «войны властей» — победу президентской стороны — в конституционном устройстве.

Сформировать режим личной власти, когда президент может почти все и при этом вообще ни за что не отвечает (недаром слово «ответственность» в принципе не встречается в главе, касающейся президента).

Когда его решения невозможно отменить (как это нередко делал парламент в 1992–93 года), а импичмент превращен в подобие непорочного зачатия — теоретически возможен, но на практике не встречается.

Когда парламент, даже ценой роспуска, не может помешать президенту назначать нужного ему премьера и правительство.

И так далее по тексту.

И летом, и осенью 1993-го я говорил сторонникам президентского варианта и адептам «сильной исполнительной власти», которой они так хотели «развязать руки»: конституционный бумеранг всегда возвращается. Решается не вопрос о том, кто в стране займет ту или иную должность — решается вопрос о *системе* власти.

Вы поддерживаете Ельцина, но в проекте Конституции написано не «Ельцин», а «президент». И это принципиально.

Сегодня в этой системе власть у ваших единомышленников или у тех, кто принимает правильные, с вашей точки зрения, решения. И вам очень нравится тот факт, что оппоненты ничем не могут этому помешать. А завтра? Если те же полномочия получат другие люди?

Что вы скажете, когда несимпатичный вам президент назначит заведомо непригодного премьера, не обращая внимания на парламент? Когда он поставит во главе спецслужб бывших офицеров КГБ? Когда вам не позволят сказать ни одного критического слова по ТВ, потому что главы телеканалов назначены президентом? Когда вы не сможете добиться справедливости в суде, потому что всех судей тоже назначил президент?

Какие песни вы тогда запоете? Потребуете разделения властей, ограничения самодержавия, независимого суда, а то и парламентской республики?

А вам резонно ответят: вы же такую систему создавали! Чем теперь недовольны?

Сторонников «ельцинской Конституции» честно предупреждали, что они делают и к чему это неизбежно приведет. Но одни из них не хотели ничего слышать, а другие (как один из моих учителей Виктор Шейнис) все понимали, но полагали, что выбор был лишь между «плохим и очень плохим». И что даже такая новая Конституция лучше, чем старая, или еще один конституционный кризис.

Это было то же предпочтение «меньшего из зол», как и три года спустя — во время президентских выборов.

И это «меньшее зло» точно так же обернулось «большим».

Когда первого президента России, у которого наряду со страшными ошибками были и верные поступки, сменил второй — им же и отобранный в качестве преемника.

Научит ли история нас чему-нибудь?

Или только накажет за невыученный урок?

АБСУРД УТРАТИЛ СИЛУ

НО ЗАЩИЩАТЬ ИСААКИЙ НУЖНО БУДЕТ И ДАЛЬШЕ

11 января 2019

Пресс-служба питерского Комитета имущественных отношений сообщила [urbi et orgbi](http://urbi.et.orgbi), что недоброй памяти распоряжение КИО № 160-р от 30.12.16 г. об утверждении «плана мероприятий» по подготовке передачи Исаакиевского собора в безвозмездное пользование РПЦ на 49 лет утратило силу.

Означает ли это, что защитниками Исаакия одержана окончательная победа и Исаакий теперь уже точно останется музеем?

Нет, расслабляться рано, наша борьба еще не закончена. Хотя правовой абсурд — упомянутое распоряжение КИО, — наконец, утратил силу.

Распоряжение 160-р было опубликовано на сайте КИО 12 января 2017 года, а тремя днями раньше губернатор Георгий Полтавченко заявил, что «принято решение» передать Исаакий церковникам.

Заявление теперь уже бывшего градоначальника буквально «взорвало» горожан — уже 13 января, собравшись «по цепочке», через социальные сети, около полутора тысяч петербуржцев пришли к Исаакию на встречу с оппозиционными депутатами ЗАКСа, и немедленно возникло движение в защиту Исаакия как музея.

Одним из направлений этого движения стало, естественно, судебное оспаривание распоряжения КИО. И хотя Смольнинский суд прекратил дело по формальным основаниям, в ходе его заседаний выяснилось, что распоряжение — вместе с «планом мероприятий», — правовая «пустышка», которая не влечет никаких юридических последствий и не влияет на статус Исаакия. Об этом прямо в суде заявила представитель КИО. Там же выяснилось, что заявки РПЦ о передаче ей Исаакия (на основании этой заявки, — как следует из текста, — выпущено распоряжение 160-р) ... не существует в природе. Ее никто не подавал. Заметим: и не подал до сих пор.

На вопрос о том, зачем исполнительная власть подписывает распоряжения, которые не имеют правовых последствий, и как можно их выпускать, ссылаясь на несуществующие заявки РПЦ, никакого вразумительного ответа (автор был в суде одним из заявителей) мы так и не получили. Аналогичные ответы — о том, что заявка РПЦ не подана, а распоряжение 160-р не влечет правовых последствий, — мы с коллегами по ЗАКСу не раз получали от Георгия Полтавченко и вице-губернатора Михаила Мокрецова.

В декабре 2018 года мы написала теперь уже врио губернатора Александру Беглову: отмените, наконец, это распоряжение! Нам ответили: одним из пунктов «плана мероприятий» было заключение в течение 24 месяцев договора о передаче в безвозмездное бессрочное пользование или пользование на определенный срок музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, расположенных в Исаакии. Эти 24 месяца истекают 30 декабря 2018 года. Вот тогда и будут основания признать распоряжение утратившим силу. Что теперь и произошло.

Данный факт, — что надо понимать, — имеет скорее символическое, чем юридическое значение, в силу юридической ничтожности распоряжения 160-р. И это не означает, что опасность от Исаакия отступила окончательно: нам надо быть настороже.

Задумаемся: а почему РПЦ за минувшие два года так и не подала заявку на передачу Исаакия, несмотря на периодически возникавшие слухи о том, что это вот-вот будет сделано? Неужели не смогли составить? Но, при желании, это можно было бы сделать за несколько часов. Значит, причины — в другом.

Первая причина, конечно же, — гражданское сопротивление петербуржцев.

Если бы не оно — давно бы уже и заявку написали, и Исаакий бы отдали. Но такого масштаба сопротивления и таких (причем, устойчивых) данных социологических опросов, с трехкратным превосходством противников передачи Исаакия над сторонниками, — власть не ожидала.

А вторая причина, — впрочем, связанная с первой, — это, на мой взгляд, отсутствие у РПЦ четких гарантий с «кремлевского»

уровня: подадите заявку — ее удовлетворят. Если бы эти гарантии были — заявку бы немедленно подали. Но их не последовало, и, как я думаю, в том числе, из-за нашего гражданского сопротивления.

Что дальше? Скорее всего, до сентября 2019 года, — когда пройдут выборы губернатора, — никаких попыток передать Исаакий церкви предприниматься не будет. Это совершенно точно выйдет боком любому кандидату от «партии власти». А потом... Впрочем, что будет «потом», зависит от результатов этих выборов. И потому критически важно, чтобы на губернаторском посту оказался человек, который ясно, — и заранее, — заявит церковникам: Исаакий вы не получите никогда. И не только потому, что таково общественное мнение, но и потому, что таков закон.

А закон, — о чем стоит напомнить, — запрещает передавать религиозным организациям предметы Музейного фонда. Таковых, между тем, — в том числе, физически неотделимых от Исаакиевского собора (таких, как малахитовые колонны и витражи), — более 20 тысяч.

Поэтому любая попытка передачи — еще и незаконна.

И если она будет предпринята — мы встретимся с теми, кто попытается эту передачу осуществить, в суде. Исаакий должен оставаться музеем.

СВИДЕТЕЛИ ЛИБЕРАЛОВ

К дискуссии о новом фильме Виталия Манского

12 января 2019

Фильм Виталия Манского «Свидетели Путина» — важное напоминание о том, что в 2000 году Владимира Путина привели на президентский пост отнюдь не те, кто его сегодня окружает.

Не чекисты, военные, олигархи, церковники и бывшая партноменклатура, а те, кто тогда считался демократами и либералами. Именно они уверяли сограждан в «правильном выборе Ельциным преемника», называли Путина «политиком нового поколения» и надеялись на «продолжение реформ».

В том, что совершили страшную ошибку, признаются потом единицы — например, Борис Немцов. И, увы, так и не признается тот, кто объявил Путина преемником и расчистил ему путь к президентству — Борис Ельцин.

В фильме Манского он пьет шампанское за успех преемника, а потом скажет о нем: «Я старался найти того, для кого идеалы свободы, рынка, понимание необходимости движения вперед вместе с цивилизованными странами были бы важнейшими ценностями». Нашел, понимаешь...

Впрочем, было бы слишком просто возложить ответственность за то, что мы видим сегодня, исключительно на Ельцина или на тех, кого Виктор Шендерович назвал «недожиданными интеллектуалами с неисправимым дефектом этики, раскрывшими это ничтожество», посетовав, что практически никто из них (за редчайшими исключениями) так и не пожалел о содеянном и не покался.

Каяться есть за что, и не только им: многие из тех, кто тогда поддерживал президентство Путина, сегодня делают вид, что они тут ни при чем.

Но, как говорится, есть нюансы. И очень существенные.

Первый нюанс: ни либералами, ни демократами те, кто привел Путина на президентский пост и поддержал его на выборах, — Егор Гайдар и Анатолий Чубайс, Сергей Кириенко и Александр Волошин, Дмитрий Козак и Михаил Касьянов, Петр Авен и Алексей Кудрин, Борис Березовский и Глеб Павловский, Михаил Швыдкой и Александр Ослон, Валентин Юмашев и Ксения Пономарева и другие — не были.

Их «либерализм» был достаточно специфическим: государство ничего никому не должно, вправе в любой момент отказаться от своих социальных обязательств, как от «нагрузки на бюджет», требования индексации пенсий и зарплат и предоставления льгот — иждивенческие настроения, которые «провоцируют инфляцию», ресурсы и полномочия надо передавать «наверх», в «центр», а на регионы перекладывать обязанности и ответственность, и вообще надо строить «либеральную империю». Понятно, что при таких воззрениях демократию, то есть реальную зависимость власти от граждан, они считали возмутительным препятствием, которое надо устранить.

Второй нюанс: Путин не возник в 1999 году как чертик из табакерки: его политическая карьера началась существенно раньше.

В политику его привел покойный Анатолий Собчак, которого Путин до сих пор именует своим учителем: став в мае 1990 года председателем демократического Ленсовета (многие депутаты очень скоро назвали это своей «главной кадровой ошибкой»), Собчак взял в помощники своего бывшего студента, подполковника КГБ Путина. Их связка внешне выглядела странно: демократ и антикоммунист, ругавший при любом случае партийную номенклатуру и КГБ, и не то бывший, не то действующий чекист — что у них общего?

Ларчик, однако, открывается просто, если понимать, что Собчак был не демократическим, а авторитарным лидером, стремившимся к единоличной и бесконтрольной власти, уверенно предпочитавшим целесообразность законности, и выступавшим за «развязывание рук» чиновникам. Что касается его «антикоммунизма», то он был лишь словесным: на деле, став мэром, Собчак назначил на целый ряд руководящих постов бывших первых и вторых секретарей райкомов партии и сотрудников госбезопасности. И не только Путина: главой секретариата мэрии, а затем главой Василеостровского района был подполковник КГБ Валерий Голубев, главой Петроградского района — бывший следователь КГБ по делам диссидентов Павел Кошелев. И еще один штрих: в декабре 1993 года, после разгона ненавистного ему Ленсовета, опечатывать здание Мариинского дворца приехал заместитель управляющего делами мэрии Михаил Сунко. В августе 1991 года, будучи заместителем управляющего делами обкома КПСС, он был пойман при выходе из Смольного с сумками, где хранился последний обкомовский продовольственный паек...

При Собчаке Путин провел шесть лет — став сперва главой Комитета по внешним связям (КВС), а затем первым заместителем мэра. При этом, в отличие от Собчака, он выстраивал куда более ровные отношения с депутатами, и особые скандалы его деятельность не сопровождали — за одним исключением: известное «расследование Гладкова-Салье», когда деятельность КВС подверглась жесткой критике.

Тогда, летом 1992 года, правительство Гайдара выделило Санкт-Петербургу квоты на различные ресурсы для закупки

продовольствия за рубежом. Однако, ресурсы были выделены, а продовольствия город получил немного, и по завышенным ценам. Решением Ленсовета была создана группа из депутатов — Марины Салье и Юрия Гладкова (обоих уже нет в живых). В докладе группы указывалось, что в действиях руководства КВС усматривается не только некомпетентность, но и «особая заинтересованность в заключении договоров и выдачи лицензий определенным фирмам и лицам». Большинство договоров, подписанных КВС, «с юридической точки зрения позволяет фирмам-посредникам уклониться от взятых на себя обязательств». Разница между валютной выручкой от продажи ресурсов и ценами на поставленное продовольствие составила около 11 миллионов долларов.

8 мая 1992 года Малый Совет (орган, выполнявший функции Ленсовета между сессиями) решил согласиться с выводами рабочей группы и рекомендовал Собчаку «рассмотреть вопрос о соответствии председателя КВС В.В.Путина занимаемой должности». На заседании Малого Совета (я там присутствовал) Путин был тих и скромен, каялся, признавал ошибки и обещал все исправить. В итоге Собчак Путина не уволил, а после разгона Ленсовета, весной 1994 года сделал его первым заместителем мэра: в этой должности Путин работал до тех пор, пока Собчак был мэром.

Почему Путин (единственный из глав комитетов) сумел за все эти годы сохранить должность и влияние при Собчаке? Думаю, потому, что умело пользовался склонностью Собчака к самолюбанию и нетерпимостью к возражениям и критике. Он всегда говорил то, что Собчак хотел слышать, он никогда с ним не спорил, а напротив, объяснял, как Собчак во всем прав, и как неправы его враги и завистники.

Когда Собчак проиграл выборы Владимиру Яковлеву, Путин был изгнан из Смольного (история о том, что Яковлев уговаривал его остаться, а Путин отказался, заявив, что лучше быть повешенным за верность, чем за предательство — миф, созданный путинистами). Но без работы не остался: Чубайс, который поддерживал Собчака на выборах, став после переизбрания Ельцина главой его администрации, помог перейти на федеральный уровень двум первым заместителям экс-мэра — Кудрину (он стал начальником Главного контрольного

управления) и Путину (он стал заместителем управляющего делами президента). Дальнейшее хорошо известно.

Наконец, *третий, и самый важный нюанс*: вопреки мифу о «лихих 90-х», надо понимать, что путинская система – не отрицание ельцинской, а ее прямое продолжение.

Сегодняшнее «конституционное самодержавие», – о чем я не раз напоминал в «Новой», – построила именно команда Ельцина. Фундамент «путинизма» строился отнюдь не в 2000 году, а в 90-е годы – и, большей частью, теми же архитекторами, которые показаны в фильме Манского. И очень важно, что задумывалась эта стройка, – о чем мало кому известно, – еще весной 1990 года.

В феврале 1998 года в статье об Анатолии Чубайсе «Железный Дровосек, не получивший сердца», я впервые рассказывал об «аналитической записке по концепции перехода к рыночной экономике в СССР», подготовленной специалистами Ленинградской ассоциации социально-экономических наук, неформальным лидером которой считался Чубайс. В группу молодых экономистов, собравшихся вокруг него, входили Сергей Васильев, Сергей Игнатьев, Михаил Дмитриев, Альфред Кох, потом подключились москвичи – Егор Гайдар, Петр Авен, Александр Шохин...

Фрагменты этой записки под названием «Жестким курсом...» были опубликованы в хранящемся у меня и по сей день журнале «Век XX и мир». Дата – 30 марта 1990 года. Через 12 дней после выборов в Верховный Совет РСФСР, а также выборов в Моссовет и Ленсовет, где представители демократического блока получили подавляющее большинство.

«Записка» была первым манифестом будущих ельцинских реформаторов, наглядно доказывающим, что многое из последовавшего затем было не случайной ошибкой, неизбежной в поисках верного пути, а вполне сознательной линией.

Чубайс и его друзья прекрасно понимали, чем обернутся предлагаемые ими «радикальные реформы»: «общее снижение уровня жизни, рост дифференциации цен и доходов населения, возникновение массовой безработицы, сильнейшее социальное расслоение». И что же делать? А вот что: «в этих условиях правительству очень важно взять «правильный тон» по отношению к обществу: никаких извинений и колебаний!

Ужесточение мер по отношению к тем силам, которые покушаются на основной костяк мероприятий реформы». Правда, надо «сохранять политические отдушины — плюрализм и гласность *во всем, что не касается экономической реформы*».

Чубайс и его друзья понимают, что реформа «рискует встретить недовольство и даже сопротивление большинства политических сил и социальных групп общества». Раз так — придется временно отказаться от «прежних «перестроечных» программ и обещаний», возможно — распустить только что избранные первые демократические Советы, поскольку депутаты не готовы поддержать жесткие и непопулярные реформенные мероприятия. И тем более — поддержать антидемократические меры, которые реформаторы считают необходимыми: запрет на забастовки, контроль за информацией, ограничение полномочий или роспуск представительных органов.

Опасаясь, что правительственная политика будет «подвергаться беспощадной критике, подрывая легитимность реформы», авторы записки призывают начать реформы как можно быстрее, пока не появилась «мощная оппозиционная пресса», и отмечают: «не исключено, что придется задержать принятие законов о печати и политических партиях». Кроме того, «в самое ближайшее время идеологам реформы из состава политического руководства страны необходимо поставить под свой контроль все центральные СМИ».

Собственно, именно это мы и увидели — когда при поддержке Бориса Ельцина «реформаторы» получили возможность реализовать свои идеи на практике.

Они изначально были нацелены на исполнительную власть (никто из них, — за редчайшими исключениями, — никогда не избирался депутатами).

Они заранее выбрали «неизбежные антидемократические меры», прекрасно понимая: задуманные ими экономические реформы могут быть реализованы только авторитарными методами.

И они строили авторитарную, антидемократическую систему, потому что при демократической их или заставили бы изменить «курс реформ», или выгнали.

Эта система пришлась чрезвычайно по душе президенту Ельцину, который, при всех его достоинствах, демократом никогда

не был. Полагая, что демократия — это когда его всенародно выбрали начальником, после чего никто не смеет ему мешать делать то, что он считает нужным.

Именно такую систему и строили под его руководством — объявляя врагами, а то и «красно-коричневыми» всех, кто выступал против концентрации власти в его руках и против «радикальных реформ», проводимых в интересах подавляющего меньшинства. И чтобы иметь возможность действовать беспрепятственно, систему решено было сделать несменяемой. Обеспечить сохранение власти за правящей группировкой независимо от предпочтений граждан. Для правового обеспечения решения этой задачи в 1993 году разогнали парламент и приняли «самодержавную» Конституцию, с почти неограниченной властью президента.

Первая демонстрация несменяемости состоялась в 1996 году — на президентских выборах. Тогда гражданам ясно показали: что бы они не думали о Ельцине, сменить власть им не позволят. И мы увидели практически все то же, что видим в путинские годы: вопиюще нечестные выборы, с гигантским административным превосходством одного кандидата, превращение большинства федеральных СМИ (в том числе, под заклинания о «недопущении возврата коммунистов») в отделы президентского избирательного штаба, работу всей «исполнительной вертикали» на победу Ельцина, с созданием «штабов его поддержки» в каждом регионе во главе с губернатором, информационную блокаду конкурентов...

Почти все прочие ключевые черты «путинизма» тоже, — хотя и не так ярко, — сформировались в эпоху Ельцина. И монополизация политической власти в руках президента и его администрации, и монополизация СМИ и установление политической цензуры, и отсутствие независимого правосудия, и непубличность принятия ключевых властных решений, и превращение выборов из механизма сменяемости власти в механизм ее воспроизводства, и передача в руки близких к власти персон доходов от продажи природных ресурсов. Разве что, оппозиционная деятельность настолько однозначно не приравнивалась тогда к враждебной, и не создавался образ страны, как «осажденной крепости», где снаружи — враги, постоянно строящие козни, а внутри — «предатели» и «пятая колонна», находящиеся

на содержании у врагов. А все прочее — возникло достаточно давно.

И никакой это не «гибридный» режим, как не устает уверять Екатерина Шульман, а авторитарный — с все более и более ярко проявляющимися элементами тоталитаризма и полицейщины.

Когда путинскому клану придется уйти — очень важно не посадить в ту же систему «нового Путина». С теми же полномочиями и лишь с другими друзьями, которым он будет раздавать ресурсы для обогащения и регионы для кормления.

В эту конструкцию с радостью встроятся и путинские чиновники и «силовики», и путинские пропагандисты, и путинские «мастера культуры». И начнется новый виток спирали, которая ведет лишь в исторический тупик.

Как говорил 30 лет назад тот водопроводчик — тут всю систему менять надо.

КАК СДЕЛАТЬ ДЕМОКРАТИЮ

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД В СТРАНЕ ПРОШЛИ ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ

25 марта 2019

Тридцать лет назад, 26 марта 1989 года в Советском Союзе началась политическая реформа.

Она была задумана для обновления и укрепления политической системы — с ее монополией на власть, информацию, финансы, идеологию...

Один-единственный винтик оказалось достаточно вытащить из этой казалась бы прочной конструкции, чтобы она стала рушиться.

И винтик этот назывался — выборы без конкуренции.

Сегодняшняя политическая конструкция, — тоже кажущаяся весьма прочной, — во многом держится на таком же винтике.

Напомним, что все началось с 19-й партийной конференции КПСС, где генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев заявил о предстоящей реформе политической власти.

Речь Горбачева на этой конференции и сегодня достаточно интересна.

Он говорил о том, что реформы уперлись в «в политическую систему, в командно-приказные методы руководства обществом».

Что «краеугольный камень демократизации – возрождение Советов как полнокровных органов народовластия, которые формировались бы на принципах новой избирательной системы и обеспечивали как можно более полное выражение многообразных интересов, существующих в нашем обществе».

Что «Советы должны в результате реформы получить полную власть в регионе – районе, городе, области, республике».

Что сейчас «Советы, как органы, состоящие из представителей народа, низведены в подручные своих исполкомов».

Что «Советы как представительные органы оказались на второстепенных, даже на третьестепенных позициях».

Что надо решительно менять ситуацию – «Совет должен формировать исполком, подбирать через комиссии, предварительно обсудив, руководителей управлений».

Конечно, целью этой реформы было отнюдь не уменьшение роли КПСС – планировалось «авторитетом партии подкрепить полномочия Советов».

И для этого предлагалось совместить посты секретаря партийного комитета и председателя соответствующего Совета.

Так, первый секретарь горкома КПСС должен был возглавить городской Совет, первый секретарь обкома – областной, а председателем Верховного Совета СССР должен был стать генеральный секретарь ЦК КПСС...

Однако, формального совмещения не закреплялось – было сказано, что партийный секретарь должен сперва пройти через выборы, стать депутатом, получить мандат народного доверия – и только тогда его можно рекомендовать на должность председателя Совета. А если он не изберется депутатом или не станет председателем Совета – тогда, говорил Горбачев, «пусть партийный комитет разбирается, кто же его возглавляет».

Наконец, – и это главное, – было заявлено, что выборы депутатов Советов всех уровней должны проходить на альтернативной основе, и что все желающие должны иметь возможность выдвинуться.

Именно это — отказ от «выборов без выбора», когда десятилетиями граждане голосовали бюллетенями, где значился только один кандидат (заранее отобранный партийными органами) на одно место, предоставление возможности *выбирать* и стало началом конца Системы.

Апробация этой системы должна была пройти на выборах народных депутатов СССР, первый тур которых и прошел 26 марта 1989 года. При этом парламент — Верховный Совет СССР, который раньше избирался гражданами напрямую, — теперь должен был избираться новым органом — Съездом народных депутатов СССР.

Съезд, состоящий из 2250 депутатов, должен был на две трети избираться населением (на прямых выборах по территориальным и национально-территориальным одномандатным округам), а оставшаяся треть (750 депутатов) выбиралась по квотам — общественными организациями, каждая из которых делегировала разное число депутатов. Наибольшую квоту закрепили за КПСС, объединением профсоюзов и кооперативными организациями — по 100 депутатов, по 75 депутатов выбирали от комсомола, ветеранов войны и труда и женских советов, и так далее.

Что касается прямых выборов депутатов, то кандидаты в депутаты должны были выдвигаться на собраниях трудовых коллективов, или на собраниях избирателей по месту жительства, где предписывалось «создавать условия для выдвижения неограниченного числа кандидатур».

Каждый участник собрания имел право «вносить предложения о кандидатах в депутаты, участвовать в их обсуждении, поддерживать предлагаемые кандидатуры либо вносить предложения об их отводе», и в том числе — имел право предлагать для обсуждения в качестве кандидата в депутаты свою кандидатуру.

А дальше стоял барьер: для того, чтобы попасть в избирательный бюллетень, кандидаты должны были пройти сито так называемых «окружных собраний», игравших роль, в чем-то подобную нынешнему «муниципальному фильтру».

Участники «окружных собраний» делегировались трудовыми коллективами, общественными организациями и собраниями избирателей — по нормам, установленным окружной избирательной комиссией. И, как правило, от «трудовых коллективов»

делегировалось начальство — директор, секретарь парткома, секретарь комсомольской организации и председатель профсоюзного комитета. Это, по замыслу организаторов, должно было обеспечить такой состав кандидатов, чтобы выиграли те, кто заранее был отобран в партийных структурах.

Однако, «фильтр» не сработал, или сработал совершенно не так, как было задумано.

Во-первых, только в 399 округах из 1500 выборы были безальтернативными: в остальных было, как минимум, два кандидата.

А во-вторых, в крупных городах во многих округах, где кандидаты от партийно-советской номенклатуры оказались в бюллетене вместе с ранее совершенно неизвестными конкурентами, они этим конкурентам с треском проиграли.

Сперва выяснилось, что на «окружных собраниях» их участники далеко не так управляемы со стороны властей, как властям казалось — на их настроение и их голосование могли серьезно повлиять выступления кандидатов в депутаты.

Впервые за много десятилетий советской власти — с ее официальным единомыслием и единственно верной точкой зрения, — граждане увидели публичные дискуссии по самым острым вопросам, ответов на которые они требовали от кандидатов. И они увидели, что в этих дискуссиях заранее назначенные властями победители выборов очень часто уступают своим «незапланированным» соперникам. Что им или нечего сказать, или их ответы крайне неубедительны.

Эта неконкурентоспособность партийных секретарей и исполкомовских чиновников, знатных слесарей и председателей колхозов на фоне научных сотрудников и инженеров, преподавателей вузов и журналистов, была вопиюще наглядной — и это не могло не привести к тому, что в бюллетене оказалось множество совершенно «незапланированных» кандидатов.

Ну, а потом выяснилось, что во многих округах, — особенно, в Ленинграде, Москве и других крупных городах — уровень доверия к власти (на фоне ее многолетнего вранья и нараставшего экономического кризиса) резко упал.

И избиратели, отчаянно хотевшие перемен, логично связали эти перемены со сменой надоевшей власти. С поражением ее кандидатов на выборах.

Поэтому они были готовы голосовать по принципу «кто угодно, только не кандидат от обкома или горкома КПСС». За любого соперника «номенклатурного» кандидата — даже почти ничего о нем не зная. Достаточно было того, что ему противостоял очередной первый или второй секретарь или другой большой начальник. Через почти три десятилетия очень похожий эффект (и примерно по тем же причинам) проявится на губернаторских выборах в ряде российских регионов, где граждане так же будут выбирать «от противного»...

Это настроение избирателей, судя по всему, было совершенно не просчитано властями, которые были абсолютно уверены в победе «своих» кандидатов и не организовывали (за редкими исключениями) ни «черный пиар», ни «административное давление» на управляемые группы избирателей, и практически не пытались «вбрасывать» бюллетени. Ну, а о том, чтобы переписать протоколы голосования, тогда никто и подумать не мог — как и представить себе, что через два десятка лет все описанное станет если не правилом, то уж точно не исключением.

Впрочем, надо сказать, что уверены в предопределенности исхода выборов были не только власти, но и очень многие избиратели.

Хорошо помню, что большинство моих знакомых и друзей, наблюдая, как в избирательном округе на юге Ленинграда (Пушкин и Колпино) наша маленькая инициативная группа пытается провалить на выборах председателя Ленгорисполкома Владимира Ходырева, только что не вертели пальцем у виска.

Помню, как в феврале 1989 года я, работавший тогда старшим научным сотрудником в НИИ, выступал на митинге в Пушкине с критикой Ходырева, а на следующий день на работе коллеги пожимали плечами: зря стараетесь, ничего вы не измените, все равно выберут тех, кто запланирован. То же самое было и в других округах — но оказалось, что наши старания не напрасны.

В Ленинграде выборы проиграли шесть из семи членов бюро обкома КПСС — практически, вся высшая номенклатура. Депутатами стали отставной каперанг, а на тот момент грузчик Александр Щелканов, инженер Юрий Болдырев, профессора Анатолий Собчак и Анатолий Денисов, доцент

Анатолий Демидов и начальник отдела НИИ Валерий Петропавловский, следователь Николай Иванов и многие другие, совершенно «незапланированные» кандидаты. В Москве по округам были избраны профессор Юрий Афанасьев, олимпийский чемпион и писатель Юрий Власов, следователь Тельман Гдлян, научный сотрудник Илья Заславский, писатель Рой Медведев, академик Юрий Рыжов, историк Сергей Станкевич, писатель Юрий Черниченко... И, конечно — опальный Борис Ельцин.

Когда Горбачев говорил о необходимости альтернативных выборов и политической конкуренции, он имел в виду лишь «косметический ремонт» партийно-советской системы, а вовсе не ее разрушение и не смену власти.

Но оказалось, что введение конкуренции стало той «дырочкой в плотине», которая неминуемо привела к ее разрушению и краху прежней системы.

После этого нам был дан шанс на построение принципиально другой, конкурентной, демократической системы, который, увы, был упущен.

Во многом теперь надо начинать сначала.

ПАРЛАМЕНТ — МЕСТО... ДЛЯ КОГО?

**УСИЛЕНИЕ ГОСДУМЫ НУЖНО РАССМАТРИВАТЬ В КОНТЕКСТЕ
«ПРОБЛЕМЫ-24»**

6 апреля 2019

Спустя четверть века после принятия нынешней Конституции, спикер нижней палаты парламента Вячеслав Володин понял, что Госдума должна хоть как-то участвовать в формировании правительства — от чего парламент в 1993 году был решительно отстранен.

Идея, заметим, верная — много лет пишу и говорю об этом. Хотя достаточно очевидно, что это прозрение верного путинца Володина связано не с прочтением моих статей в «Новой газете», а с постепенным приближением 2024 года.

Володин храбро заявил, что «есть вопросы, связанные с отсутствием необходимого баланса в деятельности законодательной и исполнительной ветвей власти», и было бы целесообразно «дополнительно рассмотреть вопрос участия Государственной Думы в формировании Правительства».

Потому что президент «принимает решение о составе Правительства по представлению Председателя Правительства, но без возможности опереться на альтернативную позицию или мнение по кандидатурам», и «при внесении предложений по кандидатурам будущих членов Правительства отсутствуют процедуры их обсуждения и консультаций».

И что «было бы правильно, на мой взгляд, чтобы Государственная Дума как минимум участвовала в консультациях при назначении членов Правительства». Что, естественно требует изменений в Конституции.

Надо сказать, что Володин не первый из первых лиц, который об этом осторожно заговорил.

В октябре 2018 года о том, что в Конституции есть недостатки, — «отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, крен в пользу исполнительной ветви власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между президентом и правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры», — писал председатель Конституционного суда Валерий Зорькин.

В декабре того же года о возможности «корректировок» Конституции — хотя и без указания, каких, — заявил премьер-министр Дмитрий Медведев.

И вот теперь — продолжение.

Почему?

Указанные «недостатки в Конституции» были очевидны еще четверть века назад, когда она принималась (заметим: в многократно обруганной Конституции РФ, образца 1992–1993 годов, с ее якобы «всевластием съезда», парламент утверждал только премьера, министров иностранных дел, обороны, безопасности и внутренних дел).

И особенно в Конституции 1993 года был замечен «крен в сторону исполнительной власти» — для чего она, собственно, — как я рассказывал в «Новой газете» в декабре 2018-го, — и создавалась: чтобы парламент, избранный гражданами и их

представляющий, ни в чем серьезном не мог помешать исполнительной власти.

И чтобы он даже ценой своего роспуска не мог помешать президенту назначить желаемого им премьера — единственного представителя исполнительной власти, которого парламент утверждает. И точно так же парламент не может отправить правительство в отставку — президент вправе вместо этого распустить сам парламент.

Столь же очевидно было и другое.

Что если политические партии, даже и выиграв парламентские выборы, и сформировав коалицию большинства, могут лишь критиковать правительство, но не могут ни влиять на его состав, ни его сменить.

И в этой ситуации очень сложно возникнуть сильным партиям, которые могут серьезно повлиять на положение дел в стране. А та единственная партия, которая формально является правящей, — созданная самой властью ради самосохранения, — не оказывает никакого влияния на правительство, являясь лишь правительственным департаментом по оформлению законодательных предложений.

И что граждане в такой политической конструкции — когда избираемый ими парламент не влияет на правительство, — относятся к парламентским выборам как к чему-то второстепенному, в отличие от президентских. А многие политики предпочитают должности в исполнительной власти мандатам во власти законодательной — и потому стремятся не к доверию граждан, а к демонстрации лояльности начальству...

Тем не менее, все минувшие годы о необходимости изменить баланс властей говорила только оппозиция, да и то не вся.

Единственное исключение, — когда об этом осторожно заговорили за пределами «оппозиционного сектора», — конец «нулевых». Помните «проблему-2008»?

Путин в 2008 году не мог избираться на третий срок, но было понятно, что он совершенно не собирается отходить от реальной власти. И началось обсуждение — каким путем любой его преемник, которым в конце концов оказался Дмитрий Медведев, будет ограничен в своих практически самодержавных полномочиях? До дела тогда так и не дошло — Путин был абсолютно уверен, что Медведев не решится ни на какое

«взбрыкивание». И правда, дальше слов «свобода лучше, чем несвобода» новый президент тогда не продвинулся — вместо этого он предложил увеличить срок президентских полномочий (уже не для себя) до шести лет и честно признался, что они с Путиным с самого начала задумывали «рокировочку»...

Скорее всего, сейчас мы имеем дело с похожей ситуацией — «проблемой-2024», когда Владимир Путин, отбыв еще два срока, перестанет быть президентом, единолично формирующим правительство.

И уже сейчас он и его окружение начинают думать, каким путем еще раз «уйти, чтобы остаться», сохранить за собой реальную власть.

Видимо, быть еще раз премьером Владимир Владимирович не хочет.

Может быть, он думает о poste главы парламента?

КЛУБОК БЕЗЗАКОНИЯ

Если врио Беглов хотел получить в этот Первомай скандал
ФЕДЕРАЛЬНОГО МАСШТАБА — ОН ДОБИЛСЯ ЦЕЛИ

2 мая 2019

Первомайское шествие в Петербурге, всегда проходившее мирно и практически без конфликтов с полицией, впервые за многие годы обернулось массовыми задержаниями активистов демократической оппозиции.

В автозаках оказалось около 70 человек, которых полиция обвиняет в нарушении правил проведения публичных акций.

Часть из них отпустили до суда, часть — в тот же день, не выжидая на поздний вечер, повезли в суд.

Провластные СМИ взахлеб обвиняют оппозиционеров в «провокации», которая якобы «сорвала праздничное шествие по Невскому проспекту», и в использовании «незаконных лозунгов».

Однако, если кто и нарушал 1 мая в Петербурге закон — так это представители полиции и Смольного.

И они же, а не демонстранты, выступали в роли провокаторов.

Более того, представляется, что их действия вполне подпадают под статью 149 УК РФ — о воспрепятствовании проведению публичного мероприятия.

Первые проблемы у демократов начались еще на этапе согласования шествия — в прохождении по центру города, в том числе по Невскому проспекту (1 мая — единственный день, когда по Невскому было можно пройти), им отказали.

На обе заявки — и от «Яблока», и от целой группы партий и движений («Открытая Россия», «Партия Роста», штаб Навального, «Справедливая Россия», «Партия перемен» и другие), — пришел отказ с предложением отправиться в Удельный парк на краю города.

Лишь со второй попытки оба шествия, с требованием свободных выборов осенью 2019 года (8 сентября будут выборы губернатора и муниципальных депутатов) были согласованы, причем по одному маршруту — по Лиговскому проспекту, Невскому и Литейному проспекту до Финляндского вокзала.

1 мая, когда демократы начали собираться, выяснилось, что через «рамки», преграждавшие путь к месту сбора, полиция категорически не желает пропускать плакаты и транспаранты, с лозунгами против президента Путина и врио губернатора Беглова, а также плакаты и символику ЛГБТ. «Никаких дискуссий! — отвечал организаторам, и мне, как депутату ЗАКСа, представитель Смольного, давая полиции указания «держать и не пущать».

Однако, крайне важен тот факт, что ни полиция, ни администрация в принципе не наделены правом «фильтровать» плакаты, лозунги, флаги и транспаранты, которые граждане приносят на шествие или митинг.

В федеральном законе о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях обозначены права представителей полиции и представителей администрации на публичных акциях.

И среди них нет ни одного пункта, позволяющего им оценивать наглядную агитацию и решать, что пропускать, а что — нет, что «соответствует тематике акции», а что — «не соответствует». Это — дело организаторов публичной акции, но не

полиции и не Смольного. Более того, например, в заявке «Яблока» специально было написано: на шествии допускается *любая* символика, не запрещенная законодательством России.

Это значит — допускается и агитация против Путина, и против Беглова, и за смену власти, и символика ЛГБТ, потому что все это в России пока еще не запрещено. Тем не менее, все попытки объяснить это полиции наталкивались на глухую стену.

Большую часть таких плакатов пронести все же удалось — на разных «рамках» контроль был разным и не везде — таким жестким. Но впоследствии это обернулось новым беззаконием со стороны полиции и Росгвардии — и массовыми задержаниями.

Задержав намеченное начало движения на 45 минут, демократов выпустили на Невский — и уже через 300-400 метров остановили: полиция потребовала убрать плакаты «Путин не вечен», «Петербург против ЕДРА» и «Петербург без Беглова». А получив резонный отказ — поскольку все эти плакаты и лозунги совершенно законны и не запрещены ни одним законом, — начала в жесткой форме задерживать демонстрантов.

Их товарищи отказались идти дальше, пока задержанных не освободят, на что Росгвардия ответила новыми, еще более жесткими задержаниями. В автозаке оказались один из лидеров «Открытой России» Андрей Пивоваров, активисты штаба Навального Александр Шуршев и Денис Михайлов, депутат ЗАКСа Максим Резник (его, впрочем, быстро отпустили), журналист Георгий Марков и многие другие.

Видео нападения (иначе не скажешь) на Шуршева, который, будучи одним из заявителей шествия, спокойно стоял и говорил с полицейскими, широко разошлось по Интернету — и наглядно демонстрирует, кто на самом деле нарушает закон и кто является провокатором.

Смольнинские СМИ и пригожинские информационные помойки (в последние месяцы они образуют дружный предвыборный пул Беглова) разразились обвинениями в адрес оппозиционеров в том, что они пытались «превратить праздничную акцию в политическую», не понимая, какую чушь несут: на Первомай в Петербурге политические партии и движения всегда выходили с политическими лозунгами, и никого это не удивляло.

Задержаниями, впрочем, «силовики» не ограничились: шеренги «космонавтов», закованных в бронежилеты и шлемы, бросились на демонстрантов, вытесняя их с Невского — поступил приказ «освободить проезжую часть для транспорта».

На этом шествие демократов и завершилось, не пройдя и пятой части своего маршрута — и начались, увы, привычные в последние годы для меня и правозащитников поездки по делам полиции для помощи задержанным.

Там выяснилось, что часть задержанных полиция обвиняет в том, что во время шествия, когда они останавливались, они скандировали какие-то лозунги, и что это был «несогласованный митинг внутри согласованного мероприятия».

Где в этих претензиях ночевал закон — неизвестно: шествия, особенно на Первомай, когда разные политические силы идут друг за другом, время от времени останавливаются, ожидая команды на дальнейшее движение. И во время остановок всегда скандировали какие-то лозунги и повторяли «кричалки» — это законное право участников. Но питерская полиция, похоже, плохо учила закон — зато хорошо учила команды начальства, которое велело разогнать оппозицию...

На этом, впрочем, нарушения закона не закончились.

В 70 отделе полиции Невского района врачи «Скорой» подтвердили мне, что Наталье Бариновой при задержании сломали руку. При мне «Скорая» увезла ее в больницу, но потом вернула в отдел полиции. Правда, в итоге ее отпустили вообще без составления протокола.

В 24 отделе полиции Невского района на мой вопрос, в чем обвиняют задержанных, мне ответили — статья 20.2 КоАП, часть пятая. Это значит — нарушение правил проведения публичной акции. По этой статье могут только оштрафовать и, следовательно, могут держать в полиции не более трех часов. Составив протокол, задержанных обязаны отпустить. Но отпускать их вовсе не собирались!

Начальник отдела, полковник Евгений Иванов, заявил мне (это записано на диктофон и уж передано питерскому омбудсмену Александру Шишлову), что председатель Невского районного суда дал команду(!) полиции — везти прямо сегодня в суд всех задержанных, и что суд к этому готов — все судьи в этот день вышли на работу.

Тут целый «клубок» беззакония и произвола.

Во-первых, закон устанавливает, что дела об административных нарушениях, за которые не предусмотрен административный арест (у нас — именно такой случай, задержанным, как уже сказано, грозил только штраф), рассматриваются в 15-дневный срок. А вовсе прямо не в день задержания.

Во-вторых, председатель суда не имеет законного права отдавать команды полиции — когда ей везти задержанных в суд.

А в-третьих, если судей (и явно это было сделано не 1 мая, когда начались задержания, а заранее) вызвали на работу — это означает, что массовые задержания планировались тоже заранее.

Когда эта информация была предана мной огласке — ситуация стала меняться: часть задержанных отпустили, обязав их впоследствии явкой в суд. Но не всех: часть задержанных судили уже глубокой ночью 1 мая. Ряд задержанных получили штрафы, а Шуршев и Пивоваров были арестованы на 10 суток, хотя ни в чем не нарушили закон — его нарушили те, кто их задержал и кто присудил им арест.

Нельзя не задаться вопросом: в чем причина? Почему на традиционно мирном шествии, — где каждая из разных политических сил кричала, что хотела, — было устроено «винтилово» для демократической оппозиции?

Вариантов ответа уже есть несколько.

Но наиболее вероятным, — при том, что всю ответственность за происшедшее несет Александр Беглов, как временное «первое лицо» города, и без согласования с ним полиция не стала бы разгонять и «винтить», — представляется вот что.

Перед нами — первый в Петербурге пример практической реализации недавнего президентского указа об оценке эффективности работы губернаторов.

Что там первым пунктом? Правильно: уровень доверия граждан к власти, и в первую очередь — к президенту Путину.

Это — единственное, что теперь беспокоит губернаторов.

Раз так — надо любой ценой не допустить на Невском «антипутинских» и «антибегловских» лозунгов и кричалок.

Показать, что «все под контролем».

Показать, впрочем, не удалось.

Напротив, если Александр Беглов хотел получить в этот Первомай скандал федерального масштаба — он добился цели.

ГУМАНИЗМ В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ

ЗАЧЕМ УКРАИНЦАМ РОССИЙСКИЕ ПАСПОРТА?

3 мая 2019

Указ президента России об упрощенном порядке предоставления российского гражданства тем, кто проживает в непризнанных Донецкой и Луганской «народных республиках», был обоснован исключительно гуманитарными целями.

Собственно, он так и называется: «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке».

И предусматривает, что лица, постоянно проживающие на территориях «отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины», имеют право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке. То есть, без проживания в России в течение пяти лет после получения вида на жительство, без подтверждения наличия средств к существованию, без подтверждения владения русским языком и без отказа от гражданства Украины.

Преамбула указа пестрит правозащитными конструкциями: «в целях защиты прав и свобод человека и гражданина», на основании «общепризнанных принципов и норм международного права»... Комментируя свой указ, Владимир Путин заявил, что жители «отдельных районов», мол, «вообще лишены каких бы то ни было гражданских прав, и это уже переходит границы с точки зрения прав человека».

В последующие дни заботой о соблюдении прав страдающих жителей самопровозглашенных «ДНР» и «ЛНР» и восхищением гуманизмом Путина буквально лучились лица ведущих федеральных каналов и провластных политиков. Опрос, якобы проведенный в «ДНР», показал, что 86% жителей хотят получить

российское гражданство. Обрадованный Путин заявил, что может дать гражданство вообще всем жителям Украины.

В ответ избранный украинский президент Владимир Зеленский посоветовал российским властям не тратить зря тратить время, пытаясь соблазнить граждан Украины паспортами РФ, язвительно заметив, что российский паспорт — это «право быть арестованным за мирный протест, право не иметь свободных и конкурентных выборов, и право вообще забыть о наличии естественных прав и свобод человека». И в свою очередь, обещал «предоставление защиты, убежища и украинского гражданства всем, кто готов бороться за свободу»...

С одной стороны, очевидно, что забота российских властей о соблюдении прав человека в «ЛДНР» выглядела бы более искренней, если бы они заботились о соблюдении этих прав для нынешних российских граждан.

Которые давно уже имеют все основания рассматривать вторую главу Конституции «Права и свободы человека и гражданина», как ненаучную фантастику.

Которые каждый день видят, как власти на деле относятся к «общепризнанным принципам и нормам международного права».

И которые каждый день видят, как обеспечивается свобода слова и свобода собраний, как обстоит дело с правом на жилье и социальное обеспечение, с правом на бесплатное здравоохранение и образование, на справедливое правосудие и участие в формировании органов власти, и многое другое.

С другой стороны, «гуманитарные» проблемы у жителей «отдельных районов» действительно есть.

Но, во-первых, надо понимать, почему эти проблемы появились. Их не было до апреля 2014 года — до появления на востоке Украины вооруженных диверсантов из России (наподобие Гиркина-Стрелкова), прикидывающихся «доведенными до отчаяния шахтерами и трактористами», и российских военных, прикидывающихся «отпускниками» и «добровольцами».

А во-вторых, надо понимать, что эти проблемы ни в какой мере не решаются раздачей российских паспортов.

Зададимся вопросом: какими правами сегодня наделены в Украине жители «отдельных районов»? И в чем они испытывают проблемы?

Первое. Все жители «отдельных районов», имея гражданство Украины, как только они попадают из «отдельных районов» на территорию, контролируруемую властями Украины (через контрольно-пропускные пункты), оказываются совершенно свободными в перемещении по всей территории Украины.

Второе. Они могут пользоваться всеми услугами украинского государства, предусмотренными действующим законодательством, включая и оформление биометрического заграничного паспорта гражданина Украины.

Третье. Оформив заграничный паспорт, они могут выезжать без визы в более чем сто стран мира (то есть, они имеют куда больше прав на свободу передвижения по миру, чем российские граждане). Также, получив визу, жители «отдельных районов» могут выезжать в страны, с которыми Украина сохраняет визовый режим.

Четвертое. Они сохраняют право на получение украинской пенсии. Правда, поскольку органы Пенсионного фонда Украины не работают на территории, которая сейчас неподконтрольна Украине, пенсионеры из «отдельных районов» должны выехать на неподконтрольную Украине территорию, чтобы получить там пенсию, после чего возвращаются домой.

Да, это не очень удобно, и прохождение контрольно-пропускных пунктов порой требует немало времени. Но исправить эту ситуацию можно только восстановив контроль Украины за «отдельными районами».

Пятое. Жители «отдельных районов» имеют право голоса в Украине – сейчас только на выборах президента. И при условии регистрации места голосования на территории, контролируемой Украиной. Неудобно? Да. Но стоит напомнить, что самопровозглашенные власти «ДНР» и «ЛНР» не признают ни законов Украины, ни власть Украины. Им ли, и тем, кто их поддерживает, печалиться о трудностях с голосованием за украинского президента? И опять же, эти трудности немедленно прекратятся, как только восстановится контроль Украины в «отдельных районах».

Какие «гуманитарные цели» будут достигнуты раздачей в «отдельных районах» российских паспортов?

Как выясняется — *никакие*.

Российский паспорт не поможет получать в «отдельных районах» украинскую пенсию. А российскую пенсию, — как уже разъяснил российский Пенсионный фонд, — получают только те, кто переедет в Россию на постоянное жительство. Те, кто по-прежнему будут постоянно проживать в «отдельных районах», получать российские пенсии не будут. Российский паспорт ничего не изменит в процедуре голосования жителей «отдельных районов» на украинских выборах. И российский паспорт не поможет быстрее пройти через КПП на контролируемую Украиной территорию.

Иначе говоря, российский паспорт не избавит жителей «отдельных районов» ни от одной из проблем, связанных с необъявленной войной. Напротив, он может создать новые — уже звучат заявления украинских политиков о том, что принимающие гражданство государства-агрессора должны быть лишены гражданства Украины и соответствующих льгот и выплат.

Решение об «упрощенном порядке» получения российско-го гражданства не является «гуманитарным». Точно так же, как «гуманитарными», — как представляется, — не были пресловутые «конвои», одно время потоком направлявшиеся на восток Украины с неизвестным содержимым, недоступным для контроля украинским властям (и перевозившие, скорее всего, не гуманитарную помощь, а оружие, боеприпасы и запчасти).

Какова подлинная цель решения об упрощенном порядке — на самом деле, нетрудно догадаться. И к «гуманитарности» она не имеет никакого отношения. Скорее всего, таким путем готовится «абхазский» или «осетинский» сценарий — с обоснованием будущего вмешательства теперь уже не «государственным переворотом» или «борьбой с фашистской хунтой» (трудновато называть так государство, где и президент, и премьер-министр — евреи), а необходимостью «защиты российских граждан».

Указ об «упрощенном порядке» — это не указ о помощи жителям «отдельных районов». Для того, чтобы им помочь, как справедливо заметил Григорий Явлинский, надо прекратить войну. А не продолжать политику, которая породила эту войну.

И последнее. Владимир Путин уже заявил, что на реализацию его указа нужно «всего» около 100 млрд. рублей.

Это — почти четыре бюджета Псковской области.

Или — расходы федерального бюджета в 2019 году на высокотехнологическую медицинскую помощь, не включенную в базовую программу ОМС.

На помощь, которой постоянно не хватает.

И на которую родственники больных вынуждены собирать деньги через СМИ и социальные сети, умоляя спасти жизнь близкого человека.

НЕ ВЕРА, НО ЖАДНОСТЬ

ЧЕМ ПОЛЕЗЕН ОПЫТ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГРАЖДАНСКОГО
СОПРОТИВЛЕНИЯ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ КОНФЛИКТА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

20 мая 2019

Пока нельзя точно сказать, чем закончится в Екатеринбурге борьба жителей, защищающих сквер «на Дrame» от дружного союза попов и олигархов.

Но можно точно сказать, что эта история — она не о вере и религии. И не о правах верующих.

Эта история — о жадности церковников, которая в последнее время все чаще и чаще переполняет чашу терпения граждан.

И о том, что столкнувшись с серьезным сопротивлением, власть, — не в первый раз, — оказывается вынужденной отступить.

В декабре прошлого года я был в Екатеринбурге — выступал в «Ельцин-центре» с лекцией о мирах братьев Стругацких. Коллеги рассказали мне о планах построить гигантскую церковь в сквере «на Дrame» (на Октябрьской площади, рядом с театром Дrame). И советовались — что делать, чтобы сохранить сквер.

Я рассказал им о петербургском, — нередко, успешном, — опыте борьбы за парки и скверы, на которые регулярно покушаются церковники.

О борьбе за сохранение Исаакиевского собора, как части государственного музея, которая позволила остановить планы передачи Исаакия церковникам.

О том, что надо быть активными и настойчивыми на публичных слушаниях, требуя не утверждать градостроительные решения, пагубные для зеленых зон.

И о том, что только тогда, когда сопротивление — в том числе, уличные акции, — становится массовым, упорным и последовательным, власть отступает.

Стремление РПЦ захватить себе под «храмостроительство» лучшие участки земли, как правило — в существующих и благоустроенных зеленых зонах, в последние годы стало недоброй традицией. Как традицией стало и объявление защитников парков и скверов от этой экспансии «безбожниками» и «врагами православия», якобы нарушающими права верующих.

Эта аргументация, что называется, «до степени смешения» неотличима от той, которая применялась во времена СССР, а начало берет от Салтыкова-Щедрина, призывавшего не пугать Отечество и «Ваше превосходительство».

Только полвека назад тех, кто выступал против безобразий начальства, объявляли «врагами Советской власти», а сейчас тех, кто выступает против безобразий церковников, объявляют «врагами православия».

Так вот, конституционное право на свободу совести совершенно не означает права церковного начальства получить любой приглянувшийся ему кусок земли.

Потому что это право, — то есть, право верующих свободно исповедовать любую религию и совершать положенные обряды, не более, хотя и не менее значимо, чем все другие конституционные права. В том числе, право граждан на благоприятную окружающую среду, право гулять в сквере и дышать чистым воздухом.

В Екатеринбурге, наплевав на общественное мнение, городские власти изменили статус территории сквера и разрешили строительство, а на протест горожан ответили отработанными методами: бросили на протестующих ОМОН и спортсменов-«титушек» и арестовали ряд активистов, а в школах начали опросы детей по поводу, кто из них или их родителей участвовал в акциях протеста.

Параллельно на федеральных каналах полился «соловьиный помет» о «бесах» и «одержимых», защитники сквера были объявлены «наследниками тех, кто убивал верующих и разрушал храмы», а горожан призвали «сделать выбор: с теми они, кто строит храмы, или с теми, кто их разрушает»...

Но затем у властей и аффилированных с ними церковников и горно-металлургических олигархов, что называется, «что-то пошло не так».

Сопrotивление горожан оказалось куда большим, чем рассчитывали их оппоненты. Продолжать разгонять их силой, значило не только опускать ниже плинтуса репутацию РПЦ в Екатеринбурге (что это за храм, если его строительство начинается с избиения мирных горожан, в том числе женщин и подростков), но опускать туда же репутацию городских и областных властей.

Тут в качестве *Deus ex machina* возник президент Путин, якобы раньше ничего не слышавший о ситуации, но тут же посоветовавший провести опрос горожан.

Мэрия, ранее сидевшая в кустах, тут же согласилась приостановить стройку и начала готовить опрос — но горожане не согласились и потребовали референдума (предыдущую попытку его проведения мэрия в феврале заблокировала). Прекрасно понимая, что он куда надежнее опроса, который намереваются проводить ровно те же, кто разрешил стройку. К тому же, референдум, в отличие от опроса, предполагает открытую агитацию за то или иное место для стройки.

Власть отступила еще на шаг — губернатор области заявил, что будут предложены четыре альтернативные площадки для строительства храма.

Однако, РПЦ упорствует — выступил митрополит Илларион, заявивший, что «речь вообще не идет о новом строительстве, а о восстановлении того, что было разрушено безбожниками», и что «количество противников строительства храма исчисляется сотнями, тогда как сторонников этого строительства — многие десятки тысяч». В качестве доказательства этого сильного утверждения митрополит сообщил, что в прошлом году 20-километровый путь от места убийства к месту предполагаемого захоронения царской семьи «вместе с Патриархом прошло более ста тысяч человек».

Увы, все сказанное — лукавство.

Защитников сквера в Екатеринбурге — тысячи. И они каждый день приходят к «Драме». В отличие от их противников, чьи легионы так и не появились, а тех, кто призван их изображать, не очень много. К тому же, как это водится у властей, их привозят и увозят автобусами — это уже засекали местные активисты. Это во-первых.

А во-вторых, с какой стати сторонниками застройки сквера объявлены все, кто шел к месту захоронения царской семьи? В Петербурге и Москве в рядах защитников парков и скверов от немало православных верующих — которые точно так же, как приверженцы других религий (а также неверующие) хотят иметь место, где можно отдыхать и гулять с детьми. И в Екатеринбурге среди защитников сквера «на Драме» немало православных (некоторых знаю лично).

Что касается «восстановления», то храм святой Екатерины, снесенный в 1930 году, стоял совсем в другом месте. И если его восстанавливать — почему это надо делать, уничтожая сквер?

Очень похожие ситуации сейчас разворачиваются и в других городах — Челябинске, Ульяновске, Тамбове, Нижнем Новгороде. Горожане, видя, что им почти невозможно добиться своего в правовом поле, поскольку чиновники их не слышат, переходят к уличным протестам — только они дают шанс изменить положение дел.

В Петербурге и в Москве тоже не все благополучно — покушения на зеленые зоны продолжаются. Параллельно в северной столице церковники пытались добиться для «храмостроительства» снятия высотных ограничений, установленных Правилами землепользования и застройки — но в этом не успели: получили отказ.

И последнее.

Однажды в российской истории своей жадностью, лицемерием, прислужничеством властям церковники уже вызвали к себе такую же ненависть, как и власть. Чем это закончилось — известно.

Похоже, кто-то плохо выучил эти уроки.

«ПРОБЛЕМА-43»: КАКОЙ ДЕПУТАТ НУЖЕН ИЗБИРАТЕЛЯМ?

МНЕНИЕ ДЕПУТАТА ЗАКСОБРАНИЯ ПЕТЕРБУРГА С 7-ЛЕТНИМ СТАЖЕМ

26 мая 2019

Третью неделю политики, журналисты и политологи наперебой обсуждают грядущие выборы депутата Московской городской Думы по 43 округу.

Обсуждение началось с призыва оппозиционного политика и основателя Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального к учредителю фонда помощи хосписам «Вера» и члену центрального штаба ОНФ Нюте Федермессер отказаться от участия в выборах МГД по этому округу против юриста ФБК Любови Соболь.

Выдвижение Федермессер (к сегодняшнему дню уже официально объявленное) было названо «коллораборационизмом» и «прямым участием в борьбе с демократическими силами».

После этого одни начали рассуждать о том, как недостойно быть «коллораборантом» и сотрудничать с режимом, другие — объяснять, что Федермессер «святая», и никто не смеет ее критиковать, третьи — обсуждать, что мандат Соболь поможет ей «раскачать лодку» и «разрушить режим», а мандат Федермессер — помочь хосписам и спасти людей от боли...

Говорить, между, тем, — как мне представляется, — надо совсем о другом.

Не о степени допустимого сотрудничества с режимом.

Не о том, что важнее — хоспис или антикоррупционные расследования.

И не о том, какой депутат МГД нужен политологам.

Говорить надо о том, — и это самый важный вопрос, — какой депутат нужен избирателю 43-го (да и любого другого округа).

И о том, что, собственно, может и должен делать депутат.

Об этом, — работая депутатом петербургского Законодательного Собрания семь с половиной лет, — я могу судить куда лучше, чем большинство рассуждающих о «проблеме-43» политологов. Потому что в отличие от них, имею практические,

а не теоретические представления о работе депутата и его взаимоотношениях с избирателями. И очень хорошо знаю, что избиратель, — а их в округе около 150 тысяч (в моем округе в Петербурге их практически столько же), в подавляющем большинстве не интересуется сложными нравственными вопросами о степени допустимого сотрудничества «своего» депутата с режимом.

Как правило, он интересуется совсем другими вещами: решением своих проблем и помощью в конкретных ситуациях.

А общегородские проблемы, — такие, например, как «реновация», или «точечная застройка» (в Петербурге именуемая «уплотнительной»), как принятие Генерального плана или Правил землепользования и застройки, — он, как правило, рассматривает в проекции на свой дом или квартал. Желая, чтобы его вполне еще крепкий дом принудительно не снесли, а его не выселили, чтобы в его дворе не появился бизнес-центр вместо детской площадки, а рядом не вырос храм вместо парка, чтобы по соседству запланировали зеленую зону, а не деловую, и чтобы рядом с его 9-этажкой не запланировали небоскребы. И ему нужно, чтобы депутат приехал в «горячую точку», помог, отстоял, преградил путь бульдозеру, не дал полиции задержать возмущенных граждан, потребовал приезда на место чиновников, позвал журналистов, объяснил, как жителям защитить свои права.

Как правило, избирателя волнует не организация здравоохранения «вообще» или создание общественного контроля (чем планирует заниматься Федермессер), и не дополнительные расследования о шикарной квартире очередного чиновника или хищениях при поставках школьного питания (чем занимается ФБК).

Его, — и об этом я получаю по 3-4 письма каждый день, — волнует, как попасть на срочно необходимую ему операцию или реабилитацию, если очередь растянулась на полгода. Как получить теоретически бесплатные, но отсутствующие в аптеке для «льготников» лекарства. Как, живя вдвоем в 11-метровой комнате с сыном-инвалидом, получить положенное по закону, но упорно не предоставляемое жилье. Как добиться капитального ремонта своего дома, который этого ремонта не видел с времен Первой мировой. Как предотвратить прохождение скоростной

автодороги у себя под окнами. Как получить для ребенка место в детском садике или школе недалеко от дома, чтобы мама могла отвести ребенка и успеть на работу. И так далее и тому подобное.

Во всем этом, — с чем избиратель приходит к депутату, пишет ему или звонит (мой телефон, думаю, знает полгорода), — с его точки зрения, депутат должен ему помочь. И, отчаявшись решить вопрос с чиновниками, накопив массу «отписок» с повторяющимися, как под копирку, ответами «не положено», «нет оснований», «на лекарства не выделено финансирование», «в садике нет мест», избиратель смотрит на депутата, как на последнюю надежду.

Вот тут-то и возникает вопрос о бескомпромиссности депутата, его непримиримости и борьбе с режимом.

На бумаге, — в предвыборных листовках и призывах, — это выглядит очень красиво. Но в реальности депутат сам не может решить практически ни один вопрос, волнующий его избирателей.

Эффектных выступлений с парламентской трибуны тут недостаточно. Необходимо обращаться к чиновникам, да, добиваться того, что положено по закону, но и выстраивать отношения, искать компромиссы там, где это возможно.

Достижение результата порой, — очень хорошо знаю по своему опыту, — требует даже не месяцы, а годы. И ни кавалерийским размахиванием шашкой, ни громкими разоблачительными заявлениями здесь делу не поможешь. Надо писать десятки и сотни запросов, изучать приходящие ответы, получая отказы — искать в них уязвимые места, «ударами» в которые можно разрушить «оборону» чиновников. Тратить многие часы на совещания, заседания и рабочие группы. Убеждать и уговаривать, искать аргументы и опровергать возражения. Пытаться продвинуться если не на шаг, то на полшага.

То же самое касается и парламентской работы (МГД — такой же городской парламент, как и наше Законодательное Собрание).

Во-первых, подавляющее большинство законопроектов, за которые (или против которых) придется голосовать будущему депутату МГД по 43 округу, не будут иметь ни малейшего отношения ни к паллиативной медицине, ни к организации питания в школах (и подавляющее большинство тех проблем,

с которыми будут обращаться к нему избиратели, также не будет иметь отношения к этим темам).

Во-вторых, когда надо будет продвинуть «свой» законопроект, то, если ты не принадлежишь к «партии большинства», придется договариваться, искать союзников и находить компромиссы, порой — соглашаться на то, что проект пройдет, но от имени совсем других авторов, и так далее. Разумеется, слово в ряде случаев — это тоже дело... но люди, как правило, все-таки ждут конкретных дел.

В-третьих, пленарные заседания, где можно выступить, спросить, проголосовать а потом прокомментировать для журналистов, — только верхушка айсберга. Есть еще заседания комиссий и комитетов, работа с законопроектами, прием избирателей, работа с их обращениями...

Все описанное выше, — а не борьба с коррупцией или развитие хосписа, — будет отнимать у депутата львиную долю времени.

Кстати, когда Федермессер заявляет «я не буду заниматься плиткой, раздельным сбором мусора, ремонтом подъездов и дорог — для всего этого есть муниципальные депутаты», стоит напомнить, что в Москве, как и в Петербурге, муниципальные депутаты этим не занимаются — не уполномочены. Со всем этим избиратели придут к ней. А не только с проблемами медицинской помощи. При этом депутатский мандат не даст ей никаких новых возможностей для организации работы ее хосписа (эти возможности у нее, как у чиновника мэрии, уже есть). Но зато новые обязанности будут отнимать много времени.

Соболь, в свою очередь, статус депутата даст некоторые дополнительные возможности для проведения ее расследований — на ее запросы будут отвечать более оперативно. Но и времени на расследования тоже будет меньше, и существенно — если, конечно, не отмахиваться от проблем избирателей, посещать «горячие точки» и приходить на помощь гражданам в тот момент, когда это необходимо (а необходимо это достаточно часто).

Кстати, если говорить о помощи избирателям, ее оперативности и эффективности, то именно этим известен «яблочник» Сергей Митрохин — бывший депутат Госдумы, а затем депутат МГД в 2005-2009 годах.

Последний из демократов (вместе с Евгением Бунимовичем) выигрывавший московские выборы — с тех пор это никому не

удавалось, — он в 43 округе куда раньше, чем Соболев и Федермессер, заявил о намерении выдвигаться. Он, появляющийся практически в каждой «горячей точке» округа, чтобы помочь жителям, как минимум, не меньше, чем обе уважаемые дамы, имеет право претендовать на доверие избирателей. Хотя многие комментаторы старательно забывают о его наличии, рассматривая исключительно дилемму «Нюта-Люба»...

Последнее. За общими рассуждениями об условных «революционерах» и условных «согласителях», как за дымовой завесой, теряется вопрос о том, как именно потенциальные кандидаты представляют себе работу в Мосгордуме, что именно намерены, что смогут и что будут там делать для избирателя. А ведь это — главное.

Наконец, безусловно, депутат МГД (как и депутат питерского ЗАКСа) — это политик. И все, чем он занимается — и есть политика. Потому что и все нерешенные проблемы избирателей, и все конфликты между гражданами и властью в «горячих точках» имеют политические причины: они — следствие неверной городской политики. Изменить ее — политическая задача депутата. И для этого он, конечно же, должен быть независим от исполнительной власти, которая эту политику проводит. И не должен быть ее «агентом» в парламенте.

Общественники, которым я помогаю, нередко говорят: «мы политикой не занимаемся». Я всегда отвечаю: если ты не занимаешься политикой — политика займется тобой.

МАЛЬЧИШ-КИБАЛЬЧИШ, ОН ЖЕ — ПЛОХИШ

**Чиновники в Санкт-Петербурге идут на все, чтобы утаить
дату выборов в муниципальные советы**

23 июня 2019

8 сентября в Петербурге — не только выборы губернатора, но и муниципальные выборы: в 107 муниципальных образованиях.

И уже не в первый раз их пытаются сделать тайными — тщательно скрывая от всех «лишних» (в первую очередь, от оппозиционных кандидатов) информацию о том, что выборы уже назначены.

Причина проста: чем позднее оппозиция узнает о назначении выборов — тем меньше времени у кандидатов останется для того, чтобы выдвинуться, собрать и представить в положенный срок все необходимые для регистрации документы.

А поскольку целый ряд муниципальных избиркомов еще и максимально затрудняет прием документов — многие «ненужные» кандидаты могут вообще не успеть их сдать. При этом «провластные» кандидаты узнают о назначении выборов сразу — получая «фору» уже на старте.

По федеральному закону, назначить муниципальные выборы на 8 сентября (каждый муниципальный совет делает это отдельно) могли в период с 9 по 20 июня.

Как выяснилось, целый ряд муниципалитетов в трех районах Петербурга (Выборгском, Московском и Петроградском) сделал это практически сразу — но изо всех сил скрывал это обстоятельство. И лишь через неделю тайное начало становится явным — когда оппозиционеры обнаружили соответствующие муниципальные газеты. Что характерно, до этого момента в муниципалитетах эту информацию сообщать категорически отказывались или прямо отрицали, что выборы назначены.

Так, в муниципальных образованиях Выборгского района «Сампсониевское» и «Сергиевское» выборы были назначены 10 июня, но лишь 17 июня об этом стало известно. При этом, например, 10 июня в центральной библиотечной системе Выборгского района был зарегистрирован выпуск газеты «Сампсониевского» — но вот незадача: решения о назначении выборов там не было! А через неделю, 17 июня, там же был зарегистрирован выпуск с тем же номером и датой и тем же содержанием, но там уже было решение о назначении выборов.

Ну, а в «Сергиевском» выпустили два номера муниципальной газеты (62 и 63) одной датой — 10 июня 2019 года, при этом в библиотеку представили только первый из них, причем без разворота, где напечатано решение о назначении выборов.

Впоследствии муниципалы объявят это «технической ошибкой» (!).

Вообще-то, это не ошибка, а преступление против избирательных прав — называя вещи своими именами.

В том же районе в муниципалитете «Светлановское» кандидат от «Яблока» Борис Романов получил официальный ответ от главы муниципалитета Анатолия Кораблева о том, что 19 июня будет заседать муниципальный совет и назначать выборы. Но когда он пришел, выяснилось, что глава на партконференции «Единой России», депутатов нет, решение о назначении выборов принято 18 июня, но показать его отказались и вызвали частное охранное предприятие, нажав кнопку террористической сигнализации (!).

В муниципальных образованиях Московского района Звездное и Гагаринское решения о назначении выборов были приняты 9 июня (в воскресенье!), и в тот же день опубликованы в муниципальных газетах «Звездная газета» и «Гагаринский курьер».

Вот только до 18 июня, когда я лично приехал в эти муниципалитеты, и нашел там эти газеты, их никто (кроме «своих», естественно) не видел. А зам. главы местной администрации Борис Харитонов 15 июня, разговаривая с активистами, уверенно заявлял (есть видео), что «выборы не объявлены».

22 июня, когда рабочая группа Санкт-Петербургской избирательной комиссии рассматривала мои жалобы на «Звездное» и «Гагаринское», представители избиркомов на голубом глазу утверждали, что муниципальные газеты были доступны с 10 июня, и даже представили справку из библиотечной системы, что газеты были получены в этот день. Вот только тут же обнаружился акт приемки этих газет, датированный... 18 июня. Нестыковочка, в общем, вышла...

В том же районе в муниципалитете «Пулковский меридиан» решение о назначении выборов, как мне удалось выяснить (после долгой и вдумчивой беседы 18 июня с зам. главы муниципального образования Вячеславом Рябининым), было принято тоже 9 июня, но газеты в тот день в помещении совета не было. Само собой, на сайтах всех перечисленных муниципалитетов никакой информации о выборах по состоянию на 18 июня не было.

Петроградский район — это вообще территория «Мальчишей-Кибальчишей», где до сих пор (статья пишется в субботу, 22 июня) строго хранят военную тайну о назначении выборов. 19 июня я объезжал все шесть муниципальных образований района — и ни в одном невозможно было установить, приняты ли решения о назначении выборов. В помещениях муниципальных советов никакой информации об этом в открытом доступе не было, на сайтах — тишина, опрошенные депутаты и сотрудники идут в «отказ», заявляя, что ничего не знают о назначении выборов.

Лишь в одном муниципалитете — «Округ Петровский» (о нем мы еще упомянем позже) удалось выяснить, что выборы назначены. Когда? «В срок!», — ответили мне. «Где напечатано решение?». — «В нашей газете». — «Я был у вас и видел газету на стенде, там нет этого решения». — «Может быть, какой-то лист на стенде по ошибке повесили не той стороной!». Занавес.

Забегая вперед, заметим, что Санкт-Петербургская избирательная комиссия (которой муниципалитеты обязаны сообщать о назначении выборов и передавать все документы) до сих пор (по состоянию на 22 июня) ничего не знает о выборах в Петроградском районе. Это выяснилось, когда рассматривали поданные мной жалобы на «тайные выборы»...

Зачем все это делается? А вот зачем: нехитрая «избирательная технология».

Закон отводит 20 дней с момента публикации решения о назначении выборов на все избирательные действия для регистрации кандидатов.

За это время надо уведомить избирком о намерении избираться, получить разрешение на открытие избирательного счета, открыть его (в одном, специально определенном отделении Сбербанка), положить туда деньги, с этого счета заказать изготовление подписных листов, получить эти листы, собрать подписи, оформить еще раз документы, написать финансовый отчет и представить в избирком.

Понятно, что если решение о назначении выборов скрывали 9-10 дней, то этот срок по факту сокращается вдвое. С неприятными последствиями.

Этим, впрочем, дело не ограничивается — даже когда удается узнать о назначении выборов, не сразу и не всегда удается сдать документы.

Так, утром 22 июня в упомянутом «Сампсониевском» кандидаты от «Яблока» приехали подавать документы к 7.30 утра. Здание администрации Выборгского района было ещё закрыто, а снаружи — стояла очередь. В 9 утра кандидатов пустили — но у помещения избирательной комиссии уже стояла фейковая очередь из шести человек, якобы «сдававших документы». При этом избирком работал только два часа, принимая одного человека по 40 минут. И, закончив эту «работу», удовлетворенно закрыл двери.

В тот же день, в том же районе, в муниципалитете «Сосновское» кандидаты от «Яблока» смогли сдать уведомление о выдвижении только после вызова полиции — до этого им пытались помешать в сдаче документов неизвестные молодые люди в черных костюмах и в очках. Такое же искусственные очереди — чтобы «чужие» не могли сдать документы, — в эти дни наблюдались и в упомянутом «Звездном».

На Петроградской стороне, в муниципалитете «Аптекарский Остров» 20 июня никак не могли принять положенное уведомление о проведении конференции питерского «Яблока», где 21 июня выдвигали кандидатов. Отмазка была такая: секретарь избиркома заболел, а все остальные — смотрят прямую линию Путина.

В том же районе, в муниципальном округе «Введенский», кандидаты от «Яблока», пытавшиеся 22 июня сдать уведомления о выдвижении, сообщали, что в избиркоме все заперлись, и не открывают.

В Калининском районе 22 июня «яблочники» безуспешно пытались попасть в муниципалитет «Академическое». Вот сообщение из чата: «Академическое прячется. На Арсенальной набережной закрыта главная дверь. На Гражданском проспекте, 84 внутри горит свет. Все закрыто. На телефоны ни на какие ответа нет».

Наконец, анекдотическая история на той же Петроградской стороне в муниципалитете «Кронверкское». 19 июня я там был, и сфотографировал табличку у входа с названием муниципалитета. А 22 июня, когда активисты искали

муниципальный совет и избирком, они сообщили мне, что табличку с двери... сняли. Чтобы никто «чужой» не нашел муниципалитет...

Городская избирательная комиссия своим решением от 22 июня обязала все муниципальные избиркомы принимать документы у кандидатов каждый день с 9 до 19 часов, а в случае очереди — продлевать время работы, чтобы все желающие могли подать документы. И отсчитывать срок, в течение которого могут заявляться кандидаты, на следующий день после «надлежащего опубликования решения о назначении выборов депутатов муниципального совета». Посмотрим, как будет выполняться это решение.

Надо сказать, что все это уже было. И в 2011 году, когда тайно объявляли и проводили выборы в муниципалитетах «Округ Петровский» и «Красненькая речка», чтобы провести в муниципальные депутаты Валентину Матвиенко с последующим делегированием в Совет Федерации. И в 2014 году, когда в тех же районах тайно объявляли выборы, а потом всячески мешали сдать документы.

Сейчас снова применяется та же «избирательная технология». Заметим, подпадающая под статью 141 УК РФ — о воспрепятствовании осуществлению гражданином своих избирательных прав» (о чем «яблочники» уже подали заявления в МВД и Следственный комитет).

«Единая Россия» понимает, что честно ей не выиграть — отношение к ней граждан все хуже и хуже.

Досрочного голосования — главного инструмента фальсификаций, — на этих выборах не будет. Значит, надо не дать конкурентам даже выдвинуться.

Сперва оппозиции отказывали в участии в выборах.

Теперь ей отказывают в праве узнать о том, что эти выборы назначены.

Те, кто панически боятся проиграть на поле, понимают, что могут добиться успеха лишь в одном случае — неявки соперника.

Которому не дают узнать, когда состоится игра.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР В ПЕТЕРБУРГЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДНЕВНИК ДЕПУТАТА ЗАКСОБРАНИЯ ГОРОДА

1 июля 2019

Муниципальный триллер в Петербурге продолжается. Избирательные комиссии, прячущиеся от кандидатов за железными дверями или убегающие от них под предлогом слабого здоровья.

Очереди из «титушек», блокирующие для оппозиционных кандидатов возможности подать документы для участия в выборах.

Полиция, задерживающая не тех, кто нарушает избирательные права граждан, а тех, чьи права нарушаются. Единороссы, притворяющиеся коммунистами, и члены Горизбиркома, которых силой выталкивают за двери муниципальных комиссий...

Это — краткое содержание происходящей битвы за будущие муниципальные мандаты, которая состоится 8 сентября.

Недавно автор рассказывал в «Новой газете» (23.06.19) о том, как в Петербурге скрывали назначение муниципальных выборов, чтобы оппозиционные кандидаты не успели вовремя подать документы. Теперь, когда они об этом все же узнали, в ряде муниципалитетов делается все, чтобы эти документы не принять.

В явных «передовиках» — избирательные комиссии муниципальных образований (ИКМО) «Сампсониевское», «Екатеринофский» и «Сергиевское», большие сложности у оппозиционных кандидатов в муниципалитетах «Ржевка», «Сосновское», «Академическое», проблемы на Петроградской стороне и в Московском районе.

ИКМО «Сампсониевского», как и сам муниципалитет, квартирует в здании администрации Выборгского района — за турникетом поста охраны.

Сперва она, как и ряд других, тщательно скрывала факт назначения выборов, а когда это стало известно — комиссия начала работать по два-три часа в день.

Горизбирком продлил для этой ИКМО сроки приема документов с 30 июня до 7 июля, поскольку они долго утаивали назначение выборов — комиссия отказалась это решение выполнять.

Горизбирком предписал этой ИКМО, как и всем прочим, работать на прием документов полный день, с утра до вечера, включая выходные, и трудиться «до последнего кандидата» — ИКМО и это проигнорировала.

Причем даже в редкие часы ее работы попасть туда невозможно — вход заблокирован фейковыми «кандидатами» и неизвестными молодыми людьми спортивного телосложения.

Кандидаты от «Яблока» и самовыдвиженцы — Владимир Первовский, Наталья Барина, Роман Максимов и другие, — сутками дежурили у комиссии, чтобы подать документы, но сделать это так и не смогли.

Ночь с 28 на 29 июня кандидаты провели у здания — а когда их впустили, у дверей ИКМО уже стояла очередь из «титусек», которых запустили с черного хода...

Отчаявшиеся кандидаты записали видеобращение у дверей районной администрации, что будут перекрывать улицу, чтобы привлечь к проблеме внимание СМИ. Позднее они пришли и начали переходить Большой Сампсониевский проспект (на котором находится администрация) туда и обратно по нерегулируемому пешеходному переходу. Никаких правил они при этом не нарушали, но их задержали и привезли в 20 отдел полиции. Сергея Беляева оштрафовали на месте — за «неправильный переход улицы». Остальных продержали в отделе до ночи, в итоге обвинив в нарушении по статье 20.2.2 КоАП РФ за «организацию и призывы к перекрытию Большого Сампсониевского проспекта».

Вечером 29 июня, вскоре после задержания, я приехал в этот отдел полиции. Там находились гражданские активисты и муниципальный депутат Даниил Кен, но в дежурную часть, к задержанным, их не пускали. С удостоверением депутата ЗАКСа мне удалось туда ненадолго пробиться, но узнать ничего не получилось — полицейские шли в отказ. Потом вышла Евгения Юрьевна (фамилию она не назвала), представившаяся, как зам. начальника отдела полиции, и сообщила, что кандидатов обвиняют по указанной статье, причем именно за

их видеообращение, а поскольку эта статья предусматривает в качестве одного из наказаний административный арест, их имеют право держать в полиции 48 часов и в понедельник везти в суд.

Я попытался убедить полицейских, что выступление кандидатов, чьи права грубо нарушают — это не незаконный митинг, и что в любом случае их надо отпустить, обвязав явкой в суд — иначе они не смогут в срок подать документы на выдвижение в депутаты. И просил задуматься: кандидаты, чьи избирательные права грубо нарушаются, выкладывают обращение с протестом — но вместо того, чтобы полиция защитила их избирательные права и наказала ИКМО, которая эти права нарушает, полиция арестовывает кандидатов. Арестовывая не тех, кто совершает преступление против избирательных прав граждан, а тех, кто стал жертвой этого преступления!

«Подумаем», — ответили мне. Через три часа, уехав из отдела, я позвонил туда, чтобы просто узнать, какое решение принято: отпустить кандидатов или держать? Мне в совершенно хамской манере ответили «информацию даем только близким родственникам при личной явке». И повесили трубку. Звоню в дежурную часть УМВД по Выборгскому району — все повторяется. Спрашиваю: это что — служебная тайна? Отвечают «можно и так считать»...

Поздно ночью задержанных кандидатов все же отпустили — назначив суд на 3 июля. А затем Горизбирком передал полномочия ИКМО территориальной избирательной комиссии — поскольку с таким заявлением обратился даже муниципальный совет «Сампсониевского». Выяснилось, что ИКМО не принимает документы даже у ... главы муниципалитета Натальи Карфополитской(!). Теперь есть шанс, что документы у кандидатов все-таки примут, но будем следить за развитием событий.

В ИКМО «Сергиевское» и «Сосновское» (что характерно, тот же Выборгский район) тоже наблюдались подставные очереди из фейковых «кандидатов», или группировки неизвестных граждан специфической наружности, которые блокировали вход в комиссии. Полиция бездействовала и не принимала никаких мер. Похожая ситуация — в муниципалитете «Георгиевский» во Фрунзенском районе.

На Петроградской стороне в ИКМО «Кронверкское», где я был дважды, кандидатам от «Яблока», пришедшим первыми, не давали подать документы граждане, представившиеся как «кандидаты от КПРФ». Их предводитель заявил, что у него приказ партии – провести всех своих и никого до окончания приема у них документов не впускать. Пришлось вызвать полицию, но это ни к чему не привело. Лишь на следующий день «яблочникам» удалось подать документы, а затем выяснилось феерическое обстоятельство: это были никакие не коммунисты, а единокорсы! Сперва штаб КПРФ мне сообщил, что никаких коммунистов там не было, а потом выяснилось, что упомянутый «предводитель» – Николай Мекшун, – это зам. главы местной администрации муниципалитета «Кронверкское», а пришедшие с ним «кандидаты» – сотрудники администрации и муниципальных учреждений...

Наконец, самый «беспредельный» муниципалитет – «Екатерингофский», где на протяжении недели ИКМО откровенно издевается над законом и кандидатами в депутаты от оппозиции.

В этой комиссии я был трижды – и ее с трудом вообще удалось найти, вход в ИКМО был спрятан в подворотне.

Комиссия прячется от оппозиционных кандидатов (не помогают даже приезды членов ЦИКа и Горизбиркома), отказывается выполнять решения Горизбиркома о работе целый день, обставляет себя очередью из подставных кандидатов, запускает внутрь только кандидатов от «Единой России» по липовым «спискам».

26 июня, когда я приехал, двери комиссии были наглухо закрыты – и только потребовав от полиции пресечь совершающееся преступление по статье 141 УК РФ (воспрепятствование осуществлению гражданином своих избирательных прав) удалось заставить их открыть. Но ненадолго: председатель комиссии срочно сказалась больной, и уехала вместе с еще одним членом ИКМО (ей тоже внезапно стало плохо) на вызванной «Скорой». Впрочем, столь слабое здоровье членов комиссии не помешало им на следующий день, вместе с охранниками, вытолкать за дверь (едва не сломав ей ногу) члена Горизбиркома Екатерину Фесик и Григория Марголина из пресс-службы ГИК.

При попытках подать документы в «Екатерингофский» оппозиционные кандидаты были избиты (как глава муниципального штаба Навального Александр Шуршев), или отправлены в полицию, как кандидаты от «Яблока» Полина Костылева и Федор Горожанко, которых 29 июня обвинили в мелком хулиганстве и отправили в 77 отдел полиции.

Когда я туда приехал и попытался объяснить, что ИКМО и окружающие ее жулики стоят насмерть, не давая кандидатам подать документы, и что это не мелкое, а крупное хулиганство, но со стороны комиссии – никакой реакции не последовало.

После вмешательства адвоката удалось добиться, чтобы Костылеву, у которой двое детей до 14 лет, отпустили, обязав явкой в суд, но Горожанко остался в отделе до понедельника. Ну, а 30 июня ИКМО отказалась работать под предлогом якобы появившейся «террористической угрозы»...

По ситуации с Горожанко, которого держат в полиции, не позволяя ему в срок подать документы для участия в выборах, председатель партии «Яблоко» Эмилия Слабунова и я обратились в Следственный комитет, Генпрокуратуру и Центризбирком.

На наш взгляд, имеет место преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ: воспрепятствование осуществлению избирательных прав кандидата Горожанко, совершенное организованной группой лиц по предварительному сговору, с целью недопуска подачи кандидатом документов для участия в выборах, а также злоупотребление полномочиями правоохранительных органов по политическим мотивам с той же целью.

Я также направил обращение в Горизбирком – чтобы комиссия через суд расформировала ИКМО Екатеринбургский. Терпеть это безобразие дальше – невозможно. Если оно немедленно не прекратится – выборы в этом муниципалитете надо просто отменять.

Почему так происходит?

С одной стороны, это доказательство страха единороссов перед выборами. Недаром все больше кандидатов от ЕР сейчас маскируются под самовыдвиженцев.

А с другой стороны, муниципалы борются не только за право и дальше осваивать местные бюджеты. Они борются за

право и дальше работать частичками позорного «муниципального фильтра».

Это — подготовка уже сегодня к следующим выборам губернатора Петербурга.

Которых, что вполне возможно, не придется ждать пять лет — они могут случиться куда раньше.

КОМПЛЕКСНАЯ ДЕПОРТАЦИЯ

Власти опять хотят выселять жильцов без их согласия

13 июля 2019

Российское правительство, усилиями вице-преьера «лет ми спик фрoм май харт» Виталия Мутко (что-то мы стали о нем подзабывать, вот он и напомнил о себе), вернуло в повестку дня чудовищный законопроект о внесении изменений в Градостроительный кодекс, внося поправки к его второму чтению.

Суть проекта была изложена более полутора веков назад Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии»: «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности».

Законопроект с длинным названием «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ (в части совершенствования правового регулирования отношений по градостроительному зонированию и планировке территории, а также отношений по изъятию земельных участков для государственных и муниципальных нужд)» вводит понятие «комплексного развития территорий».

Под этим понимается «обеспечение при осуществлении градостроительной деятельности гармоничного сочетания различных видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства ... в целях создания комфортных условий для проживания граждан, формирования благоприятной среды жизнедеятельности

человека и общества, обеспечения социального, экономического и экологически сбалансированного развития территории».

Но пробьемся через словесный забор: «комплексное развитие» нужно лишь для «вовлечения в градостроительную деятельность «депрессивных» площадок муниципальных образований». Ибо наличие таких «депрессивных площадок» вызывает «обеспокоенность как местного населения, так и органов местного самоуправления. Более того, они «создают угрозу здоровью, а иногда и жизни граждан»!

Поэтому надо, под предлогом или «развития застроенной территории», или «комплексного развития территории», дать возможность властям принудительно изымать земельные участки и недвижимость (в том числе, жилые дома) и передавать их застройщикам. При этом «изымать» можно и жилые дома, которые не являются аварийными — вполне достаточно принятия властями решения о включения дома в соответствующую «адресную программу». Жители домов, у которых таким путем будут фактически отнимать собственность, никакими правами на блокирование решения об их включении в «адресную программу» не наделяются.

Проще говоря, власти утверждают адресную программу — и жителям дается команда «на выход с вещами». Теоретически, можно будет судиться. Но практически, как известно, суды почти всегда действуют в связке с администрацией, оставляя в силе решения об изъятии.

Что касается «депрессивных площадок», то стоит напомнить: когда в Петербурге собирались строить гигантскую башню «Охта-центра» напротив Смольного собора, одним из главных аргументов ее лоббистов было объявление, якобы, «депрессивным» района Охты, где намеревались возвести «Газоскроб». И только сопротивление горожан остановило эти планы, заставив перенести башню подальше от центра города (где она, конечно, все равно искажает «небесную линию» Петербурга, но не так, как могла бы, если бы ее построили)...

«Деятельность, направленная на развитие таких территорий, в полной мере соответствует публичным интересам, а заключение соответствующих договоров с потенциальными застройщиками таких территорий является лишь механизмом

для реализации таких общественных интересов», — цинично утверждают разработчики проекта. Который, по их мнению, «окажет благоприятное влияние на развитие строительной отрасли без установления дополнительных административных барьеров, которые могут повлиять на увеличение срока строительства».

Расшифруем: надо как можно быстрее и проще отнять ответственность у граждан, выкинуть их из домов, сами дома снести — и на «зачищенной» территории застройщик «без дополнительных барьеров» сможет возводить то, что принесет ему прибыль. А жители «депрессивной» территории поедут куда-нибудь очень далеко.

Собственно, в этом — принудительной депортации граждан с якобы «депрессивных» территорий и передаче их застройщику, — и заключается подлинная цель законопроекта.

Еще до того, как законопроект в ноябре 2018 года был принят в первом чтении, и тем более — после него, эксперты настаивали на исключении положения, позволяющего принудительно изымать недвижимость (кроме домов, являющихся аварийными). На этом настаивал даже общественный совет Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства, указывающий, что необходимо, — в соответствии с международным опытом, — получить добровольное согласие большинства собственников на включение их домов в адресную программу.

Однако, правительство эти предложения проигнорировало — в его поправках ко второму чтению законопроекта, которые в конце июня поступили в Госдуму, возможность принудительного изъятия домов, которые не являются аварийными, сохраняется. Неудивительно: если убрать это положение, то «зачистка» территорий станет невозможной.

Если законопроект пройдет второе и третье чтение и станет законом — на всю страну может распространиться опыт «реновации по-московски».

Фактически уничтожающей право собственности, связанной с постоянными скандалами и вызывающей массовые протесты граждан, которых хотят принудительно переселить, расчистив их привычную для проживания территорию для новых хозяев.

ПОДПИСНАЯ УЛОВКА

КАК ДЛЯ ОППОЗИЦИОННЫХ КАНДИДАТОВ СОЗДАВАЛИ БАРЬЕР В ВИДЕ «БАЗ ФМС»

18 июля 2019

Происходящее сегодня при «проверке подписей» (намеренно беру эти слова в кавычки) кандидатов в депутаты Мосгордумы нормальный суд и прокуратура имели бы все основания квалифицировать по статье 141 УК РФ – воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав, причем совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Тысячи подписей избирателей, собранные кандидатами в тяжелейших условиях, бракуются или на основании «баз ФМС» (где многое или устарело или недостоверно), или на основании «графологических экспертиз», с необыкновенной легкостью объявляющих подписи поддельными.

Множество известных людей – начиная с одного из авторов Конституции, профессора Виктора Шейниса и профессора ВШЭ Елены Лукьяновой, и заканчивая создателем «Диссернета» Андреем Заякиным, – обнаруживают, что их не существует: их подписи в поддержку выдвижения кандидатов объявлены «недостоверными».

Но ни они, ни кандидаты ничего не могут доказать – избиркомы верят бумажке, а не человеку. И, по принципу «без бумажки ты – букашка», отказывают в регистрации оппозиционерам: Сергею Митрохину и Дмитрию Гудкову, Елене Русаковой и Илье Яшину, Андрею Бабушкину и Любове Соболю, Кириллу Гончарову и Ивану Жданову.

«Никакие юридические инструменты не действуют. Эти эпизоды еще войдут в историю как случаи вопиющего государственного жульничества», – констатирует профессор права и член СПЧ Илья Шаблинский...

Скажите, «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью», как в старой присказке?

Вот только все происходящее – увы, не ново. И даже не очень забытое старое.

Ровно тот же театр абсурда мы видели в 2007 году в Петербурге, когда партию «Яблоко» снимали (и сняли) с выборов в Законодательное Собрание, стараясь угодить губернатору Валентине Матвиенко.

Стоит заменить слово «Петербург» на «Москва» — и сходство станет практически абсолютным.

Тогда, 12 лет назад, собрав около 40 тысяч подписей, мы увидели некие «таблицы ФМС», по которым, якобы, часть сведений о подписавшихся избирателях были ошибочными. Выборочная проверка, — по паспортам тех избирателей, кого удалось оперативно найти, — показала, что ошибочными являются не сведения об избирателях, а эти «таблицы». Зачастую — анонимные, не содержащие даже... названия партии, чьи подписные листы «проверялись». Но Горизбирком отказался исключить подписи, перечисленные на этих анонимных «таблицах», из числа «бракованных».

Другая часть подписей была объявлена «недостоверными» на основании заключения Экспертно-криминалистического центра ГУВД Санкт-Петербурга.

Подсчеты показали, что каждый из экспертов «проверял» от 800 до 1000 подписей в день, имея на проверку одной подписи от 30 до 40 секунд. Качественно выполнить эту работу за такое время невозможно — но именно ее результатам безоговорочно поверила избирательная комиссия.

Мы представили данные независимого почерковедческого исследования — которое опровергло заключение ЭКЦ. Но комиссия не признала его под тем предлогом, что оно выполнено не государственным органом.

А куда было еще обращаться, если «альтернативного» государственного органа, который мог бы провести экспертизу, не существует в принципе?

Наконец, когда в Горизбирком пришли граждане, готовые лично подтвердить подлинность своих «забракованных» подписей, им не поверили: комиссия сказала, что им «достаточно заключения специалистов». То же повторилось и в Центризбиркоме...

По итогам этих выборов — когда нигде не удалось добиться справедливости, — мы везде, где могли, объясняли, что создана карательная, по сути, система.

Что избирательные права кандидатов и поддерживающих их граждан ограничиваются вне судебной процедуры, с фактической «презумпцией виновности» партии, которая должна доказывать, что представленные ей подписи действительны — вместо того, чтобы избирательная комиссия, если у нее есть сомнения, доказывала в суде, что подписи недействительны.

Что эксперты не считают нужным давать аргументированные заключения о причинах, заставивших их объявить подписи «бракованными» — это является характерным признаком внесудебной, по сути, расправы.

И что эта система позволяет снять с выборов любую неуютную партию, которая в принципе не может «оправдаться», потому что никакие доказательства ее «невиновности» комиссия не принимает.

К сожалению, общественная реакция тогда, 12 лет назад, оказалась крайне слабой: никакого массового возмущения не произошло. «Яблоко» пыталось объяснить, что проведенный на нем «отказной эксперимент» может коснуться каждого — но ни большинство экспертов, ни большинство оппозиции не потребовало либо полной отмены «подписного механизма», либо его кардинального изменения. Позволяющего партиям и кандидатам отстаивать свои права, а не метаться, безнадежно пытаясь за три дня, данных для «оправданий», найти несколько сотен подписавшихся за них избирателей, чтобы «отстоять» правильность их подписей.

Сегодня тот же «гром» грянул в Москве: выяснилось, что героические (без шуток) усилия по сбору подписей могут быть перечеркнуты «проверяльщиками», которые к тому же не несут никакой ответственности за свои действия.

Надеюсь, что восстановить справедливость в Москве удастся — в отличие от происшедшего много лет назад в Петербурге. Тогда это коснулось примерно 40 тысяч человек, подписавшихся за «Яблоко», а сейчас речь идет о сотнях тысяч москвичей (подписавшихся за разных оппозиционных кандидатов), которым просто плюнули в лицо, объявив их подписи фальшивыми.

Много лет твержу: «подписной механизм» надо или вообще отменять, или сокращать число необходимых подписей до минимума.

Собирать эти подписи через портал госуслуг — тогда их аутентичность будет обеспечена. Возвращать избирательный залог (в разумном размере) — как альтернативу подписям. Освободить политические партии от любых ограничений при выдвижении кандидатов — ведь партии именно для этого и создаются.

Ну и, конечно, один раз должны сесть, — причем, не условно, а реально, — те, кто виноват в преступлении по упомянутой статье 141 УК РФ.

«Почерковеды», лихо бракующие подписи за оппозицию, «эксперты», проверяющие данные об избирателях по кривым «базам ФМС», и члены комиссий, отказывающие на этом основании в регистрации.

Уверен: стоит только создать прецедент — и последствия не замедлят сказаться.

ВНИЗ ПО ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ВЕРТИКАЛИ

**Есть ли у ЦИК законная возможность спасти
МОСКОВСКИЕ ВЫБОРЫ?**

25 июля 2019

Скандал на выборах в Мосгордуму, где оппозиционных кандидатов дружно снимают с выборов, их апелляции к Центральной избирательной комиссии и встречи кандидатов с главой ЦИК Эллой Памфиловой в поисках справедливости заставляют напомнить о том, какие, собственно, юридические возможности есть у ЦИК, чтобы повлиять на ситуацию.

Как выясняется, эти возможности есть.

И если бы ЦИК захотел ими воспользоваться, положение дел на московских выборах могло существенно измениться.

Большая часть указанных возможностей изложена в статье 21 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», где описан статус ЦИК.

Главных пунктов здесь — два.

Первый. ЦИК рассматривает жалобы и заявления на решения и действия или бездействие избирательных комиссий субъектов РФ и их должностных лиц, нарушающие избирательные права граждан при проведении выборов в органы государственной власти этих субъектов РФ, и принимает по этим жалобам (заявлениям) мотивированные решения.

Второй. ЦИК вправе издавать инструкции по вопросам единообразного применения указанного Федерального закона, обязательные для исполнения.

Первый пункт означает, что любой кандидат в Мосгордуму, которому окружная избирательная комиссия отказала в регистрации, может в два этапа добраться до ЦИК. Сперва – обжаловать этот отказ в Мосгоризбиркоме, и потом, если МГИК отклонит жалобу – подавать уже на решение МГИК жалобу в Центризбирком.

У ЦИК, в соответствии с статьей 75 того же Федерального закона, три возможности. Первая: отказать. Вторая: отменить решение МГИК и отправить им вопрос на новое рассмотрение. Третья: отменить решение МГИК и принять решение по существу, то есть – зарегистрировать кандидата.

Надо отметить, что третья возможность применяется крайне редко. Эксперты почти не помнят таких случаев – чтобы ЦИК сам регистрировал кандидатов в региональные парламенты. Но и вторая возможность дает кандидатам очень большой шанс. По сложившейся практике, если ЦИК отменяет «отказное» решение регионального избиркома и отправляет ему на новое рассмотрение, как правило, кандидатов регистрируют, выполняя волю ЦИК.

Конечно, и второй возможностью ЦИК пользуется, мягко говоря, не всегда, сколь вопиющими не были бы нарушения.

Не хватает той самой воли, которую надо проявить.

Простой пример: в Петербурге в муниципалитете «Звездное» местный избирком, не мудрствуя лукаво, подменил описи о приеме документов у кандидатов от «Яблока». И потом обвинил яблочников в том, что они якобы не представили копию свидетельства о государственной регистрации партии. В экземпляре описи, который на руках у кандидатов, расписка в представлении этого документа есть – а в экземпляре, который посылает комиссия, этот документ якобы не представлен.

«У каждого своя бумага, мы не знаем, кто прав», — развел руками питерский Горизбирком и оставил все, как есть. А ЦИК, вместо того, чтобы истолковать (как не устает говорить Элла Памфилова) сомнения в пользу кандидатов, умыл руки и отправил кандидатов в суд: ищите правды там. При этом вряд ли у кого-то есть сомнения в существовании «Яблока» и наличии у него указанного документа.

Что касается второго пункта, то он не менее важен.

Произвол при проверке подписей, представленных кандидатами в депутаты, наблюдается в стране, как минимум, лет пятнадцать. Раз за разом оппозиционных кандидатов обвиняют в том, что представленные ими подписи «бракованные», что с некими «базами ФМС» якобы не совпадают какие-то данные избирателей, или что подписи, согласно неким «экспертным заключениям», сделаны одной рукой. Потом оказывается, что базы были «кривые», а заключения — ничем не обоснованные. Между тем, никто не мешает ЦИКу издать методические рекомендации (обязательные для исполнения) о том, как и кем должны проверяться сведения об избирателях, какие базы и информационные системы можно использовать для этого, как именно должна проходить графологическая проверка, кто ее должен проводить, как ее можно оспорить, и так далее. Но этих рекомендаций так и нет. И произвол продолжается.

Еще одна возможность ЦИК влиять на региональные избиркомы — кадровая. ЦИК, — в соответствии со статьей 23 указанного Федерального закона, — предлагает для назначения двух членов регионального избиркома (их обязаны назначить соответственно губернатор региона и региональный парламент). А затем, в соответствии со статьей 28 этого закона, именно по предложению ЦИК избирается председатель регионального избиркома. Да, снять главу МГИК (как и окружного избиркома в Москве) ЦИК формально не может. Но он, безусловно, несет за главу МГИК политическую ответственность.

Наконец, ЦИК, — в соответствии со статьей 31 указанного Федерального закона, — вправе обратиться в суд с заявлением о роспуске как региональной, так и окружной избирательной комиссии. Во время выборов это не может быть сделано

в отношении МГИК (как комиссии, организующей выборы), но такое заявление во время выборов (не позднее, чем за 30 дней до голосования) может быть подано в отношении любой из окружных комиссий, отказывающих оппозиционным кандидатам в Мосгордуму в регистрации. Да, расформировать комиссию через суд во время выборов непросто — основанием для этого может быть только прямое неисполнение решения ЦИК или МГИК. Но если ЦИК примет решение, а окружной избирком откажется его исполнять — он может быть расформирован по суду.

Последнее. Как уже сказано, для принятия всех описанных мер ЦИК должен проявить политическую волю. И не так, как в декабре 2016 года, после прямой и доказанной фальсификации выборов в Мытищах, когда «Единой России» были «дорисованы» голоса на 68 из 96 избирательных участков.

Тогда Элла Памфилова заявила, что ЦИК обратился в Генпрокуратуру, МВД и СКР для начала проверки результатов голосования, но единственное, чем это закончилось — сняли председателя Мытищинской территориальной избирательной комиссии. А фальшивые «итоги выборов» так и не отменили — хотя глава ЦИК говорила, что комиссия может поставить этот вопрос. Увы: так и не поставила.

ЧТО МОЖЕТ ДЕПУТАТ

И ПОЧЕМУ НУЖНО БОРОТЬСЯ ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ В МОСГОРДУМУ

31 июля 2019

Маниакальное стремление власти не допустить оппозиционеров в Московскую городскую Думу пытаются объяснить по-разному.

Самое простое объяснение — все дело в привычке Кремля и всей его «вертикали» никогда не признавать ошибок и не отменять ранее принятые решения: «пацан сказал — пацан сделал», любое отступление — признак недопустимой слабости, тут же начнется злорадный вой «Акела промахнулся»...

Но есть и другое объяснение: избрание в МГД хотя бы нескольких грамотных оппозиционных депутатов грозит мэру и мэрии постоянно задаваемыми с трибуны неприятными вопросами, когда «наружу выйдут все неприглядные стороны трансформации столицы при действующем мэре».

Кроме того, под угрозой окажется возможность правящей группировки свободно «пилить» 3-триллионный московский бюджет, не удастся бесконтрольно повышать тарифы ЖКХ, и так далее и тому подобное... Именно этого мэр Собянин боится как огня, делая все, чтобы «не отдавать ни пяди».

Первое объяснение универсально для путинской эпохи — когда главным учителем жизни главы государства, судя по его собственным воспоминаниям, была подворотня, удивляться «пацанским привычкам» не приходится.

Что касается второго объяснения, то необходимо расставить некоторые акценты.

Важность присутствия в МГД оппозиционных и независимых от мэрии депутатов (чего, за редчайшими исключениями, в столичном парламенте не наблюдалось все последнее десятилетие) несомненна. Но при этом надо ясно представлять себе, что именно они могут сделать. И чего от них стоит ждать и с них за это спрашивать — а о чем не стоит питать напрасные иллюзии.

Для того, чтобы это понять, надо взять на себя труд заглянуть в Устав города Москвы.

МГД — это региональный парламент. Такой же по своему статусу, как петербургское Законодательное собрание, или Законодательное собрание республики Карелия, или Псковское областное собрание депутатов.

Этот парламент принимает законы Москвы и контролирует их исполнение.

Принимает бюджет Москвы — по представлению мэра.

Согласовывает назначение прокурора Москвы — по представлению Генпрокурора.

Устанавливает порядок управления и распоряжения городской собственностью и порядок осуществления градостроительной деятельности в Москве.

Устанавливает полномочия органов государственной власти Москвы в области использования, охраны, контроля за

использованием и охраной земли, других природных ресурсов, памятников истории и культуры.

Может выступать с законодательной инициативой в Госдуме.

Может направлять запросы в Конституционный суд.

Назначает председателя Контрольно-счетной палаты Москвы, его заместителя, аудиторов КСП, освобождает их от должности.

Назначает (что примечательно — по представлению мэра Москвы) судей Уставного суда города Москвы.

Назначает выборы в МГД, выборы мэра Москвы, голосование по отзыву мэра Москвы.

Заслушивает ежегодные отчеты мэра Москвы о результатах деятельности правительства Москвы, в том числе по вопросам, поставленным МГД.

Участвует в формировании избирательных комиссий.

Выражает недоверие мэру Москвы и должностным лицам, в назначении которых МГД принимала участие.

Устанавливает порядок назначения и проведения референдума города Москвы.

Назначает на должность и освобождает от должности Уполномоченного по правам человека в городе Москве.

Назначает мировых судей города Москвы.

Утверждает договоры и соглашения города Москвы.

Казалось бы, очень большие полномочия?

Да, безусловно (хотя части полномочий депутаты сами себя лишили, о чем ниже).

Однако, эти полномочия принадлежат только МГД в целом, а не отдельному депутату или группе депутатов. Точнее, группе депутатов они могут принадлежать — когда эта группа является парламентским большинством. Применительно к МГД, где 45 депутатов (что, конечно же, недопустимо мало для 12-миллионного города), в этой группе должно быть не менее 23 депутатов.

Отсюда вывод: если оппозиция получает в МГД меньшинство (или если она не сможет, образовав коалицию, получить большинство) — все эти вопросы она решать не будет. То есть, она может (и должна) пытаться на них повлиять: выступать с трибуны, вносить проекты законов, предлагать поправки,

взывать к горожанам, привлекать внимание журналистов – но без договоренности с парламентским большинством ни одно ее предложение не будет принято. В том числе, и проекты федеральных законодательных инициатив. Или проекты законов в Конституционный суд.

Это, конечно же, касается и городского бюджета, проект которого, как уже сказано, вносит мэр, а утверждает парламентское большинство.

Чтобы повлиять на триллионный московский бюджет, с ее точки зрения, непригодный, и предотвратить его «распил», оппозиция должна или помешать принять бюджет в первом чтении, отправив на доработку, или провести поправки к нему при втором чтении. Предложить, например, увеличить расходы на здравоохранение и расходы на оплату труда «бюджетников», сократив расходы на благоустройство. Но как ей это сделать, пока она не станет большинством?

Прочитать бюджет Москвы, проанализировать его и найти там места, где «закапываются» городские деньги, можно и не будучи депутатом МГД. А вот повлиять на бюджет, предотвратить «закапывание» можно только будучи депутатом, причем от парламентского большинства. Или с ним о чем-то договорившись.

Примером может служить питерское Законодательное Собрание: так, в прошлом созыве ЗАКСа Григорий Явлинский, возглавлявший тогда фракцию «Яблоко», при каждом обсуждении проекта бюджета на следующий год выступал с разгромным заключением о непригодности проекта. Критиковали проект и другие оппозиционные фракции. А затем бюджет принимали голосами единороссов и жириновцев, составлявших парламентское большинство.

Оппозиция вносила поправки – но, за редчайшими исключениями, они не принимались, как бы аргументированы не были предложения, и какими бы острыми не были проблемы, которые мы таким путем пытались решить.

В этом же созыве ЗАКСа стало еще сложнее: «Единая Россия» имеет 36 мандатов из 50, и может принимать любые решения, отклоняя все предложения оппозиции. Что, как правило, и происходит. Сказанное не означает, что не надо бороться: надо. Всеми силами. Действовать по принципу «капля камень

точит». Выступать против любой сомнительной или коррупционной статьи бюджета. Предлагать поправки и заставлять «единороссов» публично их отклонять, а потом оправдываться, отвечая на вопросы горожан и журналистов. Вносить свои законопроекты, и настаивать на их принятии — понимая, что скорее всего их не примут, но стараясь привлечь к этому общественное внимание. И в какой-то момент «стена» парламентского большинства может дрогнуть. Пойти трещинами. Или, — что порой бывает у нас в питерском ЗАКСе, — единороссовское большинство, только что отклонившее проект оппозиции, может взять и внести такой же от своего имени, чтобы приписать себе заслуги... Что еще важно? Мосгордума вообще (в отличие от питерского ЗАКСа) не имеет полномочий по согласованию кадровых назначений в мэрии Москвы. Если петербургский парламент согласовывает назначение всех вице-губернаторов, то мэр Москвы от этой обязанности избавлен: своих заместителей и других членов правительства города он назначает сам. Подавляющее большинство законов Москвы по разграничению полномочий между МГД и мэрией так их «разграничивает», что практически все полномочия отдает мэрии (впрочем, это — ситуация, которая в последнее десятилетие характерна практически для любого региона). Так, тарифы ЖКХ в Москве утверждает правительство. Оно же утверждает плату за содержание и текущий ремонт жилья, плату за капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме и минимальный размер взноса на капремонт. Парламент Москвы от решения описанных вопросов самоустранился. Конечно, это надо менять — меняя соответствующие законы. Что очень и очень непросто — по описанным выше причинам.

Но это должно стать программой действий оппозиции в МГД. Впрочем, очень многое можно сделать, и будучи в меньшинстве, но активно пользуясь депутатскими полномочиями.

Можно и нужно вносить запросы и направлять обращения — добывая нужную для граждан информацию, «высвечивая» наиболее острые проблемы, рассказывая о запросах и ответах в СМИ и в социальных сетях.

Можно и нужно проводить индивидуальные (или коллективные, вместе с коллегами по оппозиции) депутатские

расследования — запрашивая информацию (часто недоступную обычным гражданам или журналистам), выводя на чистую воду воруящих или транжирящих бюджет чиновников.

Можно и нужно обращаться в правоохранительные органы — прокуратуру, МВД, следственный комитет, — требуя проверок, расследования злоупотреблений и наказания виновных. Писать один раз, другой, третий — и можно добиться результата.

Можно и нужно требовать ответов от мэра Москвы во время его ежегодного отчета — и давать оценку этим ответам. Понятно, что провластные московские СМИ об этом не расскажут — но в век Интернета, ютуба и социальных сетей важная информация может разлететься очень быстро. Да, мэр может ответить отпиской — значит, и об этом надо рассказывать гражданам: если огласка будет значительной — в следующий раз могут побояться присылать новую отписку.

Можно и нужно пользоваться тем, что депутатский мандат открывает многие двери — депутаты МГД пользуются правом внеочередного приема руководителями и другими должностными лицами исполнительной власти города Москвы в срок не более двух недель. И, попав к чиновникам, можно требовать решения вопросов избирателей, убеждать, объяснять, настаивать. А потом — рассказывать о результатах встречи. И снова и снова добиваться решения поставленной проблемы.

Можно и нужно пользоваться правом депутата МГД присутствовать и выступать на заседаниях правительства Москвы и иных органов исполнительной власти города. Опять же, задавать вопросы и говорить о проблемах.

Наконец, можно и нужно быть вместе с гражданами везде, где нарушаются их права — в точках «локальных конфликтов». Присутствие депутата, — как показывает мой и не только мой опыт, — существенно меняет поведение чиновников и полицейских. И граждане при этом видят и чувствуют защиту от произвола, с которым сталкиваются: им очень важно видеть, что с ними — их легальный представитель. От которого просто так не отмахнешься, и от вопросов которого просто так не уйдешь.

Не пуская оппозицию в МГД, московская власть (как и власть других регионов) боится не того, что ей помешают пилить бюджет или повышать тарифы. Она боится появления у граждан политического представительства и легальных защитников их прав. Она боится прорыва «информационной блокады», в которой находится непарламентская оппозиция — потому что работу парламентской оппозиции замолчать сложнее. Она боится разрушения привычной за долгие годы обстановки сервильности, когда депутаты послушно нажимают кнопки за то, что принесли из мэрии, никуда не суют свой нос и не задают никаких неудобных вопросов.

И последнее.

Уважаемые москвичи, вы хотите, чтобы бюджет не «пилили», чтобы росли расходы на образование и здравоохранение, а не на бесконечную перекладку плитки, чтобы не устраивали новую «реновацию», которая выкинет вас из квартир, и чтобы парки не отдавали под «храмостроительство»?

Тогда сделайте 8 сентября так, чтобы в Мосгордуме оппозиционеры, не зависящие от мэра и мэрии, составляли большинство. Потому что они будут иметь в МГД ровно столько власти, сколько вы им дадите голосов.

Но сперва добейтесь, — своим общественным давлением, — чтобы 8 сентября имена оппозиционных кандидатов были в бюллетене.

ЛОВКОСТЬ СЛОВ И НИКАКОЙ ОТСТАВКИ

СЕАНС САМОРАЗОБЛАЧЕНИЯ МОСГОРИЗБИРКОМА

6 августа 2019

Наконец-то председатель Мосгоризбиркома Валентин Горбунов публично высказался об отказе в регистрации оппозиционным кандидатам в Мосгордуму.

Дал большое интервью не кому попало, а правительственной «Российской газете».

И, дежурно перечислив якобы множество огрехов, которые допустили «отказники» при сборе подписей, перешел к главному: политическим оценкам.

Объяснил, почему оппозиционеры «в своем большинстве не смогли собрать необходимое количество подписей».

Оказывается, «у этих людей не было ни цели подписи собрать, ни в гордому попасть. Зачем им это? Ведь если их фамилии появились бы в бюллетенях, они набрали бы не больше 1% голосов. Таков прогноз социологов. Как же после этого заниматься политикой, утверждая, что они борются за будущее России? Им эти выборы нужны лишь как способ обкатки технологий к выборам в Государственную Думу, которые состоятся в 2021 году...».

Во-первых, никому не известны «прогнозы социологов», по которым Сергей Митрохин и Дмитрий Гудков, Илья Яшин и Елена Русакова, Любовь Соболь и Кирилл Гончаров, Юлия Галлямина и Андрей Бабушкин, Иван Жданов и Анастасия Брюханова, другие оппозиционеры пользуются столь ничтожной поддержкой. Более того: будь это так – не было бы такого панического страха допустить их на выборы. Но их не допускают – и это лучшее доказательство того факта, что подлинная поддержка оппозиции многократно больше той, которую неизвестно откуда взял Горбунов.

А во-вторых, что куда важнее, заявление Горбунова должно было бы повлечь за собой немедленную отставку.

Установленная федеральным законом цель работы избирательных комиссий такова: «Комиссии обеспечивают реализацию и защиту избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, осуществляют подготовку и проведение выборов и референдумов в Российской Федерации».

Еще раз и по слогам: обеспечивают *реализацию* и *защиту* избирательных прав.

Все без исключения избиркомы, – начиная с ЦИК и заканчивая участковыми комиссиями, – предназначены исключительно для этой цели.

Кандидаты имеют право принять участие в выборах, претендую на доверие избирателей.

Избиратели имеют право на выборах решить, кому из кандидатов они доверяют.

Избирательные комиссии должны организовать процесс регистрации, голосования и подсчета голосов, определяя результаты.

Совершенно не их дело — оценивать цели кандидатов в депутаты и их шансы.

Цели кандидатов должны оценивать избиратели, шансы — социологи.

Между тем, Горбунов и его подчиненные лишили сотни тысяч избирателей права увидеть своих кандидатов в бюллетене, отказав этим кандидатам в регистрации.

А шансы кандидатов зависят от проведения ими избирательной кампании, которую Горбунов и его подчиненные не дают проводить.

Это означает, что вместо реализации и защиты избирательных прав, московские избиркомы занимаются прямо противоположным: они *препятствуют реализации избирательных прав*. Тем самым полностью переворачивается, извращается суть выборов.

Это происходит не только в Москве, но и в Петербурге, где избирательные комиссии прилагают нечеловеческие усилия, отчаянно стремясь под любым, самым незаконным и абсурдным предлогом, отказать в регистрации оппозиционным кандидатам в муниципальные депутаты.

Они бьются, не жалея сил, и явно считают это своей подлинной и главной задачей. Они, чья функция — помочь кандидатам, делают все, чтобы им помешать. Они отказывают оппозиционерам в регистрации, они обжалуют в судах решения вышестоящей комиссии о регистрации оппозиционных кандидатов, они радостно признают в судах иски об отмене регистрации оппозиционеров (даже если они сами только что были вынуждены их зарегистрировать)...

Это началось не сейчас, и даже не вчера — много лет российские избиркомы, которые должны лишь организовывать выборы, вместо этого решают очевидно политические задачи: потому что являются частью системы воспроизведения власти, работая на ее сохранение.

Во многом законы о выборах этому способствуют: они написаны так, что более всего напоминают сложнейшую инструкцию, в которой мельчайшее нарушение любого абсурдного бюрократического пункта ведет к фатальному исходу: отстранению от выборов. Но этому способствует и принцип формирования избиркомов — когда половину их состава назначает, например, исполнительная власть региона, прямо заинтересованная в «отсечении» оппозиционеров.

Кардинальное изменение избирательной системы давно назрело: нужно и радикально упростить законодательство, и облегчить регистрацию кандидатов, и изменить механизм формирования избиркомов (туда должны входить только представители партий, участвующих в выборах, а не чиновники или их напавленцы).

Напомним: самые честные и свободные выборы в российской истории прошли в 1990 году — когда и правила выборов были максимально просты и понятны, и регистрация кандидатов была предельно простой. И, несмотря на десятки кандидатов в бюллетене, граждане прекрасно во всем разобрались, выбрав тех, кому доверяли.

ЗАПРЕЩЕНО ВЕЗДЕ, ГДЕ НЕ РАЗРЕШИЛИ

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ ЗАНЯЛСЯ ФИКСАЦИЕЙ МЕСТ ПРОТЕСТА

11 августа 2019

Безусловный рефлекс «бешеного принтера» последних лет — введение новых законодательных запретов, ограничивающих конституционные права граждан, в ответ на каждое усиление гражданской активности с требованием соблюдения этих прав.

Очередным примером этой рефлексорной цепочки стало заседание «временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ», собравшейся после акций

протеста в Москве и Петербурге, где граждане требовали своего права видеть в бюллетене на выборах «своих» кандидатов.

На этом заседании сенатор Людмила Бокова (соавтор «закона Димы Яковлева» и «закона Клишаса») предложила разработать закон, который установит в каждом городе места, где только и могут проводиться политические акции, запретив проводить их в любых других местах. Мол, этот законопроект «не нарушал бы право на мирные митинги, закрепленное Конституцией, но и не давал бы нарушать права других граждан, которые ведут детей в детские сады и школы».

Ее коллега и глава указанной комиссии Андрей Климов обещал, что Совет Федерации разработает закон «по точной фиксации мест, где можно проводить мероприятия политического характера, и где ни при каких обстоятельствах их нельзя проводить», и почему-то сослался на опыт Брюсселя, где протестовать можно «только на определенных пространствах, а выход за них заблокирован».

Откуда сенатор Климов взял информацию об «определенных пространствах» в Брюсселе, автору неизвестно: найти ее в Интернете не удается.

Что касается их с Боковой эпохального предложения, то оно переворачивает с ног на голову всю нынешнюю законодательную конструкцию для публичных акций.

Статья 8 федерального закона 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» устанавливает прямо противоположный принцип: *собираться можно везде, где это не запрещено*.

Цитируем: «Публичное мероприятие может проводиться в любых пригодных для целей данного мероприятия местах в случае, если его проведение не создает угрозы обрушения зданий и сооружений или иной угрозы безопасности участников данного публичного мероприятия. Условия запрета или ограничения проведения публичного мероприятия в отдельных местах могут быть конкретизированы федеральными законами».

Такая конкретизация есть: в соответствии с этой же статьей, запрещается проводить публичные мероприятия на территориях, непосредственно прилегающих к опасным производственным объектам и к иным объектам, эксплуатация

которых требует соблюдения специальных правил техники безопасности, на путепроводах, железнодорожных магистралях и полосах отвода железных дорог, нефте-, газо- и продуктопроводов, высоковольтных линий электропередачи. А также — на территориях, непосредственно прилегающих к резиденциям Президента Российской Федерации, к зданиям, занимаемым судами, к территориям и зданиям учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Наконец, публичные акции без специального разрешения запрещено проводить в пограничной зоне.

Кроме того, федеральным законом дано право регионам вводить законами свои «запретные зоны» для публичных акций: если «проведение публичных мероприятий в указанных местах может повлечь нарушение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи, создать помехи движению пешеходов и (или) транспортных средств, либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры».

Норма, заметим, достаточно лукавая — так, в Петербурге на этом основании запретили проводить публичные акции на Невском проспекте, Исаакиевской и Дворцовой площадях. А также — на расстоянии менее 100 метров от входа или выхода на станции метро, вокзалы и аэропорты, и на расстоянии менее 50 метров от входа (выхода) в здания, занимаемые органами государственной власти Санкт-Петербурга, образовательными учреждениями и учреждениями здравоохранения. В результате запрещено проводить митинги и на Дворцовой площади, которая многие годы была местом для публичных акций, и на площади академика Сахарова, поскольку на расстоянии менее 50 метров находится вход в Санкт-Петербургский университет. И запрет этот действует даже в выходные дни, когда университет не работает...

Тем не менее, при всех указанных ограничениях, все прочие пространства формально свободны для проведения публичных акций. И хотя власти чаще всего под любым предлогом стараются отказать проводить там митинги и особенно шествия — им каждый раз приходится выдумывать какие-то причины, которые теоретически могут быть оспорены в суде.

Если предложение Боковой и Климова будет принято, чиновникам даже не придется ничего придумывать. Потому что будет применяться противоположный принцип: *собираться можно будет только там, где разрешено*.

То есть только в гайд-парках, которые и сегодня предусмотрены законом: это специальные места для публичных акций, где можно собираться без согласования.

При этом места для гайд-парков в каждом регионе определяет даже не региональный закон, а чиновники — исполнительная власть. И делает она это, естественно, создавая для граждан максимальные неудобства.

Так, в Петербурге несколько лет единственным гайд-парком в центре города было Марсово поле, но в 2017 году губернатор Георгий Полтавченко исключил его из списка на основании, якобы, требований неких «общественных организаций» (которых никто не видел). А все остальные гайд-парки были на окраинах, куда и неудобно добираться, и где митинг заведомо не привлечет большого внимания.

Понадобилось полтора года, чтобы появился новый гайд-парк хотя бы относительно близко к центру — на площади Ленина у Финляндского вокзала.

Но и там время от времени не позволяют проводить митинги по абсурдным причинам: то мешают некие «культурные мероприятия», то, якобы, «идут работы по благоустройству»...

Между прочим, инициатива Боковой-Климова, которая еще больше ограничивает право граждан на свободу собраний, видится еще и антиконституционной: согласно статье 55 Конституции, ограничить права граждан можно «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

И если введение законом мест, где нельзя проводить публичные акции, еще можно как-то уложить в логику этой статьи, то установление запрета проводить их всюду, кроме тех мест, где это делать можно, в нее никак не укладывается.

Тем не менее, то, что при необходимости эту инициативу могут принять, что называется, за день в трех чтениях, сомнений не вызывает.

Как и то, что после неизбежных перемен все репрессивно-запретительные законы последних лет надо будет отменять одним «пакетом».

НЕУМНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ СНОВА ГОЛОСОВАТЬ «ЗА ЛЮБУЮ ДРУГУЮ ПАРТИЮ». ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

20 августа 2019

Перед выборами в Мосгордуму и выборами губернатора Санкт-Петербурга широко рекламируется «умное голосование» — за того, кто имеет больше всего шансов победить кандидата от «Единой России».

Но это — не умное голосование.

Это — *неумное* голосование.

Помните одно из следствий из законов Мэрфи?

«Любая сложная задача имеет простое, легкое для понимания неправильное решение».

Полезно напомнить, что столь же простыми, внешне привлекательными, но категорически неверными по результатам, были две более ранние предложенные теми же инициаторами и столь же разрекламированные стратегии: «голосуй за любую партию, кроме «Единой России» в 2011 году и «бойкотируй выборы президента» в 2018 году.

Нет сомнения: то, что устроено властями на выборах Мосгордумы, где подавляющее большинство оппозиционных кандидатов не допущены к выборам, — издевательство над избирательными правами граждан.

Точно такое же издевательство устроено и на выборах губернатора Петербурга, к которым кроме присланного Кремлем временного градоначальника Александра Беглова допущены только те, кто договорился со Смольным о прохождении «муниципального фильтра» и не представляет для Беглова никакой опасности.

Как вести себя избирателю?

«Регистрируйтесь на нашем сайте, и ближе к выборам мы вам скажем, за кого голосовать», — сообщают организаторы «умного голосования». Они оценят, кто имеет больше шансов победить единоросса, того и надо поддержать, кто бы он ни был. Коммунист, сталинист, жириновец — неважно. При этом, как заявляет один из организаторов процесса Леонид Волков, поскольку на выборах в МГД «выбирать не из кого, мы наберем в список «Умного голосования» буквально всякий сброд». И повторяет: «Будет пара приличных людей, но в основном — сброд. Но это тоже сломает игру «Единой России», Путина, Собянина»...

Хотите «сброд» в депутаты? Я — не хочу. И другим не советую.

В Петербурге «умное голосование» пропагандируется через лозунг «За любого, кроме Беглова» — чтобы не позволить протащить Беглова в первом туре выборов.

Однако, это — не «умное голосование», а совсем наоборот.

Определение оптимального поведения на выборах — непростая задача.

Ответы на возникающие вопросы зависят, в том числе, от правил выборов — а они на разных выборах разные. Уже поэтому, кстати, нет и не может быть никакой единственно верной для всех выборов «однолинейной» стратегии в виде «умного голосования», которая никакие особенности выборов не учитывает, а предлагает поддержать «меньшее зло».

Правила выборов в Мосгордуму (п. 13 ст. 76 Избирательного кодекса Москвы) таковы: выборы проходят в один тур, и побеждает тот кандидат, который набирает больше голосов, чем остальные.

Это означает, что бессмысленно не приходить на выборы — вы вообще ни на что не повлияете.

Можно сделать бюллетень недействительным, но это не повлияет на результат выборов в МГД. Единственное, для чего они здесь важны: если предлагается выбор из заведомо неприемлемых вариантов, ни один из которых не устраивает, большое количество этих бюллетеней (они считаются отдельно) — показатель несогласия с таким способом отбора кандидатов.

Значит, надо голосовать — но за кого?

За того из кандидатов, кто может выиграть у единоросса? Это однажды уже было. На выборах Госдумы 2011 года, когда нас призывали голосовать «за любую партию, кроме партии жуликов и воров».

Что мы получили потом, помните?

Мы получили в Госдуме огромное количество коммунистов и «эсеров», которые очень быстро стали неотличимы до степени смешения от «Единой России» и ЛДПР.

И все эти четыре оттенка серого в составе «бешеного принтера» голосовали за «закон Димы Яковлева», за закон об НКО — «иностранных агентах», за «пакет Яровой», за ужесточение наказаний за публичные акции, за присоединение Крыма...

Да, пару раз Сергей Миронов щеголял белой ленточкой на думских заседаниях, но затем вместе со всей своей фракцией (при редчайших исключениях) привычно влился в пропутинские ряды. И не произошло никакого «слома игры» «Единой России».

Если последовать такому же совету на выборах в Мосгордуму и посмотреть, кто зарегистрирован кандидатами в округах, — немедленно станет ясно, к чему приведет «умное голосование»: к поддержке кандидатов от КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» или «Коммунистов России». А потом в МГД они все сольются в общий провластный хор, потому что придерживаются, как говорит мой коллега и друг Лев Шлосберг, тех же ценностей, что и Путин.

Потому что они точно так же, как он, за Сталина и за политические репрессии, за преследование НКО «иноагентов» и против «оранжевой заразы» (о чем только что вещал Геннадий Зюганов), за войну в Украине и Сирии.

Они точно так же будут твердить о «державности» и «скрепах», поддерживать «антисанкции» и клеймить «американских кукловодов», и требовать, как Сергей Миронов, «расследовать вмешательство Запада в протестные акции».

Кстати, только что в Госдуме создавали комиссию по борьбе с иностранным вмешательством во внутренние дела России — после акций протеста против недопуска независимых кандидатов на выборы в Мосгордуму. Зюганов твердил, что именно с таких акций начал разваливаться Советский Союз,

а Жириновский — что «в последнее время усиливается пропаганда Запада, и цель этого — повторить то, что произошло в Киеве, Тбилиси и так далее».

Кандидатов от этих партий предлагается теперь провести в МГД, только чтобы единороссы не прошли? За это сидят Егор Жуков, Константин Котов, Валерий Костенок и другие узники московского протеста?

Посмотрите на округ 37 в МГД, где не допустили до выборов Елену Русакову из «Яблока»? Кто там остался для «умного голосования»? Три кандидата. Коммунист Губенко, до сих пор благодарный Сталину за «наведение порядка», «эсер» Романович, который по уверениям собственных коллег, слил список «СР» в угоду мэрии, и жириновец Максимов. Выбирай — не хочу. Ломай игру «Единой России» (которая своего кандидата вообще не выставила, освободив округ для Губенко)...

Ну сколько раз еще надо наступить на грабли «меньшего зла», чтобы понять, что оно всегда оборачивается большим?

Что касается выборов губернатора Петербурга, то здесь правила — другие. И соответственно, другая стратегия.

Эти выборы проводятся в два тура, и в первом туре для победы надо набрать более 50% от общего числа участников голосования.

Число участников голосования — это число всех, кто опустил в урну бюллетень: неважно, действительный он или недействительный.

Раз так — для приближения второго тура годится стратегия «недействительный бюллетень»: это уменьшает процент голосов, который получают все кандидаты. Это законный и логичный выбор поведения для всех, кто не хочет выбирать между Бегловым и его спарринг-партнерами, поддерживая кандидатов от трех пропутинских партий: «Гражданской платформы» (партия, что устраивала «Антимайдан» и поддерживала Путина на выборах президента), «Справедливой России» («вторая нога власти») и КППРФ (борющейся с «оранжевой заразой»).

Голосовать надо не «против», а «за».

Не для того, чтобы не прошел «чужой», а для того, чтобы поддержать «своего».

Не за того, у кого больше шансов выиграть у единоросса, а за того, кто близок по убеждениям и на кого можно будет рассчитывать.

Есть у демократического избирателя такие кандидаты на выборах в МГД?

Есть. Евгений Бунимович и Сергей Митрохин, Максим Круглов, Дарья Беседина, Роман Юнеман. Возможно, и в других округах есть кандидаты, за которых можно голосовать. Не потому, что кто-то указал на них, как на фаворитов, а потому, что они не подведут.

Наконец, напомним, что во время президентских выборов 2018 года инициаторы «умного голосования» призывали всем к другому.

Они не призывали поддержать оппонентов Путина, чтобы «сломать игру Кремля». Они призывали к бойкоту выборов — и это повысило результат Путина (не пришли на выборы, откликнувшись на этот призыв, именно те, кто мог бы поддержать его конкурентов). И это показало Путину, что демократического избирателя нет и с ним можно не считаться.

Пенсионная реформа и повышение налогов, беспредел на выборах МГД и приравнивание мирного протеста к «массовым беспорядкам», избиения граждан на улицах Москвы и преследование Фонда борьбы с коррупцией — неизбежные следствия этой причины.

НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

ПОЧЕМУ ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЛАСТИ ПЫТАЛИСЬ СОРВАТЬ
ВЫДВИЖЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ МУНДЕПОВ

20 сентября 2019

Муниципальная кампания в Петербурге (голосование проходило 8 сентября, одновременно с выборами губернатора) привлекла меньше внимания, чем выборы в Мосгордуму, но число вопиющих нарушений и масштабы фальсификаций оказались больше, чем в столице. И куда больше,

чем на муниципальных выборах в Москве в 2017 году, когда в городе появилось около 200 оппозиционных депутатов (почти все они были выдвинуты «Яблоком»), и в нескольких муниципальных районах власть оказалась у оппозиции. Что не только изменило политическую ситуацию в столице, но и существенно сказалось на выборах в Мосгордуму.

В питерской кампании власть, безусловно, учла московские уроки – и приняла превентивные меры.

Сперва от оппозиции скрывали назначение выборов и прятали избирательные комиссии, потом оппозиционным кандидатам отказывали в регистрации, а когда они победили – у них стали пытаться украсть победу.

Впрочем, то, что единороссы не умеют ни честно выиграть, ни достойно проиграть, и ранее не являлось секретом.

По уже подведенным итогам, на муниципальных выборах в Петербурге «Яблоко» получило 95 депутатских мандатов (большинство в двух городских муниципалитетах – Владимирский и Литейный округа, и в пограничном Мурино, самые большие фракции – в Смольнинском и Малой Охте). 108 мандатов у «Справедливой России», 73 – у КПРФ, 41 – у Партии роста.

В семи муниципалитетах из 109, где проходили выборы, итоги до сих пор не подведены. И в двух десятках эти итоги оспариваются в связи с серьезными подозрениями в массовых фальсификациях, отнявших мандаты у оппозиционеров. В том числе, у «Яблока» украли, как минимум, 24 мандата.

Занесение в протоколы голосования и в систему ГАС «Выборы» не тех данных, которые оглашались на избирательных участках, «пересчеты голосов», неизменно прибавляющие голоса единороссам, подделка протоколов голосования в «нужную» сторону, подделка избирательных бюллетеней, бегство избирательных комиссий с бюллетенями и протоколами, затягивание утверждения результатов (чтобы выиграть время для их подделки) – вот лишь краткий перечень «приемов фальсификации».

Все они служили единой цели: пересмотреть волю избирателей, проявленную на выборах, и сохранить власть за теми, кто по 10–15 лет сидит в муниципальных советах, послушно выполняя указания начальства.

Отстоять эту волю удалось лишь отчаянными усилиями оппозиционных кандидатов и членов избиркомов. И далеко не во всех случаях.

Раннее утро 9 сентября началось для меня со срочного сообщения от наших кандидатов, которые всю ночь сидели в администрации Центрального района — туда на период голосования и подсчета, как и в других районах, переехали все ИКМО, избирательные комиссии муниципальных образований.

Кандидаты били тревогу: готовится массовая фальсификация, данные протоколов с участков будут вносить в ГАС «Выборы» только после 16 часов, за это время могут подменить бюллетени (хранящиеся в том же здании в недоступном для наблюдателей месте) и подделать итоги голосования, как это не раз бывало. Именно в Центральном районе находятся и Владимирский, и Литейный округа, и Смольнинское, и везде у «Яблока» были самые высокие результаты, которые нельзя было дать украть.

Следующие пятнадцать часов непрерывно (и большую часть следующих четырех суток) я провел там, вместе с несколькими десятками наших уже избранных, но еще не признанных депутатов.

К ночи 9 сентября данные участковых протоколов все-таки ввели в ГАС «Выборы» — но это было еще не все: надо было добиться, чтобы ИКМО утвердила итоги выборов. «Фишка» в том, что после утверждения в ИКМО итоги выборов можно изменить только через суд, а до утверждения сама комиссия может их «скорректировать», назначив пересчет, или просто подделав участковые протоколы. И мы стали требовать скорейшего утверждения.

11 сентября, придя в ИКМО Владимирского округа, член комиссии от «Яблока» Леокадия Френкель обнаружила там заявление одного из кандидатов-единороссов о пересчете голосов. Ему, видите ли, показалось, что в таблицу голосования заносили не те фамилии кандидатов, за которые были поставлены «галочки» в бюллетенях.

Заявление мы тут же выложили в Сеть, а наши кандидаты от Владимирского округа взяли в осаду муниципалитет, требуя утверждения итогов выборов. Стихийно собрался народный

сход — десятки избирателей пришли поддержать кандидатов, за которых голосовали, и которым они требовали вручить мандаты. И утром 12 сентября итоги выборов по всему району были утверждены без всяких пересчетов.

Почему мы опасались пересчетов? Да потому, что после них почему-то результаты меняются исключительно в пользу единороссов — как будто в участковых избиркомах, где считают голоса, сидят не подконтрольные власти люди (большей частью, «бюджетники»), а ярые враги единороссов, занижающие их результаты.

Так, в муниципалитете «Московская застава» команду «Яблока» зарегистрировали лишь по решению суда, и только за два дня (!) до выборов, а до того им отказывали в регистрации. Они все равно выиграли — после чего была организована фальсификация. На одном участке голоса «пересчитывали» трижды — пока не добились вытеснения «яблочников» на непроходные места. Еще на четырех участках председатели участковых комиссий сбежали вместе с бюллетенями, не завершив подсчет, а когда вернулись и «пересчитали», результаты кардинально изменились (иначе, как подменой бюллетеней, это не объяснить). В итоге из 10 мандатов у «Яблока» остался только один.

То же самое — подмена бюллетеней и «пересчеты» голосов на участках без полагающихся для этого решений ИКМО, происходило в округе Екатерингофский, после чего мандатов лишилась вся команда «Яблока» и штаба Навального.

В округе Шувалово-Озерки после пересчета на одном участке чудесным образом добавилось 350 (!) голосов кандидату-единороссу.

Сбежала с протоколом и бюллетенями председатель одной из участковых комиссий в округе Новоизмайловское — после чего результаты голосования изменились в пользу провластных кандидатов, а кандидат от «Яблока» лишился сотни голосов. Очень похоже все было в округах Адмиралтейский и Семёновский (где после подмены бюллетеней вместо большинства у «Яблока» оно оказалось у единороссов), в Купчино и Коломне (там после ночного вывоза бюллетеней мандата лишился один из «яблочников», которого «сменила» мать вице-спикера ЗАКСа).

В муниципалитете Волковское подделали протоколы голосования по двум участкам — на тех протоколах, с которых вводили данные в ГАС «Выборы», стоят, по мнению оппозиционеров, фальшивые подписи членов участковой комиссии. Результат — минус два мандата у «Яблока».

В муниципалитете Озеро Долгое кандидатам сообщили, что на трех участках якобы провели пересчет, правда, на этот пересчет, вопреки закону, не позвали оппозиционных кандидатов, в том числе «яблочника» Вячеслава Тутушкина. Кандидаты обоснованно полагают, что никакого пересчета не было вообще, и вторую неделю дежурят у ИКМО, чтобы не вывезли и не подменили бюллетени. Скандал докатился до ЦИКа, куда обратились руководители питерских отделений «Яблока», «эсеров», КПРФ и ЛДПР, в Петербург был срочно направлен член ЦИК Александр Кинев, которого в муниципалитет... просто не пустили.

И наконец, вишенка на торте: оказывается, единороссов при подсчете на участках «обижают» и КОИБы — комплексы обработки избирательных бюллетеней!

Это прямо следует из результатов ручного пересчета голов в двух муниципалитетах Васильевского острова — Остров Декабристов и округ № 7.

На Острове Декабристов КОИБы только на одном участке якобы «не заметили» *шестьсот двадцать четыре* «галочки», поставленные за единороссов. В итоге вместо двух «яблочников» и двух самовыдвиженцев в муниципальный совет прошли четыре единоросса. В округе № 7 после ручного пересчета «яблочник» уступил место единороссу, у которого КОИБ якобы «не заметил» около 70 голосов.

Гипотез случившегося — только две.

Первая: КОИБы надо выкидывать на свалку. Если они способны так «ошибиться». Но, поскольку КОИБы стояли на четверти избирательных участков города, и считали голоса как на муниципальных, так и на губернаторских выборах, утрата доверия к ним автоматически означает отмену итогов выборов губернатора.

Но есть и вторая гипотеза, на мой взгляд, более вероятная: бюллетени перед пересчетом подделали. Как и во всех других случаях чудесного увеличения единороссовских результатов.

Почему все это случилось — объяснить нетрудно.

Во-первых, через два года — выборы в ЗАКС и Госдуму, где власть видит муниципалитеты (ранее тотально контролировавшиеся единосроссами) «группой поддержки» своих кандидатов в депутаты.

А во-вторых, муниципальные выборы — это «нулевой цикл» выборов губернатора: если не отменят «муниципальный фильтр», голоса муниципальных депутатов решают, кто будет участниками губернаторской гонки.

Замечу: многие считают, что следующие выборы губернатора Петербурга могут пройти куда раньше, чем через пять лет.

МАЛ ЖЕТОН ЗОЛОВОА

РОСГВАРДИЯ ИМИТИРУЕТ ГОТОВНОСТЬ К ВЫПОЛНЕНИЮ ТРЕБОВАНИЙ О ДЕАНОНИМИЗАЦИИ

8 октября 2019

Обнародован проект приказа командующего Росгвардией Виктора Золотова «Об утверждении образца и описания нагрудного знака военнослужащего или лица, проходящего службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющего специальное звание полиции».

Это — очевидный ответ на требование «деанонимизации» силовиков, избивающих мирных граждан на акциях протеста.

И ответ, не оставляющий сомнений в том, что нынешние жандармы (Росгвардия по своим функциям борьбы с «внутренними врагами» почти аналогична Отдельному корпусу жандармов в Российской империи) будут делать все, чтобы и дальше оставаться анонимными, и потому — безнаказанными.

Проблема «деанонимизации» силовиков, которых невозможно опознать, резко обострилась после московских акций протеста нынешним летом.

Миллионы граждан, благодаря социальным сетям, воочию увидели, как хорошо вооруженные и закованные в броню

«космонавты» с жестоким усердием бьют дубинками, сапогами и кулаками мирных и безоружных людей, чье единственное «прегрешение» в том, что они посмели выйти на улицу и потребовать честных выборов и регистрации кандидатов в депутаты, за которых они отдали свои подписи.

Возмущение достигло пика, когда был обнародовано видео, где один из силовиков бьет по печени Дарью Сосновскую. Виновного — по крайней мере, официально, — до сих пор не нашли. Как и других, кто бил и калечил мирных граждан на улицах Москвы и других городов: оказывается, их крайне трудно установить!

Федеральный закон «О полиции» обязывает сотрудника полиции, несущего службы в общественных местах, во-первых, представляться гражданам, от которых он что-то требует. А во-вторых — носить специальный нагрудный знак (жетон) с индивидуальным номером.

Вот только представляться гражданам, которых они разгоняют и избивают, полицейские, как правило, «забывают» (а ответственности за отказ представиться закон не устанавливает), а жетоны, которые они носят, таковы, что личность полицейского установить почти никогда не удастся. То жетоны «отсвечивают» так, что номер не разобрать, то они скрыты за форменной одеждой, то их просто нет — вариантов много...

Что касается Росгвардии, то с ней все еще хуже: в федеральном законе «О войсках национальной гвардии РФ» нет ни обязанности «росгвардейцев» представляться гражданам, ни обязанности носить нагрудные знаки. Более того, в законе вообще нет ни слова о каких-либо их обязанностях — только о полномочиях.

Летом 2019 года в Интернете появилась и набрала сотни тысяч подписей инициатива «Правопорядковый номер» — о необходимости для всех «силовиков» носить на форме хорошо различаемые издалека номера, по которым их потом можно установить.

В августе сенатор, бывший уполномоченный по правам человека и один из основателей «Яблока» Владимир Лукин внес в Госдуму проект изменений в законы о полиции и Росгвардии — об обязательном ношении сотрудниками полиции и Росгвардии, несущими службу в общественных,

идентификационных номеров на форменной одежде, которые должны быть хорошо различимы и позволят установить личности этих сотрудников в случае любых конфликтов и необходимости проведения проверок законности их действий в отношении граждан.

Представители Росгвардии тогда ответили, что будут «изучать» инициативу, и хотят выяснить, насколько это увязывается с безопасностью их бойцов, для которых, мол, опасно раскрытие их личностей.

Логика, поражающая своим цинизмом: проект Лукина ни в чем не угрожает безопасности «росгвардейцев». Все наоборот: это они представляют угрозу для безопасности граждан. И проект угрожает не их безопасности, а их безнаказанности, которую обеспечивает нынешняя «анонимность».

Более того, складывается впечатление, что крайняя жестокость «силовиков» на акциях протеста связана именно с тем, что им даны гарантии безнаказанности: выполняйте приказ — и вам за это ничего не будет!

Между тем, надо — чтобы «было».

Чтобы за любое беззаконие, за любое избиение мирных граждан, за любое издевательство над ними пришлось бы ответить. Персонально. По закону. Не имея возможности спрятаться за масками, шлемами и забралами.

«Закон Лукина» нужен для граждан, которые должны иметь право установить, кто их избивал или задерживал — чтобы добиться проверки законности этих действий и наказания в случае установления нарушений закона. Это не значит, что идентификационные номера должны быть в открытом доступе — но полиция и Росгвардия будут обязаны предоставить по этому номеру информацию об этом человеке по запросу суда, следователя, прокурора, омбудсмена или иного должностного лица, ведущего проверку.

И точно так же «закон Лукина» нужен и для самих полицейских и росгвардейцев — для того, чтобы речь шла только о тех, кто действительно нарушил закон. Чтобы не возникало ситуаций, когда кого-то из них подозревают без оснований — и никаких доказательств еще нет, а имя подозреваемого уже широко «гуляет» по Сети.

«Закон Лукина» нужен для того, чтобы не могли появиться провокаторы, надевшие на себя форму без опознавательных знаков, и специально, — для того, чтобы спровоцировать беспорядки или ответное насилие, — внедрившиеся в среду участников публичной акции.

Наконец, «закон Лукина» нужен и для безопасности самих «силовиков»: обязательно настанет время, когда за незаконное насилие над мирными гражданами придется отвечать. Перед законом и судом. И они первые будут тогда заинтересованы в том, чтобы отвечали только те, кто действительно виновен. А не все подряд люди в соответствующей форме. Как это уже было в нашей и не только нашей истории.

И еще об анонимности: в Москве Алена Попова подала иск о запрете распознавания лиц граждан при помощи видеокамер, которые все в большем количестве устанавливаются в Москве. Получается парадокс: «силовики» делают все, чтобы сохранить анонимность — а те, кого они вроде бы обязаны защищать, оказываются тотально распознаваемыми при помощи установленных властью камер. По сути, это означает незаконную слежку за гражданами и сбор их личных данных — без всякого решения суда...

Ну и что же предлагает нам Виктор Золотов в проекте своего приказа?

Не более, чем имитацию «деанонимизации».

Предлагается обязать росгвардейцев носить примерно такие же жетоны, как у полиции — вместо хорошо различных номеров на форме и шлемах.

Размер этого жетона достаточно мал, и его, точно так же, как жетон полицейского, легко будет скрыть от наблюдения.

Личный номер на этом жетоне занимает достаточно мало места, и распознать его будет так же трудно, как и номер на жетоне полицейского.

Ничто не помешает этому жетону якобы потеряться или запачкаться — после чего «росгвардейца» и вовсе будет не устанавливать. И так далее, и тому подобное.

Наконец, об обязанности жандармов представляться гражданам речи в проекте приказа Золотова и вовсе не идет — это, видимо, сочтено излишней роскошью.

Скорее всего, этот проект появился исключительно для того, чтобы, ссылаясь на него, заблокировать «закон Лукина».

Сказать: не нужен нам закон — сама Росгвардия уже откликнулась на требование общества, приняла необходимые меры, при необходимости можно будет установить личности тех, кто жестоко обращается с гражданами...

Как правило, ничего нельзя будет установить — по указанным выше причинам.

Проект приказа Золотова писали не для того, чтобы можно было устанавливать личности тех, кто применяет насилие к мирным гражданам, а для того, чтобы укрыть их от ответственности.

Нужен именно закон, а не приказ. Тот закон, который внесен сенатором Владимиром Лукиным — а не тот приказ, который написан генералом армии Золотовым.

Только тогда каждый «космонавт» трижды задумается — надо ли бить безоружных граждан, выполняя, по сути, преступные приказы, если потом за это могут сурово наказать? И надо ли защищать не граждан от преступников, а власть от граждан?

ВЕТЕР ВЕРНЕТСЯ

Памяти Владимира Буковского,
ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ НЕ БОЯЛСЯ

29 октября 2019

Владимир Буковский — бесстрашный и мудрый, мужественный и несгибаемый, противостоявший как советскому режиму, так и нынешнему российскому, — скончался на 76-м году жизни в Кембридже.

«Буковский был легендарным диссидентом: искренним, совершенно бесстрашным, дерзким, абсолютно принципиальным. Он был последовательным борцом за свободу, противником насилия над личностью, государственного тоталитаризма.

Поэтому противостоял и нынешней российской власти. Его оценка российской действительности была точной и горькой, но он не смирился и не отчаялся», — скажет, узнав о его уходе, основатель «Яблока» Григорий Явлинский.

Власти его терпеть не могли как при Хрущеве, Брежневе и Горбачеве, так и при Ельцине (с небольшими исключениями) и Путине.

Он всегда говорил то, что думал — совершенно не заботясь о том, как это воспримут, и к чему для него это приведет.

И сражался не только с Драконом, но и с пришедшими ему на смену бургомистрами и генрихами. С горечью наблюдая готовность воспитанных Драконом повезти любого, кто возьмет в руки вожжи.

В 17 лет исключенный из школы за издание рукописного журнала, в 19 лет — отчисленный из университета за организацию знаменитых собраний молодежи в Москве у памятника Маяковскому, в 21 год — впервые арестованный, признанный невменяемым и отправленный на принудительное лечение в психбольницу, Буковский, заявлявший о «биологической несовместимости» с Советской властью, оказался одной из жертв пресловутой «карательной психиатрии». И, пройдя множество кругов этого ада, сумел предать международной огласке такие подробности этой «психиатрии», используемой для политических репрессий, что Всесоюзное научное общество невропатологов и психиатров было вынуждено выйти из Всемирной психиатрической ассоциации под угрозой неминуемого и позорного исключения.

В 1976 году произошел знаменитый обмен — отбывавшего срок после четвертого ареста Буковского обменяли на лидера чилийской компартии Луиса Корвалана.

Частушку, сочиненную другим диссидентом — Вадимом Делоне, одним из тех, кто в августе 1968 года вышел на Красную площадь («Обменяли хулигана/На Луиса Корвалана/Где бы найти такую б.../Чтоб на Брежнева сменять?»), тогда повторила чуть ли не вся страна.

Впрочем, когда осенью 2007 года в Петербурге мы впервые встретились с Буковским, он говорил, что этой частушкой его немного утомили — подавляющее большинство из тех, с кем он встречался в России, обязательно ее вспоминали...

Оказавшись за границей, Буковский закончил Кембридж, получив специальность нейрофизиолога, и продолжал серьезно портить настроение советскому режиму: выступал против ввода войск в Афганистан, вел кампанию за бойкот московской Олимпиады, был одним из создателей и президентом международного антикоммунистического «Интернационала сопротивления».

С апреля 1991 года Буковский регулярно приезжал в СССР, а потом в Россию — но ожиданий в лояльности новой российской власти не оправдал. И потому не сделал никакой — ни государственной, ни общественной, — карьеры. То, что он считал правильным, он поддерживал, то, с чем не соглашался — резко критиковал.

Буковский уважал Бориса Ельцина за то, что тот распустил СССР и запретил КПСС — и критиковал его за то, что так и не состоялся суд над компартией, которого Буковский изо всех сил добивался.

После путча ГКЧП он пришел к российскому руководству и сказал: «Если вы не проведете своего рода Нюрнберга или его подобия, вы никогда этот режим не прикончите. Более того, коммунисты оживут. Это ведь как раненый зверь. Подранка надо добить. Если вы его не добьете, он бросится вам на горло».

По словам Буковского, он уговорил провести этот суд всех ключевых членов команды Ельцина — кроме самого президента, который на это так и не решился. И это не позволило сломать систему, начать процесс раскаяния и очищения в обществе. Это не позволило провести люстрации — а если бы они были сделаны в 1992 году, говорил потом Буковский, «никакие Путины к власти бы не пришли». И уж точно, говорил Буковский, сегодня не шли бы споры о том, какой Сталин был «хороший менеджер», и никому бы в голову не пришло опять ставить ему памятники.

Буковский поддерживал многие политические решения Ельцина — но считал «безобразными» реформы Егора Гайдара.

Буковский решительно поддержал действия Ельцина осенью 1993 года, роспуск съезда народных депутатов и силовое разрешение конфликта — но подверг резкой критике «ельцинскую» Конституцию. Потом он говорил: «Ельцин-то не вечен.

Придет кто-то, кто этими невероятными полномочиями президента начнет пользоваться. Нельзя делать под конкретного политика конституцию».

Прошло шесть с половиной лет — и прогноз полностью оправдался. Как и другой прогноз Буковского, сделанный еще летом 1993 года. Он написал: «Демократия, как правило, для них означает не что иное, как хорошо контролируруемую социалистическую «демократию, в то время как рыночная экономика означает для них в лучшем случае не что иное, как коррупцию. Поэтому в лучшем случае от них можно ожидать преследования любой частной инициативы или в худшем — оправдания своей собственной коррупции нуждами рыночной экономики. Короче говоря, если эти люди и способны что-либо создать, то скорее всего новую мафию на месте старой. Это тот самый третий путь, о котором они так любят говорить». Как в воду глядел.

И, конечно же, Буковский категорически осудил операцию «Преемник», когда Ельцин, по его словам, «передал власть нынешним гэбэшникам». Потому что, как он говорил, «под конец у Ельцина была одна забота, чтобы обеспечить неприкосновенность себе и семье, иммунитет и это могло обеспечить только КГБ».

Не требует пояснений тот факт, что Буковский, на дух не переносивший тоталитаризма и любых попыток поставить государство выше общества, оказался в жесткой оппозиции к путинскому режиму и активно поддерживал оппозицию.

В 2007 году он поддержал «Яблоко» на выборах в Госдуму, а в 2008 году решил участвовать в президентских выборах. Его, выдвинутого инициативной группой, поддержало бюро «Яблока» — но ЦИК отказал ему в регистрации, так как он не проживал в России в течение последних десяти лет, и не представил справку, что является писателем (сразу вспомнилось, как недавно в Петербурге для установки мемориальной доски потребовали справку, что Борис Стругацкий был писателем).

Буковский подписал знаменитое обращение оппозиции «Путин должен уйти», и вошел в политсовет движения «Солидарность».

Буковский еще в 2007 году, — до необъявленной войны с Грузией, и задолго до Крыма, — предупреждал, что «Запад ведет

себя как с Гитлером примерно — это умиротворение. И это, конечно, только усиливает аппетиты в Кремле, они больше и больше получают подтверждение, что Запад сопротивляться не будет, что у него нет больше иммунитета, который был в «холодную войну».

Буковский не устал говорить и возвращался к этому снова и снова во время наших встреч в Петербурге и Москве в 2007–2008 годах о том, что российское ФСБ является прямым наследником КГБ, а пришедшие к власти чекисты — абсолютное и безусловное зло. А еще, видя растущее преклонение перед Путиным, он говорил, чем гражданин отличается от подданного: «гражданин наделен правами от рождения, а подданный получает их путем высочайшего соизволения»...

О самом Путине Буковский отзывался презрительно, называя его «всего лишь маленьким чиновником КГБ, который из Дрездена, где он в то время находился, видел закат советской империи». По его словам, именно поэтому для Путина этот крах стал «самой большой геополитической катастрофой XX века», хотя это был праздник, освобождение. Было бы легче восстановить Римскую империю, чем СССР».

Конечно, путинская власть его ненавидела. Конечно, она пыталась мстить.

Сперва — мелко: в 2014 году ему оказались обменять просроченный российский заграничный паспорт, якобы «не обнаружив заявление В. К. Буковского о приеме в российское гражданство и соответствующее решение по данному вопросу», хотя российское гражданство Буковскому было предоставлено указом президента Бориса Ельцина в 1992 году. Больше Буковский в Россию не приезжал. Потом начали мстить крупнее: вряд ли омрачивший последние годы жизни Буковского скандал с нелепыми обвинениями в «изготовлении детской порнографии» обошелся без участия российских спецслужб и их «агентов влияния» в Великобритании...

«Общество не осознало ни своей свободы, ни своей ответственности, а получивши гласность сверху, в качестве подарка, так и не знало, на что бы такое употребить ее. Промучившись так с десятков лет, сами же и выбрали себе в правители привычных старых палачей, сразу же избавившись ото всех трудных вопросов», — напишет в сентябре 2007 года Буковский

в предисловии к очередному изданию своей автобиографии «И возвращается ветер...». И добавит: «Конечно, коль скоро в стране возрождается тирания, люди вновь задаются вопросом, что бы можно ей противопоставить. Вот только готово ли общество, — в большинстве своем отвергнутое наши решения и тридцать, и двадцать, и десять лет назад, — принять их сейчас? Впрочем, разве мы когда-нибудь рассчитывали на победу? Да нет, мы просто выполняли свой долг. Несчастливая страна, где простая честность воспринимается в лучшем случае как героизм, в худшем как психическое расстройство. Горе тому народу, в котором иссякло чувство собственного достоинства. И если не найдется в той стране, у того народа хотя бы горстки людей, да хотя бы и одного, чтобы взять на себя их общий грех, никогда уже не вернется ветер на круги своя. По крайней мере, я так понимал свой долг и поэтому ни о чем не жалею».

Ветер обязательно вернется, Владимир Константинович.

Ведь именно Вы говорили, что доказали формулу: «сравнительно небольшое количество людей решительных, отстаивающих свою точку зрения и протестующих, сопротивляющихся произволу, режиму репрессий, в конечном итоге, неистребимы».

ЛОКАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

11 ноября 2019

Конституционный суд ограничил возможности региональных властей отказывать в проведении публичных акций.

Установлено, что ни якобы «помехи для пешеходов», ни якобы «препятствие работе транспорта», ни якобы «помехи для доступа к объектам социальной инфраструктуры» сами по себе не могут быть основанием для запретов митингов, шествий и пикетов. Признаны неконституционными положения закона Республики Коми о создании дополнительных «запретных зон» для публичных акций. Эти нормы предписано

изменить. Аналогичные изменения предписаны и для других регионов, которые ввели похожие запреты.

Пункт 2 статьи 8 федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» запрещает проводить публичные акции на территориях, непосредственно прилегающих к опасным производственным объектам, на путепроводах, железнодорожных магистралях, полосах отвода железных дорог, нефте- и газопроводах, высоковольтных ЛЭП, на территориях, непосредственно прилегающих к резиденциям президента РФ, к зданиям судов, к территориям и зданиям тюрем и колоний, а также в погранзонах (без специального разрешения).

Запретный список не так и велик (хотя порой толкуется расширительно, например, когда «резиденциями президента» объявляются здания, занимаемые полпредствами). Но дело в том, что перечень «запретных зон» не исчерпывающий.

На основании пункта 2.2 той же статьи, «в целях защиты прав и свобод человека и гражданина» (конечно же!), «обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности» региональным законом могут быть введены и дополнительные «запретные зоны». В том числе, если проведение в них публичных акций «может повлечь нарушение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи, создать помехи движению пешеходов и (или) транспортных средств, либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры».

Формулировка воистину «резиновая». Особенно в части «создания помех движению пешеходов» или «доступу граждан к жилым помещениям или объектам инфраструктуры».

Вообще говоря, любой из нас, идя по улице, «создает помехи» для других пешеходов. А может и «создать помехи» для тех, кто хочет войти в подъезд. Или в автобус. Или в поликлинику...

Конечно же, региональные власти этой возможностью дополнительно запрещать публичные акции охотно пользуются.

Например, в Петербурге, дабы протестующие не мешали пешеходам и «доступу к социальной инфраструктуре», радостно запретили собрания, митинги, шествия и демонстрации на

Невском проспекте, Дворцовой и Исаакиевской площадях (напомним, что именно на этих площадях в 1991 году проходили миллионные акции протеста против путча ГКЧП). А также запретили митинги и собрания в радиусе 50 метров от зданий, которые занимают органы государственной власти, образовательные учреждения и учреждения здравоохранения, и в радиусе 100 метров от входа на железнодорожные, автобусные и морские вокзалы, аэропорты и станции метро.

Абсурдность этих положений достаточно очевидна: где же проводить митинги протеста против решений властей, как не у источника недовольства? Что касается образовательных учреждений, то под этим предлогом уже много лет запрещают проводить митинги на ранее широко использовавшейся для этих целей площади академика Сахарова – под тем предлогом, что рядом находится один из входов в Санкт–Петербургский государственный университет. И запрещают митинги даже в выходные дни, когда студенты не учатся. Наконец, Дворцовая площадь – исторически сложившееся место для публичных акций, никакой транспорт по ней не ходит, «мешать» некому. Но – «низзя!».

Но вот в Конституционный суд обратились две жительницы Коми – Марина Седова и Вера Терешонкова, которые заявляли на Стефановской площади 30 июля 2017 года заупокойный молебен по православному обряду в память о жертвах Большого террора в СССР 1937-1938 годов на месте разрушенного 85 лет назад Свято-Стефановского собора. И получили отказ, потому что законом республики Коми на этой площади, а также в радиусе 50 метров от зданий государственной власти и местного самоуправления, любые собрания, митинги, шествия и демонстрации запрещаются.

Стоит заметить, что, по словам Седовой, в Сыктывкаре эта площадь – практически единственное место в центре города, пригодное для публичных акций.

Но все судебные инстанции законность отказа подтвердили со ссылкой на то, что федеральный закон позволяет региональным властям устанавливать дополнительные «запретные зоны».

В августе 2017 года Седова с другими гражданами попыталась заявить у здания администрации городского округа

«Сыктывкар» митинг с обсуждением плохой работы общественного транспорта. И тоже получила отказ — мол, место митинга находится ближе, чем в 50 метрах, от входа в здание. Хотя, по мнению Седовой, этот запрет имеет «главным своим предназначением воспрепятствование адресной публичной критике региональных и местных чиновников со стороны граждан и их объединений» и уже потому «не отвечает конституционно допустимым условиям ограничения свободы мирных собраний и свободы выражения мнения и тем самым не соответствует Конституции Российской Федерации»...

Седова и Терешонкова обжаловали республиканский закон в КС — и, что примечательно, получили очень неплохое решение.

Отметив, что право на мирные собрания «является одним из основополагающих и неотъемлемых элементов правового статуса личности в Российской Федерации как демократическом правовом государстве», КС констатировал, что граждане имеют право посредством проведения публичных мероприятий оказывать влияние на организацию и осуществление государственной и муниципальной власти. И благодаря этому способствовать поддержанию мирного диалога между гражданским обществом и государством, что «не исключает протестного характера таких публичных мероприятий, который может выражаться в критике как отдельных действий и решений государственных органов и органов местного самоуправления, так и проводимой ими политики в целом».

При этом «реагирование публичной власти на подготовку и проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований должно быть нейтральным и, во всяком случае, вне зависимости от политических взглядов их инициаторов и участников, нацеленным на обеспечение необходимых условий для правомерного осуществления гражданами и их объединениями права на свободу мирных собраний».

Что называется, эти слова бы да чиновникам в уши — как хорошо известно всем, кто хоть раз организовывал митинги или пикеты, нынешняя власть отнюдь не является в этом вопросе «нейтральной». И реагирует на уведомления о проведении публичных акций в практически полной зависимости от политических взглядов их участников. Разрешая провластным

заявителям все, что попросят, и запрещая публичные акции оппозиции в желаемых ей местах.

Как правило (что в Петербурге, что в Москве, что в Сыктывкаре) оппозиционерам предлагается отправиться куда-нибудь на окраину — потому что в центре города ничего нельзя провести по самым разным причинам.

Фантазия властей тут неистощима: придумываются любые «основания», среди которых одно из главных то, что акции якобы будут создавать помехи для граждан или транспорта.

Так вот, КС отмечает, что «проведение публичных мероприятий, как правило, сопряжено с известными неудобствами для не участвующих в них граждан» (создание помех работе транспорта, затруднение доступа к объектам социальной инфраструктуры и т.п.), но «такого рода издержки свободы мирных собраний сами по себе не могут служить веской причиной для отказа в проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований».

И потому, «компетентные органы и должностные лица обязаны стремиться к принятию всех зависящих от них мер для их легального проведения в избранном организаторами месте и в запланированное время, в том числе посредством минимизации вызываемых ими последствий, а не пытаться под любым предлогом изыскать причины, оправдывающие невозможность реализации права на организацию и проведение публичных мероприятий в указанном в уведомлении формате».

Что касается возможности для региональных властей устанавливать дополнительные «запретные зоны» для публичных акций, КС отмечает, что регионы «не полномочны имплементировать в законодательство процедуры и условия, искажающие само существо тех или иных конституционных прав, снижать уровень их основных гарантий, закрепленных в Конституции РФ и федеральных законах, а также самостоятельно, за пределами установленных федеральными законами рамок, вводить какие-либо ограничения конституционных прав и свобод». И потому не могут произвольно вводить «пространственно-территориальные ограничения».

Говоря о ситуации в Сыктывкаре, КС полагает, что нельзя отказывать в проведении публичных акций на Стефановской

площади исключительно на основании общего запрета, предусмотренного законом Коми, а надо «в обязательном порядке в каждом конкретном случае оценивать реальную степень угроз и в зависимости от этого решать вопрос о допустимости проведения соответствующего публичного мероприятия на данной площади». Между тем, общий запрет проведения собраний, митингов, шествий и демонстраций в местах, расположенных в радиусе 50 метров от входа в здания, занимаемые органами госвласти и МСУ и государственными учреждениями Республики Коми, означает, по сути, «введение непреодолимого барьера для реализации на территории этой Республики права на свободу мирных собраний вблизи любых органов региональной и муниципальной власти, а также любых республиканских государственных учреждений». И, по мнению КС, «выходит за пределы законодательных полномочий субъектов Российской Федерации».

Поэтому, отмечает КС, законодатели Коми обязаны отменить свои нормы о «запретных зонах в той их части, которая предусматривает безусловные запреты на проведение там публичных акций без оценки степени их угрозы для прав граждан, общественной безопасности и правопорядка. До этого любой отказ в согласовании проведения собраний, митингов, шествий и демонстраций на Стефановской площади «не может оправдываться формальными ссылками» и «в обязательном порядке должен содержать обоснование того, почему с учетом заявленных параметров конкретного публичного мероприятия его проведение вызовет реальную и неустранимую иным образом угрозу правам и свободам человека и гражданина, обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности, в том числе повлечет нарушение функционирования объектов».

Наконец, КС устанавливает, что признание неконституционным полного запрета, установленного в Коми, требует внесения необходимых изменений и в законы других регионов, содержащие аналогичные запреты.

Посмотрим, как это постановление КС будет выполняться.

ОНИ ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ

ЧТО НЕ ТАК С НОВЫМ ЗАКОНОПРОЕКТОМ ОБ «ИДЕНТИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ» РОСГВАРДИИ

27 ноября 2019

Депутаты Госдумы Василий Пискарев (глава комитета по безопасности и противодействию коррупции), Валерий Гартунг и Александр Хинштейн внесли свою версию изменений закона о Росгвардии — уже громко названную в ряде СМИ «законом об обязательной идентификации сотрудников Росгвардии».

Якобы, решающим проблему «деанонимизации» силовиков, на фоне массового возмущения их жестокими действиями на акциях протеста и невозможностью потом их идентифицировать — для установления наличия вины и наказания, если она имеется.

На самом деле, упомянутый закон вовсе не решает эту проблему (в отличие от закона, внесенного сенатором Владимиром Лукиным).

Скорее всего, он предназначен для того, чтобы «замотать» закон Лукина — заменить его законодательным суррогатом.

Как и более раннее предложение главы Росгвардии Виктора Золотова о введении нагрудных знаков для его подчиненных, это не более чем имитация «деанонимизации».

Заглянем в законопроект. Что же мы увидим?

Мы увидим обязанность сотрудника войск Росгвардии, обращающегося к гражданину, представиться — назвав должность, фамилию и звание, предъявить по требованию гражданина служебное удостоверение, сообщить причину и цель обращения, а в случае «применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы» — разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина. И разъяснение в пояснительной записке — что сегодня законом на «росгвардейцев» не возложена обязанность представляться и предъявлять служебное удостоверение, в результате чего «граждане лишены возможности убедиться, что к ним

обращается именно уполномоченный на то представитель власти».

Это что же — «космонавты» на улицах Москвы, Петербурга и других городов, перед тем как хватать, бить и тащить, будут вежливо представляться и показывать удостоверение? А потом еще и разъяснять «причину и основания» избиения и задержания? Быть такого не может!, — подумаете вы. И будете совершенно правы.

Не для этого бывший пресс-секретарь Росгвардии Хинштейн и бывший первый зампред Следственного комитета Пискарев писали этот закон.

И потому, во-первых, все перечисленные обязанности перед гражданами возникают у «росгвардейца» только «в случаях, предусмотренных пунктами 4, 12, 16, 18, 20, 24, 26, 27 части 1 статьи 9 настоящего Федерального закона».

Так вот, все эти пункты не имеют никакого отношения к тем ситуациям, в которых действия Росгвардии вызывают наибольшее и справедливое возмущение — к их работе на массовых акциях.

В этих пунктах идет речь о работе Росгвардии по проверке документов, удостоверяющих личность граждан, если есть подозрения, что они совершили преступление или находятся в розыске. О приеме и хранении и уничтожении изъятого или добровольно сданного оружия и боеприпасов и взрывчатки. О контроле оборота оружия — гражданского, служебного и наградного. О выдаче лицензий на частную охранную или детективную деятельность, и о контроле за этой деятельностью. О проверке мест производства, хранения, торговли и коллекционирования оружия и проверке документов граждан, подтверждающих законность владения ими оружием. Об изъятии или конфискации оружия и боеприпасов по решению суда.

Ну, а пункты, где речь идет о праве сотрудников Росгвардии требовать от граждан соблюдения общественного порядка, требовать от них прекратить «противоправные действия», пресекать преступления, административные правонарушения и противоправные действия, доставлять граждан в полицию в целях «решения вопроса о задержании» — *отсутствуют* в перечне ситуаций, когда «росгвардейцы» обязаны представляться, показывать удостоверение и предупредить. Иными

словами, «работая» на подавление или разгон массовых акций, сотрудники Росгвардии в случае принятия «закона Пискарева-Гартунга-Хинштейна» смогут вести себя так же, как и раньше, ничего не опасаясь.

А для полной безопасности силовиков указанный закон освобождает их от обязанностей представляться даже и в тех случаях, которые перечислены выше. Эти требования можно не выполнять «при возникновении обстоятельств, создающих непосредственную угрозу жизни и здоровью сотрудника войск национальной гвардии или иных лиц, либо которые могут повлечь за собой иные тяжкие последствия». То есть, сотрудник Росгвардии может, не представляясь, засветить кому-либо дубинкой или сапогом — а потом заявить, что усматривал «угрозу своему здоровью» или «иные тяжкие последствия». Что его товарищи охотно подтвердят.

Единственный надежный способ «деанонимизации силовиков» — тот, что предложен Владимиром Лукиным: при несении службы в общественных местах — крупно выполненный индивидуальный номер на форменной одежде. Который невозможно скрыть. По которому потом можно однозначно установить «роsgвардейца», если надо провести проверку.

Но даже о рассмотрении «закона Лукина» пока ничего неизвестно.

ЛЕВОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН

КАК В ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
ЛИБЕРАЛОВ НА ВЫБОРАХ МИНИМИЗИРОВАЛИ

18 декабря 2019

Смольнинский районный суд Петербурга отказал кандидату в депутаты муниципального совета Антону Горбунову, который требовал отменить итоги голосования на одном из избирательных участков по выборам в муниципальном образовании Смольнинское, где в массовом порядке голосовали курсанты Военной академии материально-технического

обеспечения. Однако в судебном процессе всплыли очень интересные документы.

Как обычно голосуют военные на территории воинской части, хорошо известно: по команде и строем (не раз наблюдал этот процесс лично). И в описываемом случае голосование на этом участке, радикально отличающееся по результатам от других избирательных участков в округе, оставило Горбунова без заслуженного, как он полагает, мандата депутата. Причем, считает Горбунов, курсанты вообще не имели права голосовать – как не проживающие на территории воинской части, которая находится в Смольнинском, и не зарегистрированные там в установленном порядке. Суд этим запретом пренебрег, несмотря на то, что у МВД (из академии прислали списки голосовавших курсантов) примерно по двум третям голосовавших вообще нет данных об их регистрации, а треть имеет регистрацию где угодно, только не в Петербурге.

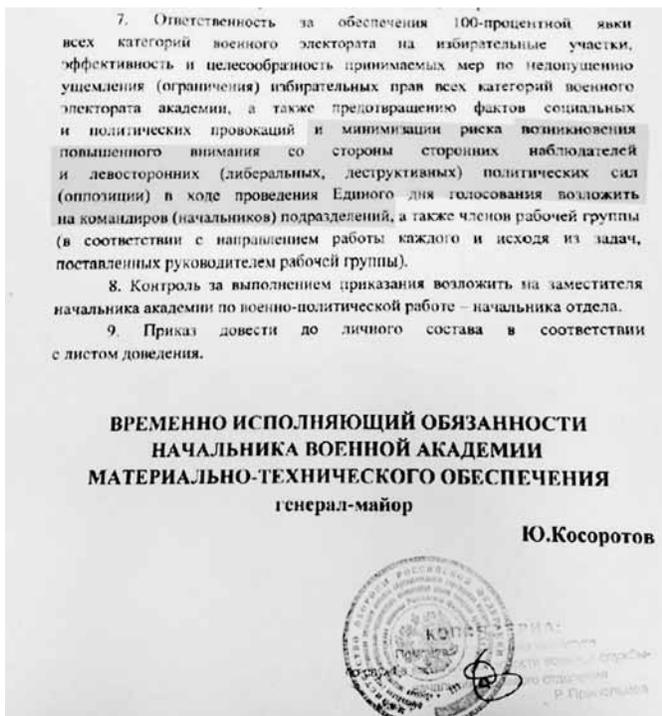
Пока шел процесс, Горбунов и его представители попросили суд истребовать из академии документы, касающиеся организации голосования, и получили документ невероятной силы: выписку из приказа врио начальника академии генерал-майора Косоротова от 31 июля 2019 года № 807 «О подготовке, организации и проведении Единого дня голосования 8 сентября 2019 года».

В этом приказе, во-первых, командирам подразделений академии и членам специально создаваемой рабочей группы предписывается обеспечить стопроцентную явку «всех категорий военного электората»(!) на избирательные участки, что прямо противоречит Федеральному закону. В статье 3 ФЗ об основных гарантиях избирательных прав ясно записано: «участие гражданина Российской Федерации в выборах и референдуме является свободным и добровольным. Никто не вправе оказывать воздействие на гражданина Российской Федерации с целью принудить его к участию или неучастию в выборах либо воспрепятствовать его свободному волеизъявлению».

Но это еще цветочки. Ягодки дальше.

На тех же начальников возлагается ответственность за «предотвращение социальных и политических провокаций» и «минимизацию риска возникновения повышенного внимания со стороны сторонних наблюдателей и левосторонних (ли-

беральных, деструктивных) политических сил (оппозиции) в ходе проведения Единого дня голосования».

Генерал-майор Юрий Косоротов приказал «минимизировать риск возникновения повышенного внимания со стороны <...> левосторонних (либеральных, деструктивных) политических сил (оппозиции)» в ходе выборов 8 сентября 2019 года. Это ноу-хау!

Интересно, читал ли когда-нибудь генерал Косоротов российские законы, в том числе о выборах и гарантиях избирательных прав?

Видимо, нет, в противном случае ему было бы известно, что упомянутый Федеральный закон о гарантиях избирательных прав не ограничивает права наблюдателей в случае проявления ими «повышенного» внимания к деятельности избирательной комиссии.

Точно так же генералу Косоротову было бы известно, что закон запрещает препятствовать наблюдению на выборах, а тем более создавать эти препятствия, исходя из политических взглядов наблюдателей, давая дискриминационные политические оценки участникам политического процесса и требуя всячески мешать оппозиционерам (где объединены «либералы» и «деструктивные» политические силы). Более того, давая такие оценки, руководство академии само занимается политической деятельностью, что прямо запрещено законом о статусе военнослужащих: они не вправе использовать служебное положение в интересах политических партий и общественных, в том числе религиозных, объединений, а также для пропаганды отношения к ним.

Я направил обращение заместителю Генерального прокурора (главному военному прокурору РФ) с просьбой провести проверку этого приказа и внести протест на его описанные положения. С интересом жду ответа.

Последнее. То, что власти стараются всячески мешать наблюдателям от оппозиции, давно известно: им не нужны свидетели преступлений против избирательных прав граждан. Но, пожалуй, впервые требование создавать эти помехи сформулировано на бумаге, да еще и в виде приказа начальника военной академии.

В любой демократической стране после издания такого приказа он вылетел бы с должности, как пробка из бутылки.

Впрочем, в демократической стране такой приказ и не появился бы.

БЕЗСУДНАЯ РОССИЯ

9 января 2020

Соглашусь (что нечасто бывает) с Владимиром Пастуховым в его оценках состояния российского правосудия и требовании правового государства как ключевого пункта политической повестки дня.

Но есть два важных замечания.

О необходимости правового государства, — где Закон выше власти и одинаков для всех, а правоохранительные органы защищают граждан от произвола власти, а не власть от требований граждан, — на моей памяти говорят уже лет тридцать. А строят — прямо противоположное, причем сознательно: неверным является не построение, а чертежи.

Появление реального правосудия — то есть, суда, основанного на праве, а не на указаниях начальства, — крайне важно. Именно это — «кощеева игла» Системы, та ниточка, с которой надо разматывать клубок произвола и беззакония в стране. Потому что если любое безобразие власти можно отменить в суде — становится почти бессмысленным это безобразие совершать.

Вопрос лишь в том, как именно этого добиться.

«С определенностью можно сказать, что суд не пользовался властью, а власть бесконтрольно пользовалась судом. Антидемократический режим, не меняя своей сущности, с одинаковым цинизмом представлял то в маске народного представительства, то под видом правосудия. Суды выступали преимущественно как репрессивный орган, подчас освящая ритуалом судебного заседания предпрешенную расправу. Граждане на собственном опыте убеждались, что оградить свои права и законные интересы с помощью правоохранительных органов так же трудно, как и защититься от этих органов, попав в сферу их деятельности. Язвы судопроизводства — коррупция, сокрытие преступлений от учета, дутые показатели раскрываемости, почти полное отсутствие оправданий, отработанная технология добывания лжепризнаний и осуждения невиновных. Надзор вышестоящих инстанций оказывается близоруким, суд покрывает ошибки обвинения, прокурор горой стоит за выводы расследования, а следователь смотрит сквозь пальцы на неправомерные действия оперуполномоченного...».

Это не доклад правозащитников о состоянии российского правосудия и не статья о нем в западной прессе.

Это концепция судебной реформы в РСФСР, утвержденная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 года, и разработанная группой экспертов, в том числе Борисом Золотухиным,

Тамарой Морщаковой, Александром Лариным и Сергеем Пашиным. В которой, как нетрудно видеть, констатировалось практически такое же состояние «расправосудия» советских времен (не только я склонен употреблять этот термин), какое мы видим и сейчас, через три десятка лет.

Ничего не изменилось. Судебная система осталась в практически прежнем состоянии (организационные изменения — не в счет, они не изменили сути).

Почему?

Ответ представляется достаточно очевидным: правовое государство, как и демократия, честные выборы, сменяемость власти, свободные СМИ, было категорически противопоказано идеологам реформ 90-х годов прошлого века, которые сознательно выстраивали авторитарную политическую систему, позволяющую игнорировать общественное мнение.

Какое правовое государство, когда надо провести «единственно верные» экономические реформы и не допустить «коммунистического реванша»?

«Критической точкой» стал октябрь 1993-го, когда суд признал, что президент, нарушивший Конституцию и распустивший парламент, заслуживает за это импичмента, после чего президент фактически распустил тот суд, который это признал, а затем и практически все представительные органы власти в стране. После этого всерьез говорить о правовом государстве было уже невозможно.

Да, конечно, в последующие годы случались и справедливые судебные решения. Но только «случались». Потому что в демократическом государстве правосудие является правилом, а в авторитарном — исключением. И, например, знаменитое «дело Никитина» (капитана первого ранга Александра Никитина обвинили «в разглашении гостайны» за предание огласке информации о радиоактивном загрязнении на Северном флоте), в 90-е годы закончившееся его полным оправданием, сегодня вряд ли имело бы такой исход.

А так — будь тогда в России правосудие, были бы совершенно другими президентские выборы 1996 года, где в пользу Бориса Ельцина были нарушены почти все нормы избирательного закона. И были бы признаны ничтожными «залоговые

аукционы». И указы Ельцина о начале войны в Чечне были бы признаны неконституционными.

Ну, а о том, что происходило после прихода к власти Владимира Путина, вряд ли надо подробно напоминать — правосудие и рядом не стояло. Начиная с разгрома НТВ и дела «ЮКОСа».

Не соглашусь, кстати, с тезисом Владимира Пастухова о том, что «2019-й стал для России годом растерзанного правосудия и торжества правового нигилизма во всех возможных его проявлениях».

А что, «болотное дело», или «дело Юрия Дмитриева», «дело «Пусси райот» или «дело «Сети» — это не «растерзанное правосудие»?

Что касается «правового нигилизма», то он торжествует, как минимум, с «присоединения Крыма». Более того, все, что мы наблюдаем — вовсе не правовой нигилизм в его классическом понимании, когда отрицаются и не исполняются законы. Это право, понимаемое, как воля начальства, возведенная в закон.

Именно поэтому большинство законов, принятых в последние годы, сознательно написаны так, чтобы максимально затруднить реализацию конституционных прав граждан, — либо поставив на этом пути бесконечно много бюрократических барьеров, либо создав многоуровневую систему запретов и ограничений, и одновременно — максимально «развязать руки» исполнительной власти и правоохранительным органам, которые эти законы применяют.

Почему необходимо правосудие и правовое государство?

По очень простой причине.

Это не прихоть теоретиков, и не выдумка оппозиционных политиков.

Это единственно возможный способ ограничения произвола власти и защиты прав граждан: ничего лучшего в мире не придумано.

Сегодня в России суд это орган, встающий на сторону власти при большей части ее конфликтов с гражданами. Охотно верящий любым свидетельствам, предъявленным властью или полицией, но «критически относящийся» к любым свидетельствам в пользу граждан. И выносящий вопиюще

неправосудные решения с полной уверенностью в своей безнаказанности.

Конечно, рядом с таким судом необходимы правоохранительные органы, не заслуживающие называться таковыми, ибо превращены в охранку, охраняя не право, а режим. И прокуратура, молчащая, когда надо оспорить безобразия начальства, но немедленно включающаяся, когда надо преследовать тех, кем начальство недоволено, например, объявить «нежелательной организацией».

Но важнейший элемент — суд.

Будь в стране правосудие — стали бы поправимы любые беззакония других «ветвей власти», исполнительной и законодательной, как и беззаконие правоохранительных органов. Потому что любое из этих беззаконий в таком суде можно отменить. И те, кто беззаконие творит, это знают. А когда они знают противоположное, что любое беззаконие (особенно, совершенное с нелояльными гражданами, не страдающими верноподданым образом мыслей) сойдет им с рук, — они творят его и дальше с удвоенной силой.

Будь в стране правосудие — бессмысленно было бы подделывать результаты выборов, потому что суд бы это отменил. А сейчас те, кто подделывает, уверены, что суд все оставит, как есть. За редчайшими исключениями.

Будь в стране правосудие — бессмысленно было бы фабриковать уголовные дела на «несогласных», потому что они бы развалились в суде. А сейчас те, кто фабрикует, уверены, что суд проштампует обвинительное заключение. За редчайшими исключениями.

Будь в стране правосудие — бессмысленно было бы вести «уплотнительную застройку» под окнами жилых домов и застраивать скверы, отказывать больным в лекарствах, а бедным — в пособиях, потому что суд бы исправил положение. А сейчас те, кто все это делает, уверены в своей безнаказанности. За редчайшими исключениями.

Поэтому «разматывать клубок» надо начинать именно отсюда. Не с громких призывов посадить коррупционеров (при таком суде они выйдут сухими из воды, даже если в него попадут), а с требования изменения судебной системы.

Полгода-год работы в стране судов, подчиняющихся только закону, — и произойдут кардинальные изменения.

Проблема в том, как этого добиться.

О судебной реформе написаны сотни книг и тысячи статей, защищены сотни диссертаций и сделаны тысячи докладов.

Множество раз сказано о том, что нужны кадровые изменения — как на уровне принципа (не может быть реального правосудия, когда всех судей назначает президент, а готовят эти решения его чиновники, исходя из лояльности назначенцев), так и на уровне смены конкретных фигур (о чем говорить, когда председатель Верховного суда тридцать лет сидит на своей должности?).

О том, что надо изменить атмосферу в судах — где сегодня любого, кто попытается работать по закону и по совести судьи (как написано в судебной присяге), ставят перед выбором: или работать как все (подчиняясь указаниям начальства), или быть изгнанным, как упомянутый Сергей Пашин и десятки других судей, не удостоившихся такого же общественного внимания.

О том, что необходимо избавить суды от административного давления, не предусмотренного ни одним законом, но реально существующего.

О том, что надо лишить председателей судов права распределять дела, отдавая «нужные» дела специально отобранным судьям, и использовать жребий.

О том, что надо дать гражданам право оспаривать любой правовой акт, как незаконный, не доказывая при этом, что он нарушает именно их права.

О том, что нужно запретить судам отказывать в вызове свидетелей и приобщении к делу доказательств — фактически, ограничивая право граждан на защиту.

О том, что должна заработать, наконец, статья УК о вынесении заведомо неправосудного судебного решения (практически, не применяемая, как чудовищны не были бы отдельные «репрессивные» решения судей).

И о многом, многом другом, не являющемся тайной, давно применяемом и оправдавшем себя в демократических странах.

Конечно, изменить ситуацию только с правосудием очень сложно, если не изменятся другие институты. И самое главное —

если не будет обеспечена реальная сменяемость власти. Потому что если судьи будут понимать, что власть может смениться по воле граждан, — станет бессмысленным упомянутое административное давление.

Да, как говорил тот прославленный сантехник, «тут всю систему менять надо».

Но с чего-то надо начинать.

ТРАНЗИТ К САМОМУ СЕБЕ

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА НЕ МЕНЯЕТ СИСТЕМУ И ЕЕ ГЛАВНОГО АРХИТЕКТОРА

15 января 2020

Заканчивая послание к парламенту, президент Владимир Путин неожиданно предложил целый пакет конституционных изменений. В этом пакете неопределенно (и думается, намеренно) сформулировано очень многое — начиная от описания предлагаемых изменений и заканчивая процедурой их юридического принятия. Определенно только одно: уходить от реальной власти и после 2024 года Путин не собирается. «Транзит», о котором так много говорят, задуман от Путина к Путину.

Сперва — об изменениях, которые должны, якобы, «гарантировать суверенитет России» и «приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве».

Под этим Путин понимает следующее: «требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции».

С одной стороны — выглядит, как пересказ тезисов политических клоунов из движения «НОД», постоянно требующих отменить приоритет международного права над национальным. И уже высказаны (в частности, моими друзьями и коллегами

Григорием Явлинским и Львом Шлосбергом) обоснованные опасения, что это может обернуться изоляцией России от системы международного права и невозможностью защиты прав и свобод граждан России на основе норм международного права в ЕСПЧ.

Но с другой стороны, если верно то, что поправки, как говорит Путин, «не затрагивают фундаментальных основ Конституции, а значит, могут быть утверждены парламентом в рамках действующей процедуры и действующего закона через принятие соответствующих конституционных законов» — это означает неприкосновенность первых двух глав Конституции (они не могут быть пересмотрены парламентом).

И это значит, что сохраняет действие статья 15 с приоритетом международных норм и договоров над российскими законами. Хотя эту статью российские власти научились частично обходить — не выполняя решения ЕСПЧ, если Конституционный суд установит, что эти решения противоречат Конституции. Что суд успешно и делает в случаях, когда эти решения особенно неприятны для Кремля.

Так что вопрос в том, попытаются ли российские власти теперь вообще де-факто игнорировать нормы международного права даже без изменения статьи 15 (а только это, похоже, Путин и понимает под «суверенитетом»).

И не будут ли под теми гражданами России, чьим правам и свободам грозят ограничения, пониматься исключительно «друзья Путина», попавшие под международные санкции или иные, неприятные для них решения международных судов и других органов.

Оставляют «поле неопределенности» и предложения по изменению баланса ветвей власти.

Предлагается, чтобы парламент взял на себя большую ответственность за формирование правительства (а тем самым и за политику, которую оно проводит). И не просто давал согласие на назначение премьер-министра, а утверждал премьера, а затем по его представлению — всех вице-премьеров и федеральных министров. При этом президент «будет обязан назначить их на должность, то есть будет не вправе отклонить утверждённые парламентом кандидатуры соответствующих должностных лиц».

Опять же, с одной стороны, — тезис вполне верный: парламент должен иметь право определять состав правительства. Что характерно для парламентской республики (о необходимости перехода к которой мне приходилось писать в «Новой» не раз).

При всем этом остается неясным важный момент этой конструкции: Госдума утверждает премьер-министра по своей инициативе (из числа выбранных ею самой кандидатов) — или утверждает того, кого представил президент? Знак вопроса.

Между тем, это принципиальнейший момент: может ли парламент навязать президенту нежеланного ему премьера? Сейчас он не может сделать это даже ценой роспуска.

Скорее всего, Госдума сможет сама фактически выбирать премьера (как в парламентской республике, по типу Германии с выборами канцлера). Но точно это станет ясно лишь тогда, когда появится точный текст поправок, который, думаю, будет еще не раз «уточняться»...

А с другой стороны, Путин тут же оговаривается, что «наша страна с её огромной территорией, сложным национально-территориальным устройством, многообразием культурно-исторических традиций не может существовать стабильно в форме парламентской республики и должна оставаться сильной президентской республикой».

И требует сохранить за президентом право «определять задачи и приоритеты деятельности Правительства, как и право отстранять от должности Председателя Правительства, его замов и федеральных министров в случае ненадлежащего исполнения обязанностей или в связи с утратой доверия», а также «за президентом должно оставаться прямое руководство Вооружёнными Силами и всей правоохранительной системой».

По сути, это обесценивает право парламента утверждать правительство — если его в любой момент по абсурдному основанию «утраты доверия» (не граждан, а президента) можно уволить.

И тут мы переходим к центральному моменту предлагаемых изменений (не случайно сформулированному предельно кратко и как бы мимоходом).

Знаю, говорит Путин, «что в нашем обществе обсуждается конституционное положение о том, что одно и то же лицо не должно занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков подряд. Не считаю, что этот вопрос принципиальный, но согласен с этим».

Это немедленно было интерпретировано, как установление абсолютного запрета для Путина вернуться на пост президента после 2024 года, даже если потом последует очередная рокировка с пропущенным сроком правления.

Вот только сказанное президентом (и выставленное на его официальном сайте) — точное воспроизведение уже существующей нормы п. 3 ст. 81 Конституции. Запрет, который не позволит Путину больше быть президентом, появился бы, если убрать слово «подряд» из этой конструкции. Но этого Путин не сказал! С чем именно он «согласен»?

Случайность? Вряд ли. И, возможно, он теоретически допускает для себя еще одно возвращение на этот пост — хотя и с немного урезанными полномочиями.

Иначе зачем, ограничивая президента в назначении премьера и правительства, сохранять его право снимать их и прямо руководить «силовиками»?

Только для того, чтобы показать, что Путин, дав следующей Думе полномочия назначать премьера и правительство, не уйдет досрочно в отставку — ранее 2024 года? Сохранив за собой полный контроль за правительством? А потом?

Да, скорее всего о «проблеме 2030» в Кремле пока не думают. И, скорее всего, Владимир Путин рассматривает конституционные изменения как способ сохранить за собой реальный контроль за ситуацией в стране, для начала, после 2024 года, допуская разные варианты своей будущей должности после этого. И тут тоже возникает сильнейшее «поле неопределенности».

Это может быть должность премьер-министра — но тогда, — с учетом сказанного выше, ему нужен будет «второй Медведев» на посту президента, который точно не отправит его в отставку. Вряд ли это будет только что анонсированный как будущий премьер Михаил Мишустин — он, по примеру Михаила Фрадкова, видится лишь техническим премьером на период принятия

конституционных изменений и возможных досрочных выборов Госдумы уже в 2020 году.

Но это может быть и должность главы Госсвета, который Путин предлагает легитимизировать в Конституции, но не говорит ни слова, какие именно полномочия хочет за ним закрепить. А теоретически это может быть даже право блокировать (возможно, на время) решения президента и действие законов, или реальное руководство армией и другими силовиками, или что-то еще — пока публично неизвестное и обсуждаемое под ковром...

Еще один важный момент: полностью подчиненной президенту остается система судебной власти. Более того, предлагается дать ему право вносить в «ручной» (куда практически никто не может сегодня попасть без согласования в Кремле) Совет Федерации предложения о снятии судей Конституционного и Верховного судов.

Ну, а остальные предложенные изменения — по большому счету, не более, чем имитация. Дымовая завеса для главного: сохранения существующей системы и сохранения лично Путина у «кормила».

В обоих смыслах: как у реальной власти в стране, так и его права ставить своих друзей на «кормление» на доходные места за счет общественных богатств и ресурсов.

Имитация — предложения запретить губернаторам, членам парламента, премьеру, министрам и судьям иностранное гражданство или вид на жительство в другой стране. И требования к президенту жить в России не менее 25 лет и никогда ранее не иметь иностранного гражданства или вида на жительство.

Имитация — предложения о «повышении роли губернаторов» (которые сейчас полностью зависимы от президента, поскольку могут быть уволены в любой момент).

Имитация — предложения о создании «единой системы публичной власти» и «эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами» (кто мешает сейчас все это создать? Вместо этого мы видим построение по сути, унитарного государства, с почти бесправными муниципалитетами и заведомо зависимыми от Кремля регионами).

Имитация — предложение о назначении руководителей силовых ведомств президентом «по итогам консультаций с Советом Федерации». Со смехотворным обоснованием — мол, «такой подход сделает работу силовых, правоохранительных органов более прозрачной и в большей степени подотчётной обществу».

Если бы Совет Федерации реально избирался гражданами — это еще как-то работало бы (хотя слово «консультации» ни к чему юридически не обязывает). А при нынешнем его формировании это просто профанация.

Кстати, после таких же «консультаций» с СФ предлагается назначать прокуроров регионов — отняв право их согласования у региональных парламентов. Под предлогом необходимости обеспечения «независимости прокуратуры от местных властей». Видимо, ее зависимость от федеральной власти лучше?

На самом деле, нужна кардинальная реформа прокуратуры, которая сплошь и рядом смотрит на вопиющие нарушения законности со стороны властей широко закрытыми глазами, «не усматривая» оснований для реагирования. И проявляет активность лишь тогда, когда надо бороться с оппозицией или другими нежелательными или нелояльными...

Наконец, последнее: как будут приниматься все эти изменения? Знак вопроса.

Пока заявлено, что референдума не будет, а будет некое «голосование граждан страны по всему пакету предложенных поправок в Конституции Российской Федерации», по итогам которого будет «принято окончательное решение». Что это за «голосование граждан», не предусмотренное ни одним законом? Менять Конституцию можно, или принимая новый ее текст — по представлению несуществующего Конституционного Собрании, или «точечно» (не трогая главы 1, 2 и 9) при помощи федеральных конституционных законов. Пока Путин говорит о втором варианте, но тогда какой статус имеет «всенародное голосование»? Рекомендательный? И будет ли у граждан право голосовать по каждой поправке из «пакета» отдельно — или оценивать можно только все оптом? Не имея возможности согласиться с одним и не согласиться с другим?

В общем, как уже сказано, очень много неопределенностей. За исключением одного.

Менять Систему не планируется. Как и ее главного архитектора.

АТАКОВАТЬ, А НЕ ЗАЩИЩАТЬСЯ

ОБЩЕСТВО ДОЛЖНО НАВЯЗЫВАТЬ КРЕМЛЮ
ДРУГИЕ ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ

20 января 2020

Как реагировать на план, единственная и очевидная цель которого — «поправить» Конституцию так, чтобы обеспечить Путину бессрочную власть на той должности, которую он сам себе подберет? Чтобы продолжать править страной, ни за что не отвечая. Ни за провалы в экономике, ни за снижение уровня жизни граждан, ни за чудовищную коррупцию и воровство, ни за развязанные или поддержанные войны.

Как реагировать на спешно созданную для одобрения путинских поправок в Конституцию смехотворную «рабочую группу», где собраны авторы самых мракобесных законов, писатели-боевики, преданные без лести режиссеры и актеры, асфальтовые казаки, а также отставные спортсмены и космонавты?

При этом планируется откровенно неправовой способ «народного одобрения»: путинские поправки собираются вынести на неустановленное ни одним законом «всенародное голосование» уже *после* того, как их примет Госдума и Совет Федерации!

А ведь в Конституции прямо записано, что поправки к главам 3–8 вступают в силу после принятия соответствующих федеральных конституционных законов и после одобрения их органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации, — без всяких дополнительных условий и голосований? Зачем тогда нужно это «голосование»?

Как реагировать на то, что эти поправки хотят цинично «купить» у граждан в обмен на то, что давно могло быть сделано без всяких изменений Конституции: повышение МРОТ, индексация пенсий, школьное питание и пособия на воспитание детей (однако деньги, которые на это необходимы, тратятся сегодня на войны и содержание армии охранников режима, уходят в карманы «друзей президента» или просто разворовываются).

Как реагировать на то, что провести все это хотят «пакетом» — как в советские времена, когда в «нагрузку» к дефицитному растворимому кофе или тушенке давали заплесневелые макароны или муку? А если гражданин с чем-то согласен, а с чем-то — категорически нет? Поддерживает увеличение МРОТ, но не хочет «в нагрузку» к этому неизменного Путина на троне-трансформере?

Обсуждаются два пути гражданского ответа.

«Не допустить конституционный переворот». Сторонники этого ответа выходят на митинги и пикеты и требуют «защитить Конституцию». Или дают советы из прекрасного далека — не критиковать Конституцию, чтобы не «помогать Путину».

Конституция 1993 года ни от чего нас за эти годы не защитила, поэтому и ее защищать совершенно незачем: она этого не заслуживает. Поэтому ничего не надо делать вообще. Покурить в сторонке или отсидеться в хате с краю.

И того, и другого сегодня совершенно недостаточно.

Недостатки нынешней Конституции хорошо известны. Не раз писал в «Новой» и о них, и о том, как и для чего эта Конституция принималась.

«Самодержавная» Конституция позволила развязать две войны в Чечне, организовать залоговые аукционы и дефолт с девальвацией, передать друзьям и сослуживцам доходы от природных ресурсов и гигантскую собственность, отменить выборы губернаторов, создать «федеральные округа» и полпредства, сделать администрацию президента (чьи полномочия не прописаны ни в одном законе) ключевым политическим органом в стране, построить «вертикаль власти», де-факто сведя к минимуму федерализм, сделать решающим влияние президента на Конституционный и Верховный суды,

а также Счетную палату и Генпрокуратуру, превратить Совет Федерации и Госдуму в карманные аплодирующие органы, даже и избранных губернаторов – в бесправных подчиненных президента (в любую минуту их можно снять за «утрату доверия»), а правительство сделать вечно «техническим». И тот факт, что эта политическая конструкция действовала при Ельцине немного приличнее, чем при Путине, ничего не меняет по существу.

И тем не менее, именно в этой Конституции подробно сформулированы права и свободы граждан, которые нуждаются в защите и реальном исполнении (и на которые непрерывно и цинично наступают власть, принимая все новые и новые законы, эти права уничтожающие или ограничивающие).

Поэтому сегодня нужно не пассивное, а активное сопротивление продолжению и расширению узурпации власти.

Нужно изменить Конституцию – но не так, как этого хочет Путин и его окружение, а так, как надо гражданам России.

Сохранить в Конституции то, что за минувшие четверть века оправдало себя, и изменить то, что или с самого начала было сформулировано неудачно, или оказалось неработоспособным.

Для этого нужно закрепить в Конституции реальные гарантии прав граждан на разделение властей, отказавшись от самодержавия, раковой опухоли российской политической системы, с ее все новыми и новыми метастазами: то «федеральными округами» и полпредствами, то Совбезом, то Госсоветом.

Закрепить гарантии права граждан на независимый суд, на конкуренцию в политике и экономике, на свободные выборы, на свободу распространения мнений и убеждений, на свободу СМИ, свободу мирных публичных акций, на недопустимость политических репрессий, неприкосновенность частной собственности, реальное местное самоуправление, соблюдение государством международных обязательств (и прежде всего – в обеспечении прав и свобод человека).

Установить жесткую обязанность государства обеспечивать эти и другие права граждан – на образование и здравоохранение, на благоприятную окружающую среду и на жилье,

на социальную защиту, на свободу совести, и закрепить ответственность за нарушение этих и других прав человека. И многое другое — необходимое гражданам.

Это значит — *другие* поправки к Конституции.

«Но это значит — пойти у них на поводу!» — уже заняли скептики.

«Нет, — отвечаю я. — Наша задача — заставить их пойти у нас на поводу».

Чтобы подготовить альтернативу путинскому плану, «Яблоко» создает Конституционный совет из авторитетных профессионалов. И будет немедленно готовить «гражданский вариант» поправок в Конституцию в интересах граждан, а не правящей группировки.

А потом будет требовать референдума.

Не имитационного и ни к чему не обязывающего «всенародного голосования» одной «галочкой» по всему путинскому «пакету поправок» — а референдума.

Где граждане ответят, какие поправки они поддерживают: поправки гражданского общества — или поправки Путина и его окружения, направленные на пожизненное сохранение власти нынешнего президента и консервацию нынешнего режима, не способного решить проблемы граждан.

Можно попытаться помешать власти выполнить задуманное.

А можно навязать ей свою волю, предложив содержательную альтернативу.

«Ничего не выйдет», — скажут те, кто ничего не хочет делать и ничего другого не может предложить.

Мы такое уже не раз слышали.

И знаем: тот, кто борется, может не победить, но тот, кто боится бороться, не победит никогда.

Мы предлагаем бороться и действовать.

Атаковать, а не защищаться.

Потому что атака — лучший способ обороны.

ПРОЧЬ ОТ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК, ВНЕСЕННЫХ ПУТИНЫМ,
МОЖЕТ ГАРАНТИРОВАТЬ ЕМУ ЕЩЕ ДВА ПРЕЗИДЕНТСКИХ СРОКА

20 января 2020

Поправки начинаются с привлекательного для народа: МРОТ не ниже прожиточного минимума и индексация пенсий.

Но слишком не радуйтесь: индексация будет «в порядке, установленном законом». Так она и сейчас так проводится. Напишут в законе, что индексация заморожена — и привет.

Что касается МРОТ, то ничто не мешает установить низкий прожиточный минимум, «урезав» минимальный набор необходимых продуктов, товаров и услуг.

И объяснить гражданам, что лишнее масло, сахар, мясо, молоко, фрукты, поездки на общественном транспорте, обувь и одежда, а также отдых им не так уж необходимы.

Запреты на иностранное гражданство и вид на жительство для высших и не очень должностных лиц — и вовсе декоративны. Никакого реального значения это не имеет.

Главное начинается после этого.

Новая статья 79, с прямой записью о неисполнении решений международных судов, если они истолкованы как противоречащие Конституции. Этот механизм, собственно, уже создан для неисполнения решений ЕСПЧ. И будьте уверены, поставят задачу — и новый (его предлагается сократить с 19 до 11 судей, кстати) Конституционный суд все, что надо, «истолкует». Правда, эти формулировки видятся расходящимися со статьей 15 Конституции — но оценивать соответствие будет все тот же Конституционный суд.

Теперь — о системе политической власти и уже заранее анонсированном рядом восторженных комментаторов расширении полномочий парламента и чуть ли не движении к парламентской республике.

Я изначально скептически это оценивал — напоминая, как определенно Путин высказался о, якобы, недопустимости парламентской республики для России.

И оказался прав: никакого реального расширения парламентаризма (и сужения полномочий президента) не предлагается. Думе бросают пару «костей», которые в любой момент можно отнять.

Ключевой момент: Госдума (как я и предсказывал) не назначает премьером кого она хочет, и не может навязать президенту негодную ему кандидатуру. Она утверждает премьера только *по представлению президента*. И она может, как и сейчас, быть распущена, если дважды не утвердит президентского кандидата.

Да, Думе дается право по представлению премьера утверждать вице-премьеров и министров.

Но, во-первых, президент в любой момент может одним щелчком пальцев сбросить с доски все эти шахматные фигурки, как и премьера. И отправить их в отставку, не получая на это согласия парламента.

Во-вторых, глав федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами «обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности» Дума вообще не утверждает — их самостоятельно назначает президент. Проведя ничего не значащие «консультации» с Советом Федерации, который полностью от него зависим.

Далее, Госдума, как и сейчас, не может отправить правительство в отставку, не рискуя роспуском. Она может выразить ему недоверие (причем, только всему правительству, а не отдельному вице-премьеру или министру) — но полностью сохраняется нынешний механизм, когда президент вправе выбирать между отставкой правительства и роспуском Госдумы.

И где тут «расширение полномочий парламента»? Это все то же, вечно техническое правительство, полностью подконтрольное президенту.

Далее, важная вещь: легитимизируется Госсовет, который будет неизвестным заранее образом формировать президент (только статус, но не порядок формирования предлагается прописать в законе), и который будет работать «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия

органов государственной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства». Это часть президентских полномочий из статьи 80 Конституции, которые предлагается то ли передать Госсовету, то ли оставить его решения рекомендательными, оставив последнее слово за президентом. Возможны варианты.

Совет Федерации остается «невыборным» (хотя давно назрели его прямые выборы вместо вхождения туда «представителей» регионов), и де-факто зависимым от президента: чего стоят «представители» губернаторов, которых президент может в любой момент уволить по «утрате доверия».

Что касается «представителей» региональных парламентов, то никто не скрывает их предварительного согласования в Кремле.

Новация — закрепление в Конституции «президентской десятины» сенаторов: десятая часть членов СФ прямо назначается президентом. Видимо, за тайные заслуги, не требующие расшифровки.

Президент получает дополнительные возможности для торможения законодательного процесса. В случае (что лет пятнадцать, по-моему, уже не встречалось) преодоления вето президента на принятый парламентом закон, он может обратиться в Конституционный суд и попросить проверить его на конституционность. И на время рассмотрения запроса (заметим, неопределенное) подписание закона приостанавливается. Если КС признает закон неконституционным — его можно не подписывать. То же самое касается и федеральных конституционных законов (на них вето наложить нельзя, но президент может направить запрос в КС, остановив срок подписания). И законов субъектов Федерации — президент может попросить их проверить до подписания губернаторами.

Усиливается влияние президента на суды — в Конституцию переносится норма закона о том, что именно президент представляет Совету Федерации кандидатов не только судей Конституционного и Верховного судов, но и их председателей и заместителей. Президент получает право внести в Совет Фе-

дерации представление об увольнении высших судей, а также судей кассационных и апелляционных судов «в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи» (кто будет определять, совершен ли этот поступок?).

Сам Конституционный суд, как уже сказано, сокращается в штатном расписании — с 19 до 11 судей, как это и было в 1991–93 годах. Непонятно, как это сделать: то ли полностью реформировать КС с переназначением судей, то ли просить часть нынешних, не достигших предельного возраста, уйти в отставку...

Ослабляются полномочия регионов — они лишаются права согласовывать кандидатуры региональных прокуроров, внесенные Генпрокурором, вместо этого по кандидатам прокуроров будут идти никого ни к чему не обязывающие «консультации» с Советом Федерации, который реально регионы не представляет.

Органы местного самоуправления включаются в некую «единую систему публичной власти в Российской Федерации» (пока неясно, что это, но ясно, что это позволит сделать МСУ еще более зависимым от федеральных и региональных властей, в том числе по кадровым и финансовым вопросам — вместо реального расширения прав МСУ и их финансовой базы.

И, наконец, вишенка на торте.

Предлагается убрать слово «подряд» из правила двух сроков, где описано, сколь долго можно занимать президентскую должность.

Но я бы не поручился, что это означает уход Владимира Путина с президентского поста навсегда после окончания нынешнего срока.

Учитывая, что ключевой фигурой в предложенной им конструкции остается президент, а вовсе не премьер (и даже не Госсовет), нет никаких оснований исключать ситуацию, при которой нам будет сказано, что поправки не имеют обратной силы, и что все президентские сроки теперь обнуляются: отсчет пошел заново.

Если кто помнит, двадцать лет назад такой же фокус был сделан с губернаторами — запрет на два срока ввели, но на тех, кто уже по два (а то и по три) срока сидел, он не распространялся.

Вот и теперь в любой момент Владимир Владимирович может сказать, что, оказывается, ему можно править еще два срока.

Потому что прежние сроки не считаются.

А если кто будет сомневаться — Конституционный суд все разъяснит. В сокращенном и отобранном Путиным составе.

ПЕРЕВОРОТ УЖЕ СВЕРШИЛСЯ

ОТВЕТ НА «МАНИФЕСТ ГРАЖДАН РОССИИ»,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В «НОВОЙ»

27 января 2020

«**Н**а наших глазах в стране происходит конституционный переворот!», — бьют тревогу авторы «Манифеста», призывающего к массовой общественной кампании против поправок в Конституцию, имеющих целью «пожизненное сохранение у власти Владимира Путина и его коррумпированного режима».

Среди подписантов — хорошо мне знакомые и очень уважаемые мной люди, единомышленники по подавляющему большинству вопросов.

В такой ситуации непросто спорить, но придется.

В том, что цель «путинских поправок» (протаскиваемых с такой скоростью, как будто бы у «кремлевских» пропасть внезапно разверзлась прямо под ногами) — сохранение нынешней власти, никаких сомнений нет.

Вот только называть это «конституционным переворотом» нет ни малейших оснований: друзья, что за реакция бронтозавра?

Полхвоста уже съели — а до мозга только начало доходить: что-то не так!

Переворот происходит не сейчас, друзья.

Он идет непрерывно. Шаг за шагом.

Разве не приняты за последние годы десятки законов, умаляющих конституционные права и свободы?

Не ограничены свобода слова и свобода собраний, свобода выражения мнений и свобода совести?

Не растоптано право собственности и право на справедливый суд?

На благоприятную окружающую среду и неприкосновенность частной жизни?

Не урезаны права на бесплатное образование и здравоохранение?

Не созданы множественные и труднопреодолимые препятствия на пути реализации этих и других прав и свобод?

Не осуждены тысячи людей, пытавшихся реализовать эти права и свободы?

Не превращены в фарс выборы органов власти?

Не созданы неконституционные структуры с огромными полномочиями?

Не усилена зависимость судебной власти от президента (в Конституции не было исключительного права президента представлять кандидатуру председателя Конституционного суда – ну так это ввели, не меняя Конституцию)?

И разве за последние десятилетия российская власть не озаботилась, главным образом, самосохранением? Разве не на это были направлены все ее силы и действия?

Более того, именно и только в целях этого самосохранения и была принята нынешняя Конституция – чтобы сделать власть независимой от общества и его мнения...

Реальных конституционных переворотов в истории нашей страны – с тех пор, как у нее в 1906 году вообще появилась Конституция (тогда названная «основными государственными законами Российской империи») – было три.

Первые два хорошо известны: в 1917 и 1991 годах.

Но был и третий: в октябре-декабре 1993 года. Конституционный, а точнее, антиконституционный переворот (права мудрая Лилия Шевцова: конституционных переворотов не бывает, а бывают только антиконституционные).

Тогда была почти полностью опрокинута политическая конструкция прежней Конституции – пусть и имевшей кучу недостатков, но относительно уравновешенной с точки зрения баланса властей.

Были уничтожены все представительные органы власти, замененные на другие с существенно урезанными полномочиями.

И выстроена «самодержавная» президентская вертикаль, в которой президент может делать практически все, что хочет, не оглядываясь на парламент, и тем более — на граждан, потому что ни перед кем и ни за что не отвечает.

При этом ключевым моментом была несменяемость власти по воле граждан. Ни при каких обстоятельствах.

Правила выборов могут меняться, результат — нет.

Более того, правила в любую минуту могут поменяться для того, чтобы обеспечить результат.

Собственно, этим антидемократический режим и отличается от демократического, где правила известны, а результат — нет...

То, что происходит сейчас, — не «переворот».

Это сохранение и укрепление авторитарной политической системы с явными элементами тоталитаризма (и не надо красивых сказок о, якобы, «гибридном» режиме).

Да, это сопровождается перекройкой нескольких принципиальных положений Конституции — о приоритете международного права, об автономии местного самоуправления, о федерализме, о независимости суда.

Но важно понимать, что при этом в Конституции де-юре фиксируют, увы, уже давно случившееся (и почти не вызывавшее общественных протестов) де-факто. Вводят законом то, что происходило «по понятиям».

Так, еще несколько лет назад создан механизм, позволяющий российским властям, при помощи Конституционного суда, не исполнять не нравящиеся им решения ЕСПЧ — игнорируя норму статьи 15 Конституции и Европейскую конвенцию.

Автономия местного самоуправления стала фикцией еще двадцать лет назад и ей остается — это по факту прочно встроено в вертикаль госвласти, муниципалитеты сильнее всего образом зависят от региональных властей.

Никакого реального федерализма давно уже нет — регионы лишены большей части налоговых сборов, почти все они должны стоять с протянутой рукой перед федеральными властями, а губернаторы по факту являются «солдатами президента».

А про независимый суд вообще умолчим. Не надо о грустном.

Что касается «узурпации власти», которой предлагают сказать свое твердое «Нет!» авторы «Манифеста», то разве она давно не узурпирована?

Не допускать ее узурпации надо было, например, на президентских выборах 2018 года.

Тех самых, на которых некоторое количество уважаемых граждан гордо заявляли, что они в этом «не участвуют», пафосно меняли аватарки в соцсетях и называли свой отказ голосовать против Путина на выборах «забастовкой избирателей». Что, как я не раз объяснял, очень помогло ему повысить свой процент на выборах.

Кстати, инициаторы этой бессмысленной и беспощадной «забастовки» теперь придумали новую мульку — «свергнем узурпатора и напишем новую Конституцию». Предусмотрительно не отвечая на вопрос, как именно предполагается свергнуть узурпатора. Неужели только красиво оформленными рассказами о том, сколько украли его приближенные? Так этому давно никто не удивляется. Удивлялись бы, если бы выяснилось, что его окружают честные люди.

Последнее. Что делать?

Да, без сомнения — надо противостоять принятию «путинских поправок», как принципиально неверных.

Давить на депутатов региональных парламентов (им предстоит в обязательном порядке рассматривать эти поправки после неминуемого одобрения в Госдуме и Совете Федерации), требуя их отклонить. Использовать любые законные механизмы: митинги, пикеты, обращения, петиции, суды. Объяснять гражданам перед задуманным «всенародным голосованием», что их обманывают.

Но этого, как мне уже приходилось говорить, — недостаточно. Надо предьявлять альтернативу — другие поправки в Конституцию.

Их, замечу, уже готовят мои коллеги по «Яблоку»: учрежден Общественный конституционный комитет, во главе его — Евгений Гонтмахер, Леонид Никитинский, Владимир Рыжков и Григорий Явлинский. С комитетом будет работать Научно-консультативный совет, куда, в частности, войдут Тамара

Морщакова и Михаил Краснов (не нуждающиеся в рекомендациях). Свои предложения будут представлять «яблочники» из разных регионов, эксперты, гражданские активисты. Надо будет добиваться их обсуждения и их вынесения на реальное голосование граждан страны.

Да, это будет очень непросто.

Но просто не было никогда.

Наше молчание будет интерпретировано как согласие с путинским планом.

И в этом я полностью соглашаюсь с авторами «Манифеста».

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДОЛГОЕ «ЭХО»

Блог на сайте «Эха Москвы»

«НО ОСОБО ВСТАЛ ВОПРОС ПРО ОТЦА И ГЕНИЯ»

23 октября 2018

*«Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Геня.
Кум докушал огурец
И закончил с мукою :
«Оказался наш Отец
Не отцом, а сукою...»*

Знаменитые строки Александра Галича — не только напоминание о событиях 60-летней давности.

Они еще — и несомненное пророчество, обращенное к нам.

Потому что «вопрос про Отца и Геня» всегда «особо встает», когда заканчивается его правление.

И чаще всего ответ на этот вопрос оказывается таким, как у Галича: «оказался наш Отец не отцом, а сукою».

Но есть и другой вопрос — что делать, чтобы это правление закончилось?

Что делать, чтобы не ждать каждый день — что еще выкинет Отец и Гений?

Кого еще из лакеев он назначит генералом?

Кому он еще пригрозит ядерным ударом, заранее обещав себе место в раю?

Какую еще из провинций бывшей империи он захочет «воссоединить»?

В какой еще из «локальных войн» он захочет поучаствовать?

Куда еще он зашлет отравителей?

Первый вариант: сидеть на берегу реки и ждать, пока не наступит естественный конец, казалось бы, несменяемого лидера. В надежде, что его преемники начнут неизбежную драку между собой, и в ходе ее открутят гайки — по образцу «оттепели».

Этот вариант легок, но плох: при современных возможностях зарубежной медицины ждать можно еще долго.

Второй вариант: пьяные гвардейцы в дворцовой спальне, офицерский шарф и золотая табакерка, «ступайте царствовать, государь», «все будет как при дедушке»...

Этот вариант тоже легок, но тоже плох: умные вокруг властителя давно заменены верными и ни на что не способными, а вдобавок трусливыми. И вообще, после таких событий обычно не лучше не становится.

Третий вариант: самим добиться смены власти.

Этот вариант труден — потому что он требует действий.

Вставания с уютного дивана, откуда так легко клеймить режим и с чувством заведомого морального превосходства призывать не участвовать в выборах.

Он требует политической активности — вместо заявлений о том, что я-де «вне политики».

Он требует понимания того, что именно политика нынешней власти неизбежно ведет ко всему тому, чем недовольны граждане и с чем они борются.

Суть этой политики — несменяемая власть, которая не зависит от граждан и плюет на их мнение.

Именно будучи несменяемой и бесконтрольной, не обставленной никакими ограничениями, она неизбежно плодит коррупцию и воровство.

Повышает пенсионный возраст и грозит все новыми и новыми налогами.

Ведет «уплотнительную застройку» и вырубает скверы, прокладывает скоростные трассы под окнами домов и строит мусоросжигательные заводы у жилых кварталов.

Разрешает строить на костях блокадников Ленинграда и разрушает исторические здания в Королеве.

Выбрасывает сотни миллиардов рублей на войну в Сирии и Украине, на госзаказы для «друзей Путина» и содержание

легиона «роствардейцев», охраняющих власть от народа, но якобы «не имеет денег» на расселение петербургских коммуналок и капитальный ремонт домов в центре города.

Чтобы не было этих следствий — нужно изменить причину. Изменить политику. Сменить власть.

Что делать, чтобы сменить власть? Заниматься политикой. Иного не дано.

Как заниматься политикой? Вступить в партию, которая представляет интересы граждан, недовольных нынешней политикой. Желающих перемен. Не желающих возможной «фашизации» — ее опасность существует, нельзя ее игнорировать.

Вступить в партию, сделав ее массовой — так, чтобы с ней нельзя было не считаться.

Настолько массовой, чтобы ее требования нельзя было игнорировать.

Чтобы митинги, которые она проводит, собирали столько людей, что к ним нельзя было бы не прислушаться.

Чтобы на выборах никакими фальсификациями у нее нельзя было украсть победу.

Выбор такой партии на самом деле, прост. Это только «Яблоко».

Партия, выступающая за свободу и справедливость, за демократию и права человека, за то, чтобы власть зависела от граждан и служила им.

Партия, много лет последовательно выступающая против нынешней политики — губительной для страны.

Что еще, если присмотреться?

«Парнас», который покинули очень многие после появления в нем ксенофоба и «революционера» (правда, призывающего к революции из безопасной заграницы) Вячеслава Мальцева?

«Партия роста», поддерживающая Путина, и чьи кандидаты на выборах в регионах требуют снятия кандидатов от «Яблока»?

«Партия перемен», где лидеры кардинально расходятся во мнениях по ключевому для общества в последние месяцы вопросу (Дмитрий Гудков — против повышения пенсионного возраста, а Ксения Собчак и Дмитрий Некрасов — за)?

Незарегистрированная, и не имеющая возможности участвовать в выборах партия Навального?

Хотите изменить ситуацию в стране, городе, районе – приходите в «Яблоко».

Да, оно не идеально. Да, не лишено недостатков. Да, может ошибаться.

Но оно всегда с людьми – там, где им нужна помощь и защита.

Приходя в «Яблоко», вы поможете не столько ему, сколько себе.

Чем сильнее будет «Яблоко» – тем больше шанс на перемены к лучшему.

ДЕНЬ ПОЛИТЗЕКА КАРАТЕЛИ ВСТРЕЧАЮТ УДАРНЫМ ТРУДОМ

30 октября 2018

«**Д**ень политзека карательные органы встречают ударным трудом», – написали мне в комментариях к посту в фейсбуке о том, как в 30 отделе полиции Санкт-Петербурга вторые сутки держат Екатерину Стримакову, задержанную днем 28 октября на Малой Садовой улице.

У нее несовершеннолетний ребенок (к тому же он серьезно болен), но Екатерину даже не везут в суд. Почему? Да потому, что она член избирательной комиссии с правом решающего голоса, и на ее привлечение к ответственности нужна санкция прокурора города. А санкцию все не везут и не везут.

Когда я об этом узнал и около 22 часов вечера позвонил в отдел полиции, попросив отпустить Екатерину под обязательство о явке в суд, в полиции развели руками и сказали: мы бы и рады ее отпустить, но у нас указание из прокуратуры Петербурга: держать до утра, и утром везти в суд. То есть, санкцию на привлечение к ответственности дать вовремя якобы не успели, зато на санкцию не выпускать – время очень даже нашлось...

Завтра я, конечно, узнаю, кто в прокуратуре дал такое жестокое указание — но поздно вечером сделать это сложно.

Приличных слов по поводу этой ситуации у меня нет — она далеко не единственная.

Сегодня, 30 октября, когда мы в очередной раз в День памяти жертв политических репрессий соберемся у Соловецкого камня, я обязательно буду говорить не только о необходимости хранить память о жертвах большевизма и сталинизма, но и о том, что почти каждый день сегодня мы видим новые и новые политические репрессии.

Мы видим сфабрикованные ФСБ «дело Сети», фигурантов которого (в том числе, Виктора Филинкова и Игоря Шишкина), пытаются, выбивая показания, и «дело Нового величия».

Мы видим, как в Петербурге, — аккуратно после прихода Александра Беглова на должность врио губернатора, — появились «нововведения».

Задержания тех, кто приходит встречать арестованных, выходящих на свободу, аресты за хранящиеся в рюкзаке маски Путина и свернутые баннеры, задержания участников одиночных пикетов и тех, кто подошел посмотреть или сфотографировать, за «создание помех движению пешеходов», задержания вообще без всяких причин — просто по указанию полицейского, увидевшего знакомых активистов.

А еще — задержания «подозрительных» граждан, каковыми считаются те, кто оглядывается по сторонам. Ни слова не выдумываю — именно такая причина отнесения к «подозрительным» и подлежащим задержанию указана в полицейском протоколе...

Несколько дней назад две замечательные девушки — члены питерской Общественной наблюдательной комиссии Яна Теплицкая и Екатерина Косаревская, — обнародовали доклад о применении пыток в системе ФСБ. Их вывод — для сотрудников ФСБ пытки являются практически неотъемлемой частью расследования уголовных дел, и они всегда остаются безнаказанными, а потому в настоящий момент любой человек находится в «группе риска», в любой момент может быть арестован, избит и подвергнуться пыткам. Сами представители карательных органов, не стесняясь, заявляют, что, мол, «били электрошокером, но это не пытки, а служебная надобность».

А есть еще «дело Шахназ Шитик», которую в Петербурге арестовали на 20 суток за театрализованную акцию против повышения пенсионного возраста «Путин едет на пенсионерах» на Невском проспекте.

Перед судом ее трижды госпитализировали, и ее дважды похищали из больницы сотрудники полиции.

А когда я, приехав к ней в больницу, застал в коридоре шестерых (!) полицейских, ожидающих Шахназ, чтобы задержать сразу после выписки, и спросил у них, не нужнее ли они в городе для охраны общественного порядка, они ответили мне «ничего, нас много»...

И продолжается чудовищное «дело Юрия Дмитриева».

И столь же чудовищное «дело Оюба Титиева».

И Олег Сенцов так и продолжает сидеть.

30 октября представители российской «партии власти» вынуждены, пусть и нехотя, произносить какие-то слова, осуждающие политические репрессии прошлого.

О политических репрессиях настоящего они не говорят ни слова.

Остановить эти репрессии — и уж, как минимум, не молчать о них, — необходимо.

НЕ СПРАШИВАЙ, ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ РЕПРЕССИЙ

31 октября 2018

Политические репрессии в сегодняшней России усиливаются не только потому, что власть видит их единственным ответом на политическое и гражданское сопротивление своей политике и своим планам.

Репрессии усиливаются еще и потому, что большинство общества к этой теме совершенно равнодушно.

Митинги в защиту политзаключенных, против репрессий и пыток в органах, которые «не ошибаются», собирают немногих.

Журналисты этим интересуются, как правило, только если репрессии касаются каких-то очень известных персонажей, или оказываются достаточно массовыми, или уж очень жестокими.

Статьи и блоги в Интернете по этой теме не попадают в «топы» популярности — число прочтений оказывается сравнительно невелико (могу уверенно судить, сравнивая собственные блоги на эту и другие темы).

В чем причины равнодушия?

Кто-то не верит, что эти репрессии есть — потому что смотрит телевизор, где рассказывают, что в России нет никаких политзаключенных.

Кто-то считает, что преследуют только тех, кто нарушает закон — а ему, законопослушному гражданину, ничего не угрожает.

А кого-то репрессии вообще не волнуют, потому что лично его и его друзей и родных они не коснулись.

Важное замечание: ПОКА не коснулись.

Потому что нынешняя репрессивная машина — почти так же, как и сталинская, — может затянуть в свой механизм практически любого.

Вне зависимости от того, нарушал он закон или нет.

И с высочайшей степенью вероятности ему не удастся оправдаться.

Этого не понимает равнодушное большинство.

Но это именно так.

Пойми, равнодушный читатель, что в любой момент ты или твои близкие могут стать жертвой. И ничего не смогут сделать. Или почти ничего.

ФСБ понадобится отчитаться об успешной борьбе с терроризмом или экстремизмом — и против тебя, совершенно случайно выбранного, сфабрикуют дело, арестуют и начнут пытать, выбивая нужные показания.

Ты пожалуешься на это — но прокуратура не найдет в действиях следователей никаких нарушений, например — объявив следы от электрошокера результатами укусов насекомых. Бить и пытать после этого тебя станут еще больше. Чтобы не жаловался.

Под арестом ты заболеешь — но тебе откажут в медицинской помощи и необходимых лекарствах, объявив совершенно здоровым.

Ты найдешь хорошего адвоката — но он окажется бессилён, потому что судья привычно переписет в приговор обвинительное заключение.

А возможен и другой вариант: ты, ничего не подозревая, идешь по улице — и вдруг оказываешься в полицейском оцеплении, а потом в автозаке.

Несколько часов тебя возят по городу, а потом выгружают в полицию, и объявляют, что ты участвовал в «несанкционированной акции», «мешал пешеходам», и вообще «вел себя подозрительно», потому что оглядывался по сторонам.

Тебе предъявляют протокол о нарушении, которого ты не совершал, не допускают к тебе защитника, которого ты нашел, и оставляют на ночь (а то и на две) в полиции в душной и тесной камере, исключаяющей существование в ней высших форм жизни. А когда ты начинаешь возмущаться, начальник полиции, издеваясь, советует тебе читать «Молодую гвардию», и объясняет, что «молодогвардейцам» было хуже.

Продержав в полиции, тебя везут в суд — где судья отмечает любые твои оправдания, рассматривая их как «попытку избежать установленной законом ответственности», и отказывает в вызове твоих свидетелей, или объявляет их показания не заслуживающими доверия, в отличие от показаний обвиняющих тебя полицейских. И ты получаешь крупный штраф (в лучшем случае), или арест (в худшем) на 10-15 суток...

Не спрашивай, по ком звонит колокол политических репрессий.

В любой момент — как и в прежние времена, — он может зазвонить по тебе.

И тогда протестовать будет уже поздно.

Протестовать надо сейчас.

В «КЕРЧЕНСКОЙ ИСТОРИИ» НЕТ «ЗЕРКАЛЬНОСТИ»

28 ноября 2018

«Керченская история», увы, продолжается. Захваченных украинских моряков, — в том числе, раненых, — судят за «незаконное пересечение границы». Грозят им сроками до шести лет.

А ФСБ при этом вещает про «намерения скрытно пройти через пролив» (неужели на украинских кораблях нашли плащ-невидимку?), «вторжение в территориальные воды» и найденное на кораблях оружие (а чему же еще быть на военных кораблях)?

Но погуглите немного — и очень быстро выясните, что даже военные корабли имеют право так называемого «мирного прохода» через территориальные воды, если они не применяют оружие, не поднимают в воздух самолеты или вертолеты, не сажаяют и не высаживают людей, не загрязняют море и так далее (подробнее — в федеральном законе от 31.07.98 г. № 155-ФЗ). Это первое.

Второе: свобода судоходства в Керченском проливе гарантирована международным договором 2003 года, ратифицированным Россией в 2004 году, который имеет приоритет в отношении любого российского закона о том же предмете, в том числе законов о границе и о территориальных водах (это — норма Конституции РФ, статья 15, часть 4, устал уже повторять). Какой «скрытый проход»?

Третье. Нет в этой ситуации никакой «зеркальности» в стиле «обе стороны хороши».

Есть те, кто напал, применив оружие и имея подавляющее превосходство в силе, — и те, на кого напали (и кто не стрелял, и не представлял никакой угрозы для России).

При этом те, на кого напали, ничего не нарушили: недаром ни один из российских чиновников или дипломатов даже не заикается об обращении в международные органы, разбирающие споры на основе морского права.

Почему? Да потому, что они прекрасно знают: этот спор российские власти с треском проиграют. И наложить вето, как в Совете Безопасности, не удастся...

Последнее. Замечательный Адам Михник, с которым я имею честь быть немного знакомым, когда-то сказал: «патриотизм определяется мерой стыда, которую человек испытывает за преступления, совершенные от имени его народа».

Сегодня стыд за действия российских властей — и не только в этой истории, — испытывают достаточно многие. И это дает надежду.

А не стыдно тем, кому и раньше было не стыдно.

СОУЧАСТНИКИ ПУТИНА

3 января 2019

Фильм Виталия Манского «Свидетели Путина», на несколько дней выложенный для свободного просмотра, с его уникальными документальными кадрами, — важнейшее напоминание о том, кто и как в 2000 году привел к власти нынешнего президента. С хорошо известными сегодня последствиями.

Тогда это сделали вовсе не православные чекисты и не попы в штатском.

Не действующие «силовики» и не бывшие коммунистические номенклатурщики.

Это сделали Борис Ельцин и его «семья» (как в узком, так и в широком смысле), обеспечивая себе неприкосновенность.

И это сделали те, кто тогда считался демократами и либералами, реформаторами и западниками разной степени умеренности.

Егор Гайдар и Анатолий Чубайс, Сергей Кириенко и Алексей Кудрин, Дмитрий Козак и Михаил Касьянов, Валентин Юмашев, Петр Авен, Александр Волошин и многие, многие другие.

Уверяя сограждан в «правильном выборе Ельциным преемника», называя Путина «политиком нового поколения» и надеясь на «продолжение экономических реформ».

Некоторые из них потом уйдут в оппозицию. Но будет поздно.

А в том, что совершили страшную ошибку, признаются потом единицы — в том числе, Борис Немцов.

Его голос, — в эфире НТВ, — звучит в фильме, когда показывают съемку происходившего тогда в путинском штабе.

На фоне всеобщего восторга Немцов говорит, что президента опять выбрали сердцем, что его программа неизвестна, и что лучше бы выборы прошли в два тура, и что для СПС (одним из сопредседателей которого он был, и который шел еще на думские выборы с лозунгом «Путина в президенты, Кириенко в Думу») поддержка Путина на выборах была «тяжелым решением» (Немцов тогда воздержался)...

Тем временем Дмитрий Козак (одно время руководивший штабом Путина, после чего его сменил Дмитрий Медведев), сидя у компьютера, озабоченно сообщает, что в Петербурге и в Москве Путин не набрал 50%.

«А сколько у Гриши?», — спрашивает Анатолий Чубайс. — «18 процентов», — отвечает Козак. «Безобразие полнейшее!», — услужливо комментирует кто-то сбоку.

Это результат Явлинского путинская обслуга именует «безобразием». Как посмели, понимаешь, отдать столько голосов человеку, которого за его выступление против второй чеченской войны Чубайс называл «предателем», объясняя, что в Чечне «возрождается российская армия»...

Виталий Манский говорит, что мы все — соучастники того, что произошло с нашей страной.

Но нет, не все.

Еще тогда были те, кто предупреждал: нельзя поддерживать выходца из КГБ без политических взглядов и без политического прошлого.

Кто противостоял Путину, как мог.

Кого не обманула оглушающая пропаганда.

Кто понимал, чем это обязательно закончится.

Но их, — таких, как моих коллег по «Яблоку», или Сергея Ковалева (тогда он еще был в СПС), — не услышали. Не захотели услышать.

Поэтому сегодня надо помнить тех, кому мы обязаны приходом Путина.

Спасибо Виталию Манскому, что сохранил для нас их радостные лица.

Именно они — главные соучастники.

СТО ДНЕЙ БЕГЛОВА В ПЕТЕРБУРГЕ: НА ПЕРЕПРАВЕ МЕНЯЮТ НЕ КОНЕЙ, А КУЧЕРА

18 января 2019

К первым ста дням правления временного градоначальника Петербурга Александра Беглова лояльные издания приготовили хвалебные тексты и «экспертные мнения» (среди экспертов особенно трогательно выглядит Виталий Милонов) об активном, решительном, выходящем в народ и «открытом для диалога» врио губернатора.

Некоторые из экспертов даже проявили неслыханную смелость, утверждая, что Беглов наделен теми качествами, которых не хватало Полтавченко (пока Георгий Сергеевич был губернатором, они об этих недостатках скромно умалчивали).

Однако, реальная картина городской жизни далеко не так оптимистична, какой ее рисуют смольнинские пропагандисты.

Напомним, что еще до своего прихода на должность нынешний врио отличился утверждением о наличии трех главных задач для страны — создание нового атомного оружия, модернизация армии и защита от влияния Запада.

Две первые задачи сейчас явно вне его компетенции, что касается третьей, то, видимо, в целях этой «защиты» в Петербурге с приходом Беглова началась буквальная «охота» на оппозиционеров.

За указанные сто дней — около ста задержанных, под любыми предлогами, начиная от «создания помех движению пешеходов» и заканчивая якобы необходимостью проехать

в полицию для дачи «объяснений» по чьему-то лживому доносу. Публичные акции с малейшим политическим оттенком практически перестали согласовываться, чиновники отказывают в этом по любым, даже самым абсурдным, причинам. Последний пример – отказ согласовать акцию антифашистов против пыток и политических репрессий, приуроченную к 10-летию убийства неонацистами Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой.

Было обещано рассмотреть вопрос о возвращении гайд-парка в центр Петербурга – но воз и ныне там. Вместо этого Беглов внес проект изменений в закон о выборах губернатора – предусматривающий самовыдвижение (чтобы ему можно было максимально дистанцироваться от весьма непопулярной после «пенсионной реформы» партии «Единая Россия»).

Но проблемы – не только с «политикой».

Строительство метрополитена: едва придя на должность, Беглов заявляет, что надо просить у «центра» 300 миллиардов рублей на эти цели – а через месяц вносит поправку в бюджет города, предлагая... уменьшить на 10 миллиардов рублей расходы на строительство новых станций. Почему? Мол, «Метрострой» и с нынешними деньгами не справляется. Где логика?

Зеленые зоны: принимаются масштабные изменения в закон о зеленых насаждениях общего пользования и Генплан. При этом с огромным трудом удастся «отбить» от застройки парк Интернационалистов и парк на Смоленке (последний, впрочем, пока лишь в первом чтении), но не удастся расширить Муринский парк и парк Академика Сахарова, парк 300-летия Петербурга и парк Малиновка, спасти сад 30-летия Октября, убрать из Генплана пресловутую «магистраль № 7» и вернуть в ЗНОП сквер около музея Достоевского...

И в качестве «вишенки на торте» – Беглов, несмотря на обращение оппозиционных депутатов, подписывает изменения в Генплан, соглашаясь с поправками депутата Юрия Бочкова, внесенными после установленного срока и с грубым нарушением процедуры и предусматривающими новую масштабную застройку в чистом поле рядом с посёлками Детскосельский и Тярлево.

«Крупные проекты»: продолжает «пробиваться» крайне сомнительный и нещадно критикуемый жителями проект

«Восточного скоростного диаметра», который пройдёт под окнами множества домов, будут изъяты под дорогу любимые жителями парки и зелёные зоны, вместо этого горожане получат шум машин круглые сутки и воздух, полный выхлопными газами.

Столь же упорно «пробивается» проект «реконструкции», а точнее сноса Спортивно-концертного комплекса — одной из самых интересных построек в городе в конце 70-х годов.

Не останавливается, — несмотря на протесты общественников и несмотря на доказанные факты блокадных захоронений на этом месте, — строительство на бывшем Фарфоровском кладбище. Зато к 75-летию полного освобождения города от блокады на Дворцовой площади запланирован военный парад: вместо воспоминаний о жертвах этой трагедии, чтения имен погибших и общегородской минуты молчания (я предлагал Беглову ее организовать) — танки и переодетые в подобие старой военной формы курсанты и «росгвардейцы» на Дворцовой .

Под угрозой сноса — исторические здания на Тележной улице и на Звенигородской. Под угрозой выселения — «Мемориал», который хотят выгнать из помещения на Разъезжей улице. Не прекращаются попытки застроить территорию Охтинского мыса, чьи уникальные памятники упорно не берутся под охрану.

Не прекращаются попытки застройки территории около Пулковской обсерватории, губительные для астрометрических наблюдений — но Смольный под руководством Беглова продолжает крепко стоять на стороне застройщиков.

Зато принята «Стратегия-2035», на которую ушли десятки миллионов рублей, и где, в частности, территорией «перспективного развития» названа ... промзона «Каменка», в которой пытались построить мусоросжигательный завод.

Эту «Стратегию» (мои студенты лучше бы написали за любую половину потраченной на нее суммы) в пух и прах раскритиковали оппозиционные депутаты ЗАКСа — но это не повлияло на результат.

Забавно, что согласно этой стратегии, к 2035 году Петербург должен достигнуть «позиций европейских городов по основным характеристикам качества жизни, например, здоровье,

семейная жизнь, общественная жизнь, уровень занятости, политические и гражданские свободы».

Я сказал, выступая в ЗАКСе что надо выбрать что-нибудь одно из двух: либо, как уверял не так давно Беглов, защититься от тлетворного влияния Запада, либо достичь позиций таких, как в европейских городах. Особенно по уровню политических и гражданских свобод — о чем ни слова нет в этой стратегии...

Между тем, обсудить городские проблемы с «открытым к диалогу» Бегловым невозможно — в нарушение Устава города и питерского законодательства он отказывается принимать депутатов ЗАКСа по вопросам их депутатской деятельности. Первое обращение с просьбой принять (для обсуждения ситуации с Конюшенным ведомством, Фарфоровским кладбищем, музеем Достоевского и «Мемориалом») я направил ему еще 5 октября. Тщетно.

Самое злободневное в последние недели — зимняя уборка города. И что было сделано? Во-первых, главам комитетов было предложено взять лопаты, во-вторых, учителей срочно бросили на уборку снега, в-третьих — Беглов «поставил задачу увеличить парк снегоуборочной техники». На мои предложения — привлечь к уборке снега и льда «росгвардейцев», вместо того, чтобы они разгоняли митинги и пикеты, и выделить из резервного фонда средства, наняв дополнительных людей на уборку, — врио градоначальника не откликнулся.

Что же, судя по постам, фотографиям и комментариям в социальных сетях, качество уборки снега и льда и состояние петербургских улиц и тротуаров не сулит Беглову ничего хорошего на выборах.

И последнее. Аккурат перед Новым годом началось движение смольнинских кадров. И началось с того, что убрали наиболее профессионального вице-губернатора — Игоря Албина. Затем начались массовые замены глав комитетов — при этом в ряде случаев на их места назначены мало кому известные граждане, и по совершенно непонятному принципу.

На мой взгляд, менять надо не коней на переправе, а кучера.

И менять его 8 сентября 2019 года — на предстоящих выборах.

ПИАР-СУББОТНИК БЕГЛОВА, ИЛИ «МОЖЕМ ПОВТОРИТЬ БРЕВНО»

10 февраля 2019

Питерских чиновников и «бюджетников» 9 февраля выгнали на субботник по уборке города.

Врио губернатора Александр Беглов в лакированных ботинках убирал снег под телекамерами и в окружении заботливо отобранных и проверенных журналистов.

Его заместители трудились в других местах (в том числе там, где, как говорят злые языки, и так было убрано).

Чиновники рангом ниже усердно обрабатывали подведомственные территории.

«Пригожинские» и «смольнинские» СМИ рассказывали об этом примерно в тех же тонах, в каких в советских учебниках истории было принято описывать субботник с бабушкой Лениным и его бревном. В воздухе витало «можем повторить!».

Впрочем, если бы все ограничилось только чиновниками, можно было бы говорить лишь о пиар-акции (убрано, как докладывают смольнинский сайт, 32 тысячи кубов снега — 0.01% от выпавшего объема, и в двух шагах от мест, где они работали, остались горы снега и льда, хождение по которым опасно для жизни и здоровья).

Но на субботник, как уже сказано, в массовом порядке выгнали «бюджетников» из «подведомственных учреждений».

И не надо сказок о «добровольности» — с советских времен знаем ей цену («если не будут брать — отключим газ»).

Если бы Беглов сказал петербуржцам: мы сделали все, что могли, но наших усилий недостаточно, граждане, помогите с уборкой! — его бы могли понять.

Но на протяжении трех недель от назначенного Путиным врио губернатора не слышно никаких ответов на предложения — кроме советов депутатам взять в руки лопаты.

Я предлагал привлечь к уборке Росгвардию — в ответ полное молчание Беглова.

Предлагал выделить средства резервного фонда — получил отказ (правда, через несколько дней сам же Беглов заговорил об этом на заседании правительства).

Депутаты (в том числе я) инициировали парламентское расследование — соратники Беглова по «Единой России» заблокировали предложение.

Обратились к Беглову с призывом объявить чрезвычайную ситуацию (это уж точно позволило бы привлекать военных к уборке) — все то же молчание.

А что вместо этого? Ночные совещания с громкими заявлениями «мы не отдали город во власть снежной стихии».

Не отдали? А как быть с третью (если не больше) улиц Центрального района, где ходить элементарно опасно? Когда Беглов в последний раз проходил по улице Рубинштейна? По Казанской? По переулку Гривцова? По Разъезжей? По Достоевского? По Марата? По Пушкинской? Да и в других районах — не лучше.

И вот теперь — субботник. Под лейтмотив «или мы уберем снег, или он уберет нас».

Да не «нас» уберут, а Вас, Александр Дмитриевич. Речь — о Вашей неспособности организовать работу по уборке города. И нежелании прислушиваться к тому, что Вам предлагают сделать.

Результат — двое погибших и сотни пострадавших. Переполненные травмпункты. Кипящие от возмущения горожане, пробирающиеся по обледеневшим тротуарам и снежным завалам.

А в ответ — мобилизация «бюджетников», которые ничуть не виновны в плохой уборке, на исправление имиджа Беглова на субботнике.

Ничего из этого исправления не выйдет. Сколько бы не старался «кремлевский повар» и его информационные подручные.

Неспособность решать проблемы горожан хорошо лечится только одним путем: честными выборами.

Наша задача — заставить власть их провести.

Иначе следующей снежной зимой все повторится.

ЧУЖИЕ ПРОТИВ ЛОПАТЫ БЕГЛОВА

13 февраля 2019

Временный градоначальник Петербурга Александр Беглов призвал защитить город от «чужаков», которые-де собираются на предстоящие в сентябре 2019 года муниципальные выборы.

Поток напуганного сознания врио губернатора заставляет серьезно задуматься об его душевном равновесии: «собирается разное гнусное воронье», «не надо нас учить», «мы сами с усами», «странно, что кто-то приедет и будет нас учить развивать город», «город нужно защитить от этого воронья», «от нашей гражданской позиции зависит, защитим мы его или нам будет все равно»...

В общем, пора снимать фильм ужасов — «Чужие против Лопаты Беглова» (именно с лопатой прочно ассоциируется Беглов, неспособный организовать уборку города от завалов снега и льда, в результате чего улицы и тротуары превратились то ли в зоны экстремального туризма, то ли в декорации к фильмам о блокадных зимах)...

Между тем, Даниил Гранин и Олег Басилашвили, Александр Сокуров и Жорес Алферов, Лев Додин и Борис Аверин, Юрий Темирканов и Давид Голощекин, Светлана Крючкова и Виктор Соснора, многие другие знаменитые петербуржцы родились не в нашем городе. Но всегда будут великими его гражданами. Как и Петр Первый, и Александр Пушкин, родившиеся вовсе не на берегах Невы.

Да и все градоначальники за последнее столетие, кроме Алексея Косыгина и Александра Щелканова, — «понаехавшие» (Беглов, родившийся в Баку, — исключение).

Так что, пугая горожан «чужаками», и отчаянно пытаюсь представить город осажденной крепостью, которой грозит вражеское нашествие, врио губернатора в очередной раз попадает пальцем в небо.

Попутно оскорбляя практически всех кандидатов в муниципальные депутаты от оппозиции, которые сплошь — петербуржцы.

Если кто-то из «команды Беглова» подсказывает ему такие глупости для публичного произношения, и уверяя, что он большой молодец и все делает правильно, — мой ему совет: гоните их в шею.

А если он сам это придумал, — творчески развивая поставленную им же ранее задачу борьбы с тлетворным влиянием Запада, — остается только развести руками.

Ну, а пока, — судя по тому, что говорят петербуржцы, ходя по улицам города, — если бы выборы губернатора были завтра, то Александр Дмитриевич отчаянно боролся бы за предпоследнее место.

И не факт, что преуспел бы.

«ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЦУ ПУТИНУ: ПРОИЗОШЛА ЧУДОВИЩНАЯ ОШИБКА»

6 марта 2019

Сегодня питерский ЗАКС исключил из повестки внесенный «Яблоком» вопрос о запрете на политическую реабилитацию Сталина — о том, чтобы нельзя было устанавливать ему памятники и мемориальные доски, и называть его именем города, поселки, улицы, площади и набережные.

40 депутатов голосовало за снятие вопроса из повестки — дружный союз «Единой России», КПРФ и ЛДПР.

Одни отказались от этого, потому что и сегодня готовы прославлять Сталина.

Другие — потому что, не решаясь прямо оправдывать сталинские преступления, — многократно осужденные и решениями высших органов власти, и заявлениями первых лиц страны, и заявлениями глав всех религиозных конфессий, — в душе сочувствуют сталинским методам.

Третьи — потому что боятся любой дискуссии на эту тему — любой ее исход начальству может не понравится, лучше помолчать.

Я все равно нашел возможность выступить — при обсуждении вопроса о бесплатной юридической помощи жертвам политических репрессий, — и сказал следующее.

Говоря об оказании помощи жертвам политических репрессий, невозможно обойти стороной вопрос о палачах.

Тот самый вопрос, который сегодня отказалось обсуждать наше Законодательное Собрание.

Но давайте поймем: невозможно говорить о реабилитации жертв репрессий и открывать им мемориалы (с участием президента и патриарха), — не говоря прямо о том, кто же в этих репрессиях виноват.

Политические репрессии произошли не в результате стихийных бедствий.

А в результате «массовых преступлений против своего народа» — это я цитирую нынешнего президента России.

В результате того, что некоторые наши коллеги стыдливо называют «не совсем демократичные меры» или «идеологические перегибы».

Это были не перегибы. А массовые убийства. И главный их виновник, организатор и вдохновитель — Сталин.

Только за два года, с 1936-го по 1938-й, органы госбезопасности арестовали не менее 1.7 млн. человек, из них не менее 724 тыс. расстреляли. В месяц убивали более 20 тыс. человек. Почти всех без суда и следствия. «Тройками» и «двойками».

30 июля 1937 года на основании решения Сталина был издан приказ НКВД №00447, где содержался план с нормативами убийства людей по городам, областям, краям, республикам, с указанием числа подлежащих расстрелу.

Вот он, этот приказ — я вам его демонстрирую.

В нем не фамилии, а цифры, плановые показатели.

Например, в Ленинградской области было приказано расстрелять 4 тыс. человек, в Московской — 5 тыс., в Западной Сибири — 5 тыс. человек.

Норматив по убийствам следовало выполнить в четырехмесячный срок.

Это — факты, которые невозможно опровергнуть.

И есть еще множество фактов, которые все — известны.

Зададим себе вопрос: допустимо ли одновременно хранить память о жертвах — и увековечивать имя главного палача?

Ставить ему памятники и мемориальные доски, называть в его честь улицы и площади?

Где еще, в какой стране это возможно?

Почему запрет на установку памятников Сталину и присвоение имени Сталина географическим объектам сегодня актуален?

Да потому, что ударными темпами возрождается сталинское государство.

Потому, что почти каждый день нам показывают, что человек — это пыль под ногами у государства, что в жерновах репрессивной машины может оказаться каждый, и что «органы не ошибаются».

Потому что почти каждый день в нашем городе — где помнят и убийство Кирова, и «ленинградское дело», — преследуют тех, кто осмеливается противостоять власти.

Запрет на увековечение имени Сталина — шаг от сталинского государства.

Отказ его вводить — как и отказ его рассматривать, — это шаг к сталинскому государству.

В котором, замечу, и каждый из вас в любой момент тоже может стать жертвой этих репрессий. Как становились ими те, кто занимал самые высокие посты в сталинском государстве: никто не мог чувствовать себя в безопасности.

И будете потом писать письма «Передайте товарищу Путину: произошла чудовищная ошибка».

Но ответа на них — не будет.

КРЕМЛЕВСКИЕ «ЭКСПЕРТЫ» О ВЫБОРАХ В УКРАИНЕ — ЭТО СЕКЦИЯ ИМПОТЕНТОВ НА СЕМИНАРЕ СЕКСОЛОГОВ

1 апреля 2019

«По сути, не осталось никаких политических сил, пространство зачищено от альтернатив, гражданам предлагается выбирать из «пятидесяти оттенков серого». Это выдаётся за общенациональный консенсус, но на самом деле

ситуация создана искусственно усилиями госпропаганды и расправ над несогласными. Мы верим, что однажды будут демократические выборы...».

Кто этот храбрец, режущий правду-матку?

Оппозиционер из «Яблока» или «Открытой России»?

Ведущий авторской программы на «Эхе» или колумнист «Новой газеты»?

Докладчик на «Форуме свободной России»?

Не угадали: это глава комитета Совета Федерации по международным делам, единокросс Константин Косачев.

И это он не о российских выборах, не подумайте, он вполне в своем уме.

Это он о выборах в Украине.

Оказывается, зачистка от альтернатив, госпропаганда и расправы над несогласными — это не у нас, это у них.

У нас ничего этого и в помине нет.

И выборы у нас демократические, не то что в Украине...

Было бы смешно — но не смешно, а противно.

Как если бы проститутка публично упрекала кого-то в безнравственности.

Мой комментарий к выборам в Украине: нам бы так!

Чтобы результат выборов был заранее неизвестен.

Чтобы действующий президент вполне мог бы проиграть.

Чтобы его свободно и безнаказанно критиковали с разных сторон.

Чтобы на разных телеканалах показывали разные точки зрения на выборы.

И чтобы было понятно: кого ни выберут президентом — если он будет скверно работать, через пять лет его прогонят и выберут другого.

И так — на протяжении четверти века.

Это и называется демократией.

А у нас — двадцать лет несменяемого дона Рэбы с кратковременной «рокировочкой».

Поэтому любые рассуждения персонажей типа Косачева о выборах в Украине — это секция импотентов на семинаре сексологов.

ТБИЛИСИ. АПРЕЛЬ. 1989

9 апреля 1989

Тридцать лет назад 9 апреля 1989 года в Тбилиси военные жестоко разогнали оппозиционный митинг у Дома Правительства.

Военные применили сильнодействующие отравляющие вещества и саперные лопатки. Шестнадцать человек из числа митингующих погибли на месте, еще трое скончались в больнице. Около 200 участников митинга были госпитализированы, в течение следующего месяца около 4000 человек обратились за медицинской помощью.

«Комиссия Собчака», созданная первым съездом народных депутатов СССР, признала «избыточное применение военными силой», но конкретных виновников, по сути, массового убийства, не назвала.

Комиссия отметила, что военные длительное время ввали, отрицая то применение отравляющих газов, то применение саперных лопаток, и констатировала, что «совокупный анализ реального хода операции по вытеснению митингующих позволяет достоверно утверждать, что только вследствие грубейших, граничащих с преступной халатностью нарушений действующего законодательства, Уставов, наставлений и инструкций, завершилась она трагически, и дело следствия разобраться в степени виновности как санкционировавших ее проведение руководителей, так и непосредственных исполнителей», но никакого следствия, судя по отсутствию каких-либо наказаний виновных, проведено так и не было.

Это было одно из первых применений армии против народа в перестроечные годы — и, думаю, с этого момента независимость Грузии была предрешена.

В республике этого не забыли и не простили.

Вспоминая об этом, хочу поделиться некоторыми личными впечатлениями — правда, относятся они не к апрелю, а к октябрю 1989 года.

Я тогда работал старшим научным сотрудником, и приехал в Тбилиси с 17 по 21 октября на конференцию ИФАК — между-

народной федерации по автоматическому управлению, делать доклад об адаптивных методах обработки данных на борту самолета. Уже достаточно давно занимался политикой – был членом клуба «Перестройка», Ленинградского народного фронта (учрежденного в июне 1989-го), участвовал в выборах народных депутатов СССР 1989 года (сперва как рядовой наблюдатель, потом как участник команды Андрея Ошуркова). И в первый же день, отправившись гулять по городу, спросил у встреченных в кафе ребят: кто может рассказать мне, что происходило в апреле?

Ни малейшего удивления мой вопрос не вызвал. Узнав, что я из Ленинграда, где очень интересуются событиями в Тбилиси, но не очень много о них знают, ребята (как выяснилось, студенты) несколько часов водили меня по городу.

Досконально рассказали и показали, где все происходило (мне показалось тогда, что можно спросить об этом вообще у любого прохожего на улице – и он бросит все дела и начнет показывать и рассказывать, настолько острыми были воспоминания).

На следующий день ребята показали мне многочасовой фильм про события 9 апреля – в Ленинграде, естественно (и вообще за пределами Грузии), думаю, его никто не видел. Со страшными кадрами – людей, травмированных саперными лопатками, в том числе женщин. Потом удалось встретиться и поговорить с родными погибших и пострадавшими. Нашлись тбилисские газеты с докладом комиссии Верховного Совета Грузии, куда более полным, чем доклад «комиссии Собчака».

Картина стала куда более ясной и законченной – налицо было циничное и откровенное преступление перед гражданами, и лишь по очевидным политическим причинам никто за это преступление так и не ответил.

Хотя, на мой взгляд, как минимум, командующий Закавказским военным округом генерал Игорь Родионов, первый замминистра обороны СССР генерал Константин Кочетов и начальник оперативного штаба внутренних войск МВД СССР генерал Юрий Ефимов, руководившие операцией и отдававшие приказы, могли быть привлечены к уголовной ответственности. Но ее счастливо избежали.

Вернувшись в Ленинград, я рассказывал об этом в конце октября на конференции ЛНФ. Передал коллегам тбилисские газеты. Рассказал, что после трагической гибели в странной авткатастрофе 13 октября одного из лидеров грузинской оппозиции и организаторов митинга 9 апреля Мераба Коставы проспект Ленина в Тбилиси хотят назвать его именем (что и случилось).

Обсуждение было долгим и интересным — но сама «тбилисская тема» уже начала отходить на второй план. Через некоторое время она заслонила другая трагедией — в январе 1990 года в Баку.

А еще через два месяца были выборы-90, избрание демократического Ленсовета, смена власти в нашем городе и другие хорошо известные события.

О том, что произошло в Тбилиси, с тех пор мы вспоминаем, увы, большей частью лишь по «круглым датам» — пять лет с трагедии, десять, двадцать, тридцать...

Между тем, если тогда бы стало ясно, что применение армии против граждан приведет к немедленной и неотвратимой ответственности для виновных, как для командиров, так и для «выполнявших приказ» — многого из того, что случилось дальше, возможно, удалось бы избежать.

КАК «ПРАВООЩИТНИК ПО ВЫЗОВУ» ОПРАВДАЛ РАЗГОН ПЕРВОМАЙСКОГО ШЕСТВИЯ ДЕМОКРАТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

3 мая 2019

Член Совета по правам человека при президенте России Александр Брод оправдал разгон первомайского шествия демократов в Петербурге.

«Изучив материалы СМИ и социальных сетей, проведя консультации с представителями НКО Санкт-Петербурга 1 и 2 мая», г-н Брод «пришел к выводу, что среди участников первомайского

шествия были граждане, нацеленные на сознательные провокации и столкновения с сотрудниками правоохранительных органов с целью срыва акции».

Однако, единственный источник, «изученный» и процитированный Бродом (который в Петербурге на шествии не был и своими глазами ничего не видел, но уверенно делает выводы), — это лживое и лицемерное заявление смольнинского комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности, которое он радостно излагает: мол, «провокаторы, среди которых так называемые оппозиционные депутаты Законодательного Собрания Петербурга, сорвали проведение праздничного шествия по Невскому проспекту». В результате чего «для стабилизации ситуации полиции пришлось задержать нескольких зачинщиков».

В социальных сетях, печалится Брод, «многие пользователи «благодарят» провокаторов за испорченный праздник». Посему он требует направить запросы в МВД и прокуратуру не только для проверки обоснованности задержания участников шествия и применения физической силы со стороны правоохранительных органов, но и для «проверки всех фактов нарушения общественного порядка со стороны участников публичного мероприятия».

Провокаторы, понимаешь.

Пришлось задержать, значит.

Для стабилизации ситуации.

Это Александра Шуршева из штаба Навального «пришлось задержать» для «стабилизации»? Видео его задержания широко разошлось по Интернету — и на нем прекрасно видно, как он спокойно разговаривает с полицейским, и в этот момент на него со спины набрасывается дюжий «рогвардеец», применяя против Шуршева (молодого человека небольшого роста и отнюдь не богатырского телосложения) удушающий прием. Чем же это Саша его «спровоцировал»? И как это способствовало «стабилизации»?

Или, может быть, Наталья Баринова, которую я встретил в 70 отделе полиции Невского района, где врач «Скорой» подтвердил мне, что ей сломали руку при задержании, чем-то «провоцировала» полицию?

Или полицию «провоцировали» оппозиционные депутаты Законодательного Собрания, которые (и я в том числе) объясняли ей, что полицейские не имеют никакого законного права требовать убрать «антипутинские» и «антибегловские» плакаты, и требовали освободить незаконно задержанных участников шествия?

Что касается социальных сетей, где обвиняют «provokatorov» (относя к ним организаторов и участников шествия), то эти обвинения размещены или на сайтах смольнинских комитетов, или на «пригожинских» ресурсах, услужливо отработывающих присланные методички. Подавляющее большинство пользователей социальных сетей, — судя по постам и комментариям, — прекрасно понимает, что в роли provokatorov выступали не оппозиционеры, а представители администрации, полиции и Росгвардии. Но этого г-н Брод предпочитает не замечать.

Удивительного, впрочем, в этом ничего нет — для тех, кто хоть немного знаком с деятельностью этого «правозащитника по вызову».

У него и выборы в Госдуму были честными, и война с Грузией в 2008 году — оправданной, и нацисты его беспокоят, как правило, в Украине, и угрозу «геноцида русских» он там усматривал, и все действия российских властей весной 2014 года в Украине он поддерживал...

У петербургских правозащитников, надо сказать, принципиально иная точка зрения на происшедшее 1 мая, чем у всевозможных лакеев власти для особых поручений по оправданию ее действий.

Уполномоченный по правам человека в Петербурге Александр Шишлов заявил, что расценивает «беспрецедентный разгон согласованного первомайского шествия и жесткие задержания его участников как грубое нарушение прав человека, гарантированных Конституцией России». Омбудсмен отметил, что «задержания с применением силы проводились безосновательно и без предупреждения, не были вызваны нарушением общественного порядка или невыполнением законных требований сотрудников полиции». Правозащитный совет Санкт-Петербурга позицию омбудсмена полностью поддержал.

Впрочем, к совести г-на Брода, — как и к совести «смольнинских» и «пригожинских», которым все — божья роса, — не взываю.

Нет у них такой опции.

P.S. Кстати, упомянутый отчет петербургского омбудсмена Александра Шишлова о событиях 1 мая на официальном сайте Совета по правам человека при Президенте РФ. Может быть, прочитав отчет, кто-то из президентской администрации срочно попросил г-на Брода выступить со своим «особым мнением»?

ТЕ, КОМУ НЕ ДАЮТ ПОСТРОИТЬ ХРАМ В СКВЕРЕ, НИКАК НЕ ТЯНУТ НА НОВЫХ МУЧЕНИКОВ

29 мая 2019

Очень не хочется церковникам признавать позорное поражение в противостоянии с обществом в Екатеринбурге.

И вот уже местный митрополит Кирилл именуется митинги в защиту сквера у здания Драматического театра «вызовом церкви», сравнивая происходящее ни больше, ни меньше, как с убийством царской семьи (!).

А потом пресс-секретарь патриарха Кирилла Александр Волков заявляет, что граждане России «в здравом уме и адекватном нравственном состоянии» не могут противиться строительству храмов, которые, мол, «в России всегда строились в лучших местах, скверах, охранных зонах, которые русский человек ни для чего другого, кроме храмов, не предусматривал». Уверяя, что люди, которые выступают против строительства храмов, не выступают против магазинов для взрослых и «не выходят за ремонт поликлиник или садики».

Это не просто оскорбление защитников сквера — это еще и прямая неправда.

Во-первых, когда это «храмы всегда строились в охранных зонах», если во времена, когда строились храмы, еще не было

никаких охранных зон? А когда РПЦ требует для храмов лучшие земельные участки в обустроенных парках и скверах, полезно напомнить, что конституционное право на свободу вероисповедания вовсе не означает права церковного начальства получить любой приглянувшийся кусок земли.

Во-вторых, граждане очень даже выступают и против магазинов, и за садики и поликлиники — если новые магазины (притом, что и старых хватает) пытаются насильно «впихнуть» в зеленые зоны, а поликлиник или садиков недостаточно. Многократно участвовал в подобных примерах массового гражданского протеста.

А в-третьих, это не церкви брошен вызов проведением митингов.

Это церковь бросила вызов обществу.

Своей жадностью, лицемерием и демагогией.

Общество ответило на этот вызов — сопротивлением.

И не надо передергивать: это не борьба с верой или верующими.

Это борьба людей за свои скверы и парки, и за право дышать чистым воздухом. И эти люди в абсолютно здоровом уме и в совершенно адекватном нравственном состоянии.

Если бы в сквере пытались построить бизнес-центр — граждане возмутились бы точно так же. И это была бы не борьба с бизнесом — это была бы борьба за сквер.

Что касается убийства царской семьи — те, кому не дают построить храм в сквере, никак не тянут на новых мучеников, сколько бы они ими себя не воображали.

«КОЛОКОЛ ГОЛУНОВА» ЗВОНИТ ПО ТЕБЕ

9 июня 2019

Иван Голунов отправлен под домашний арест. Это, конечно, далеко не свобода.

Но мы почти все (чего скрывать) думали уже, что, судя по развитию событий, избежать реального ареста в качестве меры пресечения не удастся.

Получилось иначе. И, конечно, только из-за огромного общественного сопротивления и общественной солидарности с журналистом, задержанным по откровенно сфабрикованному делу.

В чем главная проблема в истории с преследованием Ивана Голунова, Оюба Титиева и вообще очень многих из тех, кого преследуют по очевидным политическим мотивам?

В том, что судебная система за путинские годы превратилась в один из департаментов условного «министерства репрессий».

Куда входят еще полиция, Росгвардия, прокуратура и следственный комитет.

И система эта работает по сталинскому принципу «органы не ошибаются».

В нынешнем суде — много раз видел своими глазами — принято (за редкими исключениями) не принимать доказательства и аргументы защиты, не учитывать их в решении и не давать им оценку.

А если и давать — то практически всегда оценивать их «критически».

Как «пристрастные и необъективные».

Как «направленные на то, чтобы избежать заслуженного наказания».

А вот практически любые показания и сведения, которые представляет полиция, суд рассматривает как безусловно заслуживающие доверия.

Как истину, в которой незачем сомневаться, — ведь у полицейских нет никаких причин исказить действительность.

Полицейские рассматриваются как кристально честные люди, которые говорят правду, только правду и ничего кроме правды.

Как грустно пошутил мой сын, если бы это было так — в футбольных турнирах полицейских команд не требовались бы ни судьи, ни видеоповторы.

Игроки сразу и честно говорили бы: «Стоп! Я нарушил правила». «Да, был пенальти в наши ворота». «Увы, я был вне игры, когда забивал гол». И так далее и тому подобное.

Добавлю: если бы это было так, кредиты полицейским давали бы под честное слово и без всякого обеспечения — как же можно сомневаться, что они вернут?

Но ведь мы с вами прекрасно знаем, что это совсем не так. Что у полиции, — особенно, когда речь идет о «политических» делах, — есть очень даже много оснований исказить истину. Получив соответствующий приказ от начальства.

Но суд отказывается это признавать.

Именно потому у нас 99% обвинительных приговоров, где в решение суда просто переписывается обвинительное заключение.

Вчера я был больше двух часов на акции в защиту Ивана в Петербурге у Гостиного Двора, стоял в пикетах, раздавал листовки, общался с горожанами, «разруливал» могущие начаться конфликты с полицией.

Масса знакомых лиц. Мы все были вместе. И вместе борлись за вашу и нашу свободу.

Я очень надеюсь, что общественное сопротивление поможет спасти Ивана Голунова от сфабрикованного обвинения. Что все обвинения будут сняты, а дело прекращено.

И очень надеюсь, что общественность не забудет про Оюба Титиева, который сидит по такому же обвинению. Не забудет Лию и Артема Милушкиных из псковской «Открытой России», которых преследуют по похожему делу.

Я надеюсь, что те, кто фабриковал их дела, арестовывал, облыжно обвинял и несправедливо судил — сядут. А до того — все они должны быть названы поименно. С фамилиями, именами, отчествами, должностями и фотографиями. С максимальным распространением.

Большинство из них безумно боится оказаться в центре внимания. Потому что прекрасно понимает, что делает. И надо, чтобы любой поиск имени этих людей сразу же выдавал эти результаты. И от этого они никак могли «отмыться».

Я надеюсь, что общественность не забудет преследуемых крымских татар, в том числе Эдема Бакирова, тяжело больного человека, которого российские «силовики» похитили по пути в Крым к родственникам, и держат под стражей, что грозит ему гибелью.

Всех несправедливо преследуемых надо защищать.

Потому что в любой момент этот колокол может зазвонить по тебе.

КАРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА БОИТСЯ ОГЛАСКИ, КАК ВАМПИР БОИТСЯ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА

11 июня 2019

25 мая, выступая на съезде питерского Союза журналистов, я сказал: «Мне очень жаль, что питерские СМИ уделяют недостаточно внимания политическим репрессиям, пыткам арестованных, систематическим задержаниям политических активистов и участников протестных митингов, которых порой держат в полиции сутками в камерах, где созданы пыточные условия. Что мне жаль, что об этом очень мало пишут, и что митинги и пикеты против политических репрессий и пыток почти не освещаются в СМИ. А на просьбы к журналистам рассказать об этом мы иногда слышим: «Для нас это мелко», «Нам это неинтересно», «Это не наш формат»...

Результат прост: общество пребывает в неведении о происходящем.

А ведь только максимальная огласка этих ситуаций может привлечь общественное внимание, создать «волну протеста» и остановить политические репрессии. Иначе завтра их жертвой может оказаться, в том числе, любой из присутствующих в зале.

Как в воду глядел: через две недели задержали Ивана Голунова.

И сегодня, наблюдая беспрецедентную акцию журналистской и общественной солидарности (не только журналисты выходят на акции его поддержки, сам позавчера в ней участвовал в Петербурге), хочется призвать: коллеги, когда удастся (на что я очень надеюсь) добиться освобождения Голунова и наказания его гонителей — не останавливайтесь!

Может быть, камешек «Голунов» сорвет лавину — а, может быть, и не сорвет.

Между тем, продолжает сидеть Олег Сенцов, отправленный за решетку по чудовищному и сфабрикованному обвинению.

Сидят обвиняемые по «делу «Сети», из которых, как из Виктора Филинкова, пытками выбивали признания.

Сидят обвиняемые по делу «Нового величия», жертвы внедренного из ФСБ провокатора.

Сидят украинцы Владимир Балух и Станислав Клых.

Сидят двадцать четыре военнопленных украинских моряка, объявленные «нарушителями границы».

Преследуются «Свидетели Иеговы» (запрещенная в России организация), объявленные «экстремистами».

Почти ежедневно подвергаются репрессиям крымские татары.

Многие ли об этом знают и протестуют?

Увы, немногие. Потому что лишь небольшое число СМИ об этом рассказывает.

Гражданские и политические активисты выходят на пикеты и митинги в их защиту — но и об этих акциях протеста тоже узнают немногие. По тем же причинам.

И все продолжает вращаться по тому же замкнутому кругу незнания.

А ведь карательная система боится огласки, как вампир боится солнечного света.

Друзья-журналисты, речь не о том, чтобы вы в массовом порядке выходили с плакатами «Я Олег Сенцов» или «Я Виктор Филинков», или «Я крымский татарин».

У вас другая — не менее важная общественная миссия: рассказывать об этом.

Иначе локальная победа опять обернется поражением.

ПРИ ТАКИХ АРХИПАСТЫРЯХ УЖЕ НЕ НУЖНА АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

17 июня 2019

Сквер «на Дrame» в Екатеринбурге не будет отдан под «храмостроительство» — епархия, устами митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла, отказалась от строительства собора святой Екатерины на этом месте.

Но отказалась так, что лучше бы молчала. Потому что при таких архипастырях уже не нужна никакая атеистическая пропаганда.

Оказывается, это не очередной собор (притом, что в пределах прямой видимости — еще три), жители Екатеринбурга не дали построить на месте сквера — а «Христос изгоняется с Исетского пруда».

Оказывается, гражданское сопротивление застройке сквера было «мерзостью» и «диавольским искушением».

Оказывается, «несмотря на всю ложь пропаганды, сквозь которую слабому ручейку правды нельзя было и пробиться, тем не менее, именно за сквер у Драмтеатра поступило подавляющее большинство предложений». И, мол, именно этот вариант имел бы все шансы победить.

И тем не менее, чтобы «не разбудить древнего демона гражданской междоусобицы», епархия отказывается от права строить собор святой Екатерины в сквере у Драмтеатра. Желая «только святости и мира». Сокрушаясь, что «уступает в очередной раз», и уверяя «у нас не осталось щёк, которые мы ещё не подставляли под удар».

Приравнивание запрета строить храм в сквере к изгнанию Иисуса — это, что называется, посильнее «Фауста» будет.

Скромнее надо быть, господа церковники. Изгнали не Иисуса, а вас, жадных и самодовольно уверенных, что власть на вашей стороне, и перечить никто не осмелится.

Объявление желания горожан сохранить сквер «мерзостью» и «диавольским искушением» — это плевок в лицо тем, кто стоял в этом сквере против полиции и нанятых «титушек», кто уже получил аресты и штрафы за якобы «несанкционированные митинги» и кому это еще грозит. Кстати, не хочет ли митрополит Кирилл призвать отменить эти несправедливые и незаконные наказания?

Что же касается «подавляющего большинства предложений», то можно их — в студию? Данные опросов, по которым подавляющее большинство за сохранение сквера и против его «храмовой застройки» — есть. При том, что «ложь пропаганды» (напомнить, как защитников сквера объявляли «бесами», «безбожниками» и «врагами православия» на федеральном ТВ?) была направлена именно на застройку сквера, а не

против нее. А вот данных о том, что «именно этот вариант имел бы шансы победить» — абсолютно голословное утверждение...

«Демона гражданской междоусобицы» разбудили именно церковники — замахнувшись на популярный у горожан сквер.

И вовсе не «подставляли щеки под удар» (прямо разрыдаться хочется, жалея их, бедных), а агрессивно наступали. А остановились они только тогда, когда поняли, что общество не отступит. И застроить сквер — не позволит.

Впрочем, в одном митрополит Кирилл прав, когда цитирует Иоанна Златоуста «Разве Церковь — в стенах? Церковь — во множестве верующих».

Вот только РПЦ этот призыв не слышит. И куда больше, чем о умножении верующих, заботится именно о «стенах». Стремясь захватить для «храмовой застройки» один лучший участок за другим. Так, сейчас в Петербурге угроза нависла над Южно-Приморским парком, где собираются возвести очередной «храмовый комплекс» вопреки общественному мнению. Конечно же, ссылаясь на «просьбы верующих».

Замечу: за семь с половиной лет депутатской работы в питерском ЗАКСе ко мне обратились более семи тысяч человек. Они говорили о нехватке школ и детских садов, поликлиник и больниц, театров и клубов, парков и скверов, автобусов и трамваев, гаражей и парковок. И один-единственный раз ко мне пришел человек, который сетовал на недостаток церквей. Однако, церковники требуют все нового и нового «храмостроительства», и как правило — в зеленых зонах.

И тем не менее, екатеринбуржцев — поздравляю с победой!

Она достигнута только благодаря их мужественному сопротивлению и упорству, которого ни власти, ни церковники не ожидали.

Верю, что победы одержат и другие — и те, кто борется с церковным рейдерством в других городах (в том числе, в моем родном Петербурге), и те, кто требует не заваливать их московским мусором, и те, кто требует не строить рядом с ними мусоросжигательные заводы, около которых исключено существование высших форм жизни...

Не отступать. Не сдаваться. И тогда победа — придет.

«ВМЕСТЕ С ЮРОЙ ВИЗБОРОМ КОНЧИЛАСЬ ЭПОХА...»

20 июня 2019

Сегодня ему могло бы исполниться 85 лет. Но Юрий Иосифович Визбор лишь на три месяца пережил свое 50-летие.

Он притягивал к себе людей, как костер в ночи манит запоздалого путника.

Среди той, великой, «звездной» бардовской плеяды шестидесятых он был узнаваем с первого аккорда, с первой строчки.

Помните:

Вставайте, граф, — рассвет уже полощется...

Спокойно, дружище, спокойно
У нас еще все впереди ...

Лыжи у печки стоят,
Гаснет закат за горой ...

Вот это для мужчин — рюкзак и ледоруб,
И нет таких причин, чтоб не вступать в игру...

То взлет, то посадка,
То снег, то дожди ...

Всем нашим встречам
Разлуки, увы, суждены ...

Потом, когда Визбора не станет, его друг Юлий Ким скажет удивительно точно: «молодость целого поколения обозначена этими цитатами».

Те, которых мы сегодня привычно называем «шестидесятниками», — чуть состарившиеся студенты 50-х, тех романтических времен, когда родной институт Визбора — МГПИ, Московский педагогический, был песенным эпицентром Москвы

(кроме Визбора — Ада Якушева и Борис Вахнюк, Юлий Ким и чуть позднее — Вадим Егоров). В лыжных штанах и ковбойках, под речитатив визборовской гитары они распахивали перед собой страну, умытую освежающим ливнем Оттепели и верили, что мрачные времена никогда больше не вернутся.

Горы и тайга, упругий ветер перевалов и брызги перекаатов, пыль дальних дорог и плывущие в небо искры костра — вот тот мир, где царил Юрий Визбор.

Он был фантастически, невероятно талантлив. В любой, даже незнакомой компании вокруг Юрия Визбора возникало некое гипнотическое поле тяготения, противостоять его обаянию не мог никто.

Его профессий хватило бы на десяток «нормальных» жизней — актер и журналист, альпинист и тренер по горным лыжам, художник и киносценарист, писатель и путешественник.

Первые «звучащие репортажи» радиостанции «Юность» и рождение журнала «Кругозор» — Визбор, Алик в знаменитом фильме «Июльский дождь» и Борман в «Семнадцати мгновениях» — Визбор, «Автоград — XXI» и «В списках не значился» вместе с Марком Захаровым в Ленком 70-х — тоже Визбор ...

И все-таки, самым главным были песни.

Ты у меня одна,
Словно в ночи — луна...

Ты как хочешь — пиши, не пиши,
Только вслед мне рукой помаша...

Мы затопим в доме печь, в доме печь
Мы гитару позовем со стены

А помнишь, друг, команду с нашего двора,
Послевоенный над веревкой волейбол...

Где ходики стучат старательно на кухне,
Где милая моя, и чайник со свистком...

Наверно, Окуджава был мудрее, Галич — глубже, Высоцкий — яростнее.

Но именно в песнях Визбора, как в фокусе (я снова цитирую Юлию Кима) «все сошлось, все отразилось и выразилось».

Именно голос Визбора стал голосом поколения, он задал тот верный тон, по которому долгие годы настраивались его друзья и соратники.

Песни Визбора звучали повсюду — пожалуй, лишь Высоцкий в зените славы был более популярен и любим.

Может быть, невероятный успех этих песен объяснялся и тем, что герой Визбора был таким же притягательным, как он сам, — бродягой и проказником, скупым на слова и щедрым на улыбку, мужественным и надежным в трудную минуту. Короче, герой Юрия Визбора был *настоящим мужчиной*.

Никто в большей степени, чем Визбор, не вложил в авторскую песню дух истинной мужской дружбы, товарищества, ощущения «связки», «спина к спине» — там, где трудно, там, «где суждено не каждому пройти».

Лев Аннинский скажет о Визборе: «Он — певец мужской доблести. Его герой — человек с рюкзаком и ледорубом. Человек на крутом склоне. На накренившейся палубе. За рулем мчащейся машины. За штурвалом взлетающего самолета. Его символы — тропа, уходящая в туман, тропа, по круче взбирающаяся к солнцу».

«Вместе с Юрой Визбором кончилась эпоха» — скажет в посвящении ему Александр Городницкий.

Наверно, тогда действительно кончилась эпоха — когда песня, звучащая у костра была одной из немногих отдушин в мире кривых зеркал и фальшивых нот.

Визбор никогда не был в опале или под запретом — но при жизни так и не было выпущено ни одной его книги или пластинки.

Его повсеместно узнавали на улицах после «Мгновений» — но за последние 10 лет жизни он сыграл лишь в трех второстепенных фильмах.

И все же, он — с нами. Пока живут на свете люди «одной с ним крови», для которых его песни — камертон, по которому выверяется голос звучащей в душе струны.

Я снимаю гитару со стены — и любимая с юности мелодия всплывает из глубины:

Прощайте вы, прощайте, писать не обещайте,
Но обещайте помнить, и не гасить костры...

Мы помним, Юрий Иосифович. И не гасим костер.

P.S. Это было написано четверть века назад для петербургской газеты «Невское время». Сегодня, перечитывая эту колонку, я понимаю, что ничего не хочу к ней добавлять.

Юрий Визбор по-прежнему — с нами. С теми, о ком сказано: «Но есть такой закон — движение вперед, и кто с ним не знаком — навряд ли нас поймет».

И каждый раз, когда в кругу друзей, или на концерте, я беру в руки гитару, обязательно будут песни Визбора.

Осенью в Белом зале петербургского Политеха будет вечер, посвященный 85-летию Юрия Визбора.

Мне уже оказана большая честь — быть одним из участников этого вечера, выйти на сцену и спеть несколько песен Юрия Иосифовича.

Я БЫЛ СОЧТЕН ОПАСНЫМ СОПЕРНИКОМ — И ИМЕННО ПОТОМУ К ВЫБОРАМ НЕ ДОПУЩЕН

2 июля 2019

Дорогие друзья, я от всей души благодарю всех, кто поддержал мое участие в выборах губернатора Санкт-Петербурга.

За три недели после выдвижения на конференции «Яблока» я объехал 84 муниципалитета из 111. В каждом из них я передал для каждого депутата свое личное письмо. Я говорил с 24 главами муниципальных образований, полностью объехал 14 районов города из 18, частично — один. Эта работа шла открыто и публично — каждый день я размещал в социальных сетях свой отчет о поездке.

Никто из кандидатов в губернаторы, — в том числе те, кто сдал в горизбирком необходимое для регистрации число

подписей, — не делал ничего подобного. Они не скрывают, что получили подписи из рук власти, ничего (за редчайшими исключениями) не собирая. Им выдали подписи, сочтя безопасными соперниками, не способными помешать избранию Беглова.

Я был сочтен опасным соперником — и именно потому к выборам не допущен.

Для прохождения «муниципального фильтра» надо было собрать 155 подписей муниципальных депутатов в трех четвертях муниципалитетов. Это, якобы, должно было показать, что кандидат в губернаторы имеет поддержку в обществе.

Собрать эти подписи мне не удалось. Но не потому, что у меня нет поддержки петербуржцев. Напротив, столько слов поддержки, сколько я услышал за последние недели, я не слышал никогда.

Если бы для участия в выборах губернатора мне надо было собрать только подписи горожан, — я бы их собрал, и все это понимают. Но мне требовались подписи муниципальных депутатов, подавляющее большинство из которых принадлежат к «Единой России».

Лишь немногие муниципальные депутаты — действительно независимые от власти — решились подписаться за моё участие в выборах. Я благодарю их и высоко ценю их личное мужество.

Остальные депутаты или отказались подписываться, или не ответили на мои обращения.

Многие из этих депутатов сейчас скрывают назначение муниципальных (как они считают — своих) выборов, чтобы любой ценой не дать выдвинуться конкурентам, прячут муниципальные избирательные комиссии, нанимают за грязные деньги «титушек», физически не давая оппозиционным кандидатам подать документы.

Эти люди — трусы и подлецы. Но именно эти люди, не имеющие никакого отношения ни к закону, ни к совести, сегодня решают, позволить или не позволить мне участвовать в выборах губернатора. Это ли не доказательство полной абсурдности «муниципального фильтра»?

Тем не менее, друзья, борьба не закончена. Она продолжается.

Впереди — муниципальные выборы 8 сентября, когда будет обязательно необходимо прийти и отправить на политическую

свалку депутатов от «Единой России», которые лишили всех нас реального выбора на губернаторских выборах, лишили Петербург политической альтернативы обнаглевшей власти.

Ведь потом «избранный» таким путем губернатор и назначенные им чиновники будут «обеспечивать» нужный для Кремля результат на федеральных выборах. Так формируется система несменяемой власти, по сути — узурпации власти. Это — тягчайшее преступление против основ конституционного строя России.

Я продолжаю нашу работу, уважаемые граждане Санкт-Петербурга, остаюсь вашим депутатом Законодательного Собрания, я продолжу защищать вас и помогать вам.

Мы вместе продолжим строить демократический Петербург.

С уверенностью в победе, ваш Борис Вишневский

БЕГЛОВ И ПЕРЕГИБЫ НА МЕСТАХ

12 июля 2019

«**В**се, что сейчас происходит, наносит большой вред репутации нашего города, и грязные выборы никому не нужны. Вся страна смотрит телевизор, интернет, и в одном из лучших городов нашей страны происходят такие безобразия».

Это временный губернатор Петербурга Александр Беглов комментирует происходящее на муниципальных выборах в городе, которым он руководит.

Так и хочется сказать: «Проснулся!».

Все это происходит в Петербурге на протяжении месяца — а он только сейчас узнал и несказанно удивился?

Или из Москвы объяснили, что затянувшееся молчание врио на фоне ежедневных скандалов — с «игрой в прятки» муниципальных избирательных комиссий, толпами «титушек» у их дверей, мешающими оппозиционным кандидатам сдать документы, массовыми отказами в регистрации оппозиционерам, — становится уже откровенно неприличным?

Но чем так говорить — уж лучше бы Беглов и дальше молчал.

Потому что весь этот беспредел организован при непосредственном участии его подчиненных и его окружения.

Муниципалитеты — это не вещь в себе, подавляющая часть их прочно связана «патрон-клиентскими» отношениями и с главами районных администраций, которые подчинены Беглову, и с депутатами Госдумы и Законодательного Собрания от «Единой России», в которой состоит Беглов.

Эти отношения основаны и на финансовых («осваивание» субсидий муниципалитетам, в том числе — выделяемых через депутатские поправки), и на политических (взаимная поддержка на выборах разных уровней) интересах.

И недаром почти в каждом муниципалитете легко можно определить «смотрящего» депутата Госдумы или ЗАКСа — висят его портреты и лежат его отчеты.

«Почему все это происходит — весь этот муниципальный беспредел? — спрашивают у меня журналисты. — Кому это нужно? Ведь, по идее, Беглову не нужен скандал перед губернаторскими выборами?».

На мой взгляд, причины происходящего — три.

Первая: муниципалы обеспечили через «муниципальный фильтр» нужную Беглову и безопасную для него конфигурацию на выборах губернатора (с отсечением опасных конкурентов, в том числе, автора, и допуском только безопасных).

Теперь они, сочтя поставленную задачу выполненной, хотят получить свою долю — возможность сохраниться в прежнем «единороссовском» составе (большей частью, хотя часть единороссов и маскируется сейчас под самовыдвиженцев). И дальше «осваивать» местные бюджеты.

Вторая причина: отсечение оппозиции от муниципальных выборов необходимо «смотрящим» за соответствующими муниципалитетами депутатам Госдумы и ЗАКСа — таким путем они сохраняют свою «кормовую базу» для собственных выборов, ведь потом эти муниципалы будут обеспечивать им поддержку в избирательной кампании.

Наконец, третья причина: отстранение от участия в муниципальных выборах полутора-двух тысяч оппозиционных кандидатов крайне необходимо для выборов Беглова. Потому что эти кандидаты, — молодые и активные, — будут вести

кампанию, резко критикуя ситуацию в городе, политику городской власти и самого Беглова.

Это, во-первых, существенно усилит негативный фон для Беглова, а во-вторых — увеличит явку на выборы. А власти нужна явка низкая — тогда результат выборов предопределят те, кого пригонят на выборы при помощи административного ресурса: «бюджетники», жилищники и военные.

Вот и происходит все то, что мы наблюдаем.

Последние «новости с фронта» — отказы моим коллегам по «Яблоку» в регистрации на основе, якобы, не представленных документов (которые муниципальный избирком в «Звездном» просто изъял из представленного пакета, подменив опись сданных кандидатами документов на фальшивую), или «отсутствия уведомления о проведении партийной конференции (в округах «Морской» и «Измайловское», хотя уведомление было направлено телеграммой, и есть справка от почты).

Хочется напомнить, что вообще-то, — по закону, — главной задачей избирательных комиссий является обеспечение и защита избирательных прав граждан.

А комиссии, судя по тому, что мы видим, занимаются прямо противоположным.

Направляя все свои усилия на поиск «зацепок», практически всегда — незаконных, по которым кандидатам можно отказать.

Это означает, что комиссии не обеспечивают реализацию избирательных прав и не защищают эти права, а решают задачу *ограничения* избирательных прав. Всячески мешая кандидатам.

Причем, решают они эту задачу весьма избирательно — только в отношении оппозиционных кандидатов.

Провластных кандидатов они только что с хлебом-солью не встречают.

Совершенно понятно (в том числе, это видно по очень схожим причинам отказов в регистрации, которые выдают в разных муниципалитетах), что все это в немалой степени координируется из единого центра. И мы хорошо знаем, где он находится, и какая партия с ним прочно связана.

Хочется надеяться, что в ситуацию сейчас вмешаются Горизбирком и ЦИК, члены которого — Александр Кинев

и Евгений Шевченко, — только что приезжали в Петербург, встречались с представителями партий и с общественными наблюдателями. Получили информацию, что называется, из первых рук. Узнали много нового об «отказных технологиях». Которые, впрочем, с каждым днем совершенствуются.

Последнее. Если бы нормально работали прокуратура, полиция и суд — весь этот беспредел не имел бы никакого смысла. Потому что любое беззаконие тут же пресекалось бы в жесткой форме и так, что другим было бы неповадно.

Увы, пока мы видим прямо противоположное.

Но никакого уныния: борьба продолжается.

И победа обязательно будет за нами — а не за жуликами и их покровителями.

«ПРЕДСТАВЬТЕ СПРАВКУ, ЧТО БОРИС СТРУГАЦКИЙ — ПИСАТЕЛЬ!»

14 июля 2019

Меня, в общем, трудно удивить, но...

На протяжении длительного времени вместе с моим помощником Кириллом Страховым мы занимаемся установкой мемориальной доски Борису Натановичу Стругацкому на доме 4 по улице Победы, где он много лет жил.

Площадь рядом с его домом, — на пересечении Московского проспекта, улицы Победы и улицы Фрунзе, — пять лет назад по моему предложению названа именем Братьев Стругацких (первый случай, когда имя великих писателей закреплено на карте города), теперь надо установить мемориальную доску.

Уже есть эскиз мемориальной доски, выбрано место, практически решили вопрос оплаты изготовления.

И тут — городской комитет по культуре сообщает нам, что надо представить ... справку о том, что Борис Натанович — писатель!

Без справки они, видимо, в этом не уверены.

Я позвонил зампреду Союза писателей Санкт-Петербурга и президенту Фонда братьев Стругацких Сергею Арно.

Он хохотал, как безумный, несколько минут.

Потом сказал, что справку напишут, конечно.

И что теперь наш Союз войдет в историю — как выдавший справку о том, что Борис Стругацкий был писателем.

Наконец-то этот факт будет подтвержден.

Разместил эту историю в фейсбуке — получил взрыв хохота и шквал комментариев и устных откликов.

Тут же вспомнили, что в нашем городе от Иосифа Бродского уже требовали справку, что он поэт — но не нашлось, и поэтому объявили тунеядцем.

И памятник Пушкину, как выяснилось, стоит без справки.

Между прочим, дети в школе теперь будут требовать предъявления справок о том, что те, чьи книги надо «проходить», были писателями. Кто выпишет справку для Льва Толстого или Федора Достоевского?

Где, кстати, справка на Гомера?

И у Эрмитажа и Русского музея могут быть проблемы — кто докажет, что авторы картин были художниками?

Звонит мой давний друг и прекрасная писательница Нина Катерли, и сокрушается: а я давно из Союза писателей вышла — только в ПЕН-клубе осталась. «Будут, говорю, Нина Семеновна, проблемы с мемориальной доской. Так что, не спешите...».

И знаменитое «без бумажки ты — букашка...» вспомнили.

И «Мастера и Маргариту», где некая гражданка требовала от Коровьева с Бегемотом удостоверений, что они — писатели, вспомнили.

И, что именно про это Лавров твердил: «Дебилы, бл...!».

Замечательный Леонид Каганов, впрочем, справку на Бориса Натановича уже оформил.

Что он является «писателем руками, головой, пишмашинкой и ЭВМ, а также иными средствами сочинения текста».

И что справка выдана «для предоставления в прачечные, х...ные и иные Министерства культуры РФ».

Внизу: «Мединский Владимир Ростиславович (плюсик или подпись)».

ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА КАК ЛИНИЯ ФРОНТА

27 июля 2019

Происходящее в Москве уже невозможно комментировать в парламентских выражениях.

Сперва — наглые и незаконные отказы в регистрации оппозиционным кандидатам.

Затем — волна уголовных дел, арестов и ночных обысков.

В том числе у родственников оппозиционных кандидатов.

Обыски идут не у тех, кто растаптывает избирательные права москвичей.

Не у членов избиркомов, признающих москвичей несуществующими, и не у экспертов, дающих лживые заключения.

Они идут у тех, чьи права растаптываются холуями, жандармами и опричниками режима.

«Вертикаль» уже не утруждает себя даже формальным соблюдением закона.

Не знаю, верный ли это признак «терминальной стадии» режима, как полагает мой друг и коллега Лев Шлосберг, но если и верный — никто не знает точно, сколько продлится эта агония. Поэтому надо не опускать руки и бороться. Ибо никто не даст нам избавления, кроме нас самих, и не придет, чтобы встать во главе, благородный дон Румата из созвездия Гончих Псов.

Мужества и выдержки — тем, кто выйдет 27 июля на площадь в Москве, чтобы отстоять не только свои избирательные права, но и свое человеческое достоинство.

И свое будущее, которое пытаются украсть.

Происходящее — не только и не столько нарушение прав кандидатов и партий.

Происходящее — нарушение прав граждан на честные выборы.

На избрание той власти, которой они будут верить, вместо той, которой они не верят.

И которая сможет решить их проблемы, потому что будет ощущать себя слугами народа, а не слугами президента.

Это уже не статья 141 УК РФ о воспрепятствовании осуществлению избирательных прав. Это уже статья 278 УК РФ — о насильственном захвате и удержании власти.

Моя поддержка — всем незаконно незарегистрированным кандидатам в депутаты Мосгордумы. Сергею Митрохину и Дмитрию Гудкову, Елене Русаковой и Илье Яшину, Юлии Галминой и Ивану Жданову, Анастасии Брюхановой и Кириллу Гончарову, Константину Янкаускасу, Любви Соболю, Андрею Бабушкину и другим. Каждый из них имеет безусловное право участвовать в выборах и бороться за победу.

И точно так же моя поддержка — всем, кто сейчас сражается за свои избирательные права и свое будущее в моем родном Петербурге.

Друзья, происходящее в нашем городе — ничуть не меньшее преступление, чем в Москве. Более того, оно даже более массовое. Просто о нем — в силу некоторых особенностей российского медийного пространства, — меньше говорят и пишут.

Вот что происходит в Петербурге.

Сперва нас лишили реально конкурентных выборов губернатора, допустив на выборы при помощи позорного «муниципального фильтра» только временного губернатора Беглова и тех, кого отобрали (и услужливо дали «муниципальные подписи») так, чтобы обеспечить его избрание.

На питерском митинге 24 июля (где собралось не менее 6 тысяч неравнодушных петербуржцев) я предложил всем трем спарринг-партнерам временного губернатора снять свои кандидатуры, чтобы выборы были отменены (если остается один кандидат, выборы переносятся на три месяца, с новым выдвижением, которое пройдет уже при новом составе муниципальных депутатов).

После этого пресс-служба кандидата от КПРФ Владимира Бортко забила в припадке истерики, назвав это предложение «провокацией».

Забавно, что не так давно сам Бортко уверял, что может выступить с подобным обращением о совместном снятии к другим кандидатам, если не отменят образование избирательных участков для выборов губернатора Петербурга в... Псковской области (якобы для дачников, на самом деле — для облегченных фальсификаций). Может быть, ему и другим кандидатам

напомнили об условии контракта на прохождение «муниципального фильтра», который такой поступок, думаю, прямо запрещает? А ведь это был бы самый простой и надежный способ не дать навязать нам Беглова...

Ну, а затем, — на протяжении полутора месяцев, — петербуржцев пытаются лишить права выбрать своих депутатов муниципальных советов.

Сотни кандидатов от оппозиции — от «Яблока» (по статистике, именно мои коллеги пострадали больше всех), «Справедливой России», штаба Навального, Партии роста, КПРФ, самовыдвиженцев, — получили отказы в регистрации от муниципальных избиркомов, наполненных помощниками, советниками, друзьями, однопартийцами, родственниками руководства городских единороссов и их депутатов Госдумы и ЗАКСа. Наиболее аномальные зоны — Петроградский и Московский районы.

В Петроградском районе в шести муниципалитетах не зарегистрировали ни одного (!) из 49 кандидатов от «Яблока», причем им не надо было собирать подписи — только представить решения партийной конференции.

В Московском районе зарегистрировали трех «яблочников» из 55 кандидатов. Немногим лучше — Центральный и Василеостровский районы.

А на тех, кого все же регистрируют, единороссы и их подручные тут же подают иски в суд, пытаясь их снять.

Мы, конечно, боремся — в Горизбиркоме, в ЦИК, в судах, прилагая все силы.

И сделаем все как для защиты наших кандидатов, так и для их победы на выборах.

Но насколько же противно смотреть на безнаказанные (пока!) действия избиркомовских жуликов, видеть их наглые ухмылки и бегающие глазки!

Для них естественно, — выполняя политический заказ, — пытаться украсть у нас город и страну.

Для нас естественно этому противостоять.

Линия фронта сегодня проходит через две российские столицы — Петербург и Москву.

Защищая свой город и свою страну от жуликов, лжецов и негодяев, мы обязаны победить.

Не верьте нытью (в том числе, из прекрасного далека) в стиле «нет, ребята, все не так».

Что «выборы «ничего не решают», что это «легитимация режима», и что «несколько оппозиционных депутатов все равно ничего не сделают»...

Если бы это было так — власть не пыталась бы с такой яростью блокировать для оппозиционеров возможность участвовать в выборах.

ПЛОХИЕ НОВОСТИ ДЛЯ СОБЯНИНА И ПУТИНА

28 июля 2019

Как и у Григория Юдина, у меня тоже плохие новости для московской мэрии.

Но не только для нее.

В 2016 году мэр Москвы Сергей Собянин объявил «ничего не значащими бумажками» документы о собственности на торговые павильоны.

И прошла «ночь длинных ковшей», когда снесли больше 100 павильонов (заметим, что в оправдании этой акции тогда трогательно сошлись Дмитрий Киселев, Ксения Собчак и Юлия Латынина).

Собянину все сошло с рук, и через год с небольшим такими же «ничего не значащими бумажками» объявили свидетельства о праве собственности москвичей на их квартиры в домах, попавших под людоедскую «реновацию».

«Реновация» тоже сошла с рук — и тогда «ничего не значащими бумажками» Собянин и его обслуга объявили подписи москвичей в поддержку выдвижения кандидатов в Мосгордуму, за которых они хотели бы голосовать 8 сентября.

Скорее всего, Сергей Семенович был уверен, что и эта спецоперация пройдет так же гладко, как и прежние. Что кучка кандидатов пошумит и успокоится, застряв в судах и избиркомах до получения запланированных отказов.

Но на сей раз — не прокатило.

И когда второй раз за неделю тысячи граждан вышли на центральные улицы в Москве на, якобы, «несанкционированную» (а на самом деле — вполне законную и мирную) акцию, требуя политического представительства и признания своего права голосовать за тех, кого они хотят, а не за тех, кого пропустил избирком, — выяснилось, что московский мэр просто-напросто исчез.

С утра он грозно предостерег о «готовящихся серьезных провокациях» и «недопустимости ультиматумов», а потом растворился в воздухе.

Посмотрите на сайт мэра Москвы за 27 июля.

Сайт мэра города, в центр которого вышло не меньше 15–20 тысяч человек, требующих регистрации «своих» кандидатов в депутаты и честных выборов.

И которых разгоняли опричники из Росгвардии, задержав больше тысячи человек.

Но об этом на сайте — ни слова.

Только про первый киберспортивный фестиваль и про то, что гости фестиваля еды в парке Горького съели тридцать тысяч бургеров.

Мэр любого европейского или американского города, если бы у него на улицы вышли тысячи протестующих, вышел бы к ним — разговаривать, спрашивать, отвечать, выяснять, чего они хотят, принимать их представителей. Иначе на следующий день он уже не был бы мэром.

А где был Собянин вместе со своей великой и ужасной мэрией?

Не произнес больше ни слова.

Спрятался в щель, и оттуда требовал послать на улицы еще больше «космонавтов».

И там же прятались его всемогущие Раковы, Бирюковы и Ликсутовы.

На улицах осталась только Росгвардия, которая ничего, кроме как хватать и бить, не умеет. Но она не могла помешать тысячам людей, идя по Лубянке, кричать «Путин — вор!» и «Позор ФСБ!».

В такую же щель спрятался и сам Путин — что может быть более яркой иллюстрацией, чем его показательный спуск

в батискафе на дно Финского залива ровно в то время, когда в Москве «космонавты» избивали и задерживали мирных граждан?

В Кремле и в мэрии думали, что стоит «изолировать» десяток лидеров — и вышедшие на улицы в растерянности разойдутся.

Они не поняли, что люди вышли на улицы не по призыву лидеров и не ради них — они вышли ради себя. И выйдут снова и снова. И не только в Москве.

КАК ЛЖЕТ МОСКОВСКАЯ ВЛАСТЬ

30 июля 2019

Вышедший из трехдневного ступора московский мэр Сергей Собянин — глава столичного города, на улицах которого бронированные «космонавты» жестоко избивали и задерживали мирных граждан, требующих права видеть своего кандидата в избирательном бюллетене, — наконец-то изволил оценить произошедшее.

Но лучше бы молчал.

Мэр объявил происходившее 27 июля «массовыми беспорядками».

Кандидат юридических наук и неудавшийся доктор (защита так и не состоялась, возможно — из-за подозрений в плагиате, которые были обнародованы «Диссернетом») Собянин не способен прочесть статью 212 УК РФ «Массовые беспорядки»?

Где в действиях граждан, вышедших на улицы Москвы, он увидел «насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказание вооруженного сопротивления представителю власти»? То, что составляет объективную сторону указанного преступления?

Если кто и применял насилие 27 июля — так это не граждане, а опричники из Росгвардии: фото- и видеодоказательствами

этого переполнены социальные сети, да и очевидцев — тысячи. И не было ни погромов, ни поджогов, ни уничтожения имущества, ни всего остального, перечисленного выше. Не говоря уже о «вооруженном сопротивлении представителю власти». Однако, уголовные дела возбуждают не против тех, кто применял насилие, а против тех, к кому его применяли.

Это — первая ложь Собянина.

Вторая ложь — это его заявление об «адекватном применении силы» Росгвардией, которую он поблагодарил за работу.

Опять же, насколько это было «адекватно», увидела вся страна. И немалая часть мира: многие ведущие западные газеты вышли с похожими заголовками и фотографиями, фиксирующими это якобы «адекватное применение силы».

И третья ложь — о том, что 3 августа оппозиция, якобы желающая «нелегитимным путем захватить власть», готовит «провокацию».

Оппозиция хочет придти к власти легитимным путем: на выборах.

Но на эти выборы ее нагло, цинично и незаконно не допускают.

Ее представителям отказывают в регистрации, их задерживают и арестовывают, не давая участвовать в выборах. А потом лживо обвиняют в «провокации».

Единственное, что сейчас должен был сделать московский мэр, — это с позором уйти в отставку.

Впрочем, странно было бы предполагать, что «силовой» сценарий, стремление тупо раздавить протест, обильно подерживаемое пропагандистской ложью о митингующих, реализуется без ведома и согласия президента Владимира Путина.

Сколько бы он не ложился на дно — он в полной мере разделяет ответственность с Собяниным.

КЛАССИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

4 августа 2019

«**В**опреки предупреждениям, на улицы вышли протестующие, — печалится Тина Канделаки. — Нет, чтобы через неделю спокойно провести разрешенный митинг...»

«Представители органов правопорядка не превышали полномочий при задержании участников акции оппозиции в центре Москвы в субботу», — верноподданно усердствует член Совета по правам человека при президенте РФ Александр Брод.

«Положительно оценивает» действия правоохранительных органов на «несанкционированной акции в Москве», особо отмечая, что «жестких мер не применяется», другой преданный без лести член СПЧ — Игорь Борисов.

Омерзение — единственное чувство, возникающее после таких высказываний.

Предупреждениям, видите ли, протестующие не вняли. И все равно, силовики не применяли жестких мер и не превышали полномочий.

Было бы справедливо, если бы эти «правозащитники по вызову» почувствовали бы на своей шкуре те «меры», которые применяли «правоохранительные органы» 3 августа. Что бы они потом верещали? «Передайте товарищу Путину: произошла чудовищная ошибка?»

Дело, впрочем, не в упомянутых персонажах (другим членам СПЧ, где немало порядочных людей, давно следовало бы перестать подавать Броду и Борисову руку).

Всей этой путинско-собянинской группе поддержки не понять, что настроение людей стремительно меняется.

На Бульварном кольце были политики, зарегистрированные и незарегистрированные кандидаты в депутаты.

Пришли Григорий Явлинский и Евгений Бунимович, Сергей Митрохин и Любовь Соболь (которую сразу задержали), муниципальные депутаты — Елена Русакова, Андрей Морев, Илья Азар, Григорий Толкачев, Юрий Зуев, Сергей Цукасов и другие.

Но 3 августа в Москве — это было уже не только про выборы.

И не только про кандидатов, часть которых незаконно арестована.

Это было — про будущее.

Про чувство собственного достоинства, которое вывело людей на улицы.

А на улице они увидели классическую картину военного переворота.

Оцепленные улицы и закрытые кафе и магазины, вертолеты в небе и «космонавты» на земле, упивающиеся своим заведомым превосходством в силе над мирными гражданами и безнаказанностью. Но все равно, прячущие лица за забралами, балаклавами и скотчем — чтобы не могли опознать.

Кого так испугалась московская власть?

Собственных граждан, осмелившихся без «согласования» гулять по своему городу? На них она бросила силы, сравнимые с войсковой операцией?

Все это по традиции сопровождалось оглушительным молчанием московского мэра. Как и неделю назад, на его сайте — ни слова о более чем 800 задержанных, о десятках жестоко избитых, о бесчинствах «росгвардейцев», об адвокатах, которых не пускали к задержанным... Вместо этого — главная новость: «более 90 тысяч гостей и 12.5 тысяч порций шашлыка на фестивале в парке Горького».

Хочется спросить: шашлычок поперек горла не встает, Сергей Семеныч?

Дня через три мэр выйдет из комы и опять заявит что-нибудь охранительное про «незаконные действия протестующих» или «попытки штурмовать мэрию».

Уверен: срочные перевыборы московского мэра становятся крайне актуальной задачей: нынешний мэр не может и не должен руководить столицей.

Ну, а в Петербурге 3 августа проходил митинг солидарности с Москвой.

С теми, кто вышел на улицы столицы, чтобы отстаивать свое человеческое достоинство. И, конечно, с теми, кто сейчас в Петербурге борется за свои права. Борется за право участвовать в выборах муниципальных депутатов (они пройдут

одновременно с губернаторскими — 8 сентября), борется за право увидеть своего кандидата в бюллетене, борется за будущее своего города.

На этот митинг пригнали больше сотни провокаторов, которые пытались его сорвать — начиная со сталинистов под предводительством Николая Старикова, и заканчивая прокремлевскими активистами. Но попытка не удалась: нормальных петербуржцев пришло куда больше, не менее 3 тысяч человек.

Выступая на митинге, я говорил, что 8 сентября мы можем и должны нанести поражение единороссам. Не дать ни одного голоса ни Александру Беглову, ни единороссовским кандидатам в муниципальные депутаты — ни явным, ни тайным (многие из них трусливо прикидываются «самовыдвиженцами»).

А еще, — говорил я, — необходимо устранение причин, рождающих следствия, которые мы сегодня видим. И главная задача здесь — судебная реформа: будь у нас нормальные суды — любое беззаконие власти стало бы для нее бесполезным, потому что было бы немедленно пресечено.

КОСТЮМ «ОППОЗИЦИОННОЙ ПРИНЦЕССЫ» УБРАН В ШКАФ

21 августа 2019

Ксения Собчак назвала нынешние протесты в Москве «революционной пеной из Балашихи».

Что характерно, она до сих пор член политсовета «Партии перемен».

Вместе с Дмитрием Гудковым, который сидит в спецприемнике, отбывая арест именно за эти протесты.

Я не злопамятный, но память у меня хорошая.

И я очень хорошо помню, как в конце 2017 и начале 2018 года эту путинскую куклу изо всех сил раскручивали на президентских выборах как «новое лицо оппозиции», якобы смело и решительно выступавшую с критикой власти.

Как в Петербурге часть наших оппозиционеров не только ее поддерживала, но и работала в ее штабе.

Как, казалось бы, умные и адекватные люди ничего не желали слушать, когда я им объяснял, что это кремлевская имитация, что ничего общего с оппозицией дочь бывшего начальника Путина не имеет, что поддерживать ее — значит, путать выборы с клоунадой. Как они снисходительно объясняли, что Григорий Явлинский «устарел», а вот Собчак — это то, новое, что нужно.

Как Дмитрий Гудков, участвовавший в выдвижении Явлинского в президенты, за три дня до выборов перешел на другую сторону — кинулся к Собчак в политические объятия, заявив о будущем создании вместе с ней «Партии перемен».

Потом Собчак поддержала повышение пенсионного возраста.

Потом Собчак получила должность на газпромовском канале.

Теперь она называет мирные протесты в Москве, где граждане защищают свои права и свое человеческое достоинство, «пенной».

Роль отыгран, гонорар получен, маскарадный костюм «опозиционной принцессы» убран в шкаф.

Но ведь все — все! — было видно с самого начала.

Для тех, кто хоть немного хотел видеть.

И хоть кто бы из тех, кто «топил» за Собчак на выборах, сегодня признал, что ошибся.

РАСПРАВОСУДИЕ

22 августа 2019

Очень скверный день.

Сперва, несмотря на то, что даже прокурор просил домашний арест, оставили в СИЗО 20-летнего студента, члена «Яблока» Валерия Костенка.

И всего-то «провинившегося» тем, что бросил пустую пластиковую бутылку в сторону жандарма. Что объявили «участием в массовых беспорядках».

За него ручались Григорий Явлинский, Эмилия Слабунова, Павел Чухрай, Леонид Гозман, Михаил Фишман, видеоролики в его защиту записывали многие известные люди (кроме «яблочников», включая, конечно, Явлинского, замечательный ролик записал Виктор Шендерович).

Никаких оснований держать юношу в СИЗО нет — но судья оставил его под арестом.

Это не правосудие, это сознательная расправа, циничная и подлая жестокость, выполнение политического заказа на устрашение оппозиции.

Те, кто выносит такие судебные решения, должны не просто лишаться статуса судьи — они должны отвечать по уголовной статье о заведомо неправосудном приговоре.

Я надеюсь это увидеть.

А потом, вместо того, чтобы освободить, задержали на выходе из спецприемника в Можайске, где она просидела 23 дня, и арестовали еще на 10 суток замечательную и стойкую Юлию Галямину.

Я знаю ее много лет и абсолютно уверен, что она была бы прекрасным депутатом Мосгордумы.

Но вместо того, чтобы вести избирательную кампанию, Юля, незаконно не допущенная к выборам, сидит в спецприемнике.

А до этого суд отправляет в «Матросскую тишину» гражданского активиста и программиста Константина Котова. И отца двоих маленьких детей Данилу Беглеца.

И продолжают сидеть другие «узники московского протеста» — даже в тех случаях, когда прокуратура просит о домашнем аресте.

Не принимаются никакие поручительства, не учитываются никакие доказательства.

Тупо штампуются аресты или их продления.

Процитирую Явлинского: «Судьи, как и их начальники, как правило, знают, что они не правы, поэтому их решения мотивированы страхом и необходимостью лгать, что и порождает эту неоправданную жестокость».

Уже появился горький термин — «Расправосудие».

А в это время президент Путин продолжает лгать западным политикам и журналистам о том, что Россия «уважает права человека и соблюдает права своих граждан».

РАЗВОРОТ БОРТКО

31 августа 2019

Кандидат от КПРФ, кинорежиссер Владимир Бортко снялся с выборов питерского губернатора.

Заявив, что не хочет играть краплеными картами в подкидного дурака.

Ну-ну. Когда на выборы допускали только специально отобранных кандидатов, — в том числе, и самого Бортко, — услужливо предоставляя им подписи для прохождения «муниципального фильтра», у него не было к этой игре претензий.

И когда только что из утюга (с использованием всех административных возможностей) не рассказывали о временном губернаторе Александре Беглове, ежедневно совершающем все новые и новые чудеса, у Бортко не было претензий.

Теперь — появились.

И примерно понятно, почему: в Смольный завезли последнюю социологию.

Наглядно показывающую, что даже при тщательно отобранных (как абсолютно безопасные) конкурентах протащить Беглова в первом туре выборов никак не получается: слишком он слаб. Слишком плохи у него дела.

Мне встречаются люди, поддерживающие Путина.

Мне встречались люди, поддерживавшие Полтавченко.

Но мне не встречаются люди, поддерживающие Беглова.

А во втором туре против Беглова можно выставить сапог — и губернатором будет сапог.

Вот Бортко и объяснили, — думаю, через руководство КПРФ, — что нельзя портить Беглову малину. Хоть сам Бортко это и отрицает, уверяя, что действовал самостоятельно.

Что дальше? А дальше все просто: часть сторонников КПРФ на выборы просто не придет, явка снизится, процент голосов за Беглова — вырастет. Как надеются в Кремле и Смольном, авось и перевалит за заветные 50%.

Спасибо Бортко — здорово помог Беглову.

Коммунисты в своем репертуаре — как запасной полк власти.

Всегда подставят ей плечо в трудную минуту. С обличением «оранжевой заразы», проклятиями в адрес Майдана, Крымом, Сирией, «законом Димы Яковлева» и прочей продукцией «бешеного принтера». И с подмогой на выборах, когда скажут.

Помните об этом 8 сентября.

Голосовать можно и нужно только за тех, кому доверяешь и кого хочешь выбрать.

На кого можно положиться.

Кто будет твоим представителем.

Не по принципу «от противного».

А если кто-то и после «разворота Бортко» продолжает думать, что надо поддерживать на выборах коммунистов, только бы единороссы не прошли, — что же, красный флаг ему в руки. И серп и молот на рукав.

НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ О ГОЛОСОВАНИИ 8 СЕНТЯБРЯ

6 сентября 2019

Друзья, несколько тезисов о выборах 8 сентября — с ответами на часто поступающие ко мне вопросы. Букв будет много, уж простите. Но очень важная тема.

1. Выборы губернатора Петербурга.

На мой взгляд, эти выборы изначально были фарсом — после того, как к ним были допущены только врио губернатора Беглов и те, кто был сочтен безопасными кандидатами, не способными помешать его избранию.

Но даже этот набор, — ввиду крайней слабости Беглова, — оказался опасно обещающим второй тур, и пришлось срочно убирать Бортко в добровольно-принудительном порядке. Теперь фарс стал еще более очевиден.

Я на этих выборах проголосую «за всех» кандидатов, по сути — против всех, сделав бюллетень недействительным.

Не верьте лживым сплетням о том, что недействительные бюллетени «идут Беглову» или «распределяются между кандидатами».

Каждый недействительный бюллетень — это голос ПРОТИВ Беглова, снижающий процент голосов, который он получит на выборах и не позволяющий протащить его в первом туре. Но это и голос против всех остальных кандидатов.

И главное — это голос против нечестного отбора кандидатов, с недопуском тех из них, кто мог и хотел бороться с Бегловым.

Те из вас, друзья, кто хотел на этих выборах голосовать за меня, могут поддержать и мою описанную выше позицию при голосовании. И могут при этом вписать в бюллетень мою фамилию, сфотографировать и выложить этот бюллетень.

Недействительные бюллетени подлежат отдельному подсчету — и мы узнаем, сколько нас. Тех, кто не согласен с навязанной нам игрой.

2. Муниципальные выборы в Петербурге.

На этих выборах против оппозиции была проведена (и она еще не закончилась) беспрецедентная атака, вызванная паническим страхом власти проиграть.

Досрочного голосования нет, рейтинг «Единой России» падает — недаром столько ее депутатов и кандидатов трусливо притворяются «самовыдвиженцами» или скрывают (как в округе Морской, где я живу), что выдвинуты от «ЕР».

Особенно досталось «Яблоку» — мы понесли наибольшие утраты, потеряв почти треть кандидатов. Думаю, с нами так боролись именно потому, что мы представляли наибольшую угрозу. Хотя и другим досталось тоже.

Тем не менее, в бюллетенях будет множество наших кандидатов.

Найти их очень легко на сайте — <https://piter2019.ru/>

Вводите свой адрес и получаете список кандидатов, которые или выдвинуты «Яблоком», или им поддержаны. Моя просьба — поддержите их, они не подведут.

Что делать, если в округе наших кандидатов недостаточно или их нет вовсе?

Посмотрите на других кандидатов, на их политическую историю, репутацию, подумайте, кому из них вы сможете доверять, — и делайте свой выбор.

Голосование за единоклассников — явных и тайных — на мой взгляд, исключено.

Пора «медвежьей партии» понести, наконец, ответственность — за полицейщину и репрессии, за рост цен и пенсионную реформу, за нечестные выборы и несвободу слова.

3. Выборы депутатов Московской городской Думы.

На мой взгляд, есть пятеро кандидатов, за которых можно смело голосовать.

Это четверо «яблочников» — Евгений Бунимович (округ 6), Сергей Митрохин (округ 43), Максим Круглов (округ 14), Дарья Беседина (округ 8). И независимый кандидат Роман Юнеман (округ 30).

Московские друзья, поддержите их. И с вашей поддержкой они смогут победить.

В остальных округах — думайте сами, решайте сами. Посмотрите, есть ли в них кандидаты, которым вы можете доверять, и которых вы видите своими представителями в Мосгордуме — таком же региональном парламенте, как и питерское Законодательное Собрание. И если такие найдутся, — голосуйте за них.

Если таких нет — можно в знак протеста против того, что вам не оставили никакого выбора, сделать бюллетень недействительным. Правда, это будет иметь лишь моральное значение, а не юридическое: на итог выборов это не повлияет, выигравшим признается кандидат, получивший относительное большинство голосов по сравнению с другими.

4. Мое отношение к «умному голосованию».

Скептически отношусь к «умному голосованию», которое в Москве в основном сводится к голосованию за коммунистов (хотя всех «яблочников» и предлагается поддержать, а вот Юнемана — почему-то нет).

Да, оно может приводить к правильному выбору — совпадающему с вашим персональным выбором, друзья.

Но куда чаще оно может приводить к серьезным ошибкам — там, где предлагают «пересилить себя», и поддержать пусть и неприятного для вас, но самого рейтингового кандидата, способного выиграть у кандидата от партии власти.

Заняться электоральным мазохизмом — зажав нос и заткнув уши, поддержать любой «сброд» (цитирую организаторов УГ), только бы кандидат от власти не прошел.

Нанести этим власти наибольший ущерб, сорвав ее планы.

При этом Григорий Юдин удивляется: как же можно быть против УГ? Все равно, что быть против калькулятора...

Разочарую уважаемого социолога: можно быть против калькулятора, если он неправильный. А в данном случае это именно так.

За списком «умного голосования» не стоит никаких публично предъявленных обществу социологических опросов и никакой прозрачной процедуры определения включенных туда кандидатов и объяснения, почему включены те кандидаты, а не эти.

Говорилось, что УГ основано на результатах выборов 2014 года — но есть немало ситуаций, когда предложено голосовать за представителей тех партий, которые не были в лидерах на тех выборах в соответствующих округах. Выбраны другие, а почему — неизвестно.

Заметим: непрозрачность решений, принимаемых неизвестным кругом лиц по неизвестным основаниям, с возможностью необоснованного применения исключений из общих правил, законодательство рассматривает как коррупциогенный фактор.

Не странно ли, что эту процедуру применяют люди, на знамени которых начертана беспощадная борьба с коррупцией? И чьи решения оказываются прямо противоречащими публично заявленным критериям?

И, кстати, выбранными в качестве тех, за кого предлагается голосовать, ими нередко оказываются те, за кого голосовать просто неприлично. Как за внука Зюганова, например.

Что касается «ущерба власти», то его не будет: как справедливо замечает Ян Рачинский, подавляющее большинство кандидатов от думских партий, и в первую очередь от КППРФ — это запасные ставленники власти. Которые очень быстро

солются при голосованиях в общий хор с депутатами от мэрии (за редчайшими исключениями). Почему? Да потому, что они придерживаются тех же ценностей, что и Путин. Потому что они точно так же, как он — за Сталина и за политические репрессии, за преследование НКО-«иноагентов» и против «оранжевой заразы», за войну в Украине и Сирии. Они точно так же будут твердить о «державности» и «скрепах», поддерживать «антисанкции», клеймить «американских кукловодов» и требовать «расследовать вмешательство Запада в протестные акции».

Процитирую Льва Шлосберга — человека со столь же кристальной репутацией, как Рачинский: «необходимость провалить негодяя номер один — не повод отдать голос негодяю номер два, даже если у него высокий рейтинг».

Или будем вести себя по принципу «Поддержим Лугового, чтобы Толстой не прошел»? «Проголосуем за Мизулину, чтобы Яровую свалить»?

Это — и не рациональный (поскольку никакого ущерба власти он не приносит, сколько бы не фантазировали теоретики УГ), и аморальный (поскольку он предлагает поддерживать одних неприличных кандидатов, чтобы насолить другим) выбор.

Это голосование за то самое «меньшее зло», которое потом почти всегда оказывается большим.

Кстати, все это уже было: «голосуй за любую партию, кроме «Единой России» — после чего избранные под этим лозунгом депутаты от КПРФ и СР в едином порыве приняли «закон Димы Яковлева», поддержали Крым и войну с Украиной, и многие законы «бешеного принтера». Нарушили планы власти, понимаешь...

Один из идеологов «умного голосования» Леонид Волков объясняет из прекрасного далека, что эти выборы, мол, вообще не про представителей, главная и единственная задача — нанести Кремлю политический ущерб.

Но разве москвичи выходили на митинги, чтобы «нанести Кремлю политический ущерб»?

Они выходили, возмущенные тем, что их лишают политического представительства.

«Допускай!» — разве это было не про представительство?

Сейчас в ряде округов в МГД, — на мой взгляд, в тех, которые указаны выше, — у москвичей есть, верный и логичный выбор. И большой шанс получить своих достойных представителей в столичном парламенте.

В других округах его можно попытаться сделать — выбрав тех, кому можете доверять вы лично, если для этого есть конкретные основания.

«У тех, кому вы доверяете, может не быть шансов, поэтому поддержите тех, у кого они есть — даже если это крайне неприятные для вас люди» — лейтмотив «умного голосования».

Это очень лукавая и аморальная конструкция.

«Поддержите этих, потому что те, за кого вы хотите голосовать и кто вам близок, не пройдут» — сколько раз мы слышали это на выборах?

И сколько раз это оборачивалось отсутствием демократических депутатов в парламентах?

Шансы определяются не рекомендациями.

Шансы определяются голосованием граждан.

Кого они поддержат — у того и будут шансы.

Приходите на выборы, друзья, и голосуйте по совести.

Как показывает практика, это и есть самый умный выбор. Без кавычек.

ДАВНО МИД ТАК ГРОМКО НЕ СТУЧАЛ СНИЗУ

23 сентября 2019

«**К**огда он решил, что достиг дна, снизу постучали» — этот замечательный афоризм Станислава Ежи Леца трудно не вспомнить, узнав, что российский МИД высоко оценил пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 года.

Мол, «благодаря советско-германскому договору о ненападении война началась на стратегически более выгодных для СССР рубежах, а население этих территорий подверглось нацистскому террору на два года позже, и в итоге, по мнению МИДа, были спасены сотни тысяч жизней».

Тридцать лет государственная пропаганда не опускалась до такого позорного заявления. Что называется, ниже плинтуса.

До этого, в советские времена пакт Молотова-Риббентропа оценивался практически так же, как сейчас российским МИДом — почти теми же словами.

И тогда же отрицалось то, о чем, начиная с 1948 года, совершенно точно знал весь мир — секретные протоколы к этому пакту, согласно которым Гитлер и Сталин делили между собой «сферы интересов» в Европе.

А по сути — заранее делили между собой часть Европы. Что и стало происходить сразу после начала Второй Мировой войны, первые два года которой сталинский СССР имел с гитлеровской Германией не только «договор о ненападении» (собственно, пакт Молотова-Риббентропа), но и «договор о дружбе и границах», заключенный 28 сентября 1939 года, уже после нападения Гитлера на Польшу. Если кто-то не согласен, что это были отношения фактических союзников — найдите другое слово.

Историк Марк Солонин еще десять лет назад говорил: «Пакт, хоть и назывался пактом о ненападении между СССР и Германией, в конкретной исторической ситуации 1939 года мог означать только одно: пакт о ненападении Сталина на Гитлера, пакт о том, что Советский Союз не будет мешать Гитлеру начать войну с Польшей. И всего лишь за то, что Сталин не будет мешать Гитлеру, Сталин брал с Гитлера огромные откупные в размере больше половины Польши, которую только предстояло немецкой армии завоевать. Поэтому это был пакт о ненападении Советского Союза на Германию, о непротивлении германской агрессии, причем отнюдь не бесплатном непротивлении». И я не могу с Солониным не согласиться.

А если кто не согласен — так получите официальную оценку официальных властей, причем данную еще в советское время. И (отмечаю специально для министров Лаврова и Медведского) никем под сомнение не поставленную.

Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. N 979-1 «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года».

Вот выдержки из этого постановления.

1. Съезд народных депутатов СССР принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года.

2. Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением Комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей — отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны. В конечном счете, эта цель не была достигнута, а просчёты, связанные с наличием обязательств Германии перед СССР, усугубили последствия вероломной нацистской агрессии...

3. Съезд считает, что как при заключении договора, так и в процессе его ратификации скрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол», которым размежевывались «сферы интересов» договаривавшихся сторон от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии.

Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования...

5. Съезд констатирует, что протокол от 23 августа 1939 года и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939–1941 годах, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятые в них разграничения «сфер интересов» СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран.

Съезд отмечает, что в тот период отношения СССР с Латвией, Литвой и Эстонией регулировались системой договоров. Согласно мирным договорам 1920 года и договорам о ненападении, заключенным в 1926–1933 годах, их участники обязывались взаимно уважать при всех обстоятельствах суверенитет и территориальную целостность и неприкосновенность

друг друга. Сходные обязательства Советский Союз имел перед Польшей и Финляндией.

6. Съезд констатирует, что переговоры с Германией по секретным протоколам велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР, эти протоколы были изъяты из процедур ратификации. Таким образом, решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несёт ответственности за этот сговор.

7. Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств...».

Тридцать лет никто в СССР и в России — на государственном уровне — не осмеливался одобрять или оправдывать этот пакт — сговор Гитлера и Сталина.

Теперь «лавровский» МИД решил это сделать.

Приурочив это к 80-летию совместного военного парада войск Германии и СССР в Бресте — в связи с передачей города Советскому Союзу. Парада, который стал черной страницей отечественной истории.

Если МИД ставил задачу получить позор мирового масштаба — он ее решил.

Как там в подобных случаях говорил сам Лавров?

«Дебилы, б...!»

СВЕТЛАНУ ПРОКОПЬЕВУ ОБВИНЯЕТ ТО ЖЕ ГОСУДАРСТВО, КОТОРОЕ ПРИНИМАЕТ В ГОСТИ «ХАМАС»

1 октября 2019

20 сентября в статус обвиняемой по абсурдному делу по части 2 ст. 205.2 УК РФ (публичное оправдание терроризма) переведена псковская журналистка Светлана Прокопьева.

Ее преследуют за авторскую колонку на сайте «Эхо Москвы в Пскове» и портале «Псковская лента новостей» в ноябре 2018 года, написанную после теракта в Архангельске, произошедшего 31 октября, и устроенного 17-летним Михаилом Жлобицким. Светлана назвала теракт «недопустимой, совершенно невозможной и неприемлемой мерой», но посмела высказать мнение о том, что довела подростка до этой меры жестокость репрессивного аппарата государства.

В результате двух экспертиз (на мой взгляд, откровенно заказных, при этом первая из них выполнена экспертами, вообще не имеющими квалификации лингвистов, и с мизерным стажем работы) у Прокопьевой обнаружили якобы «оправдание терроризма». И в феврале 2019 года СУ СК по Псковской области возбудил дело.

Экспертизы, которые делали профессионалы, — такие, как профессор Михаил Горбаневский (Гильдия лингвистов-экспертов), и другие, — следствие во внимание не приняло.

Летом 2019 года, еще до завершения следствия, Прокопьеву внесли в реестр экстремистов и террористов и заблокировали ее счета.

Теперь дело в суде, где Светлане грозит до семи (!) лет лишения свободы.

Это — очевидная попытка расправы с журналистом за высказанное ею мнение, не имеющее ничего общего с реальным оправданием терроризма.

Заметим: Светлану Прокопьеву обвиняет в «оправдании терроризма» то самое государство, чьи лидеры принимают

в Москве представителей реальных террористических организаций — «Хамас», «Исламский джихад», «Палестинский фронт национальной борьбы» и других, на совести которых тысячи террористических актов.

В отличие от Евросоюза, США и Израиля, Россия отказывается признавать эти организации террористическими. Сочувственно относится к «борьбе палестинского народа». Упрекает власти Израиля, отвечающие на теракты, в «непропорциональном применении силы». Призывает их «воздерживаться от силовых мер, ставящих под угрозу достижение политического урегулирования».

Вот где следовало бы поискать оправдание терроризма — но его ищут, как обычно, не там, где оно есть, а там, где приказано.

И потому «Хамас» и «Исламский джихад», убившие тысячи мирных граждан, для путинской власти — не террористы. Вместо этого для нее «террорист» — Олег Сенцов, никому не причинивший вреда. А «оправдывает терроризм» — Светлана Прокопьева, которая, осуждая теракты, пытается понять их причины.

Необходима максимальная публичная защита псковской журналистки, которую могут бросить за решетку по сфабрикованному и абсурдному «делу».

Защита, не менее активная, чем в отношении фигурантов «московского дела» — Константина Котова и Кирилла Жукова, Евгения Коваленко и Данилы Беглеца, Ивана Подкопаева и Егора Жукова, и других политзаключенных: Юрия Дмитриева, обвиняемых по делам «Сети» (организация запрещена в России — прим.Ред.) и «Нового величия», ингушских активистов и других.

Все обвинения со Светланы Прокопьевой должны быть сняты.

Наказаны должны быть те, кто их фабриковал.

ГОД ВРЕМЕНЩИКА БЕГЛОВА

3 октября 2019

Год назад — 3 октября, — в Петербурге сменился губернатор. Георгий Полтавченко был отправлен на другую работу, а руководить городом был прислан Александр Беглов.

«Один «солдат Путина» пост сдал, другой — принял, — написал я тогда на сайте «Эха». — И оба по менталитету считают себя не слугами горожан, а подчиненными президента. Значит, и решения будут приниматься по той же схеме: без учета мнения петербуржцев».

Как в воду глядел: ровно так оно и вышло.

Чем запомнился год правления Беглова?

«Снежно-ледовой катастрофой» и полной неспособностью городской администрации убрать снег и лед с улиц и крыш домов, что привело к тысячам пострадавших, и даже к смертельным случаям.

Новым затягиванием строительства метро — только сегодня открыли, наконец, три станции Фрунзенского радиуса, ввод которых переносился многократно. Полный позор — когда 5 сентября их, якобы, открыли и тут же закрыли для пассажиров: мол, небезопасно ездить (!).

Торжеством полицейщины и грубым нарушением прав граждан на свободу собраний — с задержаниями тех, кто приходит встречать арестованных, выходящих на свободу, с обвинениями участников протестных акций в создании «помех движению пешеходов», с арестами за хранящиеся в рюкзаке маски Путина и свернутые баннеры, и срывами даже одиночных пикетов с доставлениями пикетчиков в полицию на основании лживых доносов. Наконец, было велено считать подозрительными и подлежащими к задержанию даже тех граждан, кто оглядывается по сторонам (!).

Циничным и незаконным разгоном мирного первомайского шествия оппозиции — чего не случалось в нашем городе ни разу. Беглов, отвечая на мой вопрос в зале заседаний ЗАКСа, — не хочет ли он извиниться перед горожанами за этот позор, — начал говорить о каких-то «незаконных лозунгах». Такими он

почему-то счел лозунги «Россия без Путина» и «Петербург без Беглова».

Отказом выделить необходимые средства на лечение больных рассеянным склерозом (ситуация тянется уже год).

Строительством «на костях» торгово-развлекательного комплекса на Фарфоровском кладбище – на месте блокадных могил. Это строительство администрация Беглова отказалась останавливать, несмотря на обращения.

Замедлением расселения коммунальных квартир – впервые за последние годы исполнительная власть, – в лице Беглова, – предложила сократить соответствующие расходы почти на 400 миллионов рублей.

Возобновлением строительства элитного жилья рядом с Пулковской обсерваторией, несмотря на протесты специалистов и общественников – что, по сути, уничтожает возможность ведения астрометрических наблюдений в этом уникальном научном учреждении.

Строительством в историческом центре, которое доводит до угрожающего состояния соседние дома.

Продолжающейся угрозой сноса Спортивно-концертного комплекса – знакового для города здания, формирующего облик целого квартала.

Уничтожением одних зеленых зон во имя застройки (например, на Суздальском шоссе) и попытками уничтожения других (как в Муринском парке и парке Академика Сахарова).

И в ответ на протесты горожан, на митинги, на обращения и жалобы – один ответ из Смольного: «мы так решили, у нас все согласовано, ваше мнение не имеет значения».

Это – логика временщиков. Которые понимают, что они в Петербурге – временные управляющие. Что они никак не зависят от граждан и могут себе позволить не считаться с их волей. Что главное – хорошо выглядеть перед Путиным. И что в любой момент по желанию Путина их могут перевести на другую работу – уже никак не связанную с Петербургом.

Я надеюсь, что правление нынешнего временщика, которому услужливо организовали «избрание» (не допустив ни одного реального конкурента), будет недолгим. И что в Петербурге будут нормальные – конкурентные и честные, – выборы губернатора, который будет служить горожанам, а не президенту.

«НЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕНЕГ. ЕСТЬ ТОЛЬКО ДЕНЬГИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ»

31 октября 2019

Заголовок принадлежит, конечно, не мне — это знаменитое высказывание Маргарет Тэтчер.

Вчера в Петербурге принимали городской бюджет.

Приняли в первом чтении — 41 голос «за», шесть «против» (в том числе и я), двое — воздержались.

«За» голосовали «единороссы», ЛДПР и «Справедливая Россия».

Депутаты от «Яблока» и КПРФ — «против».

Воздержалась, видимо, «Партия роста» (точно не сказать, поименного голосования провести не дали, но логика приводит именно к этому выводу).

Я объяснял голосующим за бюджет: если бы все те безумные траты, за которые вы голосуете, что называется, не приходя в сознание, вы делали из собственного кармана (а также из кармана губернатора и членов правительства) — я бы совершенно не возражал.

Но вы тратите не свои деньги, а деньги петербуржцев.

Точнее, выкидываете их на ветер.

Каждая неприемлемая строчка в бюджете города — это удар по карману КАЖДОГО горожанина.

450 миллионов рублей из бюджета — на обеспечение полиции. Которая является федеральной структурой, не зависит от города и городским властям не подчиняется (когда-то ЗАКС утверждал назначение начальника ГУВД — но давно лишен этого права).

Я говорил с трибуны: это — плата за разгоны митингов, за усердие в защите власти от граждан, за «непосильный труд» по почти ежедневным задержаниям политических активистов. Дополнительно финансировать из городского бюджета эту репрессивную машину, нынешних опричников и жандармов — значит, поддерживать и одобрять нынешние политические репрессии.

А еще, 450 миллионов рублей — это по 120 рублей из кармана каждого питерского избирателя. Скажете, не так и много? Спросите у горожан: они согласны «скинуться» даже такой суммой на содержание полиции? При том, как она работает? Я лично уверен в ответе.

Еще 5 миллиардов рублей из бюджета депутаты, голосовавшие за него, с необыкновенной легкостью решили подарить ЗСД. Частной компании. С какой стати, — я не устаю это говорить с парламентской трибуны, — мы должны дарить им деньги горожан?

Между тем, 5 миллиардов рублей — это уже по 1350 рублей из кармана каждого питерского избирателя. Неплохой «подарок», не правда ли? Знайте, петербуржцы: каждый из депутатов, голосовавших за бюджет, вынул из вашего, — не из своего! — кармана еще и эту сумму. Спросите у каждого из них: зачем вы это сделали? Вы не понимали, за что голосуете? Или лояльность губернатору важнее интересов горожан?

Замечу: примерно половины этой суммы — 2.8 млрд. рублей, — было бы достаточно для того, чтобы планируемый рост платы за проезд в общественном транспорте ограничился только «инфляционной» составляющей, не более двух рублей.

А тот бюджет, который был принят в первом чтении, составлен так, что нас может ожидать рост платы за проезд на 10–15 рублей: в автобусах, троллейбусах, трамваях — с 40 до 50 рублей, в метро — с 45 до 60 рублей. Именно такая «модель» заложена в бюджете. Сядем и подсчитаем: такой рост платы за проезд облегчит карман каждого петербуржца, пользующегося общественным транспортом хотя бы дважды в день, и покупающего билеты или жетоны, на 9–10 тысяч рублей в течение года. И за это уверенно голосовали указанные выше фракции и депутаты, которых я пытался убедить этого не делать.

Конечно, буду пытаться ко второму чтению вносить поправки (и не только эти), чтобы не допустить такого роста платы за проезд и фактического ограбления горожан.

Посмотрим, как за эти поправки будут голосовать.

Конечно, буду предлагать поименное голосование.

Последнее.

Не устаю объяснять гражданам: не будьте равнодушны к тратам, якобы, «государственных» денег! Это не «государственные», это — ваши деньги!

Когда президент Путин с барского плеча прощает африканским вождям долги в 20 миллиардов долларов — он одним махом вынимает из кармана каждого российского избирателя примерно 13 тысяч рублей. Практически, среднюю пенсию российского пенсионера. Или 30% от средней зарплаты по стране. Такова цена удовлетворения его геополитических фантазий и амбиций.

А есть еще плата за войну в Сирии и «помощь Донбассу», за прощенные долги Кубе и Сирии, Ираку и Афганистану, Ливии и Северной Корее — десятки миллиардов долларов, и десятки тысяч рублей, вынутых из кармана каждого российского избирателя.

То есть большинство, которое голосует за Путина, отказывается видеть причинно-следственную связь между его внешней политикой и внутренним ограблением.

Между войной в Сирии и в Украине — и отсутствием лекарств и необходимостью для родителей с протянутой рукой собирать деньги на операции для детей.

Между прощением долгов африканским царькам и сирийским и корейским диктаторам — и невозможностью вырваться из коммуналок.

Ту связь, которая очевидна для избирателей в демократических странах — и которая приводит к регулярной смене власти.

Уверен: рано или поздно, эту связь осознает и российский избиратель.

ПОДДАННЫЕ ПОТЕРПЯТ, НЕ ВПЕРВОЙ?

28 ноября 2019

Перекрытые дороги, мосты и набережные.
Машины, стоящие в глухих пробках.

Люди, бегущие из-за пробок с чемоданами по КАДу, чтобы успеть в аэропорт.

Потерянное время и деньги тех, кто так и не успел к рейсу. Задержки вылетов и приземления самолетов.

Пассажиры, которых не выпускают из успешных приземлиться в «Пулков» самолетов...

Это — результат очередного визита президента Путина в Петербург.

Это — вовсе не вынужденная мера, вызванная суровой необходимостью обеспечить безопасность президента. А следствие абсолютного наплевательства его самого и его охранников на то, сколько времени, нервов и денег потеряют из-за этого искусственного транспортного коллапса петербуржцы.

Ведь ни малейшего желания, хотя бы, заранее объявить, где и насколько будут перекрывать трассы (чтобы горожане успели это учесть и как-то иначе спланировать передвижения).

Да и зачем? Подданные потерпят, не впервой.

Должны быть счастливы одним фактом приезда «царя».

Не приезжал бы он — давно бы тут были солдаты НАТО...

А еще происходящее (и ведь не в первый раз, и не в десятый даже, и не в сотый) — следствие закона «О государственной охране», который предоставляет «охранцам» почти безграничные полномочия.

В частности, дает им право перекрывать «при необходимости» любые дороги и территории для проезда машин и прохода граждан.

Кто устанавливает эту «необходимость»? Да сами «охранцы».

Конечно же, они вправе «временно» перекрывать — да только это «время» устанавливают они же.

Ну, а потом прямо из охранников — в губернаторы и вице-губернаторы.

Именно здесь располагается главный кадровый резерв администрации президента.

Проблема только в том, что у него один-единственный навык:

«Величество должны мы уберечь

От всяческих ему не нужных встреч».

ГЛАВНЫЕ РАСПРОСТРАНТЕЛИ ФЕЙКОВ — ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОКОЛОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОПАГАНДИСТЫ

29 ноября 2019

Роскомнадзор опубликовал на своем сайте перечень информационных ресурсов, где под видом достоверных сообщений регулярно распространяется «заведомо недостоверная общественно значимая информация».

В перечне — 27 ресурсов, в том числе почему-то РБК («ВКонтакте»), уже потребовавшее себя из списка исключить.

Остальные, мягко говоря, не очень известны. Но даже и к ним РКН «не имеет претензий», ибо «недостоверная информация» распространяется лишь в комментариях пользователей.

Не там, не там ищет надзорное ведомство, без усталости блокирующее ресурсы, смеющие распространять неприятную для власти правду о происходящем.

Как обычно — ищет распространителей «фейк-ньюс» не там, где потеряли, а там, где светло.

Главные распространители фейковых «новостей» — государственные и околোগосударственные пропагандисты. Начиная с госканалов российского ТФ, лгавших о «распятых мальчиках», «украинских штурмовиках», «изнасилованных в Германии арабами девочек из России», «испанских диспетчерах» и «жертвах налетов украинской авиации», и заканчивая информационными помойками «кремлевского повара», громоздящими одну ложь на другую и прикрывающими ее третьей.

Но их в списке Роскомнадзора нет. И пока не сменится власть — не будет.

Но это обязательно произойдет.

И те, кто строил свою карьеру на распространении лжи, — насмотревшись которой, многие отправлялись воевать и убивать, как во время необъявленной войны с Украиной, — будут навсегда «заблокированы» для журналистской профессии.

Собственно, их и сейчас никто из приличных людей не считает журналистами.

Сколько бы они не пыжились, не грозили превратить Запад в «ядерный пепел», не обзывали на своих передачах оппонентов «мразями», не писали книг и не переписывали вранье друг у друга.

Невидимый, но давно заслуженный знак «антипремии Юлиуса Штрейхера» навсегда отпечатан у них на лбу.

НЕДОСТОЙНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

7 декабря 2019

Этот текст – не о «судном дне» и возмутительно неправосудных решениях последних дней (условный срок для ни в чем не виновного Егора Жукова столь же неправосуден и возмутителен, как и реальные сроки для Егора Лесных и Максима Мартинцова, посмевших заступиться за тех, кого избивали садисты в форме Росгвардии, и Никиты Чирцова, якобы «толкнувшего» опричника).

Так получилось, что всю минувшую неделю мне пришлось каждый день решать медицинские вопросы.

Помочь с приемом у нужного врача, помочь, чтобы как можно быстрее начали «химию» (трехнедельное ожидание и усиливающиеся боли), помочь с началом «лучевой терапии», помочь с ускорением необходимой операции...

Тьфу-тьфу, все получилось. Не один час провисел на телефоне, всех, от кого зависело решение вопросов, нашел, договорился, помогли, сделали. Спасибо огромное всем, к кому я обращался.

Собственно, все восемь лет, что я в питерском ЗАКСе, мне приходится этим заниматься – потому что раз за разом возникают те или иные просьбы, и я, конечно, всегда стараюсь помочь. Прекрасно понимая при этом, что надо бы систему перестраивать – но на это пока сил не хватает, так хоть в конкретных случаях помочь. Когда помочь удастся, сперва радуюсь, конечно, а потом в который раз спрашиваю себя: а что делать

тем, кто не смог в сложной ситуации дозвониться до депутата Вишневецкого? Ну не должно так быть, чтобы здоровье и жизнь человека зависели от того, смог он найти меня (или какого-то другого депутата) или не смог!

В пятницу читал своим студентам лекцию о политических режимах, о демократической и авторитарной модели, о российском опыте последних трех десятилетий — и привел именно эти медицинские примеры. Как иллюстрацию того, как все работает (точнее, не работает, как нужно) при авторитарном режиме. Том самом режиме, который установлен в России.

И никакой это не «гибридный режим», а авторитарный. Более того, в нем и тоталитарные черты вполне ясно прослеживаются (примат государства над человеком, репрессии против инакомыслящих, полицейское подавление оппозиции, «органы не ошибаются»).

Так вот, одна из особенностей авторитарных режимов (реже отмечаемая, чем остальные) — их принципиально неправовой характер.

Командно-административное устройство власти и пресловутая «вертикаль» — это система, в которой работают люди, а не институты.

Четкие и ясные правила и законы, обязательные для всех, по которым принимаются решения, и, как часы, работающие институты — это не для авторитарной системы, она принципиально и сознательно выстраивается иначе: чтобы решения принимались «по усмотрению» тех или иных начальствующих лиц.

Более того, правовой характер и работающие институты этой системе вредны и противопоказаны, это сразу лишит влияния и немалой части власти многих ее акторов.

Важны не законы — а те, кто их применяет и толкует.

Важны не правила — а те, кто может сделать из них исключение.

В этой системе нет и не может быть ответственности власти перед обществом — есть только ответственность перед вышестоящим начальством: перед ним надо выглядеть хорошо, а как посмотрит на работу чиновника общество — неважно.

Потому что сменяемости власти или нет вообще, или она крайне затруднена — и общество никак не может «наказать» власть за плохую работу.

К чему я это? А к тому, что не только власть, но и вся система государственных услуг, оказываемых гражданам за их же деньги (здравоохранение, ЖКХ, образование, социальное обеспечение) в авторитарной системе построена точно так же: без работающих институтов.

К чему это приводит? Все просто.

При работающих институтах нет необходимости неделями дожидаться необходимого лечения, или месяцами — устройства ребенка в школу или детский сад. А при неработающих институтах для того, чтобы решить вопрос, надо достучаться до кого-то, кто может за тебя или приказать, или попросить.

Все или почти все работает в «ручном режиме»: для того, чтобы «поехало», надо «подтолкнуть». А пока толчка нет — не поедет.

Такой режим, при неработающих институтах, принципиально не может быть эффективен — он может решить только очень ограниченный круг проблем.

Крайний пример абсурда — это когда на «прямых линиях» президента в «ручном режиме» решают вопрос о проведении газа в поселок, где его никогда не было.

«Великая энергетическая сверхдержава», однако.

Авторитаризм плох не только тем, что одни и те же люди сидят у власти, не слышат общество и подавляют свободу и демократию.

Он плох тем, что очень часто принимаются неэффективные решения.

И нет никаких механизмов исправления ошибок.

Потому что система обратной связи «общество-власть» разомкнута. И у власти нет никаких стимулов корректировать политику.

Собственно, это именно то, что мой давний друг, политолог Владимир Гельман, называет «недостойным правлением» (очень, кстати, рекомендую его одноименную книгу, только что вышедшую). Когда целями и средствами управления страной становятся низкое качество государства и извращение и искажение верховенства права.

Кстати, одно из следствий отсутствия этой обратной связи — это продолжающиеся политические репрессии. Когда лишь в редких случаях, при особенно сильной волне общественного возмущения, удастся отбить у Системы очередную жертву, заставить крокодила разомкнуть челюсти. А в подавляющем большинстве случаев это сделать не удастся...

Студенты, кажется, поняли.

БОРОТЬСЯ И СТОЯТЬ, СПАСТИ И НЕ УСПОКАИВАТЬСЯ

8 декабря 2019

Очень хорошо, что невинный человек — Егор Жуков — не попал за решетку.

Что общественное возмущение, — так же, как в случае с Иваном Голуновым, — заставило крокодила разомкнуть уже готовящиеся к трапезе челюсти.

Но. Но. И еще раз — но.

Продолжается политическое преследование огромного числа невинных людей.

Юрий Дмитриев и Максим Мартинцов, Егор Лесных и Никита Чирцов.

Константин Котов и Кирилл Жуков, Даниил Беглец и Евгений Коваленко.

Крымские татары и обвиняемые по делам «Сети» и «Нового величия».

Светлана Прокопьева и Анастасия Шевченко, Артем и Лилия Милушкины.

Марк Гальперин и ингушские активисты — Зарифа Саутиева, Муса Мальсагов, Ахмед Барахоев и другие.

И многие, многие другие, далеко не всегда оказывающиеся в фокусе общественного внимания.

Часть из них — в СИЗО, часть — под домашним арестом, а часть — уже в колонии.

Этим летом, когда отпустили Голунова, и когда три ведущие российские газеты выходили с эффектными первыми полосами в его защиту, я обратился к ним с предложением повторить акцию — точно так же выступить за других политзаключенных.

Мне очень жаль, что не откликнулись.

Я тогда участвовал в акции питерских журналистов в защиту политзаключенных на площади Восстания, и стоял с плакатом: Голунов — на свободе, но Дмитриев и многие другие — в неволе! В том числе, Виктор Филинков и Юлий Бояринов (обвиняемые по сфабрикованному спецслужбами «делу «Сети»*), отец которого каждую неделю стоит на Невском с пикетом в защиту сына. Но не могу сказать, чтобы этот плакат вызывал у прохожих огромный интерес. И в минувшую пятницу, когда я участвовал в «метропикете» у метро «Приморская», подавляющее большинство людей, скользнув взглядом по моему плакату против политических репрессий, проходили мимо, спеша по своим делам...

Это не значит, что надо опустить руки и прекратить бороться за свободу политзаключенных.

Это значит, что эту борьбу надо продолжать — еще упорнее, еще чаще. Какой бы безнадежной она порой не казалась.

Бороться и стоять, спасти и не успокаиваться, пока в России есть политзаключенные.

Еще и еще раз повторю то, о чем не устаю говорить.

Каждый из нас, — каждый! — в любой момент может попасть в жернова чудовищной машины политических преследований, построенной по сталинским чертежам «органы не ошибаются».

А потому не спрашивай, по ком звонит колокол политических репрессий.

В любую минуту он может зазвонить по тебе.

САМ ОН НЕ УЙДЕТ

19 декабря 2019

В запрете занимать президентский пост более двух сроков подряд можно убрать слова «подряд» — Владимир Путин на сегодняшней пресс-конференции.

То есть, закрыть для него возможность быть президентом после 2024 года. Даже с перерывом.

Сама по себе идея — безусловно, правильная.

Но я бы не очень радовался.

Во-первых, это лишь гипотетическая возможность.

А во-вторых, кто-то верит, что после 2024 года Путин решится потерять власть? Со всеми вытекающими последствиями?

Даже если убрать слово «подряд», остается немало давно обсуждаемых вариантов, которые, как считает его окружение, позволяют ему сохранить власть.

Парламентское правление, усиление Госсовета, объединение с Белоруссией...

Допускаю любой из этих вариантов.

Не верю только в один: что Путин добровольно уйдет от реальной власти.

Только если общество заставит его это сделать.

«ВОТ ТАК ПРОСТО ПОПАСТЬ В — ПАЛАЧИ!...»

21 декабря 2019

20 декабря в Волгограде местные коммунисты открыли памятник Сталину.

В преддверии 140-летия одного из самых кровавых диктаторов на планете.

Наплевав на общественные протесты (конечно, против установки выступали и мои коллеги по Волгоградскому «Яблоку»), открыли памятник серийному убийце, лично ответственному

за создание чудовищной тоталитарной системы, жертвами которой стали десятки миллионов людей, и лично подписывавшему «расстрельные списки».

В этой системе массовые аресты, пытки, практически бессудные убийства и необоснованные приговоры (в том числе, к высшей мере наказания) стали не исключением, а правилом.

В этой системе под маховик репрессий (при ничтожно малой вероятности спасения) мог стать любой.

И не надо о победе в Великой Отечественной: воевали за Родину, а не за Сталина.

И победу одержали не благодаря, а вопреки ему и его системе массовых репрессий.

Или кто-то забыл, как Сталин «отблагодарил» сограждан за победу в Великой Отечественной войне?

Отправкой в советские лагеря тех, кто прошел через немецкий плен, поражением в правах тех, кто остался на оккупированных территориях, «зачисткой» больших городов от искалеченных войной инвалидов, и новым раскручиванием маховика репрессий.

Установление памятника Сталину — прямое оправдание сталинских преступлений и прямое оскорбление памяти миллионов жертв сталинских репрессий.

Те, кто это делает — моральные уроды.

А те, кто это приветствует и одобряет, — манкурты.

Увы, Волгоград не одинок.

Недавно администрация его города-спутника — Волжского, — через «инициативную» группу граждан в подконтрольной мэрии группе в сети ВКонтакте под названием «Открытый Волжский» запустила опрос об установке памятника Сталину в городе.

Администрация контролируется, как водится, «Единой Россией», мэр города Игорь Воронин — единоросс, член регионального политсовета области.

Указанным пабликом руководит управление информационной политики администрации, компьютеры и сервер находятся в здании мэрии.

Тему «раскрутили» через муниципальные СМИ, получили (на данный момент) 56% за установку памятника и 42% против. Правда, пока решения не приняли. Выжидают.

Ну, а в Петербурге разработанный «Яблоком» проект закона о запрете установки Сталину памятников и бюстов и запрете называть его именем улицы, площади и набережные, единокороссы, составляющие большинство в Законодательном Собрании, не дадут даже вынести на голосование парламента, исключая из повестки дня.

Боятся и поддержать проект (на фоне ударного строительства государства сталинского типа, где «органы не ошибаются», а вокруг «враждебное окружение»), и отклонить его (все-таки, никто не отменял официальные решения властей, осуждающие сталинские репрессии).

Надежнее отмолчаться.

Как там было у Галича?

«Вот так просто попасть в – палачи!

Промолчи, промолчи, промолчи!..»

ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА КОЛОНИИ — ЗА «ИСПУГ» ОПРИЧНИКОВ?

23 декабря 2019

В Мещанском суде прокурор требует 3.5 года колонии для одного из фигурантов «московского дела» Самариддина Раджабова, по статье 318 УК РФ — применение насилия в отношении представителя власти.

За что? Да за то, что Раджабов 27 июля, видя, как полицейские избивают мирных граждан, бросил пластиковую бутылку в сторону опричников.

Чем, по версии следствия, жутко их напугал.

И за этот «испуг» невинного человека собираются отправить в колонию на 3.5 года. Возможно, полицейские, согласившиеся признать себя потерпевшими, заявив, как они страшно испугались звука падения пластиковой бутылки, и восприняли его как «реальную угрозу применения к ним насилия» (хотя видео свидетельствует, что они даже не оборачивались на этот звук), никогда в жизни не слышали слово «совесть». Страшно подумать,

как они поведут себя, столкнувшись с настоящими преступниками — если так панически боятся пластиковой бутылки.

Возможно, прокурор, требующий 3.5 года за этот «испуг», никогда не слышал о принципе справедливости в уголовном законодательстве — где говорится, что наказание должно соответствовать степени общественной опасности деяния.

Какую «общественную опасность» несло это «деяние» Раджабова? Да никакой. При том, что не наказан никто — никто!, — из опричников, жестоко избивавших протестующих на улицах Москвы этим летом.

Да, после цинично-демагогических и не имеющих ничего общего с правом и логикой заявлений президента (мол, сегодня кинул пустую бутылку — завтра кинет камень, а послезавтра начнет стрелять, по типу «сегодня носит «Адидас» — а завтра родину продаст») трудно рассчитывать на законный приговор.

Но шанс есть — и он тем больше, чем сильнее реакция общественного возмущения подготовкой к очередной расправе.

Самариддин Раджабов невиновен, как и другие «узники московского протеста». Он должен быть оправдан. А наказаны — те, кто его преследует. Как и те, кто преследует Константина Котова и Егора Жукова, Юрия Дмитриева и ингушских активистов, Данилу Беглеца и Кирилла Жукова, и других политзаключенных.

И вопрос к «Ведомостям», РБК, «Коммерсанту»: вы готовы выйти с первыми полосами «Я/Мы Самариддин Раджабов»?

Разве «дело» Раджабова не столь же сфабрикованное, как дело Голунова?

Предыдущий призыв — когда речь шла о Юрии Дмитриеве, — остался без ответа.

Уверен: «вписываться» надо за всех.

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА ЕЛЬЦИНА

30 декабря 2019

Прошло двадцать лет — но этот день я помню так, как если это было бы вчера.

31 декабря 1999 года президент России Борис Ельцин в своем предновогоднем обращении заявил, что уходит в отставку раньше положенного срока. Чтобы Россия «вошла в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми».

Ельцин сообщил, что он сделал главное дело своей жизни: «Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет двигаться только вперед». И он «не должен мешать этому естественному ходу истории, полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть Президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее».

Президентский пост был передан премьер-министру и «преемнику» Владимиру Путину, а президентские выборы, которые должны были пройти в июне 2000 года, перенесли на более ранний срок – 26 марта.

Их результат известен: получив 51.95% голосов против 29.48% у Геннадия Зюганова и 5.80% у Григория Явлинского, Путин стал президентом.

Но еще 31 декабря он своим первым указом в статусе и.о.президента предоставил неприкосновенность Борису Ельцину, а также – материальные и социальные гарантии экс-президенту и членам его семьи.

Время единоличного правления Путина отсчитывается именно с этого дня.

Дня последней ошибки Ельцина.

За многое можно быть ему благодарным. За разрушение коммунистической системы и сопротивление ГКЧП, за реакцию на события в Вильнюсе и Риге в 1991-м и за отношение к свободе слова.

Но за многое – и осуждать. За «черный октябрь» и две чеченские войны, за «шок без терапии» и за «выборы» 1996-го, за превращение в бранные слов «демократы», «либералы» и «реформы». И, конечно – за операцию «преемник».

Дело было не в его нежелании «мешать ходу истории» и «держаться за власть».

Продлить свое правление Ельцин не мог – его президентский срок («Яблоко» доказало это в Конституционном суде)

был вторым, и баллотироваться на третий срок было невозможно.

Теоретически, можно было пропустить один цикл и потом вернуться — но для этого нужно было соответствующее здоровье и силы, а также — человек, который (как впоследствии Дмитрий Медведев) согласится побыть «хранителем кресла», а потом безропотно его вернуть. Эти условия очевидно не выполнялись.

Так какая, собственно, для Бориса Николаевича была разница — пройдут или нет выборы президента на три месяца раньше? Сохранит он или нет возможность принимать какие-то решения еще на полгода или нет? При том, что это его, скорее всего, уже не очень интересовало. Главное было, как представляется — неприкосновенность себя и семьи. Как в узком, так и в широком смысле...

А вот для Путина и его лоббистов вопрос был принципиален.

Владимир Владимирович, ведущий избирательную кампанию в должности премьера — это не совсем то, что он же ведущий ее в должности и.о. президента. Человека, от которого формально и неформально зависели почти все федеральные и региональные начальники — от которых, в свою очередь, зависел результат выборов.

Последствия не замедлили сказаться — особенно, после того, как отказались от борьбы за власть в стране и фактически присягнули Путину лидеры еще недавно так страшного для Кремля «Отечества» — Евгений Примаков и Юрий Лужков.

После чего на протяжении трех месяцев избирательной кампании мы наблюдали массовое соревнование начальства в лояльности Путину и в скорости припадания к его стопам. И частоту появления Путина на телеэкране, превзошедшую частоту появления рекламы прокладок или стиральных порошков. И жалобы штаба Путина на то, что не получается освоить все добровольно предлагаемые средства...

Что было потом — известно. В том числе и с теми, кто, не удосужившись в свое время прочитать (или запомнить) брехтовскую «Карьеру Артуру Уи», страшно удивился, когда творение вышло из-под контроля создателей.

Ну, а Ельцин на протяжении семи оставшихся ему лет, за редчайшими исключениями, молчал.

«Курск», «Норд-Ост», Беслан, арест Ходорковского, разгром НТВ, «монетизация», отмена выборов губернаторов — все это не вызвало у него никакой публичной реакции.

Говорят, что его ограждали от «нежелательных» контактов и держали на положении, подобном Ленину в Горках — разве что, «Известия» с рассказами об успехах реформ не выпускали в единственном экземпляре.

Но, скорее всего, он и сам прекрасно понимал, что надежнее молчать. Не рискуя безопасностью и комфортом себя и родственников.

Через двадцать лет после его последней ошибки Россия, — вопреки тому, в чем Ельцин тогда уверял, — во многом вернулась в прошлое.

С монополией на власть и номенклатурными привилегиями, «министерством правды» и преследованием инакомыслящих, декоративным парламентом и «позвоночным» правосудием, тотальной государственной ложью и отвратительным лицемерием, «негативным отбором» во власть, врагами, якобы осаждающими снаружи, и «национал-предателями», орудующими внутри.

Примечательно, что именно тот, кто когда-то считался символом борьбы с прежней системой, выбрал своим преемником и передал именно власть тому, кто принялся ее восстанавливать. И публично назвал одно из главных дел предшественника — прекращение существования СССР, — «крупнейшей геополитической катастрофой 20 века».

В 1996 году Ельцина сохранили у власти, напугав граждан перспективой вымышленного «реванша».

В 1999 году он сам создал условия для реального реванша.

Предварительно построив государство, где власть почти ни в чем не зависела от граждан.

Именно поэтому реванш, — пока!, — удался.

Но он не может быть вечным.

Когда исторический маятник неизбежно двинется на «обратный ход» — важно не повторить прошлых ошибок.

И последнее.

«Я устал, я ухожу» — устарело.
Актуально «Мы устали. Уходи!».

КТО БЫ ГОВОРИЛ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ...

4 января 2020

Российский МИД скорбит по Касиму Сулеймани — покровителю и партнеру двух людоедских террористических организаций, на счету которых сотни терактов и тысячи жертв: «Хамас» и «Хизбалла».

Человеку, который не раз публично призывал уничтожить Израиль (при этом не вспомнить, чтобы президент Путин называл его «антисемитской свиньей»), и который лично ответственен за нападения и убийства граждан других государств.

Но все это не мешает министру иностранных дел Лаврову и его свите твердить о «нарушении международного права»: как посмели ликвидировать официальное лицо суверенного государства?

Кому-кому, но только не российским представителям задавать такие вопросы: напомнить, как российские спецслужбы ликвидировали двух ничуть не менее официальных лиц — Джохара Дудаева, а затем Аслана Масхадова? С которым Борис Ельцин в мае 1997 года в Кремле подписывал Договор о мире и принципах взаимоотношений между РФ и Чеченской Республикой?

Что касается международного права — то после «присоединения» Крыма, интервенции на востоке Украины, туристических путешествий «Петрова» и «Боширова», убийства в Германии и попытки устроить переворот в Черногории, Лаврову следовало бы вообще не произносить такие слова. И уж точно не заикаться о том, что Кремль «борется с международным терроризмом».

Впрочем, как известно, для российской власти «Хамас» и «Хизбалла» — не террористы. Террористы для нее — Олег Сенцов

и обвиняемые по сфабрикованным делам «Сети» и «Нового величия». С которыми бороться куда проще и безопаснее, чем с настоящими террористами...

«ОХРАНИТЕЛЬСКИЕ» ФИЛЬМЫ СНИМАЮТ ТОГДА, КОГДА ВЛАСТЬ ОЧЕНЬ СИЛЬНО БОИТСЯ

6 января 2020

Когда власть начинает очень сильно бояться, она выпускает охранительские фильмы

Такие, как «Союз спасения».

Ключевая мысль проста, как мычание: нельзя бунтовать против власти.

Те, кто это замышляет и воплощает в жизнь — враги Отечества, с которым привычно отождествляется начальство.

А расправа с ними — горькое, но необходимое лекарство для спасения Отечества от кровавой смуты.

Очень правильная, даже я бы сказал, «государственная», по нынешним временам, политическая посылка.

Недаром уже школьников в приказном порядке посылают на просмотры.

Вот только — не подействует.

Ни на взрослых, ни на школьников.

Потому что призыв не бунтовать против власти может быть популярным только тогда, когда сама власть популярна.

Когда она обеспечивает хотя бы относительное благоденствие для граждан, и демонстрирует желание и способность решать их проблемы.

А когда она перестает обеспечивать благоденствие и демонстрирует, что на проблемы граждан ей наплевать — убеждать этих же самых граждан в пагубности выступления против власти становится совершенно бессмысленным занятием. Это в лучшем случае. А в худшем это вызывает обратный эффект.

Точно так же, если дома ребенок видит родителей-алкоголиков, которые в грош его не ставят — никакие попытки воспитателей объяснить ему, как плохо не слушаться родителей, на него не действуют. Напротив, вызовут раздражение.

Одно время, «охранительские» мотивы транслировали при помощи церковников — которые привычно уверяли, что власть — от бога, и потому ей надо подчиняться.

Но, что называется, не зашло.

Потому что нынешняя церковь все больше ассоциируется не с нравственностью и скромностью, а с рейдерскими захватами имущества, агрессивным «храмостроительством» в парках, и роскошной жизнью своих иерархов, кардинально расходящейся с заповедями декларируемой ими веры.

Теперь пытаются «зайти» через кинематограф.

И тоже — не получится.

Потому что нынешняя власть ассоциируется не с благосостоянием и общественным порядком, не с защитой от преступников и социальными гарантиями, а с коррупцией и воровством, с открытым презрением к людям, и со сказочными богатствами «лучших людей города» на фоне бедности десятков миллионов сограждан и отсутствия необходимых лекарств.

«Лучшие люди города» смертельно боятся реальных перемен.

Потому что знают, что случись эти перемены — они пойдут не в отставку, а в тюрьму.

Поэтому именно «охранительство» становится у них государственной идеологией.

Но это все уже было.

К середине 80-х годов прошлого века советскую власть, не способную решать проблемы граждан, лживую и лицемерную, все больше начинали презирать и все меньше — бояться.

И никакая пропаганда, никакие заклинания о «стабильности» и призывы «не раскачивать лодку» не могли изменить положение вещей.

Сейчас тоже — не изменят.

Сказанное не означает, что перемены случатся скоро. Но они случатся обязательно.

Тьма пока еще наступает.

Но мы обязаны приближать рассвет.
Его наступление неотвратимо.

ПУТИН ХОЧЕТ ОСТАТЬСЯ

21 января 2020

Поправки в Конституцию, предложенные вчера президентом Путиным — никакой не «конституционный переворот», которым нас некоторые пугали, и никакого не движение к парламентской республике, на которое некоторые надеялись.

Это усиление власти президента при одной-двух малозначимых «костях», брошенных на потеху парламенту, еще большее ослабление суда, ослабление местного самоуправления и продолжение изоляции России от международного права (именно так Путин понимает «суверенитет»).

Подробный анализ — здесь. Все это — прямое продолжение именно того курса, которым Путин вел страну последние два десятка лет.

На протяжении которых усиливались возможности президента, ослаблялся парламент и урезались права МСУ.

И даже механизм неисполнения решений Европейского суда по правам человека, — при помощи Конституционного суда, устанавливающего якобы невозможность этого без нарушения Конституции, уже придуман и действует.

Главное.

Госдума вовсе не назначает премьером кого хочет. И не может навязать президенту неугодного ему премьера. Она по-прежнему только утверждает кандидатуру, внесенную президентом. И по-прежнему может быть распущена, как сейчас, если дважды ее не утвердит.

Госдума, — чего раньше не было, — утверждает вице-премьеров и министров (и то не всех — часть назначений оставил за собой президент). Но даже тех, кого утвердил парламент, президент в любой момент может снять, ничего не объясняя.

Госдума по-прежнему не может отправить правительство в отставку, не рискуя роспуском. И по-прежнему даже ценой роспуска не может на этом настоять.

Госсовету де-факто передают часть президентских полномочий из статьи 80 — о согласованном функционировании органов власти и определения основных направлений внутренней и внешней политики и приоритетов социально-экономического развития. Скорее всего, ничего кардинально не меняется. То ли Госсовет будет решающим органом, то ли совещательным — пока неясно.

Вводится новая статья 79, с прямой записью о неисполнении решений не только международных судов, но и любых международных органов, если они «истолкованы как противоречащие Конституции». Как уже сказано, это — развитие уже созданного механизма. И будьте уверены, поставят задачу — и новый (его предлагается сократить с 19 до 11 судей) Конституционный суд все, что надо, «истолкует». Правда, эти формулировки видятся расходящимися со статьей 15 Конституции — но оценивать соответствие будет все тот же Конституционный суд.

Включение МСУ в некую «единую систему публичной власти» — это продолжение встраивания МСУ в пресловутую «вертикаль». Опять же, видится расхождение со статьей 12 Конституции, но оценивать его, опять же, будет все тот же Конституционный суд.

Уверен: ничем объективным не вызванное реформирование Конституционного суда и сокращение его состава (при том, что всех судей, включая председателя и заместителя, будет представлять президент) связано исключительно с желанием Путина обеспечить себе нужную трактовку Конституции после ее правки.

Скорее всего, — так как в его конструкции президент остается решающей фигурой, — он хочет сохранить за собой именно этот пост. Не быть премьером, не быть главой Госсовета — быть президентом.

Исключение слова «подряд» из правила двух сроков, где сказано, сколь долго можно занимать президентскую должность, скорее всего, задумано для того, чтобы сказать, что все президентские сроки теперь обнуляются: отсчет пошел заново.

Если кто помнит, двадцать лет назад такой же фокус был сделан с губернаторами — запрет на два срока ввели, но на тех, кто уже по два (а то и по три) срока сидел, он не распространялся.

Вот и теперь в любой момент Владимир Владимирович может сказать, что, оказывается, ему можно править еще два срока.

Потому что прежние сроки не считаются.

А если кто будет сомневаться — Конституционный суд все разъяснит.

В сокращенном и отобранном Путиным составе.

ВСЕ, ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ О ФАЛЬШИВОЙ «ОППОЗИЦИИ»

23 января 2020

Госдума ЕДИНОГЛАСНО поддержала путинские поправки в Конституцию.

Поправки, позволяющие не выполнять решения международных судов против «друзей Путина», против аннексий и политических расправ.

Усиливающие власть президента, ослабляющие суды, ослабляющие местное самоуправление, и чуть-чуть (совсем несущественно) расширяющие возможности парламента.

И прокладывающие — особенно при лояльном Конституционном суде, который будут реформатировать по представлению Путина, — дорогу к еще двум его срокам.

Что касается социальных вопросов, то включение в Конституцию нормы о МРОТ не ниже прожиточного минимума не помешает власти установить нищенский «минимум», а индексации пенсий замораживать сколько угодно, как в последние годы.

Продолжайте верить, что «СР», КПРФ или ЛДПР чем-то отличаются от ЕР.

Продолжайте верить в «за кого угодно, кроме ЕР» и прочие «умные голосования».

Все это — только на руку власти: убеждать, что оттенки серого чем-то отличаются.

А «Яблоко» вместе с гражданским обществом уже готовит свои поправки.

Планы политических шулеров, которые они стремительно реализуют (как будто земля горит у них под ногами) не должны нас смущать.

НАДБАВКИ ДЛЯ ОПРИЧНИКОВ

24 января 2020

Правительство Михаила Мишустина установило надбавку для полицейских, военнослужащих и сотрудников Росгвардии, работающих на акциях протеста в Москве, Московской области, Петербурге и Ленинградской области.

Надбавку в размере до 100% оклада получают за работу «в условиях повышенной сложности» сотрудники МВД, «участвующие в охране общественного порядка», и сотрудники Росгвардии, «участвующие в обеспечении правопорядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий».

Что, полагает правительство, «будет способствовать повышению их уровня социальной защищенности».

Решение правительства — открытое и циничное издевательство над гражданами.

Мирными гражданами, которых хорошо вооруженные и закованные в броню «космонавты» с жестоким усердием и злобной радостью избивают на акциях протеста.

Избивают за то, что они смеют требовать честных выборов.

За то, что они смеют возмущаться решениями властей.

За то, что они смеют бороться за свои парки и скверы.

За то, что они смеют выходить на митинги и пикеты с плакатами против президента и губернатора.

Их избивают люди, абсолютно уверенные в своей безнаказанности — случаи наказания опричников за избиения и травмы можно пересчитать, кажется, по пальцам одной руки.

Их избивают люди в форме, знающие, что любой, рискнувший прикоснуться к ним (или, чего доброго, пытавшийся помешать избитию беззащитного человека) автоматически подставляется под уголовное наказание и может на несколько лет оказаться за решеткой.

Их избивают люди, обученные впятером набрасываться на одного, уверенно бить дубинками и сапогами лежащих на земле, не испытывать никаких нравственных колебаний и угрызений совести, избивая женщин, стариков и детей.

Их избивают люди, считающие нормальным по несколько часов возить задержанных в автозаках под палящим солнцем, не давая им воды. Или держать задержанных сутками в душных камерах, где и здоровому человеку через несколько минут станет плохо, и отказывая им в медицинской помощи.

Теперь этих людей предлагается дополнительно поощрить вторым окладом (заметим, это будет сделано за деньги именно тех, кого они избивают и задерживают). Ради усиления их «социальной защищенности».

Еще раз: это — циничное издевательство.

Защищать надо — не опричников.

Защищать надо — от опричников.

Если премьер Мишустин этого не понимает — это вопиющий непрофессионализм.

Если понимает, но принимает решение — это вопиющая непорядочность.

СПОРТИВНО-КОНЦЕРТНЫЙ КОМПЛЕКС: ПРЕДРЕШЕННОЕ УБИЙСТВО

02 февраля 2020

Происшедшее в пятницу в Петербурге, когда в результате варварского «демонтажа» крыши было разрушено здание Спортивно-концертного комплекса и погиб рабочий Матвей Кучеров — это предрешенное убийство.

Погиб человек, и это ужасно. Мои глубокие соболезнования его родным и близким.

Погиб Спортивно-концертный комплекс, построенный по проекту блестящих ленинградских архитекторов, уникальное инженерное сооружение, во многом знаковое здание и для города и для Московского района.

Здание, с которым навсегда связан один из главных городских праздников — 21 ноября 1984 года именно здесь, выиграв матч против «Металлиста», ленинградский «Зенит» впервые стал чемпионом СССР. Я был на этом матче и никогда его не забуду.

Больше этого здания нет. Оно превращено в груды развалин. И превращено намеренно.

Это намеренное и предрешенное убийство.

Губернатор Александр Беглов делает вид, что он вообще ни при чем. Заявляет, что здание было «ветхое» и говорит о недопустимости нарушения техники безопасности.

О «ветхости» твердит гендиректор СКА-Арены Игорь Забран, обвиняющий в гибели человека его самого — как нарушившего технику безопасности.

То же самое повторяют просмольнинские ресурсы, а пригожинские информационные помойки договариваются до того, что в разрушении здания виноваты градозащитники и правительство, пошедшее у них на поводу. Вместо того, чтобы снести сразу, согласились на реконструкцию.

Все это — ложь.

Не может быть «ветхим» здание, построенное 40 лет назад. Его сознательно разрушили. Для чемпионата мира по хоккею 2023 года в Петербурге достаточно было реконструировать трибуны СКК — но Ротенбергам и Тимченко не нужен был СКК. Им очень хотелось построить свое сооружение — безвкусное и безликое.

Городские власти полностью пошли у них на поводу. Не решились ссориться с «друзьями Путина».

5 декабря 2019 года в ЗАКСе проходили депутатские слушания, где обсуждали проект «реконструкции» СКК. Я выступал на слушаниях и говорил о том, что проект совершенно непригоден и нуждается в полной переработке. И что категорически недопустимо подписывать концессионное соглашение, где

концессионеру под видом реконструкции было разрешено не только изменение параметров — высоты, количества этажей, площади, объема, но разрешен и демонтаж несущих конструкций. Я сразу сказал, что это то самое ружье, висящее на сцене, которое обязательно выстрелит. Что если позволить инвестору демонтаж — это обязательно закончится сносом, которому очень трудно будет помешать. Потому что питерские власти разведут руками и скажут «мы ничего не можем сделать, это право концессионера».

Тем не менее, правительство города 15 января подписало концессионное соглашение. Фактически, предрешив судьбу СКК. А комитет по охране памятников отказал градозащитникам во включении СКК в перечень выявленных объектов культурного наследия (что защитило бы СКК от сноса), потому что не прошло 40 лет с момента постройки.

Эти 40 лет закончились 29 декабря 2019 года — и мы с депутатом ЗАКСа Александром Рассудовым 30 декабря подали новую заявку. Вместо того, чтобы ее рассмотреть, КГИОП вернул заявку: якобы ее надо было подавать только после 31 января. И именно 31 января СКК снесли. Я уверен, что это не случайное совпадение. Так же, как и спешное появление экспертизы о якобы очень плохом состоянии крыши. Но разве это означало, что крышу надо демонтировать? В 21 веке не могли отремонтировать? Могли. Просто не хотели. Потому что была поставлена принципиально другая задача: как можно быстрее снести. Поставить горожан перед фактом.

То, что произошло — не только большая трагедия (гибель человека), но и преступление перед городом и горожанами.

У этого преступления есть не только исполнители — те, кто начал демонтаж без проекта, без согласований и разрешений, нарушая все строительные нормы и страшно торопясь уничтожить здание.

У него есть организаторы, создавшие для него все условия.

Это те, кто, наплевав на мнение горожан, протаскивал концессионное соглашение. Губернатор мог остановить это соглашение — он этого не сделал.

Это те, кто отказывался включать СКК в перечень ОКН и заявлял об отсутствии у него какой-либо ценности. КГИОП мог поставить СКК на охрану — он этого не сделал.

Именно это предрешило случившееся.

Чего надо добиваться?

Чтобы все виновники ответили за совершенное преступление. Вплоть до уголовной ответственности.

Чтобы СКК был изъят у новых вандалов — за то, что они сделали, они должны навсегда быть занесены в черный список и лишены права что-либо строить у нас в городе. Кстати, страшно подумать, что будет, если они будут строить новую арену так же «профессионально», как демонтировали старую — она не то что 40 лет, она и трех лет не продержится. И хорошо, если не рухнет прямо во время соревнований...

И чтобы СКК был восстановлен в своем историческом облике.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МИКРОФОН ВКЛЮЧЕН

Публичные выступления

ОТНИМАЮТ НА РУБЛЬ — А ДАЮТ НА КОПЕЙКИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ ПЕТЕРБУРГА

19 сентября 2018

Уважаемый Вячеслав Серафимович, уважаемые коллеги! Проект закона, конечно, можно поддержать, тут сомнений больших нет, но только данный проект закона, к сожалению, никак не меняет моего отношения к тому, что почему-то называется «пенсионной реформой», хотя реформой на самом деле не является — это всего лишь повышение пенсионного возраста, это всего лишь, на мой взгляд, открытый грабёж населения. Причем социология не меняется — такого мнения придерживается подавляющее число наших граждан.

Я не даром задавал вопрос, сколько стоят сохраняемые льготы по проезду на общественном транспорте, по жилищно-коммунальным платежам, по налогам в принципе (это не так и сложно посчитать), получится следующее — граждане в возрасте 60 лет для мужчин и после 55 лет для женщин, лишаются пенсий, а средняя пенсия сейчас по статистике — это 14-15 тысяч рублей. Все, что они сохраняют за собой в качестве льгот, и то, что они сейчас получают, стоит не более четверти от этой суммы в самом лучшем случае. Поэтому мы имеем ситуацию, при которой у людей отнимается значительно больше, чем за ними сохраняют. Более того, если говорить об обещаниях увеличить на тысячу рублей средний размер пенсии, — это тоже не сильно меняет ситуацию.

Общая сумма, которую теряют граждане от повышения пенсионного возраста, даже с учетом коррекции на 3 года для

женщин за 5 лет, — это около 1 миллиона рублей. Если даже во всех регионах России будут приняты такие законы и пенсия еще будет повышена на тысячу рублей в месяц, то получится, что, отняв у граждан на рубль, им вернут в лучшем случае 25 копеек. Если кто-то считает, что это пенсионная реформа, то я с этой точкой зрения категорически не согласен. Сделаны небольшие уступки, крайне небольшие, сделаны под давлением общества, но они абсолютно недостаточны.

Я хочу вам привести последние данные Минфина и казначейства, за 8 месяцев доходы, полученные министерством финансов, превысили расходы на 3,3 трлн рублей за 8 месяцев. Большая часть из них откладывается в кубышку по так называемому бюджетном правилу — это спрятанный профицит бюджета, это больше, чем цена всей так называемой пенсионной реформы. Есть возможности не повышать пенсионный возраст, используя эти средства, а нам говорят, что денег нет.

Последнее, уважаемые коллеги, пока мы с вами обсуждаем этот замечательный закон, на 20 суток посажена женщина, которую я знаю лично, по имени Шахназ Шитик за мирный протест против этой реформы. 20 суток ареста с двумя суткам в отделе полиции, с похищением ее из больницы, я надеюсь, что вы знаете, что больше ста человек находятся под арестом за опять же мирную акцию, которая прошла чуть больше недели назад. Людей, которые выходят протестовать против пенсионной реформы, задерживают и арестовывают. Это очень полезно знать в том числе и нашим уважаемым коллегам в Законодательном собрании — как поступают с теми, кто против «пенсионной реформы», а таких, кто против, подавляющее большинство, поэтому, принимая этот закон, хорошо бы помнить о том, что это всего лишь небольшая уступка требованиям граждан, небольшая и абсолютно недостаточная. Спасибо.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=0G2FbsXbA-M

ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ О ВАС ВЫТИРАЛИ НОГИ? Я НЕ ХОЧУ

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

28 ноября 2018

Уважаемый Вячеслав Серафимович, уважаемые коллеги. Постараюсь употреблять исключительно парламентские выражения, хотя честно скажу, что хочется употреблять и непарламентские тоже. Более наглого закона не видел давно. Я намеренно употребляю это слово. Собственно, этим законом Законодательному собранию предлагается в важнейшей области накрыть правительству стол и незаметно уйти, передать ему все полномочия и уйти в сторону, больше не мешать полностью развязать ему шаловливые ручонки — делайте, что хотите.

Следующий шаг какой? Наверное, внесение правительством изменений в устав, по которому губернатор Санкт-Петербурга осуществляет все полномочия Санкт-Петербурга как субъекта Федерации, а бюджетные средства расходует по мере поступления так, как считает нужным. После чего можно тихо разойтись и наблюдать, как «замечательно» администрация будет управлять городом. Я, конечно, немного утрирую, но логика именно такая.

Напомню, что закон, внесенный нами с Михаилом Ивановичем (Амосовым), пока принят только в первом чтении. Наш закон предусматривает гласность соглашений о государственно-частном партнерстве и концессионных соглашений, если есть обязательства Петербурга.

Мы с вами много лет принимали законы с длинными названиями о разграничении полномочий между законодательными и исполнительными органами власти, при этом разграничение было всегда в одну и ту же сторону — все полномочия отдавались правительству. Вот вам результат, получайте такие законы теперь. Что нам предлагается — я вам нарисую очень простую схему: правительство заключит соглашение

о государственно-частном партнёрстве, где расходы будут государственные, а доходы частные, которое вы не увидите.

После этого правительство установит порядок передачи земельных участков в рамках этого соглашения и передаст эти земельные участки. Вы об этом либо вообще не узнаете, или узнаете потом. Это еще не все, дорогие коллеги, правительство установит порядок сноса нежилых зданий на этих территориях; у них, как это у нас принято последнее время, если они исторические, будет подделан год постройки – то, что построено в XIX веке, будет сказано, что построено в XX, когда мы это узнаем, то здание уже снесут. Повторяю, потому что соглашение мы с вами не увидим и будем долго махать кулаками вслед ушедшему поезду. Вот что будет, если этот закон будет принят.

Это что? Это разделение властей? Это разграничение полномочий? Это наглость несусветная, к сожалению. На мой взгляд, вообще стыдно вносить такой закон в Законодательное собрание – или он рассчитан на то, чтобы посмотреть, проглотят или нет. Я лично это глотать не согласен, очень надеюсь, что вы тоже.

Закон, который отдает все правительству и ничего не оставляет Законодательному собранию, представителям граждан не дает никакой возможности потом вмешаться в этот процесс, – это закон абсолютно чудовищный для города, вредный и опасный, который приведет к огромным потерям. Я буду голосовать против этого закона, конечно, я сильно подозреваю, что, так как у нас принято, то, что вносит губернатор, полагается в первом чтении принимать, но, может быть, мы отойдем хотя бы один раз от этой печальной традиции и поставим на место тех, кто считает возможным таким законом вытереть ноги о городской парламент. Вы хотите, чтобы о вас их вытирали? Я не хочу. Предлагаю голосовать против этого закона.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=w0SRmryiyU

ТЬМА НАСТУПАЕТ, НО МЫ ДОЛЖНЫ ПРИБЛИЖАТЬ РАССВЕТ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ СОВЕТЕ ПАРТИИ «ЯБЛОКО»

16 декабря 2018

Для меня сегодняшняя ситуация — это тьма перед рассветом. Я вижу наступление тьмы, но я надеюсь, что рассвет будет, и наша задача сделать так, чтобы он наступил.

Мы боролись с этим, как могли, все 25 лет, что существует «Яблоко», и нельзя понять, что делать дальше, не поняв, почему тьма наступила.

Одна из причин этого — та политическая система, которая была установлена в России ровно 25 лет назад в самодержавной Конституции, скроенной под одного человека. Для того, чтобы президенту и правительству никто ни в чем не мог помешать. Для того, чтобы парламент не имел возможности влияния на исполнительную власть, для того, чтобы граждане, выбирая своих представителей, не могли повлиять на принятие ключевых решений.

Сегодняшний политический режим, который можно назвать авторитарным с очень сильными элементами тоталитаризма, — прямое следствие этой системы. И надо менять систему, как говорил тот знаменитый водопроводчик конца восьмидесятых годов...

Мы имеем президента, воспитанного в тайной полиции, который может строить только полицейское государство. Он его и строит. Мы видим репрессивный аппарат государства, для которого человек — это пыль под ногами, мы видим фактическое продолжение сталинских традиций, мы видим «органы, которые не ошибаются», мы видим, что любой из нас в любую минуту может оказаться жертвой репрессивной машины.

Почему преследуют замечательных людей из «Мемориала» Оюба Титиева, Юрия Дмитриева? Почему петербургский «Мемориал» выселяют из помещения? Да потому, что наследникам сталинских палачей, которые держат у себя в кабинетах не только портреты Сталина, но и бюсты Берии, мучительно

больно видеть, как об этом напоминают, как напоминают имена жертв и имена палачей.

Сегодня, в отличие от конца 80-х годов, протест есть, а надежды гораздо меньше, и многие из тех, кто хочет перемен, не очень готовы ради них выйти на улицу и участвовать в выборах. Им надо объяснять, что, как сказал Лев Шлосберг, именно «18 марта Владимира Бонапарта» (президентские выборы 2018 года — Б.В.) породило и повышение пенсионного возраста, и повышение налогов, и усиление репрессий.

Наша задача — чтобы люди голосовали за наших кандидатов. Как этого добиться, чтобы они нас поддерживали? У «Яблока» никогда не было проблем с умными мыслями. У нас были проблемы с коммуникацией с гражданами, мы не всегда могли им объяснить, что мы правы, мы не всегда могли рассказать простыми словами, почему то, за что мы выступаем, нужно стране. Нам сегодня надо заниматься просвещением, работать с гражданами, нам надо показывать им каждый день, что мы там, где им трудно, что мы там, где на их права и свободы наступают, что «Яблоко» — это первая партия, которая приходит и придет на помощь.

И нам нужно показывать людям, что «Яблоко» внутри себя живет по тем же принципам, которые защищает. По принципам демократии, свободы мнений, возможности критики руководства, недопустимости поиска внутренних врагов. Показать, что мы в «Яблоке» так же уважаем друг друга, как мы хотим, чтобы власть уважала человека. Только когда люди видят, что мы сами живем по тем же принципам, которые защищаем и декларируем, они испытывают к нам доверие.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=Qw44HeFfLiI

ГОРОДУ НУЖНА АЛЬТЕРНАТИВА ПОЛИТИКЕ НЕУВАЖЕНИЯ К ГРАЖДАНАМ И ЗАКРЫТОСТИ

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

24 января 2019

Уважаемый Вячеслав Серафимович, уважаемые коллеги, уважаемые почти уже будущие члены правительства. Я вам хочу сказать, что начиная с того момента, как мы приняли устав Санкт-Петербурга, я многократно наблюдал в этом зале в разных качествах процедуру согласования кандидатов в вице-губернаторы Петербурга. Я с глубоким сожалением отмечаю, что сегодня — единственный известный мне случай, когда губернатор или исполняющий его обязанности не присутствует при обсуждении кандидатур, которые он представил. Какими бы причинами это не диктовалось, это очень печально, как мне кажется.

Теперь я хочу ответить уважаемому Вячеславу Серафимовичу Макарову: у губернатора, у исполняющего обязанности, у любого правительства есть право формировать команду, но в данном случае идет речь не о личном аппарате губернатора, где он вправе назначать тех, кого хочет, ни у кого не спрашивая. Идет речь о правительстве Санкт-Петербурга, о вице-губернаторах, которые будут отвечать за ключевые сферы городской жизни. Поэтому право предлагать кандидатуры естественным образом коррелируется с обязанностью объяснить, почему именно эти люди с его точки зрения лучше других справятся с этими обязанностями, и заодно объяснить, в чем не справлялись предыдущие, чего мы ни разу не слышали. Да, у нас нет такой традиции, к сожалению, но, мне кажется, такую традицию надо заводить, и необходимы объяснения с трибуны о том, что именно эти члены правительства нужны, а не просто: «вот я предлагаю тех, кому я лично доверяю, и этого достаточно». Это не хайп, уважаемая Любовь Павловна (Совершаева), это, на мой взгляд, как раз то, что закладывали

в Устав города наши предшественники, когда его писали, когда вводили в нем норму о согласовании вице-губернаторов в Законодательном собрании Санкт-Петербурга. Это способ влияния парламента на правительство, на городскую политику и на жизнь горожан.

Мне очень жаль, что критические высказывания с этой трибуны воспринимаются как хайп, воспринимаются, как повод или причина, уж не знаю, для первого лица города покинуть этот зал. Мне кажется, что критику слушать нужно, критике подвержены все. Уверяю вас, я получаю множество критики в свой адрес, в том числе от Александра Дмитриевича (Беглова), и это совершенно нормально, я ему на эту критику отвечаю, поскольку считаю это обязательным, но это нормальный процесс — все вправе критиковать друг друга. Но если человек не хочет слышать неприятную для него критику, находясь в этом зале среди депутатов Законодательного собрания, при обсуждении членов правительства, которых он рекомендует нам ему согласовать, то невольно возникает вопрос: а, может быть, он не хочет слышать критику и во время выборов губернатора?

Мы хотим повторения выборов 2014 года, после которых уважаемый Георгий Сергеевич (Полтавченко) как считал себя назначенным, так и продолжал себя им считать, поскольку реальной конкуренции на тех выборах не было?

Вячеслав Макаров: Борис Лазаревич, сколько вам еще надо времени? Завершайте, время все исходит.

Борис Вишневский: Я сейчас закончу, уважаемый Вячеслав Серафимович.

На мой взгляд, кто подходит городу, а кто не подходит в качестве губернатора, должны решать жители города на честных и конкурентных выборах, где обязательно должна быть представлена альтернатива и прозвучать критика, причем взаимная. Уверяю вас, не только я могу представить эту альтернативу, есть и другие достойные кандидаты.

Это не так смешно, как кажется некоторым в этом зале, потому что, когда выборы проходят без альтернативы и критики действующего первого лица, мы получаем потом отсутствие необходимости для него учитывать мнение горожан и принимать решения, соответственно, такой губернатор считает своим единственным избирателем президента.

И последнее, уважаемые коллеги, я с большим уважением отношусь к Любове Павловне Совершаевой, которую, правда, я позавчера первый раз в жизни увидел. Я ее считаю достойным, умным и сильным, но оппонентом, поскольку она проводит в жизнь ту политику, против которой выступаю я и «Яблоко». Мы несогласны с этой политикой, и я хочу сказать: то в какой обстановке мы сегодня утверждаем членов правительства, когда утром в понедельник нам становится известно о кандидатурах, а уже в среду их надо утверждать, не успева даже толком задать необходимые вопросы, не может быть названо должным уважением к парламенту. Именно поэтому я считаю невозможным поддерживать представленные кандидатуры, поскольку это вопрос политического выбора тех, кто отражает интересы избирателей, уважаемые коллеги. Я от них получаю огромное количество вопросов, кстати, в том числе вопросы о том, почему сняты прежние члены правительства, за что.

И последнее, на мой взгляд, должна меняться политика, должны быть другие направления, нужно отказаться от части подходов, которые мы наблюдали. Решить вопросы, которые раньше не были решены. Мы задавали эти вопросы кандидатам в вице-губернаторы. К сожалению, пока мы не услышали на них ответов. Это тоже не позволяет сегодня поддерживать их утверждение. Я уверяю вас, что город достоин честных и конкурентных выборов, на которых жители решат, кто им подходит, а кто нет. Спасибо.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=HC8NX0Dv6ts

ЭТОЙ ЗИМОЙ ХОДИТЬ ПО УЛИЦАМ ПЕТЕРБУРГА СТАЛО ОПАСНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПРОГРАММЕ «ПАРТБЮРО»
НА ТЕЛЕКАНАЛЕ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»

07 февраля 2019

К сожалению, это уже второй смертельный случай за этот сезон из-за плохой уборки города от снега, масса пострадавших. Ранее пожилая женщина, блокадница упала и не пережила этой травмы. Я каждый день получаю звонки, сообщения о том, что люди падают, калечатся, ломают руки, ноги, ребра и, к сожалению, этот поток жалоб не стихает. Что с этим делать?

Что касается чердаков, знаете, девять лет назад, когда была первая снежная зима в обозримом горизонте временном еще при Валентине Ивановне Матвиенко. Я слышал ровно такие же дискуссии, как сейчас, в этом эфире. Тогда много говорилось, что надо купить технику, надо нанять людей, надо изолировать чердаки, даже конкурс какой-то был объявлен, где были идеи вплоть до того, что срезать «сосули» лазером, как помнится, но до этого, к счастью, не дошло. Итоги этого конкурса до сих пор так и неизвестны. Какие же решения предложили эти выдающиеся умы, которые участвовали в этом конкурсе? И все осталось так, как мы сейчас наблюдаем.

Я хочу вам сказать, будучи человеком уже не очень молодым, я помню, что и в 1960-е годы тоже шел снег и снега было много, однако как-то его убирали. То, что сейчас мы сталкиваемся с этой ситуацией, — это вопиющая некомпетентность городской власти и не только с председателя Комитета по благоустройству надо за это спрашивать. Нужно спрашивать с первого лица с его ночными совещаниями и предложениями депутатам самим взять в руки лопаты — это, конечно, идеальный способ, видимо, убрать город, но пятьдесят депутатов не решат эту проблему.

Нужно заниматься чердаками, нужно заниматься тротуарами, на мой взгляд, у нас катастрофически не хватает дворников,

которые чистят тротуары. Пройдите по центру города, по Центральному району, по Адмиралтейскому, по Петроградскому, это экстремальный спорт – хождение по тротуарам нашего города.

Я предложил господину Беглову выделить деньги из резервного фонда городского правительства, чтобы привлечь людей на уборку. Просто нанять их по договору, получил издательскую отписку – почему-то не можем этого сделать, через три дня тот же господин Беглов на заседании правительства сказал: сейчас выделим деньги из резервного фонда, будем решать проблему. А что мешало ему сразу выступить с этим предложением?

Я считаю, что есть все возможности, резервный фонд – это то, что нужно для предотвращения чрезвычайных ситуаций в том числе. Ситуация именно чрезвычайная, мы вчера с другими депутатами подписывали обращение к Беглову с просьбой эту чрезвычайную ситуацию признать. Это позволит привлечь и военных, и курсантов, и других людей для уборки города, повторяю, сегодня ходить по улицам Петербурга стало просто опасно для здоровья и жизни.

Казалось бы, Невский проспект, дом 77, у метро «Маяковская» – самый центр, чтобы зайти в парадную, необходимо преодолеть метровый барьер из сплошного льда. Как людям оттуда предлагается выходить – непонятно. Если на Невском дворников не хватает, хочется понять, где они вообще есть.

Что касается ситуации с уборкой, понимаете, коллеги, мы не первые, кто с этим сталкивается. Вот проведите эксперимент, переедьте как моя знакомая, на машине из Нарвы в Ивангород – один климат, одни и те же практически люди, с похожим менталитетом. Там убрано, а тут нет – это значит там хотят убирать, а тут – нет.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=8oqin9Y9BFU

ОТКАЗ РАССМАТРИВАТЬ АНТИСТАЛИНСКИЙ ЗАКОН — ШАГ К СТАЛИНСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

06 марта 2019

Уважаемый Вячеслав Серафимович, уважаемые коллеги. Безусловно, необходимо оказывать помощь жертвам политических репрессий, но, говоря об оказании такой помощи, невозможно обойти стороной вопрос о палачах. Тот самый вопрос, который сегодня, к сожалению, отказалось обсуждать наше уважаемое Законодательное собрание. Одни отказались, потому что и сегодня готовы прославлять Сталина, другие, потому что в душе, может быть, ему сочувствуют, но не решаются выступать против позиции высших органов власти и первых лиц и, кстати, руководителей церкви, которые осуждают сталинские преступления, третьи просто не хотят любой дискуссии на эту тему.

Тем не менее, дорогие коллеги, невозможно говорить о реабилитации жертв репрессий, невозможно открывать им мемориалы с участием президента и патриарха, не говоря прямо о том, кто в этих репрессиях виноват.

Политические репрессии в нашей стране произошли не в результате стихийных бедствий, а в результате массовых преступлений против своего народа. Я цитирую нынешнего президента Российской Федерации. В результате того, что некоторые наши коллеги стыдливо называют не совсем демократичными мерами или идеологическими перегибами.

Это были не перегибы, это были массовые убийства, и главный их виновник, организатор и вдохновитель — это Сталин.

Только за два года с 1936-го по 1938-й органы госбезопасности арестовали не менее 1,7 млн человек, из них не менее 724 тыс. расстреляли. В месяц убивали более 20 тысяч человек, почти всех без суда и следствия: тройками и двойками. 30 июля 1937 года был издан приказ, вот он передо мной,

я вам показываю, НКВД, на основании решения Сталина, номер 00447, где содержался план с нормативами убийств людей по городам, областям, краям и республикам, с указанием числа подлежащих расстрелу, там цифры, плановые показатели. Норматив по убийствам следовало выполнить в четырехмесячный срок. Это факты, которые невозможно опровергнуть, есть еще множество других фактов, которые общеизвестны.

Давайте спросим у себя, допустимо ли хранить память о жертвах и увековечивать их главного палача: ставить ему памятники, мемориальные доски, называть в его честь улицы и площади. Где еще, в какой стране это возможно? Почему запрет на установку памятников Сталину и присвоение имени Сталина географическим объектам актуален сегодня? Потому что ударными темпами возрождается сталинское государство. Потому что почти каждый день нам показывают, что человек — это пыль под ногами.

В жерновах репрессивной машины может оказаться каждый, а органы не ошибаются, потому что каждый день в нашем городе, где помнят и убийство Кирова, и Ленинградское дело... Запрет на увековечивание памяти Сталина — это шаг от сталинского государства, отказ его вводить, ровно как отказ его рассматривать, — шаг к сталинскому государству, где любой из нас, из вас, дорогие коллеги, может в любой момент тоже стать жертвой репрессий. Как ими становились те, кто занимал в сталинские времена самые высокие посты. Никто не мог чувствовать себя в безопасности, что вы тогда будете делать? Писать письма — «передайте товарищу Путину, что произошла чудовищная ошибка». Ответа на эти письма не будет, я призываю вас помнить не только о жертвах и о помощи им, но и о палачах и не допускать увековечивание их имени. Спасибо.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=NjJgGKrsWrM

НАШ ГОРОД НЕ СЛОМАЛСЯ И НЕ ПРОГНУЛСЯ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МИТИНГЕ ПРОТИВ ПРОИЗВОЛА НА ВЫБОРАХ

24 июля 2019

Дорогие друзья, я рад вас видеть сегодня в таком количестве на этой площади – это значит, что наш город не сломался, не прогнулся и не поддался. Это значит, что он хочет честных выборов, это значит, что он хочет смены власти. Последние недели я думал, что то, что происходит в нашем городе, – это 141-я статья Уголовного кодекса «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав, совершенное организованной группой по предварительному сговору», сейчас я понимаю, что речь уже не только об этой статье, речь о гораздо более тяжкой и о более тяжком преступлении – все это уже 278-я статья Уголовного кодекса – это насильственный захват и удержание власти в нашем городе.

Я вижу, что организованная преступная группировка, в которой сошлись власть, избирательные комиссии и администрации, прокуратура и силовики, пытается отнять у нас власть, она пытается отнять у нас выборы, она пытается отнять у нас город и страну, она пытается отнять у нас будущее, у нас и у наших детей и внуков. Мы им позволим это сделать?

Смотрите, что происходит: на губернаторских выборах нас лишили возможности реальной альтернативы, нам выставили на выборы Шарикова и тех, кто с ним договорился. Это выборы?

Нас пытаются загнать в стойло, нам пытаются вместо реального выбора предоставить искусственный, когда треть избирателей города лишена возможности увидеть своих кандидатов в бюллетене. Это выборы?

Тот, кто будет объявлен победителем этих выборов, не может считаться избранным губернатором, ему будет плевать на граждан, и он, как предыдущий губернатор, избранный в такой же обстановке, будет чувствовать себя не слугой народа, а слугой президента. Я не хочу иметь губернатором слугу президента. А вы хотите этого?

Для того, чтобы участвовать в выборах губернатора, вдумайтесь только, надо было принести подписи тех самых муниципальных жуликов и воров, которые сперва прятали свои выборы, прятали избирательные комиссии, потом вызывали бандитов и шпану, чтобы не дать кандидатам подать документы, потом отказывали в регистрации оппозиционным кандидатам, и вот подписи этого жулья, в частности, я должен был принести, чтобы доказать, что у меня есть общественная поддержка и я могу баллотироваться в губернаторы. Эти люди пять лет назад были избраны с помощью массовых фальсификаций. Сегодня они решают, кто будет баллотироваться на выборах губернатора, и сегодня они делают все, чтобы сохранить свои места.

Смотрите, что мы видим: мы видим, что муниципалитеты превратились в команды по освоиванию бюджета, в кормовую базу для крышующих их депутатов Законодательного собрания и Госдумы от «Единой России». Если мы позволим им воспроизвестись, эта система будет действовать еще несколько лет и на следующих выборах губернатора мы опять получим ту же жуткую картину, когда выбора у нас не будет.

Я хочу, чтобы у моего города было будущее, я хочу, чтобы будущее было у моих детей, у внуков, которых я надеюсь еще иметь, я не хочу, чтобы Шариков был губернатором Санкт-Петербурга, я не хочу, чтобы нашим городом управлял кремлевский назначенец. Если мы не хотим, чтобы нам навязали Шарикова — есть очень простой способ, — я призываю с этой сцены тех согласованных кандидатов в губернаторы, которые были допущены на эти выборы, снять свои кандидатуры. Тогда выборы будут отменены, тогда будут новые выборы, и эти выборы будут уже после муниципальных.

Я абсолютно уверен, что на муниципальных выборах нам удастся снести большую часть того жулья, которое сегодня с партбилетами «Единой России» и без. Тогда у нас будет новый губернатор, тогда у нас будут честные выборы, в которых будут участвовать политики, реально имеющие поддержку граждан, а не те, кому подарила подписи «Единая Россия».

Последнее, дорогие друзья, на выборы 8 сентября обязательно надо прийти. Принцип очень простой — ни одного голоса Беглову, ни одного голоса муниципальным депутатам от

«Единой России», скрытым или явным. За смену власти в городе, за нашу страну, за наш город, за Петербург и за нас с вами. То, что происходит, — это не нарушение прав кандидатов или партий. Это нарушение прав граждан, массовое. Мы должны с вами этого не допустить.

Для жуликов и воров естественно пытаться сохранить украденную власть, для нас естественно этому противостоять, потому что нам некуда отступать, за нами Петербург. Это наш город!

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=1sjkVZNI5MU

ВЫБОРЫ ПОКАЗАЛИ ВОПИЮЩЕЕ НЕУВАЖЕНИЕ ВЛАСТИ К ГОРОЖАНАМ

**Выступление на пленарном заседании
в Законодательном собрании Санкт-Петербурга**

25 сентября 2019

Уважаемый Вячеслав Серафимович, уважаемые депутаты. Прошу вас внести в повестку дня документ 40610, внесен мной, это проект постановления Законодательного собрания о внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления ответственности за неуважение к гражданам со стороны должностных лиц, органов государственной власти и местного самоуправления.

Я полагаю, что актуальность этого законопроекта стала еще больше с тех пор, как весной я предлагал вам в первый раз внести его в повестку дня, но, к сожалению, не получил вашей поддержки. Я абсолютно уверен, что то, что мы увидели как

на выборах губернатора, которые прошли без реальной конкуренции, так и на выборах депутатов органов местного самоуправления с массовым бегством избирательных комиссий, скрыванием фактов назначения выборов, подделкой результатов выборов, которые сейчас оспариваются в судах, и все прочее, это как раз проявление того самого вопиющего неуважения к гражданам, которое, на мой взгляд, подлежит самой строгой ответственности.

Я прошу вас внести этот законопроект в повестку и показать, что вы выступаете за то, чтобы любое должностное лицо, проявляющее неуважение к гражданам, неуважение к их гарантированным Конституцией правам и свободам, будет за это наказано. Если вы не хотите это рассматривать — это означает, что вы не считаете возможным наказывать за неуважение к гражданам в Российской Федерации и к их правам и свободам. Спасибо.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=Umc6m78pdiQ

НЕОБХОДИМО СЛОМАТЬ МАШИНУ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ РАЗ И НАВСЕГДА

Выступление на митинге у Соловецкого камня

30 октября 2019

Дорогие друзья, сегодня День памяти жертв политических репрессий. В этот день каждый год в Петербурге, Москве, других городах люди приходят к памятникам жертв этих репрессий, вспоминают о них, читают почти бесконечный список имен тех, кто стал жертвой, тех, кто погиб, был расстрелян,

и стараются вспомнить каждого, вспоминают своих родственников, своих друзей.

Я хочу сказать сегодня не только об этом, я хочу сказать о том, что сегодня возвращается сталинское государство, сегодня возвращается государство, где жизнь человека ничего не стоит, где человек — это винтик, где органы никогда не ошибаются, именно поэтому мы видим безумные, чудовищные политические дела последних месяцев, мы видим «Московское дело», мы видим множество «Ленинградских дел», мы видим, как совсем молодых и не очень молодых людей арестовывают, сажают, приговаривают к безумным срокам по абсурдным обвинениям. Мы видим, как молодых ребят, выходявших на улицы Москвы с требованием честных выборов, обвиняли в организации массовых беспорядков, мы видим, как фабрикуются дела о якобы террористических организациях «Сети» и «Нового величия». Мы видим, как фабрикуется уже новое дело против замечательного Юрия Дмитриева — одного из тех, придает огласке имена сталинских палачей и находит имена жертв этих репрессий. Мы видим, как преследуют активистов ингушского протеста, видим, как преследуют в Петербурге политических активистов, выходящих на протестные акции.

Этот маховик необходимо остановить. Сделать все, чтобы чудовищная машина политических репрессий была сломана раз и навсегда и никогда больше не была вновь запущена. Это наш долг, это наша задача, мы обязаны это сделать. Свободу политическим заключенным! Вечная память жертвам политических репрессий в нашей стране! Это никогда больше не должно повториться.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=ZQFhoFm74iw

ИСПРАВИТЬ СИСТЕМУ МОЖНО ТОЛЬКО ПУТЕМ ДЕМОНТАЖА САМОДЕРЖАВИЯ

Выступление на съезде партии «Яблоко»

14 декабря 2019

Уважаемые коллеги, сегодня мы видим, как самодержавная политическая система, которая создавалась как авторитарная, приобрела отчетливые тоталитарные черты. Именно поэтому возрождение сталинизма, которое мы видим, это не случайность — это сознательная политика, именно этот режим представляется президенту Путину и его окружению образцом для подражания.

Что это? Это презрение к человеку, который не больше, чем винтик, это ситуация, когда любой может стать жертвой политических репрессий и не сможет оправдаться, потому что органы не ошибаются. Это ситуация, когда связь с иностранцами не только компромат, но и основание для дискриминации. Вокруг враждебное окружение — кольцо врагов, основа дипломатии — стилистика питерской подворотни. Как схватили за руку — сперва «это не мы, вы все врете», а потом: «мы, ну и что?», и, мол, ничего вы нам не сделаете. И единственное спасение — сплочение вокруг несменяемого вождя.

Друзья мои, это не гибридный режим, как любят говорить некоторые уважаемые мной политологи, это жесткий авторитарный режим, с серьезными элементами тоталитаризма, в этом режиме невозможно ни разделение властей, ни честные выборы, ни независимый суд, ни федерализм, ни местное самоуправление, ни соблюдение прав человека, этому режиму это категорически противопоказано.

Исправить эту систему, а я говорил об этом 15 лет назад на трибуне этого съезда, выходя сюда с лозунгом «Долой самодержавие», путем замены плохого царя на хорошего невозможно, сохраняя самодержавную политическую систему. Эта система должна быть демонтирована, должна быть проведена политическая реформа, после которой царя не будет вообще.

Я очень рад что словосочетание «политическая реформа» в последние несколько лет прочно вошло в лексику нашей партии и часто употребляется в наших политических заявлениях.

Тридцать лет назад пала Берлинская стена, ушел академик Сахаров. Наблюдаемые процессы во многом похожи на те, что привели к крушению коммунистического режима, это нарастающее недоверие к власти, вызванное ее тотальной ложью и коррупцией, запрос на перемены и запрос на альтернативу, все большее понимание того, что невозможны никакие перемены в стране без смены власти. Вот этот запрос на смену власти пока на региональном и местном уровне мы очень четко видели на последних выборах, особенно в Москве, Петербурге, Пскове. Это запрос на умных, а не на верных, как долгие годы перед тем. И наша задача сегодня – это представить тех, кто требует перемен. Представить их интересы, показать им тех, кто, представляя их интересы в органах власти, сможет реализовать эти перемены.

Что мы видели многие годы, что принадлежность к правящей партии, ассоциация с проводимой властью, курсом обеспечивает успех на выборах, но сегодня все очень серьезно изменилось. Доказательство этому – это тотальная боязнь «Единой России» выступать под своим партийным флагом, когда они прячут свою партийную принадлежность, делают все, чтобы о ней вообще на выборах никто бы не узнал. Классический пример, конечно, это Москва, где все единороссы шли как самовыдвиженцы, но в Петербурге мы тоже наблюдали это в массовом порядке – выдвинутые от «Единой России» кандидаты делали все, чтобы в их предвыборных материалах даже не было указания на партию, которая их выдвинула. Потому что то, раньше представлялось воздушным шаром, поднимающим вверх, сегодня стало гирей на ногах, тянущей вниз.

Этот процесс очень инерционный, но, начавшись, он уже не останавливается, и сегодня наша задача – соответствовать этому запросу на перемены, очень многое надо делать. Для этого надо работать с людьми. Работать очень плотно, в том числе и с гражданскими активистами. При том, что есть много сложностей в общении с ними, когда некоторые из них становятся депутатами, то это мама не горюй, становится еще сложнее, но работать нужно.

Необходима трансформация энергии недовольства, энергии желания перемен в изменение состава органов власти. Именно «Яблоко» должно стать той политической партией, которая представит людей, способных реализовать эти перемены, в органы власти. Что для этого нужно: чтобы «Яблоку» доверяли, чтобы люди видели, что везде, где им трудно, «Яблоко» с ними, что оно отстаивает их интересы, что оно первым приходит на их защиту.

Для того, чтобы «Яблоку» доверяли, важно показать обществу, что мы сами живем по тем же принципам, которые защищаем внутри своей партии. Со сменяемостью власти и без поиска внутренних врагов, с уважением к человеку, с уважением к каждому, кто есть в партии, к его точке зрения. До сих пор политические циклы в России развивались так, сперва недовольство, потом надежды, потом перемены, потом разочарование, потом апатия, потом опять недовольство и опять надежда.

Я абсолютно уверен, что сегодня, когда во многом ситуация напоминает ситуацию тридцатилетней давности, есть очень серьезное недовольство властью и желание перемен — задача «Яблока» стать партией этой надежды.

Стать партией тех перемен, за которыми не последует разочарование, как это было уже не раз. Мы обязаны справиться с этой задачей, мы обязаны показать, что мы партия умных интеллектуальных, честных людей, которые могут достойно представить обществу альтернативу, в которой оно нуждается. Это наш город, это наша страна, это наша ответственность перед теми, кто за нас голосует, мы обязаны оправдать их доверие и оправдать их надежды. Я уверен, что мы с этим справимся. Спасибо.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=TTFhi6fnEsU

КАКИЕ ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕОБХОДИМЫ?

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

29 января 2020

Поправки в Конституцию, предложенные президентом, немедленно одобренные смехотворной «рабочей группой» из артистов, спортсменов и космонавтов, и в пожарном порядке проведенные через первое чтение в Госдуме, содержательно не аргументированы и юридически не профессиональны.

Однозначен только их политический смысл: сохранение и укрепление авторитарной политической системы и обеспечение несменяемости власти. Еще большее усиление и так огромной власти президента при микроскопическом расширении возможностей парламента, еще большее ослабление суда, еще большее ослабление самостоятельности регионов, еще большее ослабление местного самоуправления и продолжение курса на изоляцию России от международного права (именно так президент Путин понимает «суверенитет»).

Простой пример: Госдума не назначает премьером того, кого считает нужным. И не может навязать президенту неугодного ему премьера. Она по-прежнему только утверждает кандидатуру, внесенную президентом. И по-прежнему может быть распущена, как сейчас, если дважды ее не утвердит. Госдума утверждает вице-премьеров и министров, но ключевые назначения оставил за собой президент). И даже тех, кого утвердил парламент, президент в любой момент может снять, ничего не объясняя. Госдума по-прежнему не может отправить правительство в отставку, не рискуя роспуском. И по-прежнему даже ценой роспуска не может на этом настоять.

Что касается громко анонсированных социальных вопросов, то включение в Конституцию нормы о минимальном размере оплаты труда не ниже прожиточного минимума не мешает властям установить нищенский минимум, на который невозможно прожить, а включение в Конституцию нормы об

индексации пенсий не помешает продолжать замораживать законом, как это было все последние годы.

Какие поправки в Конституцию действительно необходимы?

То, что гарантирует разделение властей, независимое и справедливое правосудие, честную конкуренцию в политике и экономике, свободные выборы, свободу распространения мнений и убеждений, свободу СМИ, свободу мирных публичных акций, недопустимость политических репрессий, неприкосновенность частной собственности, реальное полномочное местное самоуправление, соблюдение государством международных

обязательств (прежде всего – в обеспечении прав и свобод человека).

Установление жестких обязанностей государства по обеспечению конституционных прав граждан и ответственность за их невыполнение.

Ограничение полномочий президента, исключение его влияния на суды, расширение полномочий парламента, реальный парламентский контроль за правительством.

Принятие президентом решений только на основании или в исполнение закона.

Выборность Совета Федерации, губернаторов и мэров.

Обязывающий вотум недоверия правительству (немедленная отставка после вотума без права президента отказать в этом или распустить парламент).

Добровольность службы в армии.

Открытость власти и запрет госорганам требовать от граждан информацию, которая есть у других органов власти.

Ограничение уровнем инфляции роста стоимости услуг, регулируемых государством.

Равное право на реституцию (возвращение имущества), ранее изъятого у любых граждан и организаций решениями государственных органов.

Видеозапись выступления

www.youtube.com/watch?v=FmQuAX2UWHA

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОПРОС — ОТВЕТ

Избранные интервью

«ТАМ, ГДЕ НЕТ СВОБОДЫ, КОЛБАСА ОБЯЗАТЕЛЬНО ИСЧЕЗНЕТ»

Интервью Александре Конфисахор — «Новый проспект».

27 июня 2019

Руководитель фракции «Яблоко» в Законодательном собрании Петербурга Борис Вишневский резко критикует Смольный и врио губернатора Александра Беглова, но это не мешает ему дружить с главным петербургским единороссом Вячеславом Макаровым. Политик входит в «стоп-лист» для многих СМИ, а мы решили взять у него большое интервью.

Борис Лазаревич, вы подали документы для выдвижения в качестве кандидата в губернаторы Петербурга. Как успехи в сборе подписей для прохождения муниципального фильтр?

— До конца месяца у меня есть время на то, чтобы собрать 155 подписей муниципальных депутатов. Это задача крайне сложная. Большинство муниципальных депутатов — это «Единая Россия», отнюдь не мои политические союзники. Усложняет задачу то, что уже проведена абсолютно мошенническая операция по псковскому образцу. В Пскове год назад было ровно то же самое. Назначаются выборы губернатора, и дальше администрация строим гонит всех подконтрольных ей муниципальных депутатов к нотариусам — поставить подпись за действующего губернатора или депутата от Кремля и его спарринг-партнеров. Чтобы все подписи были разобраны, и никому больше не удалось бы уже ничего собрать.

Вот как если бы вы стояли в очереди за сосисками, и сосиски уже кончились, на вас не хватило. Скажу больше, на вас и не могло хватить, потому что это был не магазин, это был распределитель, как в советские времена. И кому ни попадя там сосиски не отпускают.

Если вы относитесь к нынешней номенклатуре, если вы согласованный кандидат, вам в этом распределителе отпустят эти сосиски, то есть нужное количество подписей муниципальных депутатов. А ежели вы к номенклатуре этой не относитесь, то вам скажут: знаете, вот было немножко сосисок, но они уже давно кончились. Эта технология называется «бетонирование муниципального фильтра», чтобы никто не мог прорваться.

Какой вывод я из этого делаю? Несколько согласованных кандидатов знали заранее, что уже на следующий день после назначения выборов (это было сделано в пятницу, 31 мая) нужно провести конференцию, прибежать с документами в субботу, а в воскресенье днем уже погонят строем к нотариусам муниципальных депутатов... Это очевидный сговор, политическое мошенничество и, на мой взгляд, в нем очень постыдно участвовать. Это я о тех людях, которые очевидно есть в этом списке — среди них Михаил Амосов, Надежда Тихонова, Владимир Бортко и еще несколько разных персонажей. Я не даю персональных оценок, но участвовать в такой комбинации, на мой взгляд, неприлично.

От кого из них вы ожидали приличия?

— От администрации я не ожидал никаких приличий, а что касается кандидатов, среди них есть люди, которые, как мне кажется, не должны были соглашаться в этом участвовать. Например, Амосов и Тихонова. Это люди, которые публично всегда выступали за политическую конкуренцию и против сговоров со Смольным. Ну и как теперь? Или политическая конкуренция это только для других?

Вот из чего я делаю вывод, что они хотят устроить спектакль. Это уже факт, это не мои оценки. Никто из выдвинувшихся кандидатов в губернаторы, включая тех, за кого уже собирали муниципальные подписи, не намерен всерьез бороться с Александром Бегловым. Все они либо уже его поддерживают, либо говорят, что действия Беглова соответствуют их партийной программе, либо, не намерены его критиковать, потому что собираются выступать с позитивной повесткой.

Всерьез собирался бороться только я, меня и пытаются, естественно, лишить этой возможности. Но есть и второе очевидное доказательство того, что они меня боятся: на конференцию «Яблока», когда меня выдвигали кандидатом

в губернаторы, была прислана шпана, чтобы попытаться ее сорвать. Ни к кому больше не приходили, только к нам.

Из чего я делаю вывод, что они меня очень боятся. Смольный мог бы бояться Оксаны Дмитриевой, но она давно прекратила какие бы то ни было усилия в этом направлении. Я не знаю почему, я у нее об этом не спрашивал, но фактом является то, что она прекратила бороться. Смольный мог бы опасаться Марины Шишкиной, но Марину отказалась выдвигать ее собственная партия «Справедливая Россия». В результате, когда у них происходило выдвижение Тихоновой, Марина просто уехала в отпуск. И понятно, что все это делалось по согласованию с Кремлем и с Сергеем Михайловичем Мироновым персонально.

Но все кандидатуры так или иначе согласуются с Кремлем. Явлинский-то, наверное, как-то обсуждал вас? Какую обратную связь он получил?

— Особенность «Яблока» заключается в том, что мы ни у кого ничего не просим и не согласовываем. Я думаю, что какие-то разговоры были, но лишь для выяснения позиции. И, судя по тому, что происходит, Кремль меня боится тоже. Боятся второго тура выборов, боятся вариантов Хакасии и Хабаровского края, боятся варианта Усть-Илимска, где домохозяйка стала мэром города. Вот они доиграются таким путем.

Кого-то из муниципалов прессируют ради этой сдачи подписей?

— Я думаю, что многих даже не надо прессовать, потому что они и так привыкли выполнять любую команду. Кого-то, наверное, прессируют, хотя большая часть муниципальных депутатов работает в другом месте. У кого-то свой маленький бизнес, кто-то в бюджетном учреждении, кто-то в муниципальном учреждении, которое специально создано, чтобы депутатов пристроить на какую-то денежку. Мы же прекрасно знаем, как это устроено. То есть большинство у них на крючке. Я рассчитываю на то, что все-таки отыщется значительное количество депутатов, которые не охвачены этим массовым сговором и которые будут готовы за меня подписаться.

Кроме того, я могу сказать, что люди из «Единой России», особо не стесняясь, мне говорили: «Ну что же ты хочешь, твое участие в выборах — это сразу второй тур. А во втором туре Беллов проигрывает любому, не только тебе». То есть, если сапог

поставить против Беглова во втором туре, то выиграет сапог. Это же надо выставить настолько слабого кандидата, чтобы его надо было так ограждать от любой конкуренции! И когда я сейчас разговариваю с муниципальными депутатами или когда мои коллеги их обзванивают, самая распространенная фраза, которую мы слышим: «А с нас уже все собрали, мы все уже сдали». Как это так? Только что нотариус, у которого мы заверяли подпись муниципального депутата в мою поддержку, удивлялся: что вы так поздно? Все давно уже прошли в организованном порядке...

Сейчас многие в шоке от того, что происходит с раскладкой политических сил в городе. Никогда такого не было, чтобы город был отдан на откуп одной какой-то команде — я говорю о совладельце банка «Россия» Юрии Ковальчуке.

— Действительно, никогда не было такого, чтобы в полпредстве и в Смольном сидели люди, очень прочно связанные с одной группировкой. И второе, чего никогда не было, это чтобы городом управляли политтехнологи. Беглов не знает, как управлять городом, вместо этого из каждого утюга только пиар, бессмысленный и беспощадный. Он лично и пожар тушит, и женщину с пятого этажа спасает, и квартиры раздает, и лекарства. Одно, другое, третье... Не хочу им подсказывать, но мысль напрашивается: как он не начал еще в больницах исцелять наложением рук? Почему об этом нам еще не рассказывают? Приехал, наложил руки, сказал «встань и иди», и человек пошел! Это у нас еще впереди. Если они дойдут до воскрешения Лазаря, то я не знаю уже, чего дальше. Правда, дальше выясняется, что и пожар он не тушил, и никого он ниоткуда не спасал, и все это просто вранье.

Думаете в Кремле этого не понимают?

— Мы имеем дело с системой, где никто не осмеливается перечить первому лицу. Чего далеко ходить: масса людей, в том числе в Москве, в президентской администрации, прекрасно понимает, кто такой Беглов. Это очень серьезная кадровая ошибка. Но никто не решается сказать это Путину.

Это все равно, что сказать ему: «Вы ошиблись, вы приняли неверное решение». И люди боятся, что для них это может кончиться сломом карьеры. Потому что опора на верных, а не на умных. Потому что люди мало-мальски самостоятельные и

способные возражать, спорить — они вытравлены из власти, они там долго не удерживаются. Систему менять надо, как говорил тот водопроводчик. Три десятка лет тому назад система была примерно такая же. И как только в нее проникла политическая конкуренция, так она начала рушиться, потому что выяснилось, что те, кто представляет власть, патологически неконкурентоспособны. Они не выдерживают политического состязания со своими оппонентами так же, как «Жигули» не выдерживают состязания с BMW.

Все это, впрочем, не мешает вам дружить с спикером ЗакСа и главой петербургских единороссов Вячеславом Макаровым.

— Меня действительно связывают с Макаровым дружеские отношения, но не политические. Есть ситуации, когда и дружеские, и политические отношения совпадают. Например, Оля Покровская, член горизбиркома и моя давняя, еще школьная, подруга. Или Лева Шлосберг, пожалуйста. А Макаров — это пример того, когда дружеские отношения есть, а политически мы совершенно противоположны. Мои инициативы же не поддерживаются, за мои законы не голосуют. Мои предложения фракция, которой он руководит, вычеркивает из повестки дня.

Но вы же понимаете, каким неадекватным временами кажется Макаров?

— Это к нему вопрос, как он воспринимается, а не ко мне.

Вот пример с Сергеем Кагермазовым — журналистом, на которого Макаров открыл охоту после критических публикаций. Наверняка, вы это обсуждали.

— Не раз. И не только я. И я упираюсь в стену. Это как раз к вопросу о том, что дружеские отношения могут быть, а политические нет. Я не могу объяснить, не могу пробить эту стену. Ну что делать... Мне кажется, ситуация очень простая: он чувствует себя человеком, абсолютно встроенным в систему, ее винтиком. И он понимает, что как только он выйдет за какие-то рамки, его тоже выкинут.

И через два года политическая судьба Макарова под большим вопросом, поскольку с нынешними властями, есть информация, у него не лучшие отношения. Так зачем ему прогибаться дальше?

— Я много раз ему говорил, что надо занимать куда более жесткую позицию в отношении Смольного, но он встроен

в свою единороссовскую вертикаль, и, видимо, в этой вертикали до сих пор нет соответствующего решения на эту тему.

А если брать отдельных членов команды Беглова, у вас какие-нибудь симпатии?

— Что за команда-то такая! В прошлой администрации можно было работать с Игорем Албиным, Михаилом Мокрецовым, Анной Митяниной. При Полтавченко члены правительства все же чуть приличнее вели себя. А сейчас человек с образованием института советской торговли отвечает за внутреннюю политику, чего, собственно, от нее ждать? Вот у нее, видимо, такое понимание политики: не задавив товар конкурентов, она не продаст собственный — его никто не купит. Представьте себе, вот на рынке два торговца. У одного овощи-фрукты хорошие и не очень дорогие, у второго гнилые и дорогие. Что сделать, чтобы купили гнилые и дорогие? Прогнать первого торговца с рынка. Вот тебе хорошая аналогия действий госпожи Совершаевой.

Евгений Елин молодец, вполне нормальный. Эдуарда Батанова я знаю лет двадцать, и, честно говоря, у меня сейчас вызывает серьезное непонимание его позиция по отношению к проекту парка на Смоленке. Что это вообще такое? Вы исполняйте там законы! Нет, там глухая оборона, отчаянное сопротивление. Ищет все углы и зацепки, чтобы не исполнить закон, не создать там парк, чтобы не прекратить разрешение на строительство, не аннулировать аренду земельных участков. Впрочем, только что удалось добиться расторжения арендных договоров. Теперь есть большая надежда, что парк будет создан.

Сейчас, кстати, многие добрым словом вспоминают прежнего губернатора Георгия Полтавченко. Я уже не говорю о Валентине Матвиенко.

— Еще когда Владимир Яковлев уходил, это был 2003 год, он говорил: вы еще вспомните свободу и демократию. Когда ушла Валентина Ивановна и пришел Георгий Сергеевич, стали вздыхать по Валентине Ивановне. Ушел Георгий Сергеевич — стали вздыхать по Георгию Сергеевичу. Так мы и о Беглове через несколько лет жалеть начнем. Мой любимый Станислав Ежи Лец, которого я цитирую к месту и не к месту, одна из самых знаменитых его фраз: «Когда он думал, что достиг дна, снизу

постучали». Вот снизу стучали уже не раз на моей памяти. Теперь уже только такие, как Беллов, остались.

А делать-то что? Я последние лет 10 слышу про то, что власти боятся оппозицию и скоро все рухнет. Но так ничего и не происходит.

— Надо настаивать на изменении этой системы, настаивать на честных выборах, не давать им подделывать результаты, давить на них. Представьте себе (я понимаю, конечно, что это фантастика): а если журналистское сообщество и крупнейшие издания потребуют честных и конкурентных выборов с такой же энергией, как они требовали прекращения преследования журналиста Ивана Голунова? Представьте себе, что РБК, «Коммерсантъ», «Ведомости» выйдут с одной шапкой: «Мы требуем честных и конкурентных выборов в Петербурге». Только я уверен, что они не выйдут.

Между прочим, без таких выборов не изменится ситуация и у журналистов. Это ровно та же аналогия, как со свободой и колбасой: там, где есть свобода слова, колбаса всегда появится, а там, где свободы нет, колбаса обязательно исчезнет. Просто нужно понимать, что эти ситуации будут повторяться. Хорошо, сейчас мы имеем дело с такой замечательной профессиональной солидарностью, потому что речь шла о человеке, представляющем авторитетное издание, и все это распространилось, как лесной пожар.

А завтра возникнет такая же ситуация с человеком менее известным, и он сядет, или, скажу цинично, они лучше подготовятся. Потому что, на самом деле, есть огромное количество ситуаций, когда подкидывают наркотики и невозможно оправдаться.

В октябре прошлого года после очередной публичной акции я, как обычно, бегаю по отделам полиции. Приезжаю в 76-й отдел на Мытнинской. А там совсем молодые ребята и девчонки (скорее всего, сторонники Навального, но, может быть, и не они). Я не спрашиваю ни у кого о политической принадлежности. Их задержали, не отпускают, хотят держать до утра и только потом вести в суд, потому что им инкриминируют такую зверскую статью КоАПа, как создание помех движению пешеходам при проведении публичной акции.

И вот они сидят в отделе полиции — в одной камере парни, в другой девушки. И там просто невозможно находиться

больше нескольких минут, там абсолютная духота, спертый воздух, запах соответствующий. Я говорю полицейским: «Зачем вы издеваетесь? Не хотите отпустить — так переведите их в другое помещение. Есть же у вас актовый зал, что-то более просторное». Мне начальник отдела, полковник, ухмыляясь, говорит: «Я им посоветовал «Молодую гвардию» перечитать, молодоговардейцам хуже приходилось». Потом моя хорошая знакомая сказала то, что нужно было на это немедленно ответить, но мне тогда это в голову не пришло. Я, честно говоря, настолько обалдел от этих условий содержания, что сам не сообразил. Надо было сказать: «Полковник, если ты их с молодоговардейцами сравниваешь, то себя ты, выходит, сравниваешь с фашистом?»

Одиночный политический пикет у нас в городе невозможно провести, чтобы тебя тут же не повязали по ложному доносу, якобы у тебя есть намерение совершить какое-то правонарушение. И ты попадаешь в полицию на три часа. А когда тебя оттуда выпустят, уже бессмысленно продолжать этот пикет. Я статистику собрал: после прихода господина Беглова за три месяца было больше ста таких случаев. Мы с хорошими юристами и адвокатами все это проанализировали, объяснили, почему все это совершенно незаконно, почему людей за это нельзя вести в полицию. Я направил письмо в прокуратуру, в полицию. Получил какие-то отписки, обжаловал их, опять получил отписки. Потом народ потихонечку стал судиться, и даже какие-то случаи задержания были признаны незаконными. Но эта ситуация не вызвала у городских журналистов ни малейшего интереса.

Кто-то говорил «это не наша тема», кто-то просто говорил «мы про это писать не будем», кто-то говорил «для нас это мелко». Ну, подумаешь, в очередной раз задержали троих, привели в полицию. Вот если бы пятьсот человек задержали, тут-то мы бы написали! Я сказал тогда журналистке, которая, слегка наморщив носик, объясняла мне, что для них «это мелко» и «мы о пикетах не пишем»: «Знаешь, вот если бы твоего друга в таких условиях в полиции бы держали, ты бы не считала, что это мелко».

Я все же надеюсь на то, что история с Голуновым сейчас хоть немножко изменит эту парадигму. Вот по УДО выпустили Оюба Титиева. Я по пальцам одной руки могу пересчитать

журналистов, которые вообще писали об этом деле, не говоря уже о том, чтобы встать где-то с плакатом «Свободу Оюбу Титиеву». А ему точно так же подкинули наркотики. Причем он отсидел не два дня, как Ваня Голунов, а полтора года!

Опять же, я никаким боком не поклонник Алексея Навального, у меня с ним довольно много серьезных расхождений, но когда его сторонников задерживают на публичных акциях, первый, кто кидается им помогать, это я. Сам Навальный обычно в это время находится в автозаке в Москве и оттуда раздает интервью.

У вас выборы, митинги, социальная скорая помощь, градозащита. Но основная деятельность политика и депутата — все-таки законотворческая. Успеваете ею заниматься?

— С этим, конечно, сейчас очень тяжело. При таком раскладе сил, как у нас, лучшее, на что можно рассчитывать, что твои инициативы украдут и внесут от себя. Простейший пример: вопрос по проезду в электричках. Я еще в январе предлагал сделать так, чтобы льготники, в частности почетные доноры, могли бы бесплатно ездить в электричках, а не только в автобусах и троллейбусах. Беглов написал мне отрицательный отзыв, а потом сам же это внес. А сколько лет я бился за то, чтобы отменить этот дурацкий четырехмесячный ценз при получении статуса жителя блокадного Ленинграда. Я многократно с разных трибун вопрошал: «А если человек был три месяца и десять дней, то что, он страдал меньше? А если два месяца, а если месяц? Признайте их всех блокадниками, их не так-то много и осталось».

Месяца два назад мы проводили большое совещание с комитетом по социальной политике, и даже блокадники уже поддерживали эту идею, хотя раньше они возражали. До этого все инициативы на данную тему, в том числе мои, отклонялись. Тут вдруг товарищ Беглов впервые говорит: будем менять закон. Хорошо! Хоть так примите!

Еще пример: год назад администрация еще при Полтавченко вносила закон о том, чтобы плату за капремонт во всех домах, которые никогда этого ремонта не видели, но в нем нуждались на момент приватизации квартир, брать из бюджета, а не из кармана. «Яблоко» этого требовало пять лет подряд. Так вот в марте прошлого года они провалили наш закон в очередной раз, а в апреле то же самое предложение внес Полтавченко.

И его приняли. Хорошо, что идея реализована. К сожалению, сейчас только таким путем можно действовать.

Поэтому основная работа у меня происходит не в рамках законодательного процесса, а в рамках всевозможных совещаний, рабочих групп, обсуждений, попыток надавить на чиновников, чтобы чего-то добиться. Тот же самый парк на Смоленке. Я пять лет подряд вносил поправки про парк на Смоленке! Потом, наконец, в декабре эту идею присвоила «Единая Россия», только тогда поправки приняли. Мне их пять лет отклоняли.

Кстати, к вопросу о парках, зеленых насаждениях, градозащите. Наши бизнесмены часто упрекают активистов в том, что они только всем недовольны, но сами ничего не предлагают и сделать не могут.

— Очень простой ответ. Я неоднократно общался с бизнесменами, которые вели те или иные крупные проекты в историческом центре Петербурга. Я всегда им говорил одно и то же: есть два условия, абсолютно необходимых для успешной реализации проекта. Первое — это соблюдение закона. Не пытайтесь сделать то, что незаконно, не пытайтесь обойти закон, объехать его на кривой козе. А второе — вступайте в диалог.

Надо сказать, что в большей части случаев они в диалог вступать не очень-то хотят. Я говорил и говорю: вот вы хотите что-то там сделать, вы придите к тем людям, которые профессионально занимаются охраной памятников, к общественным активистам, поговорите с ними, обсудите что-то, обнаружьте свои слабые места, попробуйте ответить на возражения. Начните разговаривать! Да, это может кончиться тем, что вас не поддержат, такое возможно. Но может кончиться тем, что вы составите протокол разногласий, и постепенно будете сближать позиции.

Самый известный пример такого рода, это когда обсуждался проект приспособления к современному использованию казарм Павловского полка (бывшего здания «Ленэнерго»). Прошла серия обсуждений, и все претензии Общества охраны памятников были сняты, замечания учтены, проект доработан. Там сейчас ничего не делается, но по совсем другим причинам. Очень хороший был проект приспособления здания Малого Мраморного дворца на Гагаринской улице,

где находился Европейский университет. Но он не реализовался по другой причине — университет выселили...

Я не считаю, что надо автоматически противодействовать любому проекту, который затеян в центре города. Но жизнь меня научила, что пока большинство этих проектов содержат те или иные неприемлемые для меня вещи: это попытки разорвать изнутри историческое здание, изменить его габариты, сделать что-то побольше и повыше, перестроить, чтобы получить прибыль. Этому я буду мешать.

Сейчас с тем же Коюшенным ведомством, мне кажется, процесс развивается в технологически правильном направлении, потому что его инвесторы — люди трезвые, вменяемые, адекватные. Они начали с того, что обратились к градозащитникам, показали проект, сказали, что готовы слушать и учитывать замечания, обсуждать, устранять противоречия. Это нужно, это может привести к результату. А когда люди пытаются сперва пробить через властные структуры какое-то решение, а потом удивляются, почему же общественность возмущается... Так она возмущается потому, что вы не сочли нужным ни с кем поговорить. Петербург — такой город, где люди очень чувствительны к вторжению в историческую среду. Вот моя позиция.

Очень неудачный «Лахта-центр», он не вписывается в стилистику Петербурга. Если бы он стоял где-нибудь на Поклонной горе, точнее даже за ней, или в Шушарах, или на дальнем северо-востоке — нормально. Но когда этот силуэт высовывается из-за панорамы Стрелки Васильевского острова или Петропавловской крепости, это никуда не годится. Это прямое вторжение в историческую панораму города. Я считаю, что это очень плохой пример. Да, остановить его мне и моим коллегам не удалось. Жаль. Я считаю, что городу вообще не нужны небоскребы, у нас другие архитектурные традиции.

Кстати, вы упомянули про Европейский университет. Почему вы прекратили в нем работать?

— Европейский университет — это моя боль. Нет, даже не боль, а сожаление. Я же два года занимался защитой Европейского университета. Нам удалось добиться восстановления его лицензии на образовательную деятельность, студенты смогли продолжить обучение. На празднике мне торжественно

вручили значок «Защитник Европейского университета», потом пригласили преподавать политологию. И прочел я ровно одну лекцию. Причем лекция эта была сделана по материалам моей статьи, опубликованной в «Вестнике Высшей школы экономики». Тема одна из моих любимых: как у нас принимаются законы, которые затрудняют реализацию конституционных прав, как исполнительная власть не обеспечивает возможность эти права реализовать, а суд их не защищает. И получается, что граждане бесправны по сути дела.

Доброжелатели, снимавшие эту лекцию, написали сразу несколько доносов «наверх», и руководству университета оттуда пригрозили, что если я там останусь, им опять не дадут лицензию, прикроют аккредитацию. Нельзя ли как-нибудь сделать так, чтобы Вишневого там не было. Когда я услышал это от ректора, я сказал, что не хочу подставлять университет и готов уйти. Но мне жаль, что они проявили такую трусость. Они все прекрасно понимают. История печальная, я, в общем-то, этого не ожидал. Они знали прекрасно, кого они приглашают преподавать. Так что, профессором Европейского университета я пробыл лишь два с половиной месяца...

«ЭТО ВСЕ ОТ ПОНИМАНИЯ, ЧТО БЕГЛОВ — КРАЙНЕ СЛАБЫЙ КАНДИДАТ»

**ИНТЕРВЬЮ БОРИСА ВИШНЕВСКОГО — САМОГО ПОПУЛЯРНОГО
ОППОЗИЦИОНЕРА В ПЕТЕРБУРГЕ. ЕГО НЕ ПУСТИЛИ НА
ГУБЕРНАТОРСКИЕ ВЫБОРЫ**

Интервью Павлу Мерзликину для портала «Медуза». 3 июля 2019

В сентябре 2019 года в Санкт-Петербурге будут выбирать губернатора. Срок подачи документов для участия в выборах истек 1 июля. В губернаторы выдвинулись 28 человек, но собрать необходимое количество подписей местных депутатов смогли только четверо — кандидаты от КПРФ, «Справедливой России», «Гражданской платформы» и врио губернатора

Александр Беглов. Не смог пройти муниципальный фильтр и один из самых популярных оппозиционеров города — представитель «Яблока» Борис Вишневский. Он, как и многие другие оппозиционеры, считает, что его не допустили до выборов специально, чтобы обеспечить победу Беглову. «Медуза» поговорила с Вишневским о том, какие выборы ждут осенью Санкт-Петербурга.

— Когда вы решили, что будете участвовать в выборах губернатора Петербурга? Еще при Полтавченко?

— Я заявил о том, что буду участвовать, в конце июня 2018 года. Когда Полтавченко сменил Беглов, для меня ничего не изменилось. Мне было все равно, с кем из президентских назначенцев конкурировать. Никто не надеялся, что при Беглове что-то станет лучше. Во всяком случае, мне такие люди неизвестны. Лично я с самого начала предполагал, что будет хуже, потому что этот человек полтора десятка лет был отстранен от управления чем-либо и просиживал штаны в президентской администрации.

— У вас была цель именно стать губернатором или, например, устроило бы участие во втором туре?

— Я ставил цель стать губернатором Петербурга. И если бы меня допустили до выборов, я бы выиграл их. Думаю, что в Смольном и Кремле это понимают, и именно поэтому меня не допустили. Я был сочтен слишком опасным соперником для Беглова.

— Почему вы уверены, что выиграли бы?

— Потому что каждый день ко мне на улицах, в магазинах, в транспорте подходят десятки незнакомых людей и говорят, что поддерживают меня. Говорят, что хотели бы, чтобы я стал губернатором. Я никогда такого не видел в своей жизни. В Петербурге огромный запрос на смену власти и адекватного губернатора.

— Вы не прошли муниципальный фильтр — не собрали необходимое количество подписей муниципальных депутатов. По вашей оценке, его вообще возможно было пройти?

— Я объехал 84 из 111 муниципалитетов. В каждом я передал каждому депутату просьбу поддержать мое участие в выборах. Не поддержать меня как кандидата, а дать возможность участвовать в выборах. Участвовать как представителю парламентской

партии, чей региональный список я возглавлял на выборах в 2016 году, на которых «Яблоко» набрало 10%, а я в своем одномандатном округе — почти 30%. То есть поддержка избирателей у меня точно есть, но ее почему-то нужно доказывать через муниципальный фильтр.

Но была применена технология «забетонирования» муниципального фильтра. 31 мая были назначены выборы губернатора, а уже 2 июня все муниципальные депутаты были строем отправлены к нотариусам. Все подписи были заранее разобраны по списку кандидатов — как тех, которых собирались пустить на выборы, так и тех, кого не собирались пускать. Свободных подписей практически не осталось уже тогда.

В итоге я — единственный, кто объехал почти все муниципалитеты. Больше никто ничего не собирал. Те, кто были зарегистрированы, получили эти подписи из рук власти. Недаром они даже не могут вспомнить фамилии депутатов, которые за них подписались.

— *Сколько подписей вам удалось собрать?*

— Я наткнулся на стену. Мне удалось собрать пять подписей. Это пять независимых от власти муниципальных депутатов, которые не побоялись за меня подписаться.

— *Когда вы поняли, что собрать подписи точно не получится?*

— У меня изначально не было больших иллюзий. Но я должен был сделать все, что от меня зависит. На мой взгляд, мой пример наглядно показывает абсурдность этого муниципального фильтра. Показывает, что получается, если честно играть по всем правилам.

Еще одна важная деталь — многие депутаты, которые заранее сдали подписи по команде и отказались за меня подписываться, сейчас прячут назначения выборов, окружают избирательные комиссии шпаной и бандитами, чтобы не дать оппозиции зарегистрироваться. Именно эти люди уполномочены решать, кто у нас будет участвовать в выборах губернатора. Эти люди сами никакой поддержки избирателей не имеют, но почему-то должны решать, есть ли она у меня.

— *Команда Беглова отчиталась об очень большой поддержке. О том, что за него подписались не только депутаты, но и 350 тысяч жителей Петербурга.*

— Это абсолютная ложь. В нашем городе никто и никогда не собирал больше 75 тысяч подписей. Ни один самый популярный политик. Это физически практически невозможно. Чтобы собрать 350 тысяч подписей за три недели, нужно чтобы на каждом углу стояли сборщики и к ним стояли бы очереди. Думаю, это просто хвастовство, ведь это никто не может проверить. Сдали они только 80 тысяч. Но думаю, что из этих 80 тысяч многие нарисованы или собраны по принуждению. Потому что мы все видели скачующих сборщиков подписей за Беглова в метро. К ним почти никто не подходил.

— *Необходимое количество подписей сдали четыре кандидата. Среди них достаточно неожиданно оказался депутат Михаил Амосов — ваш бывший товарищ по «Яблоку».*

— Подписи он не собирал, а получил их по сговору со Смольным. Думаю, что таким путем человек решил сохранить себя в политике. Но серьезно пострадает его репутация — сговор очевиден.

Человек ушел из «Яблока» [в 2018 году], а потом, называя себя демократом, выдвигается от пропутинской партии «Гражданская платформа», которая когда-то организовывала марш «Антимайдан». Ну, как говорится, одно из двух — или наденьте трусы, или снимите крест. Это абсолютная беспринципность и неприличие.

— *Вы с ним не разговаривали на эту тему?*

— Разговаривал несколько раз. Сначала он говорил, что не собирается участвовать в выборах, а потом ему, видимо, предложили участвовать в сговоре и он согласился. А затем ему предложили еще и выдвигаться от «Гражданской платформы», чтобы не собирать подписи избирателей. Он и на это согласился. Но дорога соглашательства никогда еще ни для кого хорошо не заканчивалась.

— *Сейчас говорят, что Беглову подобрали наименее опасных соперников. Согласны?*

— Выбрали абсолютно неопасных. Самые опасные были выведены из игры. Например, Оксана Дмитриева баллотироваться отказалась. Думаю, что тут тоже есть некие договоренности, потому что несколько месяцев назад она прекратила критиковать господина Беглова.

Далее — «Справедливая Россия» вместо того чтобы выдвинуть опасную для Беглова Марину Шишкину выдвигает Надежду Тихонову. Меня к выборам не допустили. Они испугались даже [Олега] Капитанова, хотя на мой взгляд там пугаться было нечего.

— *Реальный рейтинг Беглова настолько низкий?*

— Думаю, он крайне низок. Высокопоставленные единороссы прямо говорили мне: «Что ты хочешь? Если тебя допустят, то это как минимум второй тур. А второй тур Беглов проиграет кому угодно». Это все от страха. От понимания, что Беглов — крайне слабый кандидат. Команда сильного кандидата так себя бы не повела.

— *Выборы губернатора превратились в формальность?*

— Они превратились в фарс — в выбор между Бегловым и несколькими статистами. Это, к сожалению, повторяет ситуацию 2014 года. Но, думаю, что у нас шанс повлиять на ситуацию на муниципальных выборах — выкинуть «Единую Россию» из кресел муниципальных депутатов, чтобы на следующих губернаторских выборах такого не было. А мне интуиция подсказывает, что следующие выборы будут гораздо раньше, чем через пять лет. Даже если они протащат Беглова, то довольно скоро его могут снять с позором, потому что управлять городом он неспособен.

— *Как вы сейчас думаете, как пройдут сами выборы губернатора?*

— Не знаю. Давать прогноз сейчас не возьмусь. Потому что Беглов настолько слаб, что даже при этом составе кандидатов дело может дойти до второго тура.

— *Возможны ли массовые протесты, если Беглов уверенно победит в первом туре?*

— Думаю, что это зависит от результатов муниципальных выборов. Если опять начнутся массовые фальсификации и станет понятно, что «Единая Россия» обманом удерживает муниципалитеты, то протестные акции вполне могут быть. Протестные акции из-за губернаторских выборов при таком составе кандидатов я не прогнозирую.

— *Вы часто указываете на важность муниципальных выборов. Те нарушения, которые мы сейчас видим, связаны с губернаторской кампанией?*

— Там происходит абсолютный беспредел. Я каждый день езжу по этим избирательным комиссиям, чтобы кандидатов пустили подать документы. Вижу, что комиссию окружают бандиты, спортсмены и «титушки», которые ходят от одной комиссии к другой, и везде делают вид, что пришли подавать документы. На мой взгляд это организованное преступление по 141-й статье УК РФ, совершенное группой лиц по предварительному сговору. И все это напрямую связано с губернаторскими выборами. Это нулевой цикл следующих губернаторских выборов, так как на них снова будет муниципальный фильтр. Они заранее готовятся, ведь в 2014-м году было все то же самое, но в меньших масштабах.

— *Думаете, за этой историей стоит команда Беглова?*

— Абсолютно точно, что это его команда вместе с работающими там политтехнологами. Все, что мне известно об этих политтехнологах, так это то, что это люди абсолютно без совести и чести.

— *Думаете, они готовят Беглова на второй срок?*

— Нет, это готовится для любого кандидата от власти. Для любого, кого пришлют.

— *А что делать в такой ситуации людям, которые собирались голосовать за вас?*

— Обязательно идти на муниципальные выборы и поддерживать наших кандидатов [на них]. Что касается губернаторских выборов, то мы будем это обсуждать вместе с комитетом партии. Я лично пока склоняюсь к призыву зачеркнуть всех кандидатов — это уменьшит проценты за всех кандидатов. Но приходить нужно обязательно. Бойкот поможет только господину Беглову.

— *Многие другие оппозиционные политики продвигают решение голосовать за любого, кроме Беглова.*

— Я категорически против. Мы видели это все в 2011 году, когда люди голосовали за любую партию кроме «Единой России». Все это кончилось тем, что те же коммунисты сразу после выборов стали неотличимы от «Единой России». А потом был Крым, иностранные агенты, ужесточение наказания за массовые акции и еще куча законов. Голосовать нужно только за то, что тебе близко и то, что ты считаешь правильным. А не

по принципу «кто угодно, только не эти». Наименьшее зло, как только его выберешь, обязательно станет большим.

— *Что вы сами теперь планируете делать? Когда понятно, что губернаторских выборов для вас не будет.*

— Есть ощущение, что нужно бороться дальше. Работать для города и горожан. Я в политике 30 лет и недопуском к выборам меня не удивишь. Это не заставит меня прекратить работать. Сейчас я сконцентрируюсь на муниципальной кампании «Яблока». Буду всячески помогать. Думаю, есть большой шанс нанести серьезное поражение единороссам.

— *Самый реалистичный сценарий — Беглов становится губернатором Петербурга. Что ждет город в политическом плане в таком случае?*

— Думаю, что ужесточение политических репрессий, преследование оппозиции, ограничение возможностей и свобод. И плюс к этому развал городского хозяйства. Беглов не способен управлять городом и решать проблемы Петербурга. Вот, что нас, к сожалению ждет, если этот сценарий будет реализован.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ «ОДИССЕЯ» ДЕПУТАТА ВИШНЕВСКОГО

Интервью Сергею Еремееву для портала ЗАКС.Ру. 3 июля 2019

Лидер фракции «Яблоко» в Заксобрании Петербурга Борис Вишневский за июнь объехал 84 муниципалитета в попытках собрать подписи местных депутатов в свою поддержку. Преодолеть муниципальный барьер и зарегистрироваться кандидатом в губернаторы ему не удалось. Но из своих поездок «яблочник» вынес немало наблюдений, которыми поделился с ЗАКС.Ру. Он также рассказал, зачем его партия на выборах в местные советы конкурирует с другими демократическими кандидатами, и почему он не планирует голосовать «за любого кроме Беглова».

— *Борис Лазаревич, вы неоднократно утверждали, что вас не допустили до губернаторских выборов, потому что вы самый*

опасный для действующей власти кандидат. Почему вы так считаете?

— Я считаю, что я один из трех возможных и опасных соперников [врио губернатора Петербурга Александра Беглова] среди оппозиции. Еще двое — это Оксана Дмитриева и Марина Шишкина. Оксана Дмитриева отказалась от участия и давно уже прекратила всякую критику Александра Беглова. Марину Шишкину, руководителя петербургского отделения «Справедливой России», отказалась выдвигать ее собственная партия. Вместо нее выдвинули Надежду Тихонову. С уважением отношусь к Надежде Геннадьевне, но Шишкина, с моей точки зрения, куда более сильный кандидат. Думаю, что без разговоров в Москве здесь не обошлось. «Справедливой России» настоятельно посоветовали выдвинуть более слабого кандидата, чтобы не создавать проблем Александру Дмитриевичу Беглову.

— Зачем это нужно московским эсерам? Чтобы вести какой-то торг со Смольным?

— Мы же знаем, как Сергей Миронов трепетно относится к Владимиру Путину, как он баллотировался против него в президенты, заявляя, что подставляет ему плечо. Понятно, что при принятии решения, кого от «Справедливой России» выдвигать в губернаторы Петербурга, мнение Кремля будет определяющим. Кого скажут — того и выдвинут. Это моя гипотеза, но я думаю, что она близка к истине.

— Все-таки ваша-то опасность в чем?

— Моя опасность в том, что я много лет в городской политике, моя опасность в том, что у меня есть опыт и репутация, моя опасность в том, что на меня нет компромата: не занимаюсь бизнесом, не замешан в коррупционных скандалах, не пользуюсь депутатской поправкой, не участвовал в фальсификации выборов. Я имею реальную поддержку горожан, которую продемонстрировал на выборах 2016 года, где не только избирательный список «Яблока» получил 10% голосов, но и я сам набрал почти 30% в одномандатном округе. Если бы не административный ресурс и полная мобилизация всех зависящих от власти избирателей, я бы выиграл выборы и по одномандатному округу. Учитывая сколь слабый у товарищей из Смольного кандидат, они сочли риски для себя недопустимыми.

— *Вы объехали 84 муниципалитета, общаясь с местными депутатами. Почему не все III МО?*

— Не успел.

— *Нельзя было отправить помощников?*

— Это я должен был делать сам. Единственное исключение — в шесть муниципалитетов Пушкинского района ходили мои коллеги из районной организации. Я туда физически не успевал. Но мне было важно ездить самому, переговорить со всеми, кого удастся застать. Я говорил с 24 главами муниципальных образований, говорил и с их заместителями, и с главами местных администраций, и с депутатами, которых удавалось встретить. Много с кем по телефону разговаривал. Но мне важно было лично всю эту атмосферу прочувствовать. Я это сделал и думаю, что подобного опыта нет ни у кого. Никто из тех, кто будет допущен к выборам, ничего подобного не делал. Крошечное исключение — это Тихонова, которая получила подписи от депутатов своей партии.

— *Мы разговаривали с другими кандидатами, они говорили, что отправляли в муниципалитеты свои письменные обращения.*

— Спросите у Бортко, у Капитанова, у Тихоновой, у Амосова — в чем секрет их успеха? Они просто отправили обращения и тут же получили результат? Совершенно не является секретом, как все происходило. 31 мая мы назначаем выборы, уже 1 июня Беглов стремглав бежит в Горизбирком, за ним другие кандидаты с готовыми решениями своих конференций. А 2 мая муниципальные депутаты строем направляются к нотариусу. Один из депутатов, подписавшихся за меня, пришел к нотариусу недели полторы назад. Ему сказали: «А что вы так поздно пришли, все давно уже прошли в организованном порядке». Это псковская технология. Ровно то же самое, как мне рассказывал мой друг и коллега Лев Шлосберг, было год назад [на губернаторских выборах] в Пскове. Политтехнологи, работавшие на тех выборах под кураторством полпреда Беглова, сейчас работают в Петербурге.

— *Люди, собравшие нужное количество подписей, это, на ваш взгляд, технические кандидаты?*

— Они были отобраны по принципу абсолютной безопасности для Беглова. Хочу напомнить, что с начала года производились телефонные социологические опросы от имени

якобы ВЦИОМ. Официальные результаты этих опросов нигде не публиковались. Назывался один и тот же набор фамилий: Бортко, Капитанов, Амосов, одно время называлась Дмитриева, в самом конце появилась еще Тихонова. Меня не называли никогда, что, мягко говоря, странно, потому что к числу малоизвестных городских политиков я не отношусь. Если социологи честные люди, они должны включать в опросный лист тех, кто заявил о намерении участвовать в выборах. А я заявил первым. Это называется «формирующая социология». Точнее это даже не социология, а политтехнология. Ее цели — оставить у избирателя впечатление, что меню будет именно таким и попытаться нащупать вариант, при котором их клиент, то есть Беглов, может выиграть.

— О чем вы общались с муниципальными депутатами помимо просьб оставить за вас подписи?

— Меня почти везде узнавали. Где-то со мной даже фотографировались. Почему они все меня знают? Я зампреда комиссии по городскому хозяйству и представитель ЗакСа в рабочей группе, которая занимается инвентаризацией зеленых насаждений. Семь с половиной лет идет эта работа, мы несколько раз на этой рабочей группе прошли все муниципальные образования города. Я очень много помогал представителям муниципалитетов в рамках этой работы. И меня в муниципалитетах постоянно благодарили, что я помогал отстоять такие-то скверы. Где-то мы очень много и интересно говорили, как надо заниматься проблемами благоустройства территорий, где-то обсуждали общемуниципальные проблемы. За все время услышал только одну претензию к себе и то крайне небольшую. Глава округа «Сенной» Наталья Астахова попеняла мне, что я влез в историю с установкой шлагбаума внутри двора. Одна группа жителей считает эту установку незаконной, а другая, наоборот, считает, что шлагбаум очень нужен. Я извинился и сказал, что учту на будущее. Но это была единственная претензия к себе, которую я услышал во всех этих муниципалитетах.

— К вам муниципальные депутаты обращались с просьбами во время ваших визитов?

— В нескольких местах обращались. Это касалось вопросов внутриквартального благоустройства. Вполне полезно

и конструктивно поговорили. Я попросил их направить мне свои предложения.

— *И подписи за вас все равно не ставили?*

— Нет.

— *Вы говорили, что всего за вас подписались пять человек. Кто эти люди?*

— Могу назвать только одного, который уже назвал себя сам. Это Даниил Кен из Морских ворот. Остальных не хочу подставлять. А Кен первым поставил за меня подпись. Очень ему благодарен, буду всячески его поддерживать на муниципальных выборах. Был еще один интересный случай. С одним из депутатов муниципального образования «Прометей» я несколько лет проучился в школе, с 1 класса. Думал, что за одноклассника-то она подпишется. Но вместо этого она начала мне рассказывать, как тяжело Александру Дмитриевичу Беглову, какое тяжелое наследство ему досталось. Я сказал: «Стоп. Его предшественника что, Явлинский назначал? Их Путин всех назначил». Подпись она так и не поставила.

— *Кто-то из единороссов поставил?*

— Да. Трое единороссов.

— *Сколько часов в день уходило на объезды?*

— С утра до вечера. Начинали с десяти и где-то часов до шести.

— *Были какие-то места, где главы муниципалитетов не захотели с вами общаться?*

— Буквально парочка. Там главы были на месте, но объясняли, что они страшно заняты. Несколько раз говорили, что глава только что вышел и просили оставить телефон. Но, в основном, если люди были на месте, они разговаривали. Я еще в каждый муниципалитет передавал свое письмо и примерно от десятка из них получил потом официальные ответы. Ответы были почти как под копирку. Подозреваю, что их подготовили в комитете территориального развития или в юридическом комитете администрации города. Нормальный депутат что ответит, получив мое письмо? Напишет три строчки о том, что уже расписался за другого кандидата. А тут полторы страницы текста со ссылками на законы и в конце абсолютно бюрократический язык: «Мною уже реализовано мое пассивное избирательное право в виде постановления подписи за другого

кандидата». Исключений было буквально два-три. Например, депутат из Дворцового округа написал, что с уважением относится ко мне как к политическому деятелю, но его не устраивает позиция партии «Яблоко» по Крыму. Причем тут политическая позиция партии? Я прошу просто о возможности участвовать в этих выборах.

— *У какого муниципалитета самый шикарный офис?*

— Неплохие помещения в Смольнинском, красиво все сделано в Гавани, неплохо в Васильевском, довольно приятно было в Правобережном, у них там отдельный домик, хоть и небольшой. Но не могу сказать, что у кого-то особо шикарные помещения. Некоторые вообще в стесненных условиях сидят. Очень много муниципалитетов находятся в пристройках или в помещениях торговых центров советских времен.

— *Труднодоступные муниципалитеты попадались?*

— Сергиевское. Мы приехали в помещение на проспект Энгельса. Охранник нас внутрь даже не пустил, сказав, что депутатов тут никаких нет. Он отправил нас на улицу Есенина. Но и там мы наткнулись на запертые двери. Ничего там не нашли кроме приемной депутата [ЗакСа Сергея] Купченко.

— *Изначальный адрес вы нашли в интернете?*

— Да. На сайте Смольного. Еще очень трудно оказалось найти известный теперь всей стране муниципалитет «Екатерингофский». Снаружи вывесок никаких, только на втором этаже висит флаг. Поднялись на второй этаж, а там только табличка «местная администрация». Постучались. Вышел охранник и сказал, что депутатов тут нет и не бывает. Потом оказалось, что это вранье.

— *Где понравилось больше всего?*

— В Пороховых. Даже как-то удивительно. Там на месте оказались и глава МО, и его заместитель, а также глава местной администрации, председатель избирательной комиссии. Меня провели в огромное помещение, выделенное для ИКМО. Там уже все было приготовлено: висели графики, таблицы, образцы обращений, стояли столы, компьютеры. Идеальный порядок! С ними мы тоже долго говорили о благоустройстве. У них есть интересная идея: сделать общую зону отдыха между парком Малиновка и Ладожским парком.

— *О возможной застройке самого парка Малиновка они что думают?*

— Они говорят, что за парк. Но я не помню, чтобы они активно этим занимались на протяжении последних лет. Может кто-то из них приходил на какие-то митинги, но точно не выступали на них.

— *Позже во время объездов у вас появилась новая миссия. Вы стали выяснять, в каких МО объявлены выборы. Были вопиющие случаи, связанные с этим?*

— В Пулковском меридиане только после долгого «допроса» главы муниципального образования удалось добиться признания, что они назначили выборы. В Петроградском районе ни в одном из шести муниципалитетов мне не признались, что у них выборы уже назначены. Я это вычислил по косвенным данным, которые потом подтвердились.

— *Вы продолжаете появляться в муниципалитетах, но уже как защитник прав кандидатов в муниципальные депутаты, подающих документы в ИКМО. Корочки парламентария ЗакСа оказывают влияние на сотрудников муниципалитетов?*

— Мои депутатские корочки действовали, везде удавалось пройти, но навести порядок — не очень. Я, например, трижды был в Екатерингофском. Один раз наткнулся на запертые двери в часы работы комиссии. Один раз пришлось ехать за нашими кандидатами в полицию. Позавчера был на Черной речке, где несколько дней идет беспредел. Единственное, что я смог сделать с помощью своего удостоверения, это пробиться в избирательную комиссию и переговорить с председателем, но сделать так, чтобы не было фейковой очереди, мне не удалось. Это не юридический, а политический вопрос.

— *Не так давно ваш коллега Михаил Амосов назвал пофамильно депутатов ЗакСа из «Единой России», которые, по его мнению, несут политическую ответственность за нарушения в ИКМО. Вы можете сделать то же самое?*

— Я думаю, что в данном случае действует единая система. Где-то удастся преодолеть это сопротивление, где-то не удастся. Речь не о том, что этим занимаются конкретно депутаты ЗакСа. Этим занимается, на мой взгляд, политическая партия «Единая Россия», которая крайне не заинтересована в политической конкуренции.

— *Но мы, тем не менее, не слышим о скандальных историях в ИКМО Кронштадта или даже Васильевского острова, зато из*

петроградских муниципалитетов и Черной речки они приходят практически каждый день. При этом единороссы сидят во всех муниципальных советах. Почему так получается?

— Примерно то же самое было и пять лет назад. Думаю, что это связано и с районными администрациями, и с тем, что в прошлый раз за аналогичные нарушения никто не был наказан. Помню, как в 2014 году в ту же Черную речку было не попасть. Только с помощью полиции мне удалось добиться того, что туда передали документы. Но второй раз наши кандидаты туда проникнуть так и не смогли. И на Петроградской стороне были огромные проблемы, и в Выборгском районе были огромные проблемы. Очень хорошо это помню. Думаю, что безнаказанность приводит к тому, что сегодня все повторяется.

— Вы обещали сосредоточиться теперь на муниципальной кампании. Какова будет в ней ваша роль?

— На этом этапе — помочь нашим кандидатам подать документы и зарегистрироваться. В большей части муниципалитетов это удастся. Но где-то мы наталкиваемся на стену, например, в Сампсониевском. Когда процесс регистрации закончится, буду помогать в предвыборной агитации, буду просить горожан поддержать кандидатов от «Яблока».

— Кроме представителей «Яблока» вам кто-то из кандидатов симпатичен? Вы уже говорили, что поддержите Кена...

— Да, без сомнения поддержку Даниила Кена. Там, где нет кандидатов от «Яблока» или они идут не полной пятеркой, мы готовы рассматривать вопрос о поддержке других кандидатов. Люди, симпатичные мне, есть среди баллотирующихся и от «Справедливой России», и от Партии роста. Но в приоритете наши кандидаты.

— Муниципальный депутат Нэлли Вавилина выразила претензию в ваш адрес. По ее словам, вы обещали, что от «Яблока» не будет кандидатов в МО «Гавань», где уже идут справедливороссы, а потом выяснилось, что «яблочники» баллотировались в этот совет.

— Я не обещал и не мог обещать уважаемой Нэлли Вавилиной, что в Гавани не будет кандидатов от «Яблока». Когда-то очень давно мы начинали говорить — и не только с ней — что нужно наладить сотрудничество на муниципальных выборах, что нужно постараться как можно меньше сталкиваться. Но на тот момент в «Яблоке» еще не было избранных руководящих

органов. У меня нет и не может быть полномочий обещать, что где-то не будет кандидатов от «Яблока». Эти решения принимает региональная конференция. Отказывать людям в выдвижении, если они этого хотят, мы не можем. Часть людей, баллотирующихся в Гавани, там, кстати, живет. Понимаю, что «Яблоко» много кому мешает, выдвигая своих кандидатов, но точно так же и нам мешают другие кандидаты. Ни у кого нет феодального права на ту или иную территорию.

Что касается разговоров о том, что не надо никому мешать, я хотел бы напомнить той же Нэлли, представляющей «Справедливую Россию», как в 2014 году мы потратили массу времени на то, чтобы договориться со «Справедливой Россией» и развести кандидатов. Помню как сейчас, что договорились, в частности, о Владимирском округе. Решили, что 12 человек выдвигает «Яблоко», а 8 — «Справедливая Россия». Пожали друг другу руки. Через неделю «Справедливая Россия» выставила там 20 кандидатов. Оксана Генриховна [Дмитриева] развела руками и сказала, что это их районная организация учудила. Поэтому все предварительные разговоры, к сожалению, не всегда потом имеют смысл. Взаимные упреки и обиды всегда будут.

Хочу напомнить также одну вещь нашим уважаемым «Объединенным демократам», среди которых есть много людей, к которым я прекрасно отношусь. 2016 год. Партия «ПарНас» выдвигает свой список на выборы в Заксобрание. Я говорю ее лидерам: «Ребята, вы же никуда не пройдете, у вас нет ни единого шанса, вы только отнимите у нас 1-2 мандата». Так и произошло. Они набрали свои 2%, а нам не хватило полпроцента для третьего мандата в ЗакСе. Но убедить их было невозможно. Мы были готовы выдвинуть их людей в одномандатных округах и поддержать. Нет, ни в какую. Надо было выставить свой список.

— Но если послушать «Объединенных демократов», то создается впечатление, что все забыли взаимные обиды и на время сели за стол переговоров. Нет за ним только «Яблока», которое, зачастую, на контакт не идет. Может быть, не стоит быть злопамятными?

— Я совершенно не являюсь злопамятным. Просто хочу сказать, что такие ситуации встречаются на каждых выборах. Я ведь тоже нигде не припоминаю «ПарНасу» ту историю

2016 года, хотя тогда было понятно, что своим участием они только навредят нам. Невозможно все заранее расписать, в том числе и потому, что когда попытка такая делается, потом выясняется, что половину людей не зарегистрировали, и остается куча пустых мест. Кроме того, хочу напомнить, что выборы проходят по многомандатным округам. Есть возможность пройти представителям и тех команд, и тех. И еще хочу напомнить, что мы всем предлагали баллотироваться от «Яблока». И, кстати, часть людей, прежде скептически к нам настроенных, пошли на выборы от нас.

— *Кто например?*

— Полина Костылева и Федор Горожанко. Мы их всячески защищаем и поддерживаем. Никто не припоминает их былые высказывания в адрес «Яблока» и меня лично. Это забыто.

— *На губернаторских выборах кого поддержите?*

— Будем обсуждать нашу стратегию. Пока я считаю, что для избирателей есть два пути. Во-первых, нужно обязательно прийти. Во-вторых, не голосовать за господина Беглова, это исключается. А дальше развилка. Я лично скорее всего зачеркну всех и сделаю бюллетень недействительным. Это увеличит вероятность второго тура, опустит результат в том числе и Беглова. Если кто-то считает для себя возможным голосовать за кого-то из троих оставшихся, пусть подумает. Но официальная позиция партии будет выработана ее политкомитетом в ближайшее время. Чего нельзя делать точно, так это бойкотировать эти выборы.

— *Вы не жалеете времени, потраченного на сбор подписей муниципальных депутатов? Вместо этого можно было заниматься правозащитной или градозащитной деятельностью.*

— Не жалею потерянного времени. Собран абсолютно уникальный кейс. На своем примере я демонстрирую абсурдность муниципального фильтра. Если я, будучи известным в городе политиком, в результате объездов могу собрать пять подписей, а люди, которые никуда не ездили и обладают не большей поддержкой, чем я, могут принести 160 подписей, то значит надо что-то в консерватории поправить. Значит эта система абсолютно абсурдна. Муниципальный фильтр, напомню, вводили, объясняя, что надо, чтобы кандидаты доказали поддержку избирателей.

— *Как этот кейс можно использовать?*

— Не исключаю, что вплоть до Конституционного и Европейского суда. Но я считаю, что этот вопрос нужно решать политическим путем. Есть пример Шлосберга в Пскове, пример Евгения Ройзмана в Екатеринбурге, когда человек, избранный мэром города на прямых выборах, не может пройти муниципальный фильтр, пример Оксаны Дмитриевой 2014 года и мой пример 2019-го. Все это должно стать серьезным основанием для общественного и политического давления с требованием полностью отменить муниципальный фильтр. Я на своем примере показал, что эта система абсолютно абсурдна.

«БЕГЛОВУ ПОДОБРАЛИ СОПЕРНИКОВ ДЛЯ ПОБЕДЫ В ПЕРВОМ ТУРЕ»

**ДЕПУТАТ ВИШНЕВСКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ, КАК КАНДИДАТЫ
В ГУБЕРНАТОРЫ ПЕТЕРБУРГА ПРОХОДИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ
ФИЛЬТР**

Интервью Ирине Тумаковой — «Новая газета». 17 июля 2019

— *Борис Лазаревич, вы не смогли зарегистрироваться как кандидат в губернаторы, потому что не прошли муниципальный фильтр. Как вы преодолевали этот барьер?*

— Этот барьер непреодолим. Мне удалось собрать пять подписей. В постановлении Конституционного суда по поводу муниципального фильтра сказано: таким способом отсекаются кандидаты, не имеющие достаточной поддержки избирателей. Получается, что поддержки избирателей не имеет депутат городского парламента, избранный гражданами? Зато мы видим, что факт поддержки со стороны избирателей устанавливается по подписям муниципальных депутатов. Это люди, ради которых в их округах сейчас в массовом порядке прячут выборы, прячут комиссии, обставляются липовыми кандидатами, запирают двери комиссий и так далее — только бы эти депутаты сохранили свои мандаты. То есть

доказать поддержку со стороны избирателей я могу только с помощью людей, которые, судя по всему происходящему, сами такой поддержки не имеют.

— *Вы говорили, что объехали 84 муниципалитета. Как это было? Вы их предупреждали заранее?*

— Нет, заранее не предупреждал. Как правило, старался на месте найти главу муниципального образования. Или его заместителя, или кого-то из депутатов. Примерно в трети случаев мне это удавалось. В остальных случаях депутатов не было вообще. В каждом муниципалитете я оставлял письма для каждого депутата. Каждое — с моей живой подписью, не копии. Я писал им: у нас будут выборы губернатора, «Яблоко» в Петербурге — парламентская партия, у себя в округе я получил 30 процентов голосов, это дает мне право говорить, что поддержка граждан у меня есть. Я не прошу поддерживать меня как кандидата в губернаторы, но прошу дать мне возможность участвовать в выборах.

— *Сколько ответов вы получили?*

— Я получил ответы от десяти или двенадцати муниципалитетов. За исключением одного-двух, они были написаны как под копирку. Полторы страницы текста.

— *Полторы страницы? Что же они такое писали?*

— Перечисление кучи законов, а дальше — «в настоящий момент мной уже реализовано мое избирательное право в виде постановления подписи за другого кандидата».

— *В трети округов вы с муниципалами встречались лично. Что они говорили?*

— Кто-то говорил, что подумает. Обещали передать письма всем депутатам — мол, у нас через 2–3 дня как раз заседание совета, мы рассмотрим. Кто-то честно признавался, что с них уже все подписи собрали.

— *Так прямо и говорили — «собрали»?*

— Прямо, да. Чего им стесняться? В некоторых местах отвечали, что за «Яблоко» уже подписались.

— *Это как?*

— Я тоже спрашивал: это как? За какое «Яблоко» вы сдали? А за Михаила Амосова. Я объяснял, что Михаил Иванович из «Яблока» прошлой осенью ушел. Они отвечали: ой, а нам сказали, что Амосов — это «Яблоко».

— *Когда вы начали получать ответы, что у них «право реализовано»? В какой момент они его успели реализовать?*

— Оно было сразу реализовано. Просто сразу. Выборы были назначены 31 мая, а 2 июня практически все подписи уже были собраны. Муниципальных депутатов отправили к нотариусам — ставить подписи.

— *Строем?*

— Строем, да. Это было известно практически в тот же день. Это технология, которая была впервые опробована год назад во время выборов в Пскове. Называется она «бетонирование муниципального фильтра». Напоминаю, что господин Беглов был полпредом в СЗФО, а Псков относится в северо-западу. И в Пскове точно так же практически в первый день собрали подписи у всех депутатов.

— *Зачем так спешить? Чтоб никто не успел инициативу проявить?*

— Конечно. Все подписи были распределены сразу. Чтоб никому больше подписей не осталось. Простейшее подтверждение: вы видели хоть где-нибудь подтверждение того, что Тихонов, Капитанов, Бортко и Амосов собирали подписи?

— *Нет.*

— Я видел один раз: пара депутатов от «Справедливой России» торжественно сообщили, что подписались за Тихонову. Все. Больше ни-че-го.

— *Амосов и Бортко не скрывают, что подписи им просто дали. Бортко, правда, ссылается на популярность компартии. Но Амосов так и говорит: да, это административный ресурс.*

— Святая простота!

— *Ну, подождите. Точно так же в Москве в 2013 году проходили муниципальный фильтр Алексей Навальный и Сергей Митрохин. И мы не упрекали их за административный ресурс.*

— Не точно так же. Тогда мэрия Москвы и «Единая Россия» открыто и публично сказали: подписи муниципальных депутатов будут предоставлены всем кандидатам от оппозиционных партий. Всем! Их не отбирали. Поэтому их получили и Навальный, и Митрохин, и Левичев. Это разные вещи. В одном случае — мы не выбираем, кому дать подписи, а просто даем всем оппонентам. В другом — мы тайно отбираем тех, кому дадим.

— *Вы хотите сказать, что кандидат Беглов мог показать пальцем на тех, с кем хочет конкурировать?*

— Я не знаю, как это происходило. Подозреваю, что без учета мнения Александра Дмитриевича не обошлось. Хотя мне кажется, что решение все-таки принимал не он.

— *Почему в список «дадим» попал Михаил Амосов, но не попали вы?*

— Не ко мне вопрос. Но думаю, что я для товарищей из Смольного куда более опасен.

— *Вы всеерьез считаете, что они в ком-то видят опасность?*

— Вне всякого сомнения. Коллеги из «Единой России» говорили мне открытым текстом, что мое участие в выборах сразу обеспечило бы второй тур.

А во втором туре Беглов проигрывает любому. Они понимают, что у них очень слабый кандидат, поэтому ключевая задача — второго тура не допустить.

— *Может быть, вам предлагали какие-то условия, на которых дадут подписи?*

— Нет. Никто мне ничего не предлагал. А сам я обращался только с публичным предложением и с письмом к спикеру ЗакСа Вячеславу Макарову: о том, чтобы подписи муниципалов были предоставлены всем кандидатам от парламентских партий, в том числе — от «Яблока».

— *Почему вы с этим обратились к Макарову?*

— Потому что он лидер питерской «Единой России».

— *Получается, вы поддерживаете практику, когда единороссы указывают муниципальным депутатам, за кого подписываться? Вы тоже считаете, что муниципальный депутат не должен принимать такое решение самостоятельно?*

— Большинство этих депутатов выдвинуто «Единой Россией», входят в ее фракции, возглавляют ячейки и должны подчиняться ее решениям.

— *Там масса самовыдвиженцев, которые формально никакой партии не подчиняются. В знаменитом Екатерининском округе, например, все 8 человек самовыдвиженцы.*

— Есть статистика избиркома: подавляющая часть действующих муниципальных депутатов были в 2014 году выдвинуты «Единой Россией» или уже во время депутатства вступили в нее. И мы ведь не просили дать подписи только «Яблоку». Мы просили предоставить равные возможности всем кандидатам

от парламентских партий в Петербурге. Вот шесть партий представлены в ЗакСе, шесть партий имеют доказанную поддержку избирателей на деле, значит, кандидаты от всех шести должны быть допущены. Каков результат? Допущены кандидаты от трех партий из шести.

— Из списка «допущенных» выбыл депутат ЗакСа от ЛДПР Олег Капитанов, которого все считали согласованным. Ему шести подписей не хватило. Почему ему не «собрали» все 155 подписей 2 июня?

— Ему тоже были собраны все подписи! Каждому муниципальному совету давали разнарядку: вот у вас там 10 депутатов, один ставит подпись за этого, другой — за этого и так далее. Ложечку за папу, ложечку за маму, ложечку за дядю Сашу. Но в чем хитрость-то: они же не отдали подписи кандидатам, а держали у себя в Смольном. И до последнего решали, кому отдать, а кому не отдать.

— А сами «избранные» знали, что где-то на полочке лежат подписи, которые им дадут за хорошее поведение?

— Думаю, что знали. И сидели тихо.

— Как же так получилось с Капитановым? Он ведь даже приходил на правительство, просил, чтоб муниципалам велели его подержать.

— Думаю, что за него тоже были собраны 155 подписей. Но потом ему решили их не давать. Потому что испугались. Они искали безопасную для Беглова конфигурацию, и поначалу вроде бы в нее вписывались четверо. Потом посмотрели на Капитанова — человек молодой, внешне приятный, ничем не запачкан, примерный семьянин, четверо детей. Как бы он не устроил нам тут второй тур. И решили подписей ему не давать. Когда он понял, что происходит, пришел на правительство и пожаловался на трудности.

— Он реально просил подписи? Это не было спектаклем? Он не знал, что будет дальше?

— Нет, не знал.

И тут Беглов, издеваясь, предложил ему: а слабо вам комитетик в администрации взять, вместо того чтоб баллотироваться? Тот ответил: да с удовольствием! А почему нет? Дают комитетик — бери.

Судя по поведению Беглова, это был, я думаю, экспромт. И, кстати, судя по реакции ЛДПР, это явно не было согласовано.

— *Да, они как-то впали в ступор.*

— Сперва они впали в ступор, потом начали осторожно рычать, но потом согласились, что все хорошо.

— *В промежутке между «рычать» и «хорошо» велели Капитанову сдать партбилет.*

— В общем, по принципу: сначала кулаком по столу «Кто хозяин в доме?!», а потом — «Что, уже и спросить нельзя?».

— *А что, комитет в Смольном можно экспромтом предложить любому?*

— Можно. Или вы считаете, что отбор руководителей комитетов у нас идет по профессиональным принципам?

— *Вообще-то, я надеялась, что да.*

— Вынужден вас разочаровать. Жилищным комитетом у нас много лет руководил полковник ФСБ. Мне кажется, что навыки, полученные в ФСБ, это не совсем то, что требуется для решения проблем с содержанием жилищного фонда. Комитетом по охране памятников у нас руководил генерал-лейтенант ФСБ.

— *О соперниках Беглова говорят, что они ему только помогут победить. Но Бортко многие любят за «Бандитский Петербург». Амосова, вы сами сказали, ассоциируют с «Яблоком». Надежда Тихонова может сыграть такую же роль в Петербурге, как Галина Ширшина — в Карелии. Почему все кругом уверены, что они не составят конкуренцию?*

— Потому что их не для этого отбирали. Я общаюсь с разными людьми и представляю, как мог проходить отбор. Товарищи из Кремля проводили опросы и искали такой набор кандидатов, при котором Беглов выигрывает в первом туре. Конечно, при той системе власти, которая у нас сложилась, губернатором Петербурга можно поставить вообще кого угодно. Но судите сами.

В «Справедливой России» в Петербурге самая популярная фигура — Марина Шишкина. Она довольно сильный политик, она умеет говорить. Но ее просто не выдвигают. Оксана Дмитриева, которую называли самым серьезным кандидатом, вдруг самоустраниется, прекращает подписывать любые критические запросы в адрес Беглова и уходит в сторону. Я наталкиваюсь на железобетонное сопротивление. При этом мы слышим, что с января в Петербурге начинаются какие-то непонятные

социологические опросы. От имени ВЦИОМ. Хотя ВЦИОМ ни разу данных не представил.

— *Представил: Беглов, сказал ВЦИОМ, побеждает в первом туре.*

— Они не называют ни числа опрошенных, ни методик, ни полных результатов, а только какой-то процент за Беглова. Но граждан-то реально обзванивали, поэтому мы знаем, кого называли уже в январе. А называют социологи тех, кого им назвал заказчик. Дмитриева у них сначала была в списке, потом пропала. Меня сразу не было. Поэтому мы уже тогда могли сказать, кого власть хотела видеть в числе оппонентов Беглова, а кого допускать не собиралась.

— *На муниципальных выборах в Петербурге происходит вообще что-то невообразимое. Это связано с губернаторскими?*

— Конечно. В 2014 году на муниципальных выборах были массовые фальсификации, и мы понимали, что это делается, чтобы обеспечить полный контроль над следующими губернаторскими выборами. Сейчас происходит то же самое. Потому что муниципальные выборы рассматриваются как «нулевой цикл» следующих губернаторских. И в технологиях нет ничего нового, они просто пользуются тем, что, как они увидели 5 лет назад, приносит успех.

В 2014 году увидели, что можно спрятать избирательную комиссию, — теперь их опять прячут. Увидели, что подставные очереди работают, что это не дает кандидатам подать документы, — стали применять повсеместно.

— *Если все это вы знали пять лет назад, почему оппозиция не подготовилась?*

— А как можно подготовиться к липовым очередям?

— *Например, так, как это сделали в 15-м округе.*

— Это где в морду дали?

— *Нет, в морду — это в Сергиевском.*

— Да-да, в Сергиевском округе кто-то дал в морду кому-то из фейковой очереди, побежал, за ним погналась вся очередь, чтобы дать сдачи, а кандидаты тем временем спокойно прошли и сдали документы...

— *Тожe, кстати, способ. Но в 15-м округе ребята зеркально повторили технологию тех, кто им мешал: поставили у избиркома палатку, ночевали под дверью, а утром создали свою «фейковую очередь» и прошли.*

— В разных округах наши кандидаты дежурили по ночам. Но, когда комиссия открывалась, выяснялось, что с черного хода уже запустили липовую очередь. С этим невозможно бороться, когда полиция и прокуратура не работают вообще никак. Трижды я приезжал в Екатеринбургский. Вызвал полицию. Полиция приезжает и видит, что избирательная комиссия закрылась и документы не принимает. Я потребовал, чтобы полицейские заставили комиссию открыть двери. Открывают — слышим, что в комиссии все заболели, им вызвана скорая. Я прошу вызвать сотрудников, у которых здоровье покрепче. Никакой реакции. Приезжаю на следующий день — сообщение о теракте, полиция все оцепила, комиссия опять не работает.

— *Откуда у этих ИКМО такая храбрость и такая наглость?*

— Причин две. Первая — принцип формирования избирательных комиссий. Главный субъект выдвижения их членов — собрание избирателей по месту жительства и месту работы. Начинаешь интересоваться, что же за место работы, где так активно выдвигаются граждане. А оно в районной администрации. Или в местной. Так формируется административный ресурс. Есть и представители партий, но, как правило, от ЕР, ЛДПР, КПРФ и «Справедливой России». То есть заведомо обеспечено большинство на стороне власти. Для чего создаются избирательные комиссии? Чтобы организовывать выборы и контролировать, как реализуется избирательное право граждан. А кто формирует горизбирком? Половину — губернатор, половину — Законодательное собрание.

— *Как раз те, чьи выборы комиссия и должна контролировать.*

— В мире другая практика: только представители партий формируют избирательные комиссии. Причем партий, участвующих в выборах.

«Яблоко» неоднократно предлагало применять такой подход и наталкивалось на стену. Потому что в таком случае администрация утратит контроль над выборами.

— *А вторая причина?*

— В 2014 году огромное количество членов избиркомов были уличены в махинациях. И практически никого не наказали. Более того, люди, которые почувствовали, как можно осуществлять фальсификации, пошли на повышение. Привожу два

примера. Виктория Чугунова в 2014 году была председателем ИКМО Гражданка, где фиксировались нарушения, а оказалась секретарем территориальной избирательной комиссии. Ксения Недбайло в 2014 году была секретарем в ИКМО Екатеринбургском, а теперь оказалась председателем. Поэтому вторая причина следует из первой: безнаказанность. Результат – вместо того чтобы комиссии обеспечивали избирательные права граждан, они делают все, чтобы эти права ограничить. Конечно, это ограничение тоже «избирательно», мешают только оппозиционным кандидатам. Что делать? Создавать прецеденты. Уверяю вас: один случай, когда руководство ИКМО посадят по статье 141 УК РФ, – и все остальные тут же прекратят безобразия.

«У ГУБЕРНАТОРА ВИШНЕВСКОГО НИКОГДА НЕ БУДЕТ ВИСЕТЬ В КАБИНЕТЕ ПОРТРЕТ ПРЕЗИДЕНТА»

*«Эхо Москвы». Ведущие Ксения Ларина и Виталий Дымарский.
14 декабря 2018*

К. Ларина: 20 часов 4 минуты. Добрый вечер! Начинается программа «2018», которая неминуемо скоро закончится

В. Дымарский: В каком смысле?

КЛ: Потому что будет – «2019». Здесь Ксения Ларина, здесь Виталий Дымарский.

ВД: Да, добрый вечер!

КЛ: Здесь наш сегодняшний гость – Борис Вишневский, руководитель фракции партии «Яблоко».

ВД: В Петербурге.

КЛ: В Петербурге, да. Депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Здравствуйте, Борис!

Б. Вишневский: Добрый вечер!

ВД: А вы обратите внимание, что тут два человека из Петербурга приехали.

КЛ: Да. Я хотела начать, во-первых, еще знаете с чего? Перед тем, как начать, собственно, передачу, сказать, что я сегодня получила совершенно замечательный подарок, который мне привез из Петербурга Виталий Дымарский, подарок от Андрея Стругацкого (младшего Стругацкого, сына Бориса Натановича), который передал нам замечательную книжку. Я так понимаю, что и Виталию тоже подарили книгу...

ВД: Мне тоже, да. Я тоже получил.

КЛ: «Понедельник начинается в субботу». Но там автограф Бориса Натановича на этом экземпляре. Андрей, огромное спасибо, и за те слова, которые вы мне написали. Я очень тронута. Огромное вам спасибо.

ВД: Поэтому мы решили пригласить сегодня Бориса Вишневского, который, между прочим, автор книжки о Стругацких, да?

БВ: Да. Братья Стругацкие, Аркадий и Борис Стругацкие — двойная звезда. Несколько лет назад выходило уже второе издание.

ВД: Вообще, мы сегодня не о литературе будем говорить.

КЛ: Подожди, это еще не конец. Это только начало пролога.

ВД: Так.

КЛ: На сцене еще один повод. Значит, смотрите, сегодня 65 лет исполнилось Матвею Ганапольскому, нашему дорогому товарищу, коллеге и другу. Матвей Юрьевич дорогой, вот уже вечер, я не знаю, слышишь ты нас или нет, но кто-нибудь скажет, мы тебя поздравляем от всего сердца, желаем тебе здоровья, желаем тебе сил, желаем тебе сил, желаем тебе желаний, желаем тебе вдохновения, желаем, чтобы не впадал ты в уныние, а чтобы был таким же боевым, замечательным, остроумным и ярким человеком.

ВД: Ну а с высоты своего возраста я бы сказал, Матюша дорогой, расти большой.

КЛ: Да. Ну, если Борис присоединится к этим поздравлениям, мы будем ему благодарны.

БВ: Матвей, естественно, я вас поздравляю.

ВД: Хотя...

БВ: Я могу сказать...

КЛ: Не всегда согласен.

БВ: ...Жизнь есть и после 65-ти. Мои старшие товарищи мне уже открыли эту тайну. Я еще этого возраста не достиг, хотя, в общем, уже не очень много осталось.

ВД: Но деваться некуда — все равно достигнешь.

БВ: Придется.

ВД: Ну да. Ну, хорошо. Ну что, все для пролога?

КЛ: Да, закончились все прологи. Начинается теперь уже программа. Самые разные будем темы, наверное, мы обсуждать. Ну, естественно, политические прежде всего. Напомним, СМС: +7 985 970 45 45 для ваших вопросов, суждений или несогласий, дорогие друзья. Напомним, что мы идем и на видео, на Ютюб-канале «Эха Москвы», тоже можно нас там смотреть, и там тоже чат, там тоже можно общаться (не только друг с другом, но и с нами).

ВД: Я думаю, что сейчас весь Петербург притянул к радиоприемникам, чтоб послушать своего любимого депутата.

БВ: Хотелось бы надеяться.

КЛ: Можно я такой вам первый вопрос задам, Борь?

БВ: Конечно.

КЛ: По вашей информации, на ваш взгляд, если говорить о каких-то победах гражданского общества на сегодняшний день, можно ли в качестве примера что-то привести? Вот в Петербурге, допустим.

БВ: Без сомнения, есть победы недавние совсем. Они связаны с тем, что давление гражданского общества, активистов, политической оппозиции привело к тому, что две очень значимых территории зеленых...одна была сохранена от резкого уменьшения, а другая была создана. Вот два парка, которые, я думаю, уже многие петербуржцы запомнили эти названия: парк Интернационалистов на Юге города будет защищен от строительства безумного какого-то океанариума, а парк на Смоленке будет создан (это в 5-ти минутах от моего дома). Но важно не то, что в 5-ти минутах от моего дома...

ВД: Это важно тоже.

БВ: ...А то, что на Западе Васильевского острова категорически нужна зеленая зона. У нас главная зеленая зона на Васильевском — это, простите, Смоленское кладбище. И несколько лет василеостровцы боролись за то, чтобы в устье реки Смоленки был парк. Там хотели построить очередной апартамент-отель,

очередные апартаменты, фактически жилой комплекс братья Зингаревичи небезызвестные.

Но все-таки недавно совсем принят закон, по которому эта территория тоже будет зеленой зоной. Это безусловная победа гражданского общества, которая заставила даже наше парламентское большинство прислушаться к нему, пойти ему навстречу, принять соответствующий закон, хотя до этого делать это упорно не хотели несколько лет.

ВД: А в федеральном масштабе?

БВ: В федеральном масштабе немножко хуже. Но я думаю, что влияние Петербурга на федеральную политику все-таки довольно велико...

ВД: Петербуржцев. Не Петербурга, а петербуржцев.

БВ: Петербуржцев.

ВД: Питерские, как у нас говорят.

БВ: Некоторые наши представители даже занимают высокие посты в государстве. Хотя, честно говоря, каждый раз, когда у нас начинается очередное помпезное мероприятие... Вот завтра, говорят, опять...

КЛ: Да, я тут сообщила петербуржцам здесь присутствующим, что завтра к ним приезжает Владимир Владимирович Путин проводить...

ВД: Это, значит, пробки.

КЛ: Да. Проводить заседание Совета по культуре при Президенте, отмечать юбилей Темирканова и вручать награду Ларисе...Ларисе?...Вербицкой.

БВ: Нет, Людмиле Вербицкой

КЛ: Людмиле. Простите ради бога.

БВ: Бывшему ректору нашего университета. Я прекрасно ее знаю. Но дело не в этом. Я, честно говоря, уже давно хочу, чтобы у нас президент был следующий из какого-нибудь другого города.

ВД: Вишневский, я знаю, предлагал, чтобы он был из Владивостока.

БВ: Можно даже из Владивостока...

КЛ: Из Китая.

БВ: ...Потому что, честно говоря, каждый раз, дорогие друзья, когда к нам приезжает наш нынешний президент, у нас начинается апокалипсис в городе.

КЛ: Кому вы рассказываете про апокалипсис...

БВ: Нас же не только москвичи слушают!

КЛ: Я вас умоляю. Боже мой.

БВ: Вот, честно говоря, очень не хочется, чтобы к нам переезжали разные федеральные учреждения. Я не хочу, чтоб к нам ехал Верховный суд, совмещенный с Высшим Арбитражным.

ВД: А вот говорят, я слышал от многих петербуржцев, что существует такая историческая обида, что потеряли столичный статус.

БВ: Я не встречал людей, у которых она существует. Я уверяю вас... Я думаю, что Виталий, который уже почти петербуржец...

ВД: Да.

БВ: С этим согласится.

ВД: Я уже еле-еле москвич.

БВ: Да. Но уже такой... Правда, мой любимый Александр Моисеевич Городницкий всегда говорил, что ленинградец — это национальность.

КЛ: И москвич тоже национальность.

БВ: Я уверен абсолютно, что...

ВД: А я космополит — без родины.

БВ: ...Привлекательность Петербурга, его величие совершенно не зависит от того, какой он имеет статус. Столица, не столица — это абсолютно не важно. Нам совершенно не требуются эти самые столичные функции. Мне и без них прекрасно. Я не хочу, чтобы у нас были Правительство, Президент и все прочее. Зачем?

КЛ: Я все-таки не хочу эту тему бросать про гражданское общество. Мне кажется, она важна, учитывая, что действительно есть примеры вот в Петербурге, когда люди действительно добивались своего. Тогда мой вопрос...

ВД: Извини, Ксень. Во-первых, надо знать, если я не ошибаюсь, может быть, Вишневский меня поправит, что, по-моему, Ленинградский ЗакС чуть ли не единственный, в котором есть оппозиционная фракция.

БВ: Нет, он конечно не единственный.

КЛ: Не единственный. В разных городах есть.

БВ: Оппозиция есть в разных городах. Более того, она есть как раз у моих коллег из «Яблока».

ВД: Ну, я сказал — «чуть ли не единственная».

БВ: Есть в Пскове замечательный Лев Шлосберг.

ВД: Да, Шлосберг.

БВ: Есть трое наших депутатов в Карелии, в Карельском Законодательном Собрании. Еще некоторое время назад были во Владимире, были в Костроме...

ВД: Был в Ярославле Боря Немцов.

БВ: Да. Нет, повторяю, оппозиция все-таки есть. Хотя, конечно, стало гораздо сложнее в последнее время, учитывая... Но, что я хочу сказать... Мне кажется, что ситуация все-таки постепенно переламывается. Давайте посмотрим, что было недавно в Приморье, в Хабаровском крае, во Владимирской области, в Хакасии.

КЛ: Вы имеете в виду, на выборах?

БВ: Да. У людей начинает возникать такой тренд при голосовании: вот кто угодно, только не эти действующие; кто угодно, только не единороссы; не то, кого они поддерживают. Они готовы голосовать за кандидатов, которые, может быть, особо не лучше, но чтобы эти не остались, чтобы власть сменилась.

ВД: Борис, а не обидно быть кем угодно?

БВ: Я не считаю, что мы — кто угодно.

ВД: Нет...

КЛ: Нет, это люди говорят, люди голосуют. Ё

ВД: Люди голосуют за кого угодно, только что сказал.

КЛ: Я думаю, что Борис вряд ли имел в виду «Яблоко».

БВ: Да. И эти «кто угодно», которые сейчас выиграли выборы, я думаю, что им не особо обидно, а, наоборот, я думаю, что им вполне себе хорошо. Но что важно — важен прецедент смены власти. Вот пусть даже в Хабаровском крае власть сменилась от «Единой России» на губернатора от ЛДПР. Это все равно лучше, чем то, что было.

КЛ: Я вас умоляю. Все равно каждый, кого выберут, рано или поздно станет единороссом.

БВ: Во-первых, это произойдет не сразу.

ВД: Или сядет.

БВ: А во-вторых, Ксения и Виталий, что очень важно — это важно для граждан. Почему? Потому что много лет у граждан воспитывался такой безусловный рефлекс — что бы вы ни делали, как бы ни бились лбом об стенку, вы не сможете сменить власть; будут те, кто мы сказали и ваши усилия тщетны. Поэтому

люди не ходят на выборы. Они не верят, что на этих выборах можно на что-то повлиять. Вот стоит создать один прецедент, и в том же Хабаровском крае, в той же Владимирской области уже граждане думают: «Ага, один раз мы их сменили на других, значит и в следующий раз сможем».

А тот, кто сидит, тоже понимает, что «буду себя вести, как предыдущий, и меня скинут». Это крайне важно в смысле тенденции. Это мне напоминает очень то, что было почти три десятка лет назад, когда это голосование по принципу – кто угодно, только не действующие функционеры от КПСС – оно работало и очень серьезно.

КЛ: По сути, вы поддерживаете предложение Алексея Навального, который сейчас объявил...

БВ: Не совсем.

КЛ: То, что как-то очень сильно испугало власть.

БВ: Не испугало совсем.

КЛ: Ну как...они этот самый сайт проекта «Умное голосование»...как называется...хакнули.

ВД: Заблокировали?

КЛ: Да, заблокировали.

БВ: Я лично думаю, что закрытие этого сайта только увеличило популярность. Это не совсем то же самое.

КЛ: Вот. Так в чем разница?

БВ: А разница очень существенная. Разница существенная в том, что сейчас, через 30 лет, надо, чтобы у оппозиции были свои кандидаты; чтобы она выбирала не лучшего из худших от чужих партий, а чтоб были свои. Потому что если говорить о том, что давайте посмотрим, вот кто имеет больше шансов из тех, кто не «Единая Россия»...мы это уже проходили один раз. Помните призыв того же Алексея...

КЛ: Да.

БВ: Кто угодно – только не «Единая Россия». К чему это привело? К тому, что в 2011-м году в Государственной Думе оказались большие фракции «Справедливой России» и КПРФ, которые потом стали неотличимы от единороссов по всем ключевым вопросам.

КЛ: Так это же я вам сказала. Это путь, который можно прописать для каждого.

БВ: Не для каждого. Вот если бы тогда оказались демократические фракции в Государственной Думе, я думаю, они бы таким путем не пошли. А потом, ведь есть еще один очень существенный момент: а кто будет решать, кто самый перспективный из тех, кто не «Единая Россия»? Повторяю, оппозиция должна выдвигать своих кандидатов. Они есть, я вас уверяю. И как только выборы оказываются хоть немножко более свободными, чем раньше; как только граждане начинают немножко больше верить, что они могут на что-то повлиять, эти кандидаты появляются. Вот, опять же, давайте перенесемся на 30 лет назад. Выборы народных депутатов СССР первые 89-го года.

КЛ: Бабушку вспомнили.

БВ: Нет, почему я говорю об этом...

КЛ: Другая страна была.

БВ: Вот кто знал за 2 месяца до этих выборов часть их будущих победителей, которые выиграли у кандидатов от КПСС? Да никто их не знал абсолютно. Однако, они выиграли. И уверяю, что и сейчас люди такие есть, которые могут выигрывать выборы, их надо искать, их надо готовить. Но и граждане должны понимать, что если они сидят дома и никуда не ходят, то от этого новые депутаты, губернаторы...потом президент тоже не появится.

КЛ: У нас нет этого...социальный лифт — ужасное слово. Нет, не хочу. Вы говорите, откуда появляются новые политики. Мы знаем, как они появляются в других странах — они появляются, по-нашему, из регионов...

БВ: Конечно.

КЛ: ...Из местных, которые могут пройти этот путь при поддержке общества до самого верха, до Белого дома.

ВД: Приходят через выборы.

КЛ: А у нас-то что? Откуда эти люди возьмутся?

БВ: Я могу сказать, откуда, часть этих людей откуда возьмется.

КЛ: Из муниципальных депутатов?

БВ: Из лидеров гражданского общества, из лидеров инициативных групп, из точек гражданского сопротивления.

КЛ: Да не пропустят этих людей.

БВ: Что значит не пропустят? На муниципальных выборах победить можно. Это показывает пример Москвы совсем недавний. Несколько сотен депутатов, большая часть была выдвинута, кстати, от «Яблока», прошли. Значит, можно, оказывается.

ВД: Кстати говоря, поскольку в следующем, в 19-м году будут муниципальные выборы в Петербурге... На них сейчас уже петербуржцы обращают внимание.

БВ: Конечно.

ВД: Сейчас я Вишневному задам один, может быть, неприятный вопрос на эту тему. Но что очень важно на этих выборах...не то что победа демократических кандидатов. Ведь другие выборы...очень многое зависит от подписей, от разрешений муниципальных депутатов.

КЛ: Да.

БВ: Это уже губернаторских выборов касается. Муниципальный фильтр.

ВД: Да, вот этот муниципальный фильтр. А неприятный вопрос... Потому что я опять слышу и от «Яблока»...с Димой Гудковым мы здесь говорили, у него свой взгляд. Значит, у «Яблока» там Кац всем заведует. Есть еще Собчак и так далее. И чувствуется, что на этих муниципальных выборах опять пойдет...

КЛ: А у «Яблока» Кац заведует?

ВД: Да.

КЛ: Правда?

БВ: Правда.

КЛ: А чем он заведует?

БВ: Он назначен руководителем штаба муниципальной кампании. Я, кстати, считаю его организатором очень неплохим. Кстати, он прекрасно себя показал на московских выборах, когда они вместе с Гудковым занимались этой кампанией.

ВД: Ну, давай не Каца мы сейчас будем обсуждать.

КЛ: Не Каца ради собрались.

ВД: Да, это точно совершенно. Но главное, что и предложения (а они поступали) от одних другим о какой-то совместной работе на этом направлении встречают все время отказы.

БВ: Она будет сделана эта работа. Я объясняю почему. Выборы муниципальных депутатов в Петербурге, как и в Москве, —

это выборы, на которых 1500 депутатских мандатов. У нас сегодня проблемой является не то чтобы поделить все эти мандаты заранее между демократами: здесь будут одни, здесь будут другие, а здесь будут третьи — мы все договоримся. У нас первая проблема в том, чтобы найти этих людей, которые хотят баллотировать на эти места.

У нас в 2014-м году были предыдущие муниципальные выборы. Были приложены огромные усилия для того, чтобы оппозиционные партии как-то договорились о разделе территории, о формировании общих команд. Что было дальше. Даже там, где получилось, потом половину просто взяли и не зарегистрировали. И выяснилось, что, оказывается, дырки. Что я хочу сказать. Что сейчас надо больше внимания обратить не на то, чтобы заранее все расписать: вам этот округ, а вам этот. А на то, чтобы набрать людей; посмотреть, как они будут готовиться; посмотреть, как будет идти процесс регистрации, потому что не всех регистрируют.

КЛ: Что значит «набрать людей»?

БВ: Нет, правильно — именно набрать. Объявлен призыв кандидатов в будущие муниципальные депутаты. Набирает и «Яблоко», и «Объединенные демократы», и группа Гудкова — все набирают.

КЛ: И дальше? Как их обучить? Тоже ВППШ открыть, как «Единая Россия»?

БВ: А на самом деле ничего смешного. Потому что людей надо учить быть потом быть муниципальными депутатами, иначе они придут и будут вообще не понимать, какие у них полномочия, что они могут, а что они не могут: какие проблемы они могут решать, а какие — нет. У нас были случаи, когда в муниципальные советы приходили люди, искренне считавшие, сейчас они будут тут законы принимать, сейчас они будут решать какие-то общегородские проблемы, пенсии повышать, метро строить, на стройки влиять. А этих полномочий просто нет, к сожалению.

КЛ: Кстати, очень популярная тема среди кандидатов в муниципальные депутаты всегда — мы не занимаемся политиков, не притегивайте нас к политике.

ВД: Да. Мы занимаемся скамеечками в садике.

БВ: Это грубая ошибка.

КЛ: Вот скажите про это.

БВ: Могу объяснить, почему. Я это говорю много лет: я говорю это на митингах, в статьях, в выступлениях. Вот мы еще от общественников очень часто это слышим, которые борются за парки, скверы, за исторические центры, против того или иного строительства — «Мы политикой не занимаемся. Мы вне политики. Не трогайте нас».

Я говорю: «Дорогие друзья, все ваши проблемы — это следствие политики. Вот у вас губернатор, который фактически не избран, а назначен, поэтому принимает решения независимо от вас. У вас застраивают сквер или парк, потому что решение принимает Администрация, на вас наплевав. Потому что у вас нет ваших представителей. Все это следствие неправильной политики. Вы занимаетесь тоже политикой, только городской». Политика — это обязательно война в Сирии...

ВД: Или переговоры с Трампом.

БВ: Да, или переговоры с Трампом, или — а что там на Украине происходит. Вообще любимая тема наших телеканалов. Будто больше нечего обсуждать. Мы об украинской политике по телевизору слышим больше, чем о российской. Так вот, политика городская — это как в городе принимаются решения, в какой степени эти решения учитывают мнение граждан; почему они его не учитывают; что делать, чтобы исправить эти ошибки, исправить эти неверные решения, как на них повлиять, как на них надавить.

Я вот был недавно в Екатеринбурге на прошлых выходных. Читал там лекцию свою любимую о мирах братьев Стругацких сегодня: о том, в каких мирах Стругацких мы живем последние три десятилетия. И мне там задавали, естественно, массу вопросов. Один вопрос: «У нас тут парк на берегу пруда городского. Хотят его часть застроить храмом огромным. Что с этим делать? Как с этим бороться?».

Я им подробно объяснял, как они должны действовать, как должны изучать строительные документы, как пытаться внести изменения в Генплан, Правила застройки, Проекты планировки, что им нужно делать. Это все — городская политика. Это все очень важно, потому что мы все время боремся со следствиями. Мы собираем митинги и боремся со следствиями одной и той же политической причины. А эта причина: то, что

власть от граждан не зависит, ей на них наплевать, поэтому принимает решения, которые не зависят от их воли и идут вразрез их интересам.

ВД: Мы боремся со следствиями.

БВ: А надо бороться с причинами.

ВД: Да. А следователи борются с нами.

БВ: Нет. Я хочу сказать, что иначе мы будем действовать, как говорят математики, по реактивному принципу: что-то случилось — пикет, подписи, митинг собрали.

КЛ: Так вот, вопрос тогда следующий, который раньше я хотела задать, но как-то все не получалось. Какие формы кроме выборов, на которые вы призываете, формы давления на власть сегодня существуют у гражданского общества?

БВ: Этих форм очень много.

КЛ: Ну-ка.

БВ: Это как раз публичные акции.

КЛ: Так бьют же дубинками.

БВ: И тем не менее... Во-первых, бьют не всегда.

КЛ: И не всех.

ВД: И не всегда больно.

БВ: Нет, на самом деле, вот та же история с парком на Смоленке рядом с моим домом.

КЛ: Выходили же люди все равно на улицу.

БВ: Конечно. Было несколько митингов. Митинги эти власть согласовывала, между прочим. Я в них участвовал во всех, выступал.

ВД: Потому что власть тоже не считает это политикой.

БВ: И тем не менее на этих митингах, уверяю вас, говорилось ровно о том, что именно «Единая Россия» в Законодательном Собрании не позволяет включить эту территорию в зеленую зону для защиты. «Единую Россию» там несли по кочкам просто. Кончилось тем, что местный депутат от «Единой России» пришел и сказал: «Я тоже с народом». Ему пришлось. Иначе его бы на части разорвали. Вот эти митинги — это тоже одно из звеньев цепочки давления на власть. Плюс, конечно, обращения граждан: петиции, письма, запросы депутатам, к которым они обращаются.

И, наконец, последнее, что очень важно — юридическая поддержка. Вот надо знать законы, надо быть грамотными,

надо искать изъяны (они почти всегда есть в неверных решениях, которые принимает власть), долбить в эту точку, идти в суды. Кстати, нередко удается в судах добиваться принятия решений, отменяющие какие-то вредные для граждан постановления властей.

КЛ: Чем вы объясняете такую неоправданную жестокость при разгоне митингов и акций в Петербурге, которые мы наблюдали за последнее время, особенно даже по сравнению с Москвой? Почему?

ВД: Я бы добавил еще вот сцену из недавнего Совета по правам человек, на котором присутствовал Путин. И такое впечатление... Вот вы верите тому, что Путин сделал вид (или это реально так)...

КЛ: Ты мой вопрос убил.

ВД: Почему? Что он об этом не знает.

КЛ: Он не про это говорил.

ВД: От кого исходит жестокость.

БВ: Я думаю, что жестокость исходит в первую очередь, конечно, от местных властей и местной полиции.

КЛ: Это частная инициатива, местная?

БВ: Нет, она хочет выслужиться. Она хочет показать наверху, что она контролирует ситуацию, что она держит и не пустит, что она бдительно охраняет государя, как они выражаются. Обратите внимание, дорогие друзья – и Ксения с Виталием, и те, кто нас слушает, – как часто наши чиновники стали говорить о себе «мы люди государевы». Не государственные, а государевы. Мало того, что у каждого у них портрет Путина висит в кабинете, они искренне считают себя подданными царя.

КЛ: Так они так его и называют теперь.

БВ: Конечно. Так вот, что им надо продемонстрировать? Им надо продемонстрировать, что они стоят на страже. За мягкость могут наказать, за жестокость не накажут. Они к этому привыкли.

ВД: Их же не одергивают.

БВ: Они знают, что любой разгон митинга, любые дубинки, любые аресты... Вот я полтора года последних с этим сталкиваюсь. Вижу, как работает это якобы правосудие, как работает якобы правоохранительная система. Очень часто объезжаю

просто отделы полиции у нас в городе, пытаюсь как-то помочь задержанным. И я вижу, почему полицейские в том числе так себя ведут. Потому что они понимают, что за любые издевательства над гражданами им ничего не будет потом. Если митинг состоится, они не разогнали — могут сверху сказать: «Да вы что там, с ума сошли?».

КЛ: Что у вас там творится?

БВ: Как позволили? А если митинг разогнали, то они понимают, что за это никакого наказания не последует.

ВД: В лучшем случае скажут: «Ну, вы там поаккуратнее».

БВ: Нет, могу рассказать один вопиющий совершенно случай. Один из наших отделов полиции после митинга...9-го сентября у нас попытка митинга против пенсионной реформы, который фактически запретили, перед этим согласовав — якобы прорвало трубу на площади Ленина.

Я приезжаю в отдел полиции. Там сидят несколько молодых девушек и ребят в камерах, где существование высших форм жизни исключено — просто нечем дышать вообще. Я говорю начальнику отдела полиции: «Ну переведите в другое помещение, хоть побольше. Ну что такое...». Он с усмешкой отвечает: «Я им посоветовал читать «Молодую гвардию» — молодогвардейцам хуже приходилось».

КЛ: То есть они сами себя сравнивают с фашистским режимом.

БВ: Да. Ксения, я не сразу нашел, что ответить. Что называется, умная мысль приходит опосля. Надо было сказать — «Полковник, выходит, ты себя сравниваешь с фашистами, если ты их сравниваешь с молодогвардейцами». Я потом рассказал это зам. начальника нашего ГУВД... Ну, я не уверен, что какие-то меры будут приняты, потому что, к сожалению, все это повторяется. Сейчас еще взяли новую такую моду — даже одиночные пикеты не позволяют проводить на политические темы. Что делается?

Встает человек с плакатом или подходит провокатор, или подходит полиция и просто забирает, говорит: «Поступило сообщение о преступлении, что хотят нарушать общественный порядок. Мы должны доставить вас в отдел полиции, чтоб проверить».

КЛ: Но это же нарушение закона.

БВ: Нет. Они говорят: «Мы имеем право доставить по сообщению о готовящемся преступлении». Везут в полицию, 3 часа держат, отпускают потом без протоколов. Но акция-то уже сорвана фактически.

ВД: Вчера на Невском взяли парня, который был даже не с лозунгом, а с майкой, он держал, на ней было написано — «Мой цвет — желтый».

КЛ: Желтый?

ВД: Да. Понятно, почему?

БВ: Были и другие случаи. У нас в октябре задержали человека, потом арестовали на 10 суток. За что был задержан? В протоколе написано — «Вел себя подозрительно. Оглядывался по сторонам». Другого задержали — «Имел в рюкзаке свернутый плакат с надписью какой-то антиправительственной». Откуда вы узнали, какая у него надпись, если плакат был свернут.

КЛ: Я веду себя подозрительно — оглядываюсь на Гусарова. У нас сейчас новости.

КЛ: Возвращаемся в программу «2018», которую ведут Ксения Ларина и Виталий Дымарский.

ВД: Еще раз приветствуем вас!

КЛ: А в гостях у нас Борис Вишневский, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, руководитель фракции «Яблоко» там.

БВ: Добрый вечер еще раз!

ВД: Сейчас будем скидываться по 5 рублей на стаканчик.

КЛ: Заплетается язык чуть-чуть. Простите. Чтобы завершить тему митингов. Вот, конечно, апофеоз — то, что мы сейчас вспомнили про внука Стругацкого.

БВ: Да, это было в июне прошлого года, когда мы с сыном Александра Галича, моим другом Григорием Михновым-Войтенко приезжали в отдел полиции, где сидел задержанный на этом митинге внук Бориса Натановича Стругацкого, сын Андрея — Боря Стругацкий младший.

КЛ: Закольцевалась так история.

БВ: Можно ли большую аллегория такую предложить для того, чтобы проиллюстрировать то, что сегодня происходит, когда сын Галича приезжает к задержанному внуку Стругацкого... Ну, правда, надо сказать, что скандал был страшный. Это получило большую очень огласку. И Борю отпустили

через сутки с небольшим. Остальные все там просидели потом от 10 до 15 суток. Тогда около 200 человек получили административный арест на разные сроки. Это было, в общем, совсем не смешно, к сожалению.

КЛ: Давайте мы к новостям вернемся, которые прозвучали. Поскольку постоянно клубится нехорошая ситуация вокруг фильма, которого еще никто не видел.

ВД: «Праздник». Ну и вокруг вообще блокады, да?

КЛ: Фильма «Праздник» Алексея Красовского, которого обвинили уже заранее в том, что он глумится над трагедией народной — над блокадой. Конечно, этого ничего там нет даже на уровне сценария. А с другой стороны, вот сейчас мы с вами обсуждали перед передачей, что грядет 75-летие прорыва...

БВ: Освобождения Ленинграда от блокады.

КЛ: И там как раз устраиваются вполне себе такие помпезные мероприятия...

ВД: Военный парад на Дворцовой площади.

КЛ: Военный парад... Что, конечно, точно никак не вяжется с теми трагическими событиями, которые произошли.

ВД: Можно я скажу два слова? Поскольку тема блокады мне особенно дорога.

КЛ: Да уж.

ВД: Дело все в том, как я понимаю, Борис меня исправит, что там у вас две тенденции: такая официальная и официозная — это показать блокаду и ее завершение как победу армии и есть вторая, исходящая от общества — показать блокаду в первую очередь как трагедию населения, трагедию людей.

БВ: Примерно так. Мне тема блокады тоже крайне близка.

ВД: Извиняюсь. Это не означает, что не надо признавать и отрицать заслуги армии, хотя именно армия в начале и допустила эту блокаду, да?

БВ: Я не говорил бы о вине армии, честно говоря.

ВД: Да естественно. Я и говорю, что не надо отрицать роль армии в освобождении от блокады и так далее. Но в первую очередь блокаду и жители Петербурга хотят отмечать...слово очень трудно подобрать, потому что все сразу начинают говорить — «Праздновать». Здесь, мне кажется, праздновать вообще нечего, да? Отмечать и вспоминать, скорее, как трагедию людей в первую очередь.

БВ: Мне тоже очень близка эта тема. Я сын и внук блокадников. Мой дедушка воевал, ушел с народным ополчением на фронт. Мои родители были подростками еще в блокаду, всю блокаду провели в осажденном городе. Я вырос на этих рассказах. Я должен сказать, что у нас всегда — такая традиция сложилась — этот день освобождения города от блокады — это, конечно, праздник. Но что происходило у нас в этот день? В память возлагали цветы, читали стихи, приходили на Пискаревское кладбище.

Вот сейчас еще появилась такая замечательная традиция вспоминать имена погибших в блокаду. Не все имена до сих пор известны. Есть задача восстановления полного этого списка. Но никогда, за исключением одной ситуации, по-моему, в 2014-м году, не было попытки устраивать какие-то военные парады. Это праздник, но праздник грустный. И в этот праздник надо вспоминать не только о том, что даже по официальным данным около 700 тысяч ленинградцев умерло от голода и погибло от бомбежек...

ВД: Там больше.

БВ: Но огромное количество, сотни тысяч... Называли цифры до 1,5 миллионов еще и солдат погибло при обороне Ленинграда, при прорыве блокады. То есть просто кровью пропитана вся земля вокруг города, на подступах к нему, там, где шли бои. Если говорить о том, как чтить память погибших, как отмечать этот официально праздничный день...

Я, например, предложил нашему временно исполняющему обязанности губернатора устроить общегородскую минуту молчания. Так это делается в Израиле, например, когда останавливается транспорт личный и общественный, кроме экстренных служб, люди прекращают работу, учебу, на пару минут все молчат, вспоминают. Тут тоже можно было нечто подобное сделать. Мне Беглов ответил, что от парада отказываться не хотят.

КЛ: А почему им этот парад дался, вот скажи.

БВ: Вот они говорят, что поддержали блокадные организации в частности. Я с уважением отношусь к блокадным организациям. Но у блокадников тоже разные точки зрения на этот счет. Есть мой давний очень знакомый, замечательный профессор Яков Ильич Гишинский, блокадник и есть такие

блокадники как Вера Сомина, Марианна Курилович, есть огромное количество потомков блокадников — их дети, внуки, которые против этого парада, которые против этого парада, которые против помпезности.

КЛ: Потому что это и есть как раз оглумение.

БВ: Конечно. Еще одно очень важное хочу сказать. Вот хотим чтить память блокадников, хотим отметить этот праздничный день. Но давайте, например, прекратим строить на костях блокадников. На Фарфоровском кладбище у станции метро «Ломоносовская» идет стройка. Там, где было доказано, что там были захоронены наши солдаты во время блокады. Чхают на все. Администрация отказывается прекращать стройку. Суды, ссылаясь на старые решения, говорят: «А там ничего быть не может».

КЛ: И это при том, что по любому поводу, когда где-нибудь там тронут могилу или памятник, под которым ничего нет по всему миру, по всей Европе, начинается крик и ор.

БВ: Да. А тут — можно. Не очень далеко от Пулковских высот, в Шушарах, хотели строить развязку. Эта развязка вскрыла просто военные захоронения. Я об этом узнал, написал всюду, куда можно. Удалось в этом случае добиться остановки работ, изменения проекта — развязка пойдет иначе. Но у нас же пытаются строить рядом. Вот мы защищаем Пулковскую обсерваторию, над которой нависла огромная опасность...

КЛ: Кстати, здесь вопрос. Спрашивают, что с Пулковской обсерваторией.

БВ: Конечно. Вот рядом с Пулковской обсерваторией тоже на каждом квадратном метре шли бои. А там наши застройщики пытаются возвести очередное сверхдорогое жилье. Ну, понятно: прекрасное место, виды замечательные, экологически чистое. Вот бы чем заняться нашим городским властям, если они хотят чтить память блокадников.

ВД: Борис, а у меня циничный вопрос.

БВ: Давай.

ВД: Буду адвокатом дьявола. Вся земля, как ты правильно сказал, полита кровью. Значит, вообще строить негде.

БВ: Нет, есть где. Но есть Федеральный закон «О погребении и похоронном деле», где четко совершенно сказано, что места погребения неприкосновенны. Там, где захоронения:

30 лет — ничего, а потом — только зеленые насаждения. Там не может быть никакой застройки. Этот закон цинично игнорируется. Закон принят в 96-м году. Часть уже построена до принятия этого закона.

Но сейчас-то надо его выполнять. Повторяю, вот наше городское руководство очень любит 8-го сентября в день начала блокады, 9-го мая, 27-го января в день освобождения города от блокады стоять со скованными лицами на Пискаревском кладбище. Лучше бы они заботились о том, чтоб они не застраивали блокадные могилы.

Вот 9-го мая этого года я ходил на акцию «Бессмертный полк». Мы туда с друзьями и коллегами, кстати, тот же Гриша Михнов-Войтенко там был, мы шли с именами солдат, которые были похоронены на месте это Фарфоровского кладбища, там, где строят, чтобы о них вспомнили. Ничего не помогает. На мое обращение последнее с требованием остановить стройку господин Беглов ответил опять ссылками на старое решение суда. Личной встречи добиться пока не удается.

Понимаете, память о блокаде...

КЛ: Так, минуточку. Вы же в начале говорили, что есть гражданское общество в городе Санкт-Петербург.

БВ: Есть.

ВД: Почему оно не давит?

БВ: В этой точке пока оно не может, к сожалению, добиться результата. К сожалению.

КЛ: А есть какая-то попытка кроме того, чтобы была ваша личная встреча с губернатором?

БВ: Очень много попыток. Мы 5 лет с этим боремся. Митинги, пикеты, обращения, суды.

КЛ: Потому что деньги большие на кону, наверное.

БВ: Сейчас еще одно заявление подано в суд. Там хотят строить торгово-развлекательный центр.

КЛ: Ну понятно.

БВ: Нет, сейчас еще один судебный иск подан, как раз чтобы прекратить это строительство. Там огромное давление. Вот часть территории рядом удалось сохранить от застройки. Но другую часть пытаются застраивать, к сожалению.

КЛ: Тогда про здание «Мемориала», наверное, надо сказать.

БВ: Не про здание, а про помещение «Мемориала». Тоже совершенно возмутительная история. Я примерно понимаю почему. Летом стало вдруг известно, что нашему замечательному обществу «Мемориал», тем людям, которым просто поклониться надо при жизни, отказали в продлении арендного договора. У них не очень большое помещение: там где-то 150 квадратных метров на Разъезжей улице.

КЛ: А почему Путин так отреагировал — отшутился? Вот мы с вами вспоминали, на Совете по правам человека....

ВД: Сказал, что хорошее помещение.

КЛ: Он, типа, видимо, хорошее там место, хорошее здание, которое всем очень нравится.

БВ: Ну, он же любит так отшучиваться.

КЛ: То есть не воспринял это как некую проблему.

БВ: Что там произошло, на что обращаю внимание. «Мемориал» самим городским правительством включен в перечень организаций, которые имеют право на государственную поддержку, реализуют государственную политику по сохранению памяти о жертвах репрессий.

КЛ: Они же иностранные агенты.

БВ: Нет, не иностранные агенты совсем даже.

КЛ: А, другой «Мемориал».

БВ: Из этих 150 метров они 100 метров вообще занимают бесплатно, за 50 они платят арендную плату, поскольку имеют право на господдержку. Тут вдруг выясняется, что комиссия какая-то отказала в продлении договора. Как мне удалось выяснить, получил официальный ответ, принято решение в том числе с учетом информации правоохранительных органов. Я не могу добиться этого решения. Что за информация от правоохранительных органов?

В дело вмешался наш омбудсмен Александр Шишлов тоже очень активно, тоже обращался ко всем, к кому можно. Мы приостановили на несколько месяцев выселение «Мемориала», но сейчас к ним опять начали приставать. Опять приходят ответы: нет, договор расторгнут; извольте выезжать. Я понимаю, почему это происходит. Я понимаю, почему давят на «Мемориал». Я понимаю, почему возникает «дело Юрия Дмитриева».

КЛ: Это политическая история.

БВ: Я понимаю, почему возникает «дело Оюба Титиева». Потому что наши нынешние органы считают себя прямыми наследниками бывших чекистов. Они держат у себя в кабинетах портреты не только Сталина, но и Берии. Они прямо говорят о себе как о наследниках. И они мечтают о временах, когда органы не ошибались. Поэтому для них все те, кто восстанавливают историческую память, кто хранит память о жертвах репрессий и, кстати, имена палачей тоже, для них это просто личные враги.

КЛ: А там, кстати, еще было про «Последний адрес» тоже.

ВД: И, кстати говоря, про «Последний адрес» тоже как раз хотел спросить.

БВ: История с «Последним адресом» какая-то совершенно дикая.

ВД: Вдруг возникла. Сейчас будут опять разбираться.

БВ: Я 6-го декабря направлял обращение вице-губернатору Албину, когда вдруг выяснилось, что у нас Комитет по градостроительству считает установку табличек «Последний адрес» административным правонарушением. Какое административное правонарушение? Единственные, с кем надо согласовывать это, это с собственниками зданий. С ними согласовывается. Таблички устанавливаются...я много раз был на установке этих табличек...только после получения официальной справки из ФСБ, что люди реабилитированы. Комитет по охране памятников не имеет никаких претензий, не считает нужным вмешиваться.

КЛ: А чья это была инициатива? Одного какого-то человека?

ВД: Помощника Милонова.

БВ: Это помощник нашего депутата Милонова, не к ночи будь помянут и тот, и другой. Не хочу даже фамилию этого помощника называть. Даже Милонов сейчас от него открещивается. Который вдруг решил написать, а Комитет по градостроительству вдруг решил ему пойти навстречу. Я говорил вчера на эту тему с вице-губернатором Албиным. Кстати, человек очень энергичный и, на мой взгляд, очень много делающий у нас в городе. Я надеюсь, что мы найдем решение.

Во-первых, никто не тронет уже установленные таблички. Во-вторых, я думаю, что удастся добиться того, что если даже не хотят какие-то люди, то табличка будет. Ну что эта табличка —

11 на 19 сантиметров. Ее почти не видно. Только вблизи, если к стене дома подойти.

КЛ: А им видно, да.

БВ: А им видно. И им, видимо, это оскорбительно.

ВД: Им напоминает.

БВ: Им напоминает, к сожалению. Об этом надо напоминать — о том, что были репрессии, что людей из этих домов увозили в последний путь. Тот, кто не помнит о прошлом, обречен на его повторение. Это не я придумал. Это очень старый принцип.

КЛ: У нас остается последняя часть нашей творческой встречи. Мы задаем главный вопрос Борису Вишневскому. За что вы не любите Конституцию Российской Федерации? А вы ее не любите.

ВД: Или она вас не любит, Борис?

БВ: Нет, Конституция Российской Федерации — это не документ, который надо любить или не любить. Конституция Российской Федерации — документ, который надо, естественно, выполнять как действующую Конституцию. И считаю самой лучшей ее частью вторую главу — Права и свободы человека и гражданина — лучшая часть Конституции. С этим проблема. Я говорю об этом моим студентам — не только депутат, а еще профессор политологии — что она не выполняется. Какую статью ни возьми, она не выполняется.

КЛ: Да.

БВ: Законы, которые принимаются — я вот отдельную научную работу об этом писал недавно — почти все направлены не на то, чтобы помочь гражданам реализовать свои конституционные права, а на то, чтобы помешать их реализовать, чтобы максимально затруднить их реализацию. Это касается и избирательной системы, и свободы собраний и митингов, и много чего другого. Вот каждая статья, куда ни плюнь — бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, право на участие в формировании органов власти...

КЛ: Но Конституция же хорошая. Слова-то правильные.

БВ: Нет, в этой части правильная. Проблема в несоблюдении. А вот другая часть Конституции — та, которая описывает устройство власти и особенно полномочия президента, правительства и парламента... Мы же понимаем, откуда это

все взялось. После осени 93-го года решили закрепить в Конституции сложившееся соотношение сил: сделать президента очень сильным, почти всемогущим, решения которого никто не может отменить, а импичмент, как непорочное зачатие, теоретически возможно, но в природе не встречается; сделать парламент не совсем бессильным, но не имеющим реальной возможности влиять на кадровую политику...

ВД: Ни фигя себе! В 90-е годы не влиял на парламент?

БВ: Нет, в Конституции парламент был сделан таким... Виталий, даже премьер-министра президент может назначить того, кого хочет.

КЛ: Кстати, вот вы сейчас говорите, Борис... А ведь вокруг этой Конституции была общественная, публичная дискуссия.

БВ: Была. Очень серьезная.

КЛ: И как раз люди, которые практически ваших взглядов придерживались, они как раз на это указывали, что...

БВ: Не все.

КЛ: ...Что здесь эта Конституция под президента, которого мы любим и уважаем.

ВД: А если будет другой?

КЛ: А если завтра придет, как Жириновский?

БВ: Ксения, я об этом говорил еще в 93-м году; еще до событий, связанных с разгоном Парламента, с обстрелом Белого дома, когда было две концепции. Одна – суперпрезидентская республика, а вторая все-таки ближе как-то к парламентской форме правления с большим балансом властей. Я считал, что нужно, конечно, баланс властей и говорил тем, кто считал необходимым обеспечить безусловный паритет президента, что в Конституции будет записано не Ельцин, а президент.

Вот сегодня все эти полномочия, которые дают возможность президенту делать почти все, а парламент не может этому помешать, принадлежат человеку, которого вы уважаете, решения которого вы поддерживаете. А завтра они будут у другого. Вы вззоете первыми, когда другой президент начнет назначать других министров, проводить другую политику. Выяснится, что помешать этому невозможно. Вот надо реформировать институты.

Я убежденный сторонник парламентской республики много лет. Я надеюсь, что когда-нибудь мы к этому придем, естественно, мирным путем; что у нас все-таки будут конституционные

изменения, которые для начала изменят соотношение властей, сделают его более равновесным. Отчего это плохо? Потому что когда президент имеет супервласть, формируется авторитарный режим, формируется самодержавное мышление, государство становится самодержавным.

КЛ: Так оно и произошло.

БВ: Что мы и наблюдаем, к сожалению.

ВД: Вы знаете, какое слово чаще всего встречается в Конституции? Посчитали.

КЛ: «Мы».

ВД: Нет.

КЛ: А какое?

КЛ: Правда?

ВД: Да.

БВ: Я хочу сказать, что в Конституции, там, где речь идет о президенте, нигде не встречается слово «ответственность». Очень симптоматично.

ВД: Здесь не будем сейчас спорить. Но я не очень согласен с Борисом, потому что, собственно говоря, и парламентскую республику можно выродить до уродства.

БВ: Но это сложнее. Можно, но сложнее.

ВД: Любой парламент можно сделать таким, какой он сейчас.

БВ: Виталий, и тем не менее большая часть европейских стран живет по принципу парламентских республик и все там нормально.

КЛ: Но вы знаете, все равно, опять же, возвращаясь к Основному закону, все-таки давайте согласимся, что сегодня безграничную власть президент Путин имеет не потому, что в Конституции все это прописано. Правда же?

БВ: Но и поэтому тоже. Он пользуется всеми теми возможностями, которые были заложены 25 лет назад. Борис Николаевич пользовался не всеми этими возможностями. Владимир Владимирович пользуется всеми...

КЛ: Плюс еще бонусы сам себе сделал.

БВ: Да. Плюс немножечко еще присвоил...

ВД: В виде некоторых законов, причем некоторых законов явно антиконституционных причем.

БВ: Повторяю, эта проблема заключается в том, что вообще нельзя подстраивать систему под личность. Нельзя

проектировать государственное устройство из расчета, что сегодня полномочия будут у хорошего президента, потому что завтра могут оказаться у плохого.

ВД: У нас все президенты хорошие.

БВ: Не все.

КЛ: Кто будет губернатором Санкт-Петербурга после выборов?

БВ: Я буду бороться за то, чтобы это был я. Я считаю, что имею право участвовать в выборах. Мой опыт и репутация мне это позволяют. Но проблема в том, что надо добиться, чтобы эти выборы были конкурентными, чтобы были разные кандидаты от разных партий, не только от «Яблока».

Потому что когда конкуренции нет, мы получим еще одни выборы 14-го года, когда губернатор будет чувствовать себя назначенным, а не избранным. Значит, ему будет плевать на граждан. Он будет понимать, что он не зависит от людей, а зависит только от президента, чей портрет держит у себя в кабинете. Вот принципиальный вопрос – это допуск на выборы оппозиционных кандидатов, нормальная политическая конкуренция. Сейчас за это будем бороться всеми силами, организовывать общественное давление.

Я, кстати, намерен в ближайшие дни представить свою программу. Ее гвоздь, кстати, как раз связан будет с соблюдением второй главы Конституции в Петербурге.

ВД: Но портрет Вишневого уже заготовлен.

БВ: Я могу сказать, что у губернатора Вишневого никогда не будет висеть в кабинете портрет президента, кто бы им ни был. У губернатора Вишневого будет висеть в кабинете портрет Бориса Натановича Стругацкого.

ВД: А вот у Жени Ройзмана в Екатеринбурге, когда он был мэром, у него висел портрет Бродского.

БВ: Ну, а у меня – Бориса Натановича.

КЛ: А Ксения Собчак как кандидат в губернаторы Санкт-Петербурга?

БВ: Я ее не считаю независимым кандидатом. Человек, который перед президентскими выборами говорил, что не будет критиковать Путина, и совершенно очевидно шел на эти выборы с благословения, мне не представляется независимым кандидатом. А потом, я уверен совершенно, что кандидатом

в губернаторы Петербурга, губернатором должен был человек, которым все-таки в городе есть достаточно много уже сделано, которому есть, чем отчитаться о своей работе.

ВД: Это какой-то советский подход.

БВ: Нет, это нормальный подход, демократический абсолютно.

КЛ: Вот исполняющий обязанности сейчас у вас губернатора.

ВД: Врио.

КЛ: Да, врио. Насколько эта фигура сильная? Можно ли ее воспринимать как кандидата от власти или от нее откажутся на выборах?

БВ: Этого он еще не знает.

КЛ: А вы что скажете?

БВ: Это будет зависеть от того, как он будет себя вести, как будут восприниматься его решения. Пока, к сожалению, я вижу, что стало больше не столько активности, сколько суеты. И решения пока, за редчайшими исключениями, принимаются также независимо от мнения граждан. И уже понятно, Александр Дмитриевич Беглов — это человек из команды даже еще не Матвиенко, а еще Владимира Анатольевича Яковлева. Он тогда еще был при нем руководителем сперва районной Администрации, а потом — начальником канцелярии губернатора.

ВД: Между прочим, про Яковлева очень многие говорят, что он очень много сделал для города.

БВ: Яковлев достаточно много сделал. Но тем не менее это человек из административной системы, который всей своей деятельностью никак не показывал, что хочет как-то прислушиваться к мнению горожан. И вот то, что сейчас он отказывается приниматься депутатов, пишет отписки в ответ на наши обращения, вообще говорит, что главная задача — это противостоять влиянию западных ценностей.

КЛ: А там есть какой-нибудь рейтинг сейчас?

ВД: Молодежь надо перевоспитывать.

БВ: Молодежь воспитывать в патриотическом духе нужно. Бред полный.

КЛ: Насколько его поддерживает общество вы знаете?

БВ: Я не видел достоверных опросов. Они, видимо, появлялись. Но мне пока представляется, что...

ВД: Закрытые, наверное, есть.

БВ: ...По менталитету, по стилю поведения он немножко отличается от Полтавченко, но по манере принятия решений и, главное, по самим решениям (по делам, а не по словам) это все то же самое примерно, только в профиль. Та же административная система.

КЛ: Я почему так спрашиваю подробно... Если они поймут, что не очень как-то, они могут прислать какую-нибудь красивую птицу.

ВД: Прислать другого.

БВ: Могут прислать другого. Я считаю, что горожане должны сами решать, а не ждать, кого пришлют. Вот сделайте выборы конкурентными, пусть выберут лучшего. Я, конечно, буду бороться за то, чтобы этим лучшим был я, но главное, чтобы не только я был такой, чтобы были разные кандидаты с разными программами, которые могли бы претендовать на доверие горожан, а не имитация фарса...

КЛ: Сергея Боярского не хотите в губернаторы Петербурга?

БВ: Если он хочет участвовать, тоже будет иметь право. Пожалуйста.

КЛ: Я сейчас подсказала, по-моему, кому-то идею.

БВ: Нет, повторяю, пожалуйста, пусть разные люди участвуют. Не надо никому мешать.

ВД: Дайте Невзорову еще...

КЛ: Ну, Невзоров уже все.

БВ: Я хочу напомнить, что в 90-м году на выборах уже вторых после 89-го года, когда были отменены окружные собрания, когда было очень просто выдвигаться в депутаты всех уровней вплоть до Верховного совета, народ прекрасно разобрался в огромном числе кандидатов и выбрал наиболее достойных.

ВД: Кстати, на «Эхо Петербурга» очень много, например, пишут про Цыпляева, которого предлагают уже.

КЛ: Ну, мы сейчас накидаем список. Хороших людей много.

БВ: Вот пусть граждане и выбирают из этих хороших людей, я не довольствуюсь тем ассортиментом, который им продиктуют из Кремля.

КЛ: Все! Спасибо!

ВД: Спасибо!

БВ: Спасибо!

КЛ: Борис Вишневский.

Видеозапись программы

<https://echo.msk.ru/programs/year2018/2333241-echo>

«РПЦ ПЫТАЕТСЯ СОЗДАТЬ ДЛЯ СЕБЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ»

*«Эхо Москвы в Петербурге». Ведущая Александра Петровская.
5 марта 2019*

А. Петровская: 11 часов и 8 минут на часах в студии «Эха». У микрофона Александра Петровская. Напротив меня депутат ЗакСа, Борис Вишневский. Борис Лазаревич, здравствуйте!

Б. Вишневский: Доброе утро!

АП: Я напомним наши средства связи. SMS-портал +7-931-291-58-00, а также у нас работает видео-трансляция в YouTube на канале «Эхо Москвы СПб», где можно нас смотреть, слушать, задавать вопросы и комментировать. Вот, например, Озерковский Юрий пишет нам: «Снегопад не только на юге и в центре города. На севере тоже идет снег повсюду. Это факт». Как вы к нам добрались, Борис Лазаревич?

БВ: Снег повсюду. Я ехал на такси. И, честно говоря, с большим трудом успел на эфир. Опасался, что опоздаю. При том, что выехали заранее с Васильевского острова. Я живу у метро Приморская. До сюда ехал где-то 45 минут. В обычное время это вдвое меньше. В обычных условиях.

АП: Но, будем надеяться, что справятся коммунальные службы с очередным снегопадом. Уже натренировались за эту зиму, мне кажется, что уже должно быть все как по маслу. К середине дня снег будет убран, надеюсь.

БВ: Я боюсь, что убирать начнут только вечером и ночью. Честно говоря. Днем будут рассчитывать на то, что просто все укатают и как-нибудь оно обойдется. Тем более, что днем, действительно, довольно сложно убирать снег, когда поток машин, которые трудно остановить. И подозреваю, что сегодня будет очень тяжелое дорожное условие. Я сам иногда езжу за рулем в своей машине, хотя я водитель, честно скажу, не очень. И последние недели стараюсь в таких условиях просто не ездить. Перемещаться либо на общественном транспорте, либо на такси, если тороплюсь.

АП: Да. Ну что ж, посмотрим, как со снегом справятся. Будьте внимательны и бдительны в любом случае. У нас сегодня с вами будет большой блок про выборы. В YouTube уже ждут, когда мы с вами дойдем до этого пункта нашей беседы.

БВ: Обязательно.

АП: Дойдем обязательно. Начнем мы с новостей, скажем так, сегодняшнего и вчерашнего дней. Епархиальный архитектор Санкт-Петербургской митрополии православной церкви предложил не устанавливать предельные высотные параметры для объектов религиозного значения в правилах землепользования застройки. Вот эта инициатива, она, как вам кажется, вообще, с чем связана и насколько она оправдана?

БВ: Ну, с чем она связана, это понятно. Она связана с постоянным желанием РПЦ поставить себя в искусительные условия. Вернуть ей даже то, что ей никогда не принадлежало, при том, что никому больше ничего не возвращают. С отнятого в советские времена, обратите на это внимание. Ведь у людей отнимали собственность. Их разоряли, выгоняли из квартир, из домов, отнимали землю. Никому ведь ничего не вернули. Только церковь у нас все время требует: «Верните нам то, что у нас отобрали большевики». Даже то, что, повторяю, никогда и не принадлежало — Исаакиевский собор. Ну, Исаакиевский собор мы не отдадим, это безусловно. Он должен оставаться музеем. Но это стремление к исключительности, поставить себя выше других, очень ярко проявляется предложение господина Борунова. Я хочу вам напомнить, что Санкт-Петербург, его исторический центр — это объект ЮНЕСКО, охраняемый. Охраняются исторические панорамы. Поэтому эти панорамы должны быть такими, какие они

есть сейчас. Никакого вторжения быть не должно. Никаких исключений быть не должно. И сегодняшние, даже не то, чтобы правила застройки, а закон о границах охраны, защищающие исторические панорамы от любого искажения, однозначно препятствуют любым предложениям господина Борунова о том, что давайте для храмов сделаем исключение. А с какой стати? Завтра еще кто-то попросит для себя исключение. Я считаю, что этих исключений просто быть не должно. Если идет речь о строительстве новых объектов, то выполняйте те высотные ограничения, которые существуют на этом месте, никаких проблем не будет.

АП: Я так понимаю, что это связано, как вы уже начали с исторической ретроспективы, скажем так. Потому как речь идет о том, что некоторые объекты, о которых РПЦ заботится, которые РПЦ хотела бы восстановить — они сейчас, уже, ныне находятся на территории, внутренней, скажем так, в конце города. На которую распространяются более жесткие требования по высотным регламентам. Таким образом, восстановить становится невозможным эти объекты на этих участках.

БВ: Знаете, насколько мне известно, практически все малозначимое из утраченных когда-то религиозных зданий, оно восстановлено. Или, это восстанавливают там, где, как раз, высотные регламенты этому не препятствуют. Где можно это делать. Но речь то идет о желании получить для себя исключение. Потом, повторяю, если идет речь об историческом центре, то правила землепользования и застройки не регулируют высоту в историческом центре города, в охранных зонах. Их регулирует 820 закон. Это режим охранных зон. Они однозначно запрещают, какие бы то не было исключения подобного рода.

АП: Это касается, в общем, некоего желания получить привилегии в целом для РПЦ, или это касается конкретных проектов, которые не реализованы.

БВ: Я думаю, что это касается общего желания. Мы выше других. Для нас сделайте исключение. Почему? Я не вижу ни малейшего основания для этого. Я ничего, абсолютно, не имею против того, чтобы восстанавливали когда-то разрушенные храмы, но и другие разрушенные объекты надо восстанавливать.

АП: Давайте пойдём дальше. Первая тройка самых значимых для общества социальных институтов России за последние два года осталось неизменной. И, кстати, как ни странно, в этой тройке не присутствует, если к социальным институтам можно отнести, церковь. По-прежнему возглавляет эту тройку президент, вооружённые силы и ФСБ. Однако, Левада-Центр фиксирует сейчас снижение роли президента по итогам своего свежего исследования общественного мнения. Ну, что касается снижения рейтингов и так далее, об этом много в этой студии мы говорим. Это, во-первых, вещь относительная, во-вторых, некий тренд присутствует в силу разных обстоятельств. Давайте коснёмся, как раз, вот этой тройки, которая остаётся неизменной. Только меняются цифры. Скажем так, эта тройка, которая должна в любом случае всегда присутствовать или она может как-то меняться, по-разному. То есть, как вы видите себе, вообще, тройку, пятерку социальных институтов, которые должны быть в первую очередь уважаемые, в первую очередь, которым доверяют граждане государства.

БВ: Знаете, я бы считал, что, в первую очередь, вообще, семья, институт семьи должен быть наиболее уважаем государством. Во-вторых, государство должно быть уважаемым некоммерческой общественно правозащитной организацией. Которые, реально, помогают гражданам. Которые защищают их от безобразия государства. А в третьих, я считаю, что в государстве должна быть уважаема такая структура, как законодательная власть, чего, к сожалению, нет. Потому что именно парламент, избираемый гражданами, избирается для того, чтобы представлять их интересы и защищать эти интересы. Мы, увы, видим совершенно другую картину, очень печальную. Хочу, кстати напомнить нашим слушателям, что через некоторое время, в конце марта, будет 30 лет с первых, относительно свободных выборов в нашей стране. 26 марта 1989 года прошли выборы депутатов, Съезд народных депутатов СССР, на этих выборах уже допускалась политическая конкуренция, хотя и с ограничениями. И был избран тогда ещё советский парламент, который изменил реальную ситуацию в стране. Серьёзные перемены в стране начались именно с этого момента. Мы, кстати, сейчас с другими политическими партиями, «Яблоко» и «Партия Роста», и другие, которые присоединятся —

мы хотим инициировать на 24 марта митинг «Петербургу свободные выборы». Как раз привязать его к 30-летию первых свободных выборов в нашей стране после очень длинного советского перерыва.

АП: Где будете митинг этот заявлять, сразу хочется вас спросить.

БВ: Наверное, на площади Ленина.

АП: То есть, на площадке, которую с большей вероятностью согласуют?

БВ: Да. Там, я думаю, с наибольшей вероятностью это согласуют. И мы хотим сказать на этом митинге, что наш город заслуживает свободных конкурентных честных выборов. Потому что только на таких выборах может быть избрана власть, которая будет прислушиваться к горожанам. Когда власть избирается не на конкурентных или на нечестных выборах, она на горожан, как правило, не обращает никакого внимания. Собственно мы это видели все последние годы.

АП: А давайте тогда еще, раз мы уже с вами про акции и митинги заговорили, пару слов скажем про поправки, которые предложил уполномоченный по правам человека в Петербурге Александр Шишлов, которые будут ко второму чтению приурочены. Будут они рассмотрены?

БВ: Да. Обязательно будут рассмотрены. Вчера «Яблоко» подало поправки второму чтению закона о митингах. Там и поправки, которые разрабатывали мы сами и те, которые подал Александр Шишлов. Хочу сказать, что они во многом совпадают, эти поправки. Самые основные из них они касаются, в частности, того, что «гайд-парки», места, где можно собираться без согласования, только проинформировав власть, должны быть в каждом районе города.

АП: В том числе, и в Центральном.

БВ: В том числе, и в Центральном, Адмиралтейском, Василеостровском, Петроградском... Обязательно такое должно быть. Они касаются полной прозрачности процесса подачи уведомлений на проведение публичных мероприятия, чтобы было известно, кто подал, каков результат рассмотрения. Чтобы не говорили гражданам, которые заявляют какой-то митинг, что, знаете, место уже занято, другие уже подали раньше вас. Они касаются, в частности, возврата публичных акций

на Дворцовую площадь и на Невский проспект. Потому что, на наш взгляд, запреты эти абсолютно бессмысленны, они касаются сокращения расстояния между одиночными пикетчиками. Потому что нынешние 50 метров, конечно, это полный абсурд. Предлагаем сделать или 10, или 20 метров. Хотя бы. И другие поправки, которые направлены на реальное расширение свободу собраний. Но рассматриваться это будет не раньше, чем в следующую среду. Я, кстати, очень благодарен Александру Шишлову, который сегодня у вас будет в эфире, насколько я знаю.

АП: Да. Маленький анонс. Сегодня после часа дня.

БВ: Он последовательно защищает права граждан, в том числе на свободу собраний. Не боится высказывать свою жесткую позицию, и он защищает права граждан, которых задерживают на публичных акциях. И вмешивается в эту ситуацию, стараясь помочь. Это очень важно.

АП: Мы об этом поговорим обязательно после часа дня. Я должна извиниться перед слушателями видео-трансляции. У нас какие-то перебои. К сожалению, не удастся сейчас исправить. Мы видим, что вы нам пишете, что вас выкидывает из видео-трансляции. Могу вам предложить и попросить вас переключиться на радио эфир. В ближайшее время мы эту ситуацию исправим. Вопросы ваши я вижу, так что можете присылать их дальше. Давайте пойдем дальше. И еще к одному институту, который мне кажется, тоже, чрезвычайно важным. Это институт памяти.

БВ: Без сомнения.

АП: У нас много, с одной стороны, уделяется этому внимание. С другой стороны, насколько, я не знаю, продуктивно. Итог уделения этого внимания исторической памяти. Это судить, наверное, гражданам, жителям города, в первую очередь.

БВ: Знаете, Саша, я хочу сказать и вам, и вашим радиослушателям, что у нас есть уникальный пример сохранения исторической памяти. Это проект «Память и имя», который сделал замечательный Юрий Исаакович Вульф. На улице Конной дом 10, в мае прошлого года он своими силами сделал такое электронное табло, где в режиме бегущей строки идут имена всех погибших в блокаду. Погибших и умерших от голода. Сейчас, кстати, мы обсуждаем, я уже получил от Юрия Исааковича

просьбу о помощи, и буду обращаться, наверное, и в том числе и в школы петербургские. Есть намерения постараться записать аудиофайлы, где разные люди прочли имена всех погибших в блокаду, чтобы можно было, потом, эти файлы выкладывать. Это огромная работа. Понятно, что самому ему не справиться. Потому что нужно около семисот тысяч человек. Вот это реально сохранение памяти.

АП: То есть, не только 8 сентября.

БВ: Конечно. Чтобы это было. Чтобы звучали имена всех погибших во время блокады. Потому что это самая страшная катастрофа, которая когда-либо постигала наш великий город.

АП: Мы с вами, поскольку заговорили о блокаде, о войне... Инициатива со стороны депутата Четырбока, который считает, что необходимо изменить даты праздника выпускников «Алые паруса», который в этом году выпадает на 21-22 июня. И, как известно, праздник «Алые паруса» заканчивается салютом. И, получается, что салют приходится ровно на 22 июня.

БВ: Знаете, это может обсуждаться, но, мне представляется все не таким однозначным. Любой, кто читал книги о войне, прекрасно знает, что, почти, что называется, с выпускных балов мальчики в 41-ом году уходили на призывные пункты. И уходили на фронт. Огромное количество вчерашних выпускников школ прошло этим путем, огромное количество из них потом погибло. Отдали свои жизни за то, чтобы мы жили бы сегодня с вами. Поэтому эти события они тоже связаны. Мне кажется, что это вопрос требует общественного обсуждения. Я бы хотел, чтобы городское сообщество высказалось на эту тему. Мне это, пока, не представляется настолько однозначным, что мне кажется, что события эти, они ментально тоже связаны. Выпуск школьников, «Алые паруса» и начало войны. Именно потому, что вчерашние школьники в огромном большинстве пошли на фронт.

АП: Но, возможно, что в праздник, просто, будет включено упоминание. Каким-то образом будет включена эта история. Это как раз о том, что нужно сохранять память.

БВ: Знаете, Саша, что 27 января, когда была годовщина, 75 лет, полного освобождения нашего города от фашистской блокады, городские власти, в частности, наш врио губернатора Александр Беглов не приняли моего предложения о том,

чтобы провести в этот день общегородскую минуту молчания. Как это делается в Израиле, например, в день памяти, когда на 1-2 минуты останавливается просто вся страна, машины, общественный транспорт, работа предприятий, учреждений... И все вспоминают о погибших. Вот мне кажется, что если бы такую общегородскую акцию провели бы 27 января со звучание блокадного метронома на весь город — это было бы очень уместно. Может быть, такую акцию можно провести и 22 июня, напомнить об этом выпускникам, о том, что их предшественники пошли воевать сразу после школы.

АП: Я напомним, что это «Особое мнение» депутата ЗакСа, Бориса Вишневецкого. Мы продолжаем. Давайте еще про историческую память немного в другом разрезе. Что касается закона, как вы его называете, «Антисталинский закон». Суть проекта заключается в том, чтобы запретить устанавливать памятники Сталину, называть улицы и так далее. Этот законопроект будет внесен на рассмотрение уже в эту среду?

БВ: Он включен в повестку дня Законодательного собрания в эту среду. Это один из, я бы сказал, принципиальнейших законов для «Яблока», потому что мы — партия, которая очень много внимания уделяет этой антисталинской теме. Мы очень тесно сотрудничаем с обществом «Мемориал». Мы считаем, что не только сталинские преступления не имеют прощения. Мы считаем, что необходимо всячески предотвращать реабилитацию Сталина и попытки построения сталинского государства. Почему мы настояли сейчас? Так сказать, преодолевая серьезные сопротивления Комитета по законодательству на включение этого вопроса на повестку дня. Потому что, мы видим, почти каждый день, как возрождается сталинское государство. Мы видим, что возрождается идеология, при которой человек — пыль под ногами, песчинка под ногами у власти. Его интересы по сравнению с интересами власти не имеют никакого значения. Мы видим, что возрождается сталинское государство, где каждый может оказаться жертвой репрессий, каждый. И, за редким исключением, ничего не может сделать. Я это прекрасно знаю, как человек, который постоянно после публичных акций объезжает отделы полиции, общаясь с задержанными, пытаюсь им помочь. Который ходит на суды, где людей судят за то, что они посмели выйти на улицу. Я вижу,

что эта репрессивная машина действует так, что защититься крайне сложно. И возрождается сталинское государство, где органы не ошибаются, где суд верит только показаниям полиции и мнению обвинения.

АП: Борис Лазаревич, но с другой стороны, ведь то о чем вы говорите, это касается некоего осознания принятия истории. Не только вопросы: называть ли улицы, ставить памятники...

БВ: Оно касается недопустимости политической реабилитации Сталина и сталинизма. Если в стране будет установлен жесткий запрет на установку памятников, бюстов, мемориальных досок со Сталиным. Если нельзя его именем будет называть улицы, площади, мосты и набережные. Это будет ясный сигнал, что, все-таки, государство отходит от этого, постсталинского пути. А если откажутся это сделать — это тоже будет знак что по этому пути хотя идти. Я почти уверен, что не только коммунисты, но и депутаты от «Единой России» постараются завтра не допустить рассмотрения этого вопроса и исключить его из повестки дня.

АП: Почему?

БВ: Потому что очень страшно обсуждать. Потому что любая дискуссия на эту тему выйдет на неизбежную дилему. Или пойти против, хоть и осторожно, но, все-таки, против слов, которые говорят первые лица государства о недопустимости прощения Сталинских преступлений и осуждение репрессий. Или поддержать, фактически, реабилитацию Сталина. В этой ситуации, скорее всего, они предпочтут спрятать голову в песок и совсем не допустить дискуссий на эту тему. Я это предвижу, к сожалению. Мы примем, конечно, меры. Я предвижу, что попытка эта будет сделана. Я же видел как это все обсуждалось: зачем, зачем вы разжигаете, зачем вы раскачиваете лодку.

АП: Борис Лазаревич, фактически, вы говорите, что, получается, нет консенсуса. То есть, нет единого мнения в отношении исторического наследия Иосифа Сталина.

БВ: Во-первых, естественно, этого консенсуса, по отношению к Сталинским преступлениям, нет, к сожалению. Мне кажется, что в нормальной стране отношение к преступнику, который был главным организатором, вдохновителем массовых репрессий, в результате которых погибли миллионы, если не десятки миллионов человек — это должно быть объектом абсолютного

консенсуса. Как можно относиться к серийному убийце и преступнику, каковым, с моей точки зрения, был Сталин. Если сохранились документы с его личной подписью, с резолюциями, с требованием расстрелять, утверждением смертных приговоров. О чем тут можно говорить? Тем не менее, находятся люди, которые и сегодня нам рассказывают про великого Сталина, про то, что он выиграл войну. Не Сталин выиграл войну. Наши граждане, наши предшественники, наши предки выиграли войну.

АП: У нас уже всю в YouTube, я напомню, что у нас с переборами, но идет трансляция. Обсуждают выборы, ближайшие губернаторские. Мы перейдем к выборам после «Московских новостей». Две минуты до «Московских новостей», хочу вас спросить еще о ситуации в Законодательном собрании. Вы, как депутат, вашим основным местом работы является ЗакС. Как вы оцениваете ситуацию с недопуском журналиста «Эха» на заседание?

БВ: Я считаю, что это абсолютно неправильно. Журналистам должна быть обеспечена возможность профессионально работать в Законодательном собрании. Это их работа. Не пускать человека, потому что не служил в армии, какое это имеет отношение к профессиональным его обязанностям? На мой взгляд, абсолютно никакого. Я надеюсь, что эта ситуация будет исправлена. Я надеюсь, что наши, скажем так, коллеги из аппарата Законодательного собрания, решили оказать «медвежью услугу». Не просто руководство ЗакСа, а всего городского парламента, потому что ситуация дискредитирует весь городской парламент. Когда журналиста не пускают освещать его работу. Ну как же можно это делать?

АП: А что внутри ЗакСа происходит? Вы как-то участвуете в этом процессе, если дискредитируют весь ЗакС, все Законодательное собрание. Фактически, каждого депутата и Бориса Вишневецкого в том числе.

БВ: Мы стараемся на эту тему, естественно, разговаривать. Но проблема в том, что решение об этом принимает не Законодательное собрание. Его принимает управление по связям с общественностью, пресс-служба. Она здесь является тем, кто принимает решение. Мы можем их убеждать и стараемся их убеждать немедленно исправить эту ситуацию. Надеюсь, что это будет сделано.

АП: Мы прервемся на «Московские новости», а потом продолжим.

АП: Возвращаемся в студию. Борис Вишневский, депутат ЗакСа у нас сегодня в «Особом мнении». И мы продолжаем. Остановились мы на том, что пришли к выборам. И, собственно, в преддверии выборов Борис Вишневский хочет сделать объявление маленькое.

БВ: Дорогие друзья! Значит, я все годы своей работы депутатской, я уже второй созыв депутатов отчитываюсь перед избирателями. Сейчас будет отпечатан, в ближайшие пару дней, мой депутатский отчет. Первые два года работы в этом Созыве ЗакСа. И в следующий вторник, 12 марта в 19:00, в Интерьерном театре, Невский проспект 104, я буду представлять этот отчет на встрече с избирателями. Очень прошу вас. Те, кто интересуется моей работой, приходите, я с удовольствием расскажу, что я делал и отвечу на любые вопросы. Мне будет очень приятно вас видеть и отчитаться о том, что я делаю как депутат Законодательного собрания.

АП: Это для тех, кто не состоит в социальных сетях и не может наблюдать за работой Бориса Вишневого ежедневно. По тому, как там — ежедневные отчеты о том, чем занимается депутат Борис Вишневский.

БВ: Тем не менее, сейчас я все это собрал в брошюру. Получилось неплохо. Мне, в общем, есть, что сказать о своей работе за эти два года в Законодательном собрании.

АП: Давайте поговорим теперь о выборах. О выборах тоже, наверняка, вам есть что сказать.

БВ: Конечно.

АП: И у нас ситуация каждый день меняется. Добавляются новые кандидаты. В частности, стало накануне известно, что КПРФ выдвинет на выборы режиссера Бортко. И он, предположительно, будет участвовать в выборах губернатора Петербурга. Как вы к этому известию отнеслись?

БВ: Знаете, КПРФ, естественно, имеет право выставить своего кандидата. Я вообще считаю, что любая политическая партия, тем более парламентская, имеет безусловное право на участие своего кандидата в любых выборах. Тем более, в Петербурге, где КПРФ имеет фракцию у нас, в Законодательном собрании, значит, что ей, как и «Яблоку», как и «Справедливой России», как

и «Партии Роста» и другим партиям не надо доказывать, что она уже имеет поддержку, необходимую для участия в губернаторских выборах. Нам же, когда вводили «муниципальный фильтр», объясняли: надо отсечь тех, у кого поддержки нет. У КПРФ она, конечно, есть. Но, что касается персоналии, мне кажется, что персоналия выбрана крайне неудачно.

АП: Почему?

БВ: Мало того, что господин Бортко отъявленный сталинист, хотя КПРФ, вообще, сталинская партия. Но, не только. Одного этого нам должно быть достаточно, чтобы Петербург не проголосовал за губернатора-сталиниста. Но господин Бортко безумное строительство партии Охта-центра, он подписывал позорное письмо с призывом построить эту башню, этот «газоскрёб» 400-метровый. Против которого мы боролись всем городом, не допустили его строительство. Он выступал в открытую за передачу РПЦ Исаакиевского собора, при том, что подавляющее большинство горожан против этой передачи. Мне не нужен такой губернатор, скажу вам сразу.

АП: То есть, на ваш взгляд, конкретно Бортко — не петербургский кандидат?

БВ: Нет. Он имеет право участвовать, но я уверен, что его не выберут.

Потому что Петербург не выберет губернатора-сталиниста, губернатора, который выступал за Охта-центр и который требует передать Исаакий церкви.

АП: А кто тогда петербургский кандидат?

БВ: Петербургских не мало, на самом деле. Я считаю, что к петербургским кандидатам относятся такие люди, как Оксана Дмитриева и Марина Шишкина, такие люди, как Алексей Ковалев и Максим Резник. К петербургским кандидатам я считаю, что отношусь, уж простите, и я. Человек всю жизнь живущий в нашем городе и работающий десятки лет для петербуржцев.

АП: Борис Лазаревич, чем больше кандидатов — тем лучше? Спрашивает Виктор Епикуров в YouTube трансляции.

БВ: Да, тем лучше. Объясню почему. Вот, идеология давайте сразу выберем кого-то одного, который будет единый демократический кандидат — она вредная не только политически, но и арифметически. Потому что все оппозиционные кандидаты

разные. У них разные группы сторонников. Они чем-то общие, чем-то они отличаются друг от друга. Чем больше будет зарегистрировано кандидатов от оппозиции, тем больше вероятность того, что выборы не закончатся в один тур, тем больше демократических партий придет на выборы голосовать за своих кандидатов и дальше, кто из демократов выйдет во второй тур, вот тот и будет уже, по факту, единый кандидат. Но я считаю, что сегодня задача городского сообщества является оказание такого политического давления на «Единую Россию», чтобы заставить зарегистрировать оппозиционных кандидатов от разных парламентских партий. И от «Яблока», и от «Справедливой России» и от «Партии Роста». Вот потребовать этого.

АП: Вы, в данном случае, не боитесь конкуренции, например, с Оксаной Генриховной, которая говорит о том, что у нее достаточно высокие рейтинги сохраняются. Одни из самых высоких шансов стать губернатором. Стать, по крайней мере, кандидатом от оппозиции. Вы чувствуете эту конкуренцию?

БВ: Конкуренция, конечно, чувствуется. Я ее совершенно не боюсь. Что касается рейтингов — мне хотелось бы понять, кто их мерил. Опросы, которые проводятся в интернете, показывают самые разные результаты. В каких-то из них куда больше уровень поддержки у меня, в каких-то больше у Оксаны Генриховны, в каких-то еще у кого-то. Официальных опросов и их данных я не видел. Утечки о том, что ВЦИО делал какой-то опрос я не видел, но там, в этом опросе, вообще нет меня. Что крайне удивительно. Оксана Генриховна есть, а меня нет. Поэтому сегодня говорить о том, кто там самый популярный и у кого большие шансы преждевременно. Была бы объективная социология, которой все бы поверили, тогда можно говорить у кого изначально шансов больше. Но, опять же, дальше это определяется избирательной кампанией. Хочу вам сказать, что, например, на выборах 2016 года в моем одномандатном округе на старте кампании социологи мне фиксировали результат, там, где-то около 10%. Получилось почти 30% после проведения избирательной кампании. Довольно существенно.

АП: Борис Лазаревич, но до того, как будут делать выбор, собственно, граждане, петербуржцы, будут еще некий отбор с помощью «муниципального фильтра».

Вот здесь, шансы тоже можно как-то оценить? Это уже не связано с соц.опросами.

БВ: Это как раз к тому, о чем я только что говорил. Нужно давление городского сообщества на «Единую Россию», на муниципальных депутатов. Мы с марта месяца, сейчас, запускаем наконец-то, как только закончится снегопад, публичную кампанию по сбору подписей граждан и в интернете кампанию «О давлении на муниципальных депутатов». Будем от них требовать зарегистрировать кандидатов от оппозиционных партий. Дать им всем возможность участвовать.

АП: Но что значит требовать?

БВ: Даже при нынешнем «муниципальном фильтре» есть возможность зарегистрировать 7-8, как минимум, кандидатов от оппозиции, с помощью муниципальных подписей.

АП: Что значит требовать?

БВ: То и значит — требовать. Мы хотим, чтобы граждане, собрав достаточное число подписей, показали муниципальным депутатам, что они настаивают на реальную политическую конкуренцию. Я об этом говорил в самом начале, помните, дорогие радиослушатели. У нас был Георгий Сергеевич Полтавченко, который в 2014 году был избран в неконкурентных выборах, абсолютно. Он и 4 статиста. Что мы получили? Его абсолютное равнодушие, к сожалению, ко многим городским проблемам. Что он не чувствовал себя зависящим от избирателей. Только губернатор, избранный на конкурентных выборах, чувствует, что он избирателям обязан своим местом, а не президенту. И думает о том, как решать их проблемы. Я уверен, что первой задачей является обеспечение конкуренции. А не попытки заранее померится рейтингами, и сказать, кто лучше, у кого в его группе сторонников больше рейтинг.

АП: Давайте еще про «муниципальный фильтр». Собственно, приезжала Элла Панфилова сюда в Петербург. Вы были на этой встрече.

БВ: Я был на этой встрече, да.

АП: До этого шли разговоры о том, что будет изменен порог «муниципального фильтра».

БВ: Возможно.

АП: Успеют ли к сентябрю? Как вы думаете?

БВ: Я думаю, что могут успеть. Знаете, это вопрос политической воли. Была бы эта воля, например, уже бы завтра фильтр, вообще, отменили для парламентских партий, которым не надо ничего доказывать. «Яблоко» вносило уже такой проект. Законодательное собрание его, к сожалению, не приняло. Я не исключаю, что, действительно, «муниципальный фильтр» будет снижен. Но это кардинально не решает проблему. Он должен быть или вообще отменен, или должно быть оказано такое давление на власть, чтобы заставить зарегистрировать кандидатов от оппозиции. Понимаете, есть разные люди, которые имеют полное право претендовать на участие в выборах. Ряд из них уже вам назвал. Это все уважаемые люди, я к ним отношусь с большим уважением, готов с ними, в том числе, конкурировать. Наш главный конкурент, конечно, это или нынешний временно исполняющий обязанности или тот, кого могут поставить на его место. Мы должны не между собой бороться, мы должны бороться с властью, требуя регистрации оппозиционных кандидатов. И, когда регистрируют, уже бороться за победу, за то, что эта власть, может быть, не вышла во второй тур.

АП: Объединение оппозиции возможно на этапе, когда будет понятно, что, например, зарегистрировали не всех оппозиционных кандидатов. И объединиться вокруг того, кого зарегистрировали.

БВ: Зависит от того, сколько регистрируют. Если в результате регистрируют только одного, тогда, естественным путем это может произойти. Если регистрируют нескольких, то дальше все очень просто. Заранее договориться об абсолютном договоре о ненападении. Мы не критикуем друг друга, мы критикуем власть и ее кандидата. А дальше, кто из нас выйдет во второй тур, тот и окажется уже единственным демократическим кандидатом и надо будет ему помогать. Это стандартная технология. Например, я абсолютно уверен, что город заслуживает конкурентных выборов. Каждому из нас есть, что сказать. И мне, в том числе, с учетом опыта, репутации и сделанного. Как мы хотим управлять городом. Я хочу сказать, что последняя, самая главная проблема, на мой взгляд, которую надо решать и чего не хватает. Не хватает зависимости власти от горожан. Власть горожан не слышит, не следует их мнению. То есть их мнение ей безразлично. Вот это надо восстановить.

Нам нужна городская власть, которая будет зависеть от горожан, слушать их голос и поступать в соответствие с их волей. Вот я на это, в первую очередь, буду настаивать.

АП: Еще про выборы. У нас минутка остается. Не только Элла Александровна приезжала в Петербург. Еще приезжал Андрей Ярин, начальник управления президента по внутренней политике. Состоялось закрытое совещание в Смольном. Вообще, все говорят о том, что повышенное внимание со стороны Москвы к петербургским выборам. Это говорит о том, что они будут открытые честные прозрачные?

БВ: Во первых, это говорит о том, что они глубоко не уверены в своем кандидате, в нынешнем, в господине Беглове. Который, на мой взгляд, из любых вариантов решения, уверенно выбирает наилучшее.

АП: Это значит, что его поменяют? Простите, Борис Лазаревич.

БВ: Не исключаю. Во-вторых, это говорит о том, что они идут на абсолютное нарушение закона. Кстати, я и несколько других депутатов подписали обращение в прокуратуру, с просьбой проверить законность этого совещание. На наш взгляд, это абсолютное превышение должностных полномочий, наказуемые в уголовном порядке. Они не имеют права собирать такие совещания, требовать отчета от глав районов и муниципалов, требовать указаний, насколько лояльны муниципальные депутаты и прочее. Вот если власть начинает выборы с беззакония, значит она будет стремиться делать выборы нечестными. Наша задача — этому противостоять всеми силами.

АП: Спасибо большое! На этом мы вынуждены сегодня закончить.

БВ: Спасибо!

АП: Борис Вишневский, депутат ЗакСа был у нас в гостях. Спасибо!

БВ: Спасибо!

Видеозапись программы

<https://echo.msk.ru/programs/personalno/2382901-echo>

«ПЕТЕРБУРГ ЗАСЛУЖИВАЕТ РЕАЛЬНОГО ВЫБОРА ГУБЕРНАТОРА, КОТОРЫЙ БУДЕТ УВАЖАТЬ ЛЮДЕЙ»

«Эхо Москвы в Петербурге». Ведущий Арсений Веснин.

30 мая 2019

А. Веснин: 11 часов 8 минут в Петербурге. Здравствуйте, это программа «Особое мнение», ее веду я, Арсений Веснин. Сегодня а нас в гостях депутат, руководитель фракции «Яблоко» в Петербургском Парламенте, Борис Вишневский. Борис Лазаревич, приветствую вас!

Б. Вишневский: Доброе утро!

АВ: Есть у нас порта для смс, куда можно присылать вопросы, +7-931-291-58-00. Присылайте вопросы Борису Вишневскому. Также идет видеотрансляция на канале Ю-Туб «Эхо Москвы в Петербурге». Там тоже есть чатик и можно вопросы задавать, высказывать свое мнение относительно того, что говорит Борис Вишневский у нас в эфире.

Борис Лазаревич, вы уже довольно давно, кажется прошлым летом, как раз у нас в эфире сказали, что будете идти на губернаторские выборы. Понятно, что сейчас партия должна была как-то решить, кто пойдет от партии «Яблоко» в губернаторы. Как-то уже затянулось! Уже лето послезавтра! А вы еще не выдвинуты от партии. Что происходит?

БВ: Происходит нормальный демократический процесс. У нас праймериз в Петербургском отделении партии, впервые в нашей истории четверо кандидатов, которые проводили четыре тура дебатов. Эти дебаты можно было смотреть на сайте петербургского «Яблока». Они были открытыми, и можно было приходить в наш офис, задавать вопросы. Кстати, даже пригожинские тролли приходили.

АВ: И что спрашивали?

БВ: Ну про что они могли спрашивать? Они спрашивали, а хорошо ли, если депутаты употребляют наркотики?

АВ: Но это же претензии к Максиму Резнику, а не к партии «Яблоко»!

БВ: Понятно, что они приходили не спрашивать, что я думаю о выборах губернатора, про программы и что «Яблоко» будет делать, когда получит городскую власть. Их интересовали совсем другим вещи. Я им так ответил, что им даже написать было не о чем после этого.

У нас были дебаты, несколько туров, а сейчас идет голосование, в котором участвуют члены Петербургского «Яблока». Оно закончится в понедельник. Вечером в понедельник будут подведены итоги, или четвертого, или пятого состоится партийная конференция, которая будет официально выдвигать кандидатов в губернаторы. Я надеюсь, что это буду я. Во всяком случае я постарался убедить в этом моих коллег, в том числе и во время дебатов, что я тот кандидат, за которого партии будет не стыдно, которому есть что рассказать о своей программе, о своем политическом опыте, у которого есть поддержка горожан, есть репутация. И очень много людей после того эфира, который мы с вами вели, Арсений, в июне прошлого года, ко мне просто подходят на улице и говорят: «Мы вас поддерживаем! Мы хотим, чтобы вы участвовали в выборах. Будем за вас голосовать». Эта поддержка — очень важная вещь. Когда ты ее чувствуешь, при случайных встречах, на улице, в общественном транспорте, в магазине.

АВ: А вам не кажется, что как-то поздно все происходит! До выборов три месяца, и получается, что ни вы, ни партия «Яблоко» никакой предвыборной кампании и не вели!

БВ: Это не так, Арсений! Я бы посмотрел. Кампанию веду каждый день. Я ее веду, общаясь с людьми. Я ее веду, занимаясь огромным количеством проблем горожан, с которыми ко мне обращаются. Я веду тем, что рассказываю им об этих проблемах. Больше месяца назад выложил для открытого публичного обсуждения первый вариант своей программы. Получил огромное число предложений, замечаний, советов. Это всё крайне полезно. И я считаю, что это и есть то, чем должен заниматься политик, который идти на выборы. Он должен не в последнюю минуту принимать решения, что он на них пойдет. Я сказал об этом почти год назад. И с тех пор целенаправленно готовлюсь к тому, чтобы участвовать в этих выборах. Не просто участвовать, но и выиграть эти выборы.

АВ: Вы говорите, что ведете свою работу, но вы же занимались тем же самым. Вы и предыдущие годы были депутатом,

тоже встречались с людьми, общались, обсуждали какие-то проблемы, и так далее. Почему нет и не было такой целенаправленной красивой большой кампании «Бориса Вишневого в губернаторы!»? С митингами, со сбором сторонников, каких то таких вещей. Понаблюдаем сейчас, как это происходит в США. Люди начинают готовиться к выборам, начинают идти кампании за два года до самих выборов, если говорить про президентские. Если говорить про губернаторские — то за год. У нас три месяца. Партия до сих пор не определилась. И никаких ярких движений нет.

БВ: В тех же Соединенных Штатах люди могут за два года сказать, что не будут участвовать в выборах, а потом их же собственная партия у себя проводит те же самые праймериз. Бывает очень сложный выбор между разными кандидатами. И никто из них не может быть уверен, что именно он будет кандидатом. Они могут собирать сторонников, могут говорить о своих намерениях, чем собственно я и занимаюсь.

Для серьезного политика вся его деятельность, в том числе и подготовка к выборам, все что он делает становится, а в данном случае, всё, что я делаю как депутат, дает мне основание рассчитывать на поддержку горожан на губернаторских выборах. Мы последний год очень плотно просто с обычными гражданами, с общественностью, с инициативными группами это обсуждаем. Моя работа, и то, что я сделал, ее результаты, которые я могу показать, они тоже дают мне основания принимать участие в этих выборах.

Еще одна вещь, которая дает мне право на участие. Есть же пресловутый муниципальный фильтр, для чего его придумывали? Чтобы показать, что у кандидатов есть поддержка граждан.

АВ: Я думаю, что придумали его по другим причинам.

БВ: Формально этим объясняют. Я понимаю, что придумали по другим, чтобы отсеивать нежелательных. Как было сказано Евгением Ройzmanом, очень хорошее сравнение, что крупные частицы он задерживает, а просачивается мелкая слизь. Когда Ройзмана не пустили на выборы в Екатеринбурге, которые он скорее всего бы выиграл. Его же, кстати, от «Яблока» тогда выдвигали в губернаторы Свердловской области.

«Яблоко» как еще пять партий в 2016 году прошли в городской парламент. Сформировали там фракцию. Мы получили

с учетом того, что у нас отняли — 10% голосов. Это однозначно дает нам право говорить, что у нас поддержка граждан уже есть, и кандидаты «Яблока» как от парламентской партии имеют право участвовать в выборах.

АВ: Звучит то это все красиво. Но вы так и не ответили на мой вопрос, почему нет кампании. Я не понимаю! Кампании, особенно предвыборные, их придумали не просто так. Это как раз способ привлечения избирателей, с одной стороны. С другой, это способ давления на власть, которая имеет в своих руках такой инструмент, как муниципальный фильтр, и можно просто взять и не допустить вас до выборов. Это правда. И это было бы каким-то планомерным давлением на власть. Я этого не видел, и мне это удивительно. И то, что вы сказали, я этого не понял этого ответа. Если захотите, вернемся к этому.

БВ: по поводу муниципального фильтра, вот вы говорите, партия «Яблоко» имеет право выдвигать, но реальность другая! Реальность такая, что вас не пропустят через муниципальный фильтр.

БВ: А это кто сказал?

АВ: А давайте с вами поспорим! Давайте в прямом эфире поспорим! На что? Что вас не пропустят через муниципальный фильтр! На книгу какую-нибудь хорошую.

БВ: Много раз мне говорили, что то, что мной задумано, сравнивая с другими, что этого никогда не будет. Вот не будет и всё! Будет Охта-центр, продадут Исаакий, застроят Малиновку, «Яблоко» не пройдет в законодательное собрание в 2011 году. Я хорошо помню прогнозы социологов, которые нам говорили, что у нас будет 1%, а у меня в округе — 3%. Мне это было сказано за две недели до голосования. Но уже тогда оказалось 22%. А в 2016 уже почти 30%. Это к вопросу о точности прогнозов. Если бы я слушал все прогнозы, я бы тогда никогда и нигде не участвовал, и никогда бы ничего не добился.

АВ: Я не призываю вас отказываться. Просто вероятность того, что вас пропустят через муниципальный фильтр, согласитесь, крайне низкая. Для этого есть определенные причины. Беглов выглядит довольно слабым кандидатом. У нас есть результаты выборов в других регионах, когда кандидаты от власти проигрывали. И совершенно очевидно, что в таких условиях, когда Беглов слабый кандидат, и сама политическая

ситуация немного изменилась, допускать еще хоть сколько-нибудь сильного кандидата и известного человека, вы все-таки в Петербурге узнаваемый политик, не выгодно никому. Реальных ресурсов для давления на муниципалов у вас нет, потому что они Единороссы, у них свои отношения. Есть хоть одна причина, почему Единороссы должны подустить вас до выборов? Я не понимаю!

БВ: Единственной причиной может быть только то самое общественно давление, к которому мы и призываем.

АВ: Но вы даже не устраивали общественную кампанию!

БВ: Насчет кампании по общественному давлению. Во все муниципалитеты «Яблоко» направило обращение. Во все мы придем и все будем обзванивать, как только будут объявлены выборы. Мы призываем граждан оказывать давление на свои муниципальных депутатов, чтобы не только Вишневский, если Вишневский будет кандидатом, представители всех парламентских партий были допущены к этим выборам. Я понимаю, что господин Беглов настолько слабый кандидат, что его стремятся окружить исключительно статистами на фоне которых он только и может выиграть.

АВ: И так и сделают!

БВ: У меня сегодня ощущение, что он любому проиграет. Даже статисти. Я пытаюсь вспомнить, где же у нас действующий мэр проиграл домохозяйке, которая вообще ни на что не рассчитывала? То ли в Улан-Удэ?

АВ: Тоже не могу вспомнить.

БВ: Сегодня мне кажется ситуация такая, что уже не во втором туре, потому что во втором туре Беглов проигрывает любому не открытому представителю «Единой России». Я думаю, он и в первом туре может уже любому проиграть, судя по тому, как он действует. Все сказки, про какие-то его рейтинги, это просто способ дезинформации общественного мнения. Никто не рассказывает, с кем его сравнивали.

АВ: Вы говорите, что ВЦИОМ накануне, что поддержка Беглова, людей, которые готовы проголосовать за Беглова — 54% в Петербурге.

БВ: А хочется понять, а что у них спрашивают? Им сообщали, что кто-то еще будет баллотироваться? Или им задавался условный вопрос, обострю, если в выборах будет участвовать

Беглов и Пригожин? Поддержите вы Беглова в этой ситуации?

АВ: Борис Яковлевич, ну что? Будем спорить, допустят вас к выборам или нет?

БВ: Это предмет спора не между нами. Это предмет давления общества на власть. Его заинтересованности в том, чтобы были конкурентные выборы. Мы сейчас видим очень много примеров, когда в разных регионах страны люди перестают реагировать на кремлевские команды, перестают воспринимать их как нечто, данное богом, и подлежащее выполнению. Да, Беглова к нам прислал Путин. Наверное несколько лет назад сказали бы: «Ну, раз прислал Путин, надо выбрать! Что же поделаешь!» А что происходит сегодня! Посмотрите, что в Екатеринбурге происходит, когда все-таки заставили эту власть отступить. Что происходит в Архангельске, где люди борются отчаянно против того, чтобы им возили московский мусор. Что в Ингушетии происходит, где люди тоже не хотят смиряться с тем, что их не слушают.

АВ: Но это все уличные акции, которые не вы устраиваете.

БВ: Думаю, что уличные акции будут. Уличные акции появляются тогда, когда уже что-то произошло, чтобы этого не произошло. Мы в том числе будем устраивать и публичные акции, и мы будем делать все, для того, чтобы у Петербурга был шанс, не подчиниться этим кремлевским командам. Выбрать губернатором не того, кого хотят навязать, прислали оттуда, и как только он откроет рот, начинает нести такое, что неловко становится. Но самое главное — он не способен управлять городом! Городу он не подходит. Он не годится в губернаторы.

АВ: Почему он не годится?

БВ: Потому что он не понимает город! Он его не любит! Он не уважает людей, которые живут в городе. У нас были времена, когда городом управляли более-менее хорошо. Последний раз, когда им Щелканов управлял. Когда Щелканов возглавлял исполком. Были времена, когда управляли им по-разному. При Яковлеве, при Собчаке. Были времена, когда управляли плохо, при Валентине Матвиенко. И были времена, когда управляли никак. При Георгии Сергеевиче. А как сейчас — не управляли никогда! Сейчас такое ощущение, что городом управляет политтехнология, везде сплошной пиар, из каждого утюга.

Новости, это как в советские времена программа «Время» — все о нем и немного о погоде. Это недостойно Петербурга. Петербург заслуживает реального выбора губернатора, который будет уважать людей, который будет слушать, который будет ими выбран, а не навязан из Москвы.

Я стараюсь людей убедить в том, что они не должны соглашаться с навязываемым сценарием, который будут пытаться реализовать: повторить выборы 14-го года — Георгий Полтавченко и четыре с половиной партнера. Это очень опасно, потому что тот, кто таким образом будет выбран, ему на людей будет плевать. Он из забудет на следующий день после выборов. Хотя и до этого он о них особенно не вспоминал.

АВ: Это все прекрасно звучит, и наверное многие подписались бы под вашими словами, но я все равно не понимаю, каким образом вы собираетесь добиться того, чтобы вас зарегистрировали кандидатом в губернаторы?

БВ: Те, кто нас слушает, и те, кто, как вы говорите, поставят подпись под моими словами, чтобы они тоже, а не только «Яблоко». Пять миллионов человек! Для этого нужно полтораста подписей муниципальный депутатов.

АВ: И вы серьезно думаете, если какой-нибудь житель напишет бумагу своему муниципальному депутату...

БВ: Может и прийти, потребовать! Пусть ему откажут! Пусть ему попробуют сказать, а мы не хотим! Этому муниципальному депутату, между прочим, идти на выборы осенью тоже! Это вы зовет к нему соответствующее отношение у граждан.

АВ: Муниципальный депутат будет понимать, что решат с его выборами, не конкретно одним сторонником Бориса Вишневого. Допустим, я пошел бы к муниципальному депутату, представим, что я поддерживаю вас на губернаторских выборах. И я бы пошел к муниципальному депутату. Честно скажу, я бы нашел его адрес, узнал, кто такой, пришел с ним разговаривать, потратил много времени. Скорее всего столкнулся бы с каким-нибудь хамством. Только в одном случае, если бы я видел какую-то энергичную борьбу за допуск к этим выборам. А я этого не вижу.

БВ: Жаль. Повторю, я этим занимаюсь каждый день. А как должна выглядеть борьба за допуск к этим выборам? Она должна быть обращена не только к депутатам, но и к гражданам.

АВ: Да, в первую очередь.

БВ: У меня спрашивают на улице, что сделать для того, чтобы вам помочь? И я им говорю то же самое, что я говорю сейчас в этом эфире.

Давите на своих муниципальных депутатов! Объясняйте им, что если они откажутся подписаться за Вишневого, то вы лично сделаете все, чтобы осенью на выборах их провалить, поскольку они лишили вас реального выбора во время губернаторской кампании». И всех соседей уговорите, чтобы они не голосовали.

АВ: Разговоры на кухне или в метро, это все замечательно, все хорошо, но я имею в виду активные действия — листовки, реклама, митинги, выступления, выступления людей известных, представителей кино и культуры, которые бы вас поддерживали на каких-то мероприятиях. Так я это вижу.

БВ: Это все будет организовано.

АВ: Три месяца осталось! Вас не регистрируют, и всё!

БВ: Как только будут объявлены выборы, мы получим юридическую возможность выпускать в том числе и материалы.

АВ: Но можно же материалы по разному делать. Вот коммунист Владимир Бортко висит на билбордах у нас вокруг редакции уже сразу, как стало известно, что он пойдет на губернаторские выборы.

БВ: Если я был бы столь же безопасен для властей как Владимир Бортко, который кстати в Госдуме голосовал за людоедские законы, который поддерживал строительство Охта-центра, выступал за передачу Исаакия церкви, и так далее, мне тоже наверное дали бы повесить билборды. В 2016 году во время выборов в Законодательное собрание в одномандатном округе в центре мне под любыми предложениями отказывали в любой уличной рекламе. Сперва соглашались, но когда узнавали, кто — немедленно находились причины для того, чтобы отказаться в этом.

Кроме того, я очень активно пользуюсь социальными сетями, возможно вы следите.

А.Веснин. Конечно! Ваши посты в фейсбуке я не пропускаю.

БВ: Не только посты, я выкладываю видеообращения, веду там диалог с гражданами во всех возможных сетях любыми способами. Я стараюсь делать всё, чтобы коммуникация

с горожанами была максимально интенсивной, и чтобы убедить их, что если меня не допустят к выборам, это нарушение не моих прав, а нарушение их прав.

АВ: Нужно убеждать не только тех людей, которые интересуются политикой...

БВ: Конечно, но и тех, кто не интересуется!

АВ: Которые «спят», у которых все тихо и спокойно. Это самое сложное.

БВ: Я стараюсь убеждать и тех, и других. И хочу заверить, что люди, с которыми я общаюсь, в их числе есть и те, которые политикой не очень интересуются. Но я всегда стараюсь им объяснять, и что я часто слышу от общественности, что мы мол политикой не занимаемся, нам не интересно, не втягивайте нас в нее. Все, что происходит, это всё — политика! Все проблемы, с которыми мы сталкиваемся, когда вырубают сквер, когда у вас под окном ведут дорогу, когда разрушают историческое здание, это все следствие политических причин. Надо политику изменять, чтобы изменилась жизнь.

АВ: Это очень грамотно звучит, только люди на это говорят, ой, мы все равно ничего не поменяем, там одни жулики, и так далее.

БВ: А тут я сразу отвечаю, что когда людям внушают, что все равно ничего не изменишь, все равно ничего не получится, ваши усилия тщетны. Вот те же самые питерские примеры, когда мы заставляли власть отступить. И с Охта-центром, и с Исаакием!

АВ: В этом то и проблема. Вы им отвечаете, но вы не выносите проблему куда-то вперед, в массы, которые не интересуются политикой.

БВ: Я выношу в массы всеми доступными мне средствами коммуникаций. Может быть этого не достаточно, может быть. Но мы действуем в условиях очень ограниченных ресурсов. Все ресурсы, которые у меня есть, и у моих друзей и коллег, мы используем.

АВ: Много вопросов вам приходит.

БВ: Пожалуйста!

АВ: Минута до перерыва. Можете коротко? Михаил Амосов. Его сейчас тоже прочат в человека, который сейчас будет допущен к выборам. Он сейчас фигурирует в различных соопросах

и будет представлять условную либеральную оппозицию. Как вы к этому относитесь?

БВ: Мне кажется, что это игры в самом Смольном. Михаил Иванович из «Яблока» ушел, к сожалению, создаю свою небольшую организацию — движение «Демократическое обновление». Собрать самому как самовыдвиженцу 75 тысяч подписей? С помощью такой организации — невозможно. Их возможно только получить от властей. Если власти хотят вести такую игру, считая его удобным кандидатом, то мне будет жаль, если он на это согласится.

АВ: А вы считаете, что он удобный кандидат для выборов властям?

БВ: Более удобный, чем я.

АВ: Продолжим после московских новостей. Будет много вопросов про «Умное голосование» — «За любого кроме Беглова».

БВ: Это я легко отвечу!

АВ: Много пришло вопросов. За кого голосовать? Как голосовать? И как вы относитесь к проекту Навального «Умное голосование», то есть условно говоря «За любого кроме Беглова» или за какого-нибудь одного сильного кандидата, просто чтобы продавить партию власти?

БВ: Нечто очень похожее мы уже видели в 2011 году. Помните, Арсений? «Голосуйте за кого угодно кроме Единой России»? На думских выборах.

АВ: Конечно помню.

БВ: Что мы получили на этом? Помните? Думаю слушатели об этом тоже помнят. Мы получили большие фракции Коммунистической партии и Справедливой России в Государственной думе. А дальше у нас там было четыре оттенка серого. По всем ключевым вопросам они голосовали ровно так же как Единая Россия. Я даже отодвигаю в сторону такие вопросы как присоединение Крыма, за что они голосовали все просто в экстаическом порыве. Но закон подлецов — закон о запрете на иностранное усыновление. За — и коммунисты и Справедливая Россия.

АВ: Именно эту думу и назвали «бешеным принтером».

БВ: Так она же собралась в результате вот такого призыва! Голосуйте за кого угодно только не за этих! Еще парочку примеров

приведу. Законы об НКО, об иностранных агентах. Это ровно то же самое. Закон об уголовной ответственности за призывы к митингам. Тут правда, коммунисты против были, но Справедливая Россия — за. Пресловутый пакет Яровой...

АВ: Мысль понятна. У нас не очень много времени.

БВ: Этот призыв не точен. Голосовать надо не «за любого кроме Беглова». Вам предложат на выбор. Вот вам Беглов — и Совершаева, Или Беглов и Пригожин. Какое будет «Умное голосование»? В этом случае.

АВ: Это значит — два кандидата от власти. Пока мы не видим такой картины.

БВ: Тем не менее могут быть кандидаты абсолютно не пригодные.

АВ: Вы приводили пример со смехом и иронией, и для вас, мне кажется, это симпатичный пример, как проиграла Единая Россия в Усть-Илимске, где стала женщина-домохозяйка мэром.

БВ: На самом деле это пример не очень смешной. Там видимо мэр настолько достал, что любой его конкурент казался лучше его. Но если говорить о том, как определять при голосовании, давайте посмотрим какое будет меню. Кто у нас будет из участников на этих выборах.

АВ: Допустим, если вы будете, я понимаю, вы будете говорить «голосуйте за меня». Очевидно. Если вас не будет? А будет Олег Капитанов из ЛДПР, Михаил Амосов будет, кто-нибудь из Справедливой России будет, какая-нибудь Надежда Тихонова, ну еще какие-нибудь патриоты России. Что делать тогда?

БВ: Давайте сперва увидим это! И потом будем обсуждать. Избиратель должен голосовать за того, кто ближе всего к нему по взглядам.

АВ: Допустим, не будет человека, который близок по взглядам. Что делать?

БВ: Все равно есть масса вариантов. Или из тех вы выберете того, кто ближе к вам. Или вы можете прийти и проголосовать против всех. Зачеркнуть все клеточки.

АВ: И что это даст?

БВ: Это даст уменьшение процента для кандидата от власти. Это даст увеличение вероятности второго тура. И есть вариант, против которого я категорически — это вариант с бойкотом, по-

тому что одновременно с губернаторскими выборами идет еще муниципальная кампания. Бойкот вообще не работает. Уважаемый Алексей Анатольевич Навальный призывал к бойкоту на президентских выборах? К чему это привело? К увеличению процента голосов за Путина. И к тому, что потом продавили повышение пенсионного возраста, и кучу других пакостей, повышение налогов, именно потому что Путин получил подавляющий процент. А те, кто могли бы его процент опустить, на выборы просто по призыву Навального не пришли. И очень многие.

Тут то же самое. И самое важное, что люди не пришли голосовать на муниципальных выборах. Там никаких фильтров нет. И очень важно, чтобы были нормальные муниципальные депутаты. В этом году нет пресловутого досрочного голосования. Есть большой шанс у оппозиционных кандидатов выиграть муниципальные выборы. Для этого нужна явка избирателей, которые готовы их поддержать.

АВ: Может быть вы сейчас на меня обидитесь, но тут есть принципиальная разница между вами и Навальным. С точки зрения политика. Навальный предлагает какой-то рецепт действия, а вы говорите – подождите, посмотрите! Подумаем, обсудим.

БВ: Арсений, не так, не так! Как действовать, мы будем обсуждать, когда увидим состав участников, а не заранее. Вот тогда мы будем думать, какой вариант поведения избирателей при этом раскладе участников является оптимальным с точки зрения достижения результата. Этим результатом должно быть и поражение действующей власти, и смена политики. Посмотрим исходя из состава участников какая тактика будет оптимальной. Вариантов есть несколько. Голосовать за того, кто вам симпатичнее, или сделать бюллетень недействительным, фактически проголосовав против всех. Но обязательно прийти, потому что очень важно и опустить процент кандидата от власти своим участием, и поддержать кандидатов и от «Яблока» и от других оппозиционных сил муниципальной кампании. Это чрезвычайно важно. У нас есть шанс в этом году на выборах добиться реальных перемен. И на губернаторских, повторяю, это возможно. Это зависит от степени общественного сопротивления. И на муниципальных.

AB: Короткий вопрос. Для вас кто был бы лучшим губернатором? Бортко или Беглов?

BB: Я бы не хотел, чтобы у меня был такой выбор. Оба непригодны. Беглов — понятно почему, а сталинист Бортко, просто упертый сталинист.

AB: Это сложный вопрос.

BB: Не сложный.

AB: Никто? Надо выбрать — один и два. Надо нажать на одну кнопку.

BB: Если будут эти двое, я проголосую против обоих.

AB: Спасибо, это было «Особое мнение» Бориса Вишневого. Счастливо.

Видеозапись программы

<https://echo.msk.ru/programs/personalno/2435819-echo>

«ВТОРОЙ ТУР ВЫБОРОВ КАНДИДАТ ОТ ВЛАСТИ ПРОИГРЫВАЕТ ДАЖЕ САПОГУ»

*«Эхо Москвы в Петербурге». Ведущая Татьяна Троянская.
2 сентября 2019*

Т. Троянская: Здравствуйте! В эфире программа «Особое мнение», меня зовут Татьяна Троянская. Сегодня у нас в гостях депутат Законодательного собрания Петербурга, лидер фракции «Яблоко» в ЗакСе, Борис Вишневецкий.

Б. Вишневецкий: Доброе утро!

ТТ: Кому-то утро, а кому-то и день. Я думаю, что вы сегодня рано проснулись, потому что видела фотографию, как вы выступали на линейке в своей родной школе. О чем говорили детям?

БВ: Говорил о том, что я очень завидую первоклассникам, у которых впереди много интересных лет, школьная дружба, учителя. Одиннадцатиклассникам, которым последний год учиться, говорил, что они будут вспоминать о школе, скучать по ней, будут приходить в нее, как прихожу я. Просил ребят беречь учителей. Я своих школьных учителей помню до сих пор, моя первая учительница, слава Богу, еще жива, мы с ней перезваниваемся.

ТТ: Да, это действительно здорово. Сегодня 2-е сентября, дети пришли в школу. Но в эти дни многие также вспоминают о Беслане.

БВ: У меня перед глазами до сих пор стоит это первое сентября 2004-го года. Помню этот кошмар, как сейчас. Много лет мы с коллегами из молодежного движения «Яблоко» на Малой Садовой ставили стенд с фотографиями всех детей, погибших в Беслане. Это одна из самых страшных картин в моей жизни, которые я видел. И на этих акциях, и сейчас я не перестаю повторять, что, на мой взгляд, не было сделано все, что нужно для того, чтобы спасти детей. Дети фактически были принесены в жертву государственной необходимости, необходимости уничтожения террористов. Я же хорошо помню, как нам врали, что террористы не выдвигают никаких требований, а с ними отказались вести переговоры.

ТТ: И количество человек нам объявляли совершенно другое...

БВ: Было сплошное непрекращающееся вранье несколько дней. На мой взгляд, тогда надо было все усилия бросить на освобождение детей. Кто-то из пропагандистов сказал тогда буквально: «Нас не поставит на колени, мы не сдадимся». Мне позвонили журналисты, я ответил: «Если бы это могло спасти хотя бы одного ребенка, я бы на колени встал». Потому что самое главное было – спасти детей. К сожалению, до сих пор не наказаны виновные. Вчера было выложено обращение общественной организации «Голос Беслана» матерей, чьи родные там погибли, они требуют ответов на свои вопросы: почему начали штурм, обстрел? Почему не сделали все для спасения детей, практически приговорив их к смерти.

ТТ: Таким напоминанием является фильм «Школа №1», который сняла «Новая газета». Удивительно, что вначале

картины идут титры с текстом о том, что телевизионные государственные каналы не предоставили ни одной видеозаписи. И там очень четко и подробно описана вся эта история.

БВ: Ничего удивительного в том, что телеканалы, которые находятся полностью под влиянием власти, ничего не предоставили. И правды на этих телеканалах о Беслане мы не слышали. Я думаю, что когда-нибудь мы ее узнаем. Это будет, когда в нашей стране произойдут перемены. Возможно, будут и наказаны виновные в гибели детей. Я говорил и скажу еще: тогда только один человек в стране мог запретить вести переговоры, и только он мог или приказать, или одобрить штурм Бесланской школы. Я уверен, что когда-нибудь правда станет публично известной, и наказание тоже последует.

ТТ: Также Юрий Дудь снял фильм о Беслане, я его пока не видела, но он выложен в сети, можно посмотреть. Не уходя далеко от первого сентября, я хочу спросить: вы же тоже преподаете, Борис Лазаревич? Насколько я знаю, в РГПУ им. Герцена и в Европейском университете.

БВ: Я преподаю в РГПУ им. Герцена, уже несколько лет я там профессор политологии, учу студентов. Что касается Европейского университета, то там я проработал профессором всего два месяца.

ТТ: А что случилось?

БВ: Меня пригласили преподавать туда политологию. А перед этим я очень активно занимался защитой Европейского университета, мне даже торжественно вручали знак защитника. Но дело даже не в этом, а в том, что мой практический преподавательский опыт был там нужен, и я с удовольствием принял приглашение там преподавать. В феврале я прочел там первую лекцию, она же оказалась и последней. После этого на меня написали 5 доносов в Москву (в ФСБ и прочие структуры) о том, что я говорю недопустимые вещи. Хотя на этой лекции я говорил о том, о чем я говорю постоянно, более того это тема моих научных публикаций. О том, что по нормам Конституции, права и свободы граждан должны определять властные структуры, это весь смысл их работы. А у нас все происходит с точностью наоборот: принимаются законы, затрудняющие реализацию прав граждан, исполнительная власть делает все, чтобы тоже помешать реализации этих прав, а суд

эти права не защищает. Обо всем этом я прочел лекцию с примерами. После чего последовала серия доносов и руководству университета тонко намекнули о том, что если Вишневский останется, им не дадут лицензию и они не смогут продолжать свой учебный процесс. Я сказал, что не хочу подставлять университет и ушел, хотя, конечно, осадок остался горький. Ведь они знали, кого приглашают, я никогда не скрывал своих точек зрения, обо всем везде открыто говорю.

ТТ: То есть вы продолжаете преподавать политологию в государственном вузе, а из свободного Европейского университета, вас попросили уйти?

БВ: История печальная. Но могу сказать, что лицензию им дали, они продолжают свою деятельность. И, если коллеги из Европейского университета, захотят вернуться к моей кандидатуре, я готов это обсудить.

ТТ: Для этого, конечно, нужно проявить смелость в первую очередь ректору — Вадиму Волкову. Давайте про выборы поговорим. У нас осталась до них неделя. 8-го сентября петербуржцы будут голосовать за губернатора и также пройдут муниципальные выборы. Давайте начнем с них. Была ожесточенная борьба за то, чтобы зарегистрироваться. Но вот вы объясните мне: за что борются? В чем прелесть быть муниципальным депутатом? Это какие-то полномочия? Деньги?

БВ: Есть и деньги, и полномочия. Самое главное из них — благоустройство территории. Муниципальные бюджеты иногда составляют сотни миллионов рублей. И понятно, что эти деньги достаточно лакомый кусочек для их освоения. К сожалению, у нас довольно многие муниципалитеты превращены сегодня в такие междусобойчики по освоению этих бюджетов. Часть денег они тратят на себя — зарплаты, премии, командировки по обмену опытом и прочее. А часть денег осваивается через созданные муниципалитетом предприятия, учреждения, которые занимаются благоустройством. Представьте себе, какой-нибудь муниципалитет создал предприятие для выполнения работ по благоустройству, посадил туда руководителем собственных же депутатов.

ТТ: Ну, допустим, я стала муниципальным депутатом, назначила

руководителем своего коллегу Валерия Нечая.

БВ: Нет, для этого вам нужно, чтобы вас избрали главой муниципального образования. Это делают остальные депутаты. Вот у вас команда, которую вы привели, и, если у вас намерения на этом деле обогатиться, вы создали такое предприятие, перекидываете туда десятки миллионов на благоустройство своей территории. Коллега Нечай его возглавил, дальше вы сами заказываете работы, сами их проверяете, составляете акты, оплачиваете. И делаете это все не без своей выгоды. Такого рода схемы у нас широко в городе применяются.

ТТ: То есть это убогое качество городских праздников в округах, это как раз распиленный бюджет?

БВ: Если б только! Вот сейчас в части муниципалитетов, как обычно перед выборами, начинают раздавать подарки, организовывать экскурсии для пенсионеров, продуктовые наборы выдают. Вот эту систему надо ломать решительным образом. Это одна составляющая, почему так борются за эти места. Вторая составляющая это то, что муниципалитет это такая кормовая база для «крышующих» их депутатов законодательного собрания и государственной думы. Понятно, что с одной стороны эти депутаты, в том числе и через бюджет города выделяют им субсидии на то же благоустройство. А потом, когда наступают городские выборы, эти муниципалитеты оказывают им поддержку на выборах ЗакСа и Госдумы. И третий, очень важный момент, муниципальные выборы — это фильтр губернаторских. То есть именно от муниципалитетов зависит, кто будет допущен на губернаторские выборы. Ваш покорный слуга тоже пытался участвовать в выборах губернатора, как кандидат от «Яблока».

ТТ: Сколько депутатов вас поддержали?

БВ: Всего 5 депутатов меня поддержали из более чем полутора тысяч. Все остальные дружно подписались за тех, кого надо. И если этот фильтр сохранится, то очень важно, чтобы в муниципалитетах были депутаты, независимые от власти. Именно поэтому сейчас шла такая ожесточенная борьба: сперва в массовом порядке скрывали факт назначения выборов, потом скрывались избирательные комиссии, запирали двери, уезжали на скорой, потом, когда оппозиционным кандидатам удалось зарегистрироваться, на них начали писать жалобы в суды. Мои коллеги из «Яблока» выдвинули более 600 человек.

В выборах участвует около 420. Полтора месяца ушло на бесконечные жалобы в Горизбирком, суды. Вместо того, чтобы вести избирательную кампанию мы и кандидаты от других оппозиционных сил были вынуждены бороться просто за свое восстановление своей кандидатуры. Я живу на Васильевском Острове, в округе «Морской» и на сегодняшний день, там только двое наших кандидатов.

ТТ: Я хочу сказать, что не только это вашей партии касалось, много очень независимых депутатов не допустили.

БВ: И до сих пор идут попытки снять кого-то через суд.

ТТ: Но, тем не менее, здесь важно понимать, что люди, которые придут на избирательный участок, они голосуют сразу за нескольких депутатов.

БВ: Действительно люди не понимают, что выборы пройдут по многомандатным округам. Можно проголосовать не более, чем за 5 кандидатов. Меньше — можно, но больше — ни в коем случае нельзя, иначе бюллетень будет считаться недействительным.

ТТ: Поэтому, друзья, внимательно изучайте своих кандидатов.

БВ: Я сегодня был в 321 школе, там тоже есть избирательный участок, где висит плакат с кандидатами. Я, кстати, очень советовал бы нашим горожанам не только прийти на выборы, но и зайти до выборов на избирательный участок. На сайте городской администрации есть специальный раздел, где можно найти перечень всех избирательных участков с адресами. Посмотрите заранее, кто у вас баллотируется, чтобы не делать выбор в последний момент.

ТТ: А выносные избирательные участки — Псковская, Новгородская, Ленинградская области, почему там только губернаторские выборы?

БВ: Потому что выборы губернатора проходят по единому избирательному округу — по всему городу. И чисто теоретически такие выносные участки можно организовать, где угодно, другое дело, что они очень опасны. И мои коллеги из «Яблока», и другие оппозиционные депутаты были против их образования, потому что их будет практически невозможно проконтролировать. Туда очень сложно попасть наблюдателем, журналисты не все туда доедут, и потом ничего будет не доказать.

Муниципальные выборы — это отдельные выборы. И невозможно практически на этих выездных участках, чтоб человек проголосовал, потом выяснять, к какому муниципалитету он приписан. Это все технически почти невозможно.

ТТ: Тем не менее, муниципальные выборы, на ваш взгляд, очень важны, не менее, чем губернаторские?

БВ: Вне всякого сомнения! Потому что те депутаты, которые должны жить там же, рядом с избирателями, видеть, что происходит у них на территории: заниматься благоустройством, детскими площадками, спортивными комплексами. Своим муниципалитетом в округе «Морской», я крайне недоволен. Потому что только перед выборами они начинают что-то срочно асфальтировать. И понятно, что очень многие недовольны своими депутатами, которых они почти не видят. Я бываю почти во всех горячих точках Петербурга: там, где возникают конфликты, связанные со стройкой, с уничтожением скверов, исторических зданий, прокладкой скоростных трасс. И почти никогда не вижу там муниципальных депутатов. Поэтому очень важно, чтобы граждане избрали тех, кто действительно будет представлять их интересы, вместе будет бороться против власти, если та нарушает их права.

ТТ: В общем, посмотрите на лица своих кандидатов в депутаты и подумайте, захочется вам к этому человеку с просьбой обратиться или нет. Иногда лицо говорит само за себя. Давайте от муниципальных к губернаторским. Вспомнила я тут в пятницу песню: «Уже нас трое, уже у нас потеря, но жизнь — игра, чего же вы хотели», помните? Из «Трёх мушкетеров». Владимир Бортко ярко выступил и ушел.

БВ: Я хочу напомнить один интересный эпизод. 24 июля был митинг за честные выборы у Финляндского вокзала. Я там выступил и сказал, что призываю всех трёх кандидатов в губернаторы, которые «не власть», сняться и тогда будут новые выборы. Через 3 месяца и при другом муниципальном фильтре, что важно. Когда будут другие муниципальные депутаты.

ТТ: То есть уже с теми муниципалами, которых сейчас выберут.

БВ: Да, которые будут избраны 8 сентября. Бортко сразу после меня вышел на сцену и объявил это провокацией. Его пресс-служба просто билась в истерику, как Вишневский

посмел устроить эту гнусную провокацию, когда надо всем объединить усилия, вокруг Владимира Владимировича [Бортко], видимо. И бороться против власти. Вот теперь мы видим, что Владимира Владимировича вот так вот решил с выборов слиться. И я, честно говоря, примерно понимаю почему.

ТТ: Ну, может быть, он понаблюдал за кампанией, увидел, что всё несправедливо. Он же высказался, рассказал про те участки в Псковской области. Вы же ведь согласны с тем, что...

БВ: Я согласен с тем, что это несправедливо. Правда, это было видно ещё месяц тому назад. И даже полтора. Что это всё абсолютно несправедливо.

ТТ: Он попытался устранить, попытался Элле Памфиловой сообщить, призвал её к дискуссии. Но вот не случилось.

БВ: Я могу сказать так: без сомнения этим власти оказана большая услуга. Без сомнения эта ситуация вызвана страхом власти даже перед таким составом кандидатов...

ТТ: То есть вы считаете, что Бортко убедили снять свою кандидатуру власти?

БВ: Да, я так думаю. Потому что власть настолько слаба с точки зрения своего кандидата, что боится даже Бортко. Она панически боится второго тура выборов. Понятно, что если кандидатов остаётся трое, то вероятность второго тура снижается. Просто потому что те, кто за власть, они придут и проголосуют. А те, кто были бы за Бортко: кто-то не придёт, кто-то может изменить свои предпочтения. И мне совершенно понятно, что если бы власти нужно было, чтобы Бортко остался, он бы остался. Он снялся именно потому, что они очень боятся непредсказуемого исхода этих выборов. Сейчас, к сожалению, ситуация стала хуже, в том плане, что шансы власти стали больше. Правда, избиратели, придя на избирательные участки, могут ещё переломить эту тенденцию. У них есть такая возможность. Каждый остаётся в день голосования наедине со своим избирательным бюллетенем. И вправе принимать то решение, которое сочтёт нужным и правильным.

ТТ: Да вот мы как раз говорили сегодня про бюджетников. Действительно вы можете прийти, но никто же за вами не подглядывает. Проголосуйте, так как вы считаете нужным.

БВ: Совершенно верно. Власти, конечно, выгодна низкая явка. Как на губернаторских, так и на муниципальных выборах.

Потому что в этом случае исход выборов определяют те, кого они пригонят — управляемый электорат. Это не только бюджетники, но и военные, курсанты, часть пенсионеров, часть студентов, на которых они могут воздействовать. И если не придут другие, то этот план реализуется. Именно поэтому крайне мало информации о муниципальных выборах. А в муниципалитетах все делают для того, чтобы пришли «свои». Те, кого они прикормили за это время бесплатными экскурсиями, продуктовыми наборами, подарками. Поэтому еще раз обращаюсь к петербуржцам: если вы не хотите жить так, как сейчас, а хотите изменений, то сделайте что-то для этого. Придите на выборы и проголосуйте за тех, кого высчитываете достойным. Тех, кто, может быть, будет проводить другую политику, другой курс, делать не так, как сейчас. Посмотрите, что они предлагают и сделайте свой выбор. Но, если вы не придете, то вам потом придется жить с тем губернатором и теми депутатами, которых выберут 8-го сентября другие. Потом вам придется прийти к ним за помощью, а, возможно, вы ее не получите. И все потому, что вы сами ничего не сделали для того, чтобы на этом месте были другие люди.

ТТ: Сейчас появляется информация, правда она непроверенная, что Надежда Тихонова хочет снять свою кандидатуру. Правда также отмечу, что в пятницу мы спрашивали у Надежды, не планирует ли он снять свою кандидатуру, и она ответила, что будет биться до последнего. Может ли Надежда уйти? И если останется два кандидата — Амосов и Беглов, что-то это поменяет?

БВ: Я бы на месте власти так не рисковал. Потому что второй тур ее кандидат проигрывает даже сапогу. Я не исключаю, что власть захочет оказать какое-то давление, но я думаю, что сейчас они понимают, что в ситуации, когда осталось трое кандидатов, убедить кого-то еще сняться, это значит, превратить первый тур во второй и почти наверняка обречь себя на поражение. Поэтому я не думаю, что Надежда будет сниматься. Другое дело, если и она, и Михаил Амосов действительно хотят, чтобы у нас были честные конкурентные выборы, они могут оба снять свои кандидатуры и по закону будут новые выборы. Я, правда, думаю, что они этого не сделают.

ТТ: Тем не менее, Борис Лазаревич, многие отказываются идти на выборы, потому что считают, что все равно нарисуют бюллетени.

БВ: Нет, это категорически неверно. Во-первых, если вы хотите, чтобы не нарисовали, записывайтесь наблюдателями. Во-вторых, придите! Потому что, если вы не придете, то тогда точно может быть все, что угодно. Сделайте все, что от вас зависит, чтобы потом не было мучительно больно за результат выборов.

ТТ: Это было предвыборное напутствие депутата Законодательного собрания Петербурга, лидера фракции «Яблоко» в ЗакСе, Бориса Вишневого.

БВ: Спасибо! До свидания!

Видеозапись программы

<https://echo.msk.ru/programs/personalno/2493969-echo>

«МОСКОВСКОЕ ДЕЛО» — ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПРАВ ГРАЖДАН»

«Эхо Москвы в Петербурге». Ведущая Татьяна Троянская.

14 октября 2019

Т. Троянская: Мы уже в эфире, 11 часов 7 минут, в студии Татьяна Троянская. Особое мнение сегодня депутата Законодательного собрания Петербурга, лидера партии «Яблока», Бориса Вишневого. Борис Лазаревич, добрый день!

Б. Вишневский: Доброе утро, дорогие радиослушатели! Доброе утро, Таня.

ТТ: И я всех призываю присоединиться к нашему эфиру. И на Youtube тоже у нас идёт в настоящий момент трансляция:

заходите на Youtube-канал, набираете «Эхо Москвы в Петербурге» и здесь можете нас видеть. И также задавать вопросы и общаться друг с другом. Московское дело продолжается, и вот сейчас апелляции: апелляция Константину Котову сегодня. И каждый день новости, которые нас не слишком радуют. На ваш взгляд, чем всё это закончится и продолжится.

БВ: Мне трудно сказать, чем это закончится, но я могу сказать, как я это оцениваю. Я это оцениваю, как преступление против конституции, преступление против прав граждан. Как действия организованной преступной группировки, которая преследует граждан, пожелавших всего лишь мирно выйти на улицы Москвы и потребовать честных выборов и регистрации своих кандидатов. Если бы мы имели нормальное правосудие, нормальную судебную систему и нормальные правоохранительные органы, то сегодня бы «Московским делом» называли бы дела против полицейских, росгвардейцев, которые избивали и задерживали людей. Против следователей, которые возбуждали эти дела. Против судей, которые выносили неправосудные приговоры. Вот, что должно было быть сегодня московским делом. Но, вместо этого, мы обсуждаем преследования граждан: очень молодых, не очень молодых, которые провинились, в кавычках, только тем, что посмели выйти на улицу.

БВ: Позорнейшее дело Константина Котова даже, пожалуй, выбивается из этого ряда, потому что конституционный суд однажды уже признал недопустимость подобных преследований. Не может любое количество административных правонарушений — даже оставим в стороне вопросы обоснованности административного наказания за одиночные пикеты — переходить в уголовное качество. Это означает автоматически два наказания за одно нарушение. Этого не может быть ни в одной нормальной правовой системе мира. Тем не менее, именно по этой статье Ильдара Дадина... Я знаком с Дадиным, я его когда-то, между прочим, вытаскивал из отдела полиции в Петербурге — тогда мы с ним и познакомились лично, наконец... После дела Ильдара Дадина мы надеялись, что никого не будут преследовать по этой статье 212.1. Теперь Константина Котова преследуют по ней же. Держим кулаки, что называется. Я очень надеюсь, что это дело — оно развалится. Так же, как и в отношении других фигурантов «Московского дела».

БВ: Завтра апелляция по Егору Жукову, студенту Высшей Школы Экономики, которого пытались обвинить в массовых беспорядках. Теперь пытаются «пришить» ему, простите за бедность речи, то ли экстремизм, то ли терроризм – изучают на этот предмет его студенческие работы, ища-там какой-нибудь экстремизм или оправдание терроризма. Это – вообще, полное безумие. И понятно, что система просто не хочет давать никакого обратного хода. Она кого-то в свои жернова затасила и делает всё, чтобы перемолоть его окончательно, ища любые поводы для продолжения преследования. Я вот вчера записывал маленький ролик в защиту Егора Жукова, выкладывал в социальных сетях – поддержал флешмоб, который устроили многие достаточно известные люди. Я видел много таких выступлений, в частности, моего любимого главного редактора «Новой Газеты» Дмитрия Муратова в защиту Егора Жукова. Полагаю, что это возмутительное дело, конечно, должно быть прекращено.

БВ: Таня, что я хочу сказать вам и нашим слушателям: ведь не только «Московским делом» сегодня ограничиваются политические преследования. Давайте не забывать о деле Юрия Дмитриева, а в ноябре месяце планируется продолжение этого позорного судебного процесса. Его опять пытаются обвинить, якобы, в какой-то педофилии, на основании крайне сомнительных показаний и крайне сомнительных экспертиз. Продолжают сидеть ингушские активисты, что тоже, на мой взгляд, абсолютно возмутительно: люди мирно вышли на улицы и потребовали всего лишь, чтобы их услышали, чтобы к их мнению прислушались. Чтобы не делили землю между Ингушетией и Чечнёй, не послушав граждан. И за это их преследуют: вот сидит единственная женщина среди этих активистов, Зарифа Саутиева – это, вообще, просто позор, так считают ингушские активисты. Женщину за такие вещи арестовывать... Её вывезли из Ингушетии в Нальчик, насколько я знаю. Там проблема с допуском адвокатов. Как это всё называется? Это всё называется полицейским государством. Это называется политическими репрессиями. Это называется преступлениями против конституции.

ТТ: Борис Лазаревич, вы сейчас обрисовали тёмную сторону всех этих дел. Есть, на мой взгляд, положительное от всего

этого — это, так называемое, продолжение формирования гражданского общества. Реакция, в частности, на «Московские дела»: очень многие артисты известные и популярные в молодёжной среде, что очень важно, записали ролики. Были разные ролики и текст-проект был Охххуmín'a. Но также ролики с объяснением... То есть, называется Константин Котов, объясняется его дело: за что человек сидит. Вот это же очень хорошо, потому что эти артисты популярны среди молодых. И, может быть, молодёжь, которая была аполитичной до какого-то момента, услышав своего кумира как-то подумает: вообще, сидит молодой человек — за что сидит? И что-то в государстве происходит не то.

БВ: Тань, это, конечно, хорошо с той точки зрения, что известные люди, многие из которых раньше были чужды абсолютно политике...

ТТ: Аполитичными, да.

БВ: Наоборот, старались публично демонстрировать публично некую брезгливость: «Не втягивайте нас в политику! Нас это не касается! Мы тут ни при чём!» Они сегодня понимают верность старого принципа, который я не устаю повторять, в частности, всем питерским гражданским активистам, которые занимаются защитой парков и скверов, защитой исторических зданий и тоже иногда говорят, что «мы не занимаемся политикой»: если ты не занимаешься политикой — политика займётся тобой. Всё, что происходит, имеет политические причины. Политические причины — это полная независимость власти от общества, это нежелание власти голос общества слышать, и выполнять волю граждан. Прекрасно, что известные люди выступали в защиту Павла Устинова. До этого огромное количество журналистов выступало в защиту Ивана Голунова. Я, кстати, тоже участвовал в этих акциях, и это дало результат. Причём, достаточно быстро. Что артисты, поэты, писатели записывают ролики в защиту Константина Котова, Егора Жукова, других фигурантов «Московского дела». И, в том числе, это делают те, кто обладает серьёзным влиянием на молодое поколение.

БВ: Но горько становится от того, что является причиной этих действий. А причина — это та самая полиция, которую мы видим, то уже почти тоталитарное государство, которое

построено. Правоохранительная, в кавычках, подчёркиваю, в кавычках, система, поскольку она охраняет не закон, а власть. Которая действует по принципу сталинского НКВД: «Органы не ошибаются», «если враг не сдаётся — его уничтожают». Система, которая воспринимает как врага любого, который говорит какое-то свободное, критическое, независимое слово. Любого, кто возмущается действиями властей, кто смеет требовать соблюдения своих конституционных прав. Во это надо менять самым решительным образом.

ТТ: Да, но власть, мне кажется, в отношении этих дел не очень меняет позицию. Сегодня газета «Ведомости» написала о том, что ВЦИОМ сейчас готовится к следующим выборам. И, якобы, спрашивают жителей столицы: «Ваше отношение к Госдуме, к президенту, насколько эффективно работает Мосгордума». Получается, что идёт уже подготовка и стратегия начинается разрабатываться.

БВ: Ну это же плановый опрос — они всё время проводят. Всё время пытаются выяснить отношение к президенту, к Госдуме. Я, правда, не слышал, чтобы в Петербурге выясняли отношение к Законодательному собранию в целом, как к органу.

ТТ: Вот, кстати, я никогда такого не слышала.

БВ: Я тоже вот не слышал. Но, понятно, что власть пытается зондировать общественное мнение. Понятно, что она пытается понять, что делать. Потому что то, что мы видели на выборах в Москве и Петербурге — это колоссальный уровень протестного голосования. Это готовность людей голосовать за любую альтернативу и не поддерживать людей ни в какой оболочке. Обратите внимание, в Москве сейчас большая фракция «Единой России» в Московской городской думе — у них там большинство. По-моему, у них там 23 или 24 человека из 45. Только проблема в том, что ни один из них не был выдвинут партией «Единая Россия». Никто из них не решился выдвигаться от «Единой России». У нас в Петербурге очень многие единороссы шли или как самовыдвиженцы, или всячески скрывали свою партийную принадлежность. В их агитационных материалах ни слова невозможно было найти о том, от какой партии они выдвинуты и кого представляют.

ТТ: «Единая Россия» стала клеймом.

БВ: Это стало не то, что клеймом — это стало такой гирей на ногах. Вот раньше это был такой воздушный шар, который поднимал вверх, к желанным депутатским мандатам, к губернаторским местам, к креслам мэров. А теперь это — гирия, которая тянет вниз.

ТТ: А что делать тогда с «Единой Россией»? Вот у них же скоро будет съезд партии. Надо же как-то думать, как отмываться от всего наработанного и нажитого.

БВ: Один способ они нам уже предложили, мы это уже видели: они прикидываются самовыводженцами.

ТТ: «Самомедвеженцами».

БВ: Да, или, как хорошо было сказано, «самомедвеженцами». Я думаю, что на ближайших выборах региональных они могут это продолжить. Если они увидят, что это даёт результат, я не исключаю, что они как-нибудь переформируются к следующим думским выборам: будет вместо «Единой России» какой-нибудь «Народный Фронт», который, собственно, уже существует.

ТТ: То есть переименуются?

БВ: Я не исключаю, что они могут попытаться сменить окраску. Сбросить старую шкуру и предстать в новой.

ТТ: Бурый медведь превратится в белого медведя?

БВ: Ну, в белого им довольно трудно будет превратиться.

ТТ: Прокрасятся.

БВ: Но в какого-нибудь пятнистого — может: «Мы уже совсем другие, мы уже совсем другая партия».

ТТ: Медведь превратится в зебру.

БВ: Более того, они может даже позволят себе покритиковать «Единую Россию».

ТТ: Старую «Единую Россию».

БВ: За какие-нибудь ошибки, за перегибы, за отдельные недостатки. Понятно, что они сейчас очень напряжённо думают, что им сейчас делать, потому что готовность граждан голосовать за тех, кто не «Единая Россия» была очень высока. Мы это видели всем Петербургом на муниципальных выборах очень наглядно.

ТТ: Вот про муниципальные выборы очень многие наши слушатели, и Лев здесь, и Виктор, пишут... В частности, Виктор, что выборы закончились, но всё продолжается. Это действительно во многих округах.

БВ: Выборы не закончились, потому что во многих округах начинаются суды. Огромное количество судебных процессов, где и мои коллеги из «Яблока», и другие политические активисты оспаривают результаты сфальсифицированных выборов. Оспаривают их там, где незаконно недопустили или где подделали результаты.

ТТ: Ну давайте — узурпирую право ведущей — с моего округа начнём. Литейный округ, где, якобы...

БВ: Почему «якобы».

ТТ: Точнее, да, победило «Яблоко» и плюс ещё там были от «Объединённых демократов».

БВ: Нет, из 20 мандатов 11 мандатов у «Яблока», 1 мандат у женщины, которая шла как самовыдвиженка — она ни к кому не примыкает.

ТТ: То есть, честно ни к кому не примыкает?

БВ: Да. И ещё 8 мандатов у «Единой России».

ТТ: То есть, абсолютное большинство у яблочников.

БВ: Абсолютное большинство. Это абсолютное большинство собралось на заседание совета и избрало главу муниципального образования — Арсения Афиногенова, моего помощника, кстати. Избрало исполняющего обязанности заместителя главы, его секретаря. И до сих пор, прошло уже две недели, они не могут, фактически, вступить в свои права руководства муниципального образования. Почему? Потому что бывший глава, господин Дайняк, вопреки закону отказывается признавать этот совет.

ТТ: На каком основании?

БВ: На том основании, что, якобы, только он имел право созвать заседание совета. Это — абсолютное враньё. Потому что перед тем заседанием, которое было, где, собственно, избрали главу Арсения Афиногенова и других, вся фракция «Яблоко», все 11 человек, подписали требование о проведении внеочередного заседания. Это — их безусловное право. И это заседание мог открыть Дайняк, но он свалил. И тогда его открыл старейший по возрасту депутат, как и полагается по уставу. Тем не менее, господин Дайняк продолжает, в том числе и официально...

ТТ: Старейший из яблочников, я правильно понимаю?

Старейший из присутствующих — было там 12 человек. Было 11 яблочников на заседании и вот эта женщина-самовыдвиженец.

ТТ: То есть, единороссы не пришли вообще.

ББ: Они не пришли. Но, неважно, потому что был кворум. Так вот господин Дайняк в официальных группах совета в социальных сетях распространяет оскорбительные просто эпитеты в адрес совета и депутатов от «Яблока», пытается не признавать их власть. И опираются они при этом на мошеннические, я подчёркиваю, мошеннические, якобы произведённые изменения устава муниципального образования. Как выясняется вдруг: оказывается, летом были какие-то слушания по изменению устава и 4 сентября — за 4 дня до выборов, якобы, муниципальный совет решил изменить устав и сделать так, чтобы главу муниципального образования можно было избрать только двумя третями голосов.

ТТ: Об этом кто-нибудь знал?

ББ: Об этом никто не знал.

ТТ: То есть, задним числом.

ББ: Да, об этом узнали, по-моему, 20 или 21 сентября, когда на сайте минюста это появилось вдруг. Более того, вот одна из депутатов прежнего созыва, этот созыв не прошедшая, она прямо говорит, что не было такого заседания совета, никто это не обсуждал, никто это не собирал — всё это подделка. Но дело не только в этом, что это — подделка. Мы же понимаем, зачем она проведена: чтобы не дать избрать нового главу. А раз нового главу не избирают, значит продолжает действовать старый. Таким способом господин Дайняк, который со своей партией проиграл выборы — он пытается сохранить власть в муниципальном образовании. Но это всё абсолютно незаконно. Нельзя изменять устав таким образом.

ТТ: Я правильно понимаю, что Дайняк продолжает получать зарплату?

ББ: Видимо, продолжает, как мы понимаем. Повторяю, это изменение устава незаконно. Чтобы скрыть это незаконное изменение устава, начинается пропагандистский наезд на депутатов от «Яблока», собирают ветеранов, которые в оскорбительном тоне тоже отзываются об избранных депутатов. Простите, это — депутаты, честно избранные гражданами.

Тех, кто хотел проголосовать за «единую Россию» — их было меньшинство. Извольте признать выборы.

БВ: Проблема в том, что «Единая Россия» не умеет ни честно выиграть, ни достойно проиграть. Поэтому она сейчас делает всё, чтобы в Литейном округе заблокировать эту ситуацию. Я был у заместителя прокурора города по этому вопросу, написано заявление в полицию, подано заявление в суд об оспаривании этого мошеннического изменения устава. Я надеюсь, что в ближайшее время ситуация всё-таки урегулируется и, Таня, там, где вы живёте — в Литейном округе, сможет действовать, наконец, законная муниципальная власть. Кстати, первым делом надо будет разбираться, почему там такие дикие траты на персональную машину для господина Дайняка, что у них с бюджетом происходит, почему у них огромные траты на непонятные нужды и так далее. Я думаю, что, чтобы недопустить расследования всего этого, сейчас и предпринята такая беспрецедентная атака на новый состав муниципального совета, на большинство яблочников.

ТТ: Хорошо, есть ещё Смольнинский муниципалитет и там тоже проблемы.

БВ: Там тоже проблема. К сожалению, это — проблема взаимодействия с гражданскими активистами, к сожалению. Какой там расклад: 7 человек от яблока во главе с Екатериной Кузнецовой, которая председатель петербургского «Яблока». 3 человека от штаба Навального, которые изначально шли, фактически, в одной команде с нами.

ТТ: Итого 10.

БВ: Итого 10. 4 человека — это единороссы и самовыдвиженцы и 6 человек — это активисты движения «Центральный район за комфортную среду обитания». Я со многими из них вместе работаю, занимаемся решением различных проблем в центральном районе, но, к сожалению, я думаю, что здесь немалую роль сыграл их формально-неформальный лидер Ярослав Костров, который сам в совет не прошёл. Вместо того, чтобы образовать коалицию с «Яблоком» и штабом Навального, эти активисты, фактически, образовали коалицию с единороссами.

ТТ: А изначально договорённости с ними были и взаимодействие? Изначально, в ходе предвыборной компании. Или вы не общались?

БВ: В ходе предвыборной компании, насколько я знаю, это всё обсуждалось. И, в общем, никто не предполагал, что гражданские активисты, которые всё время протестовали против тех или иных действий районной и городской администрации: защищали скверы и парки, выступали против застройки Мытного двора... Я тоже в этом всячески помогал: выступал на митингах, писал запросы, участвовал в пикетах... Что они вдруг предпочтут слиться с властями и предложат на главу округа самовыдвиженку, которая член КПРФ. Это как называется? Жители Смольнинского муниципального образования не голосовали ни за коммунистов, ни за единороссов. Они проголосовали, в большинстве своём, всё-таки за «Яблоко», за штаб Навального и за гражданских активистов. И пытаться там навязывать теперь человека от КПРФ, только чтобы не допустить яблочника на место главы округа — на мой взгляд, это просто сговор с властями прямой. Это выглядит крайне неприлично и постыдно.

БВ: Но это — не единственная ситуация подобного рода: мы, к сожалению, в разных местах видим, что те люди, которые шли на выборы (к счастью, их очень немного) даже вместе с нами в одной команде, как гражданские, общественные активисты, которые поддерживались «Объединёнными демократами» — не только «Яблоком». Они после выборов начинают дрейфовать, начинают договариваться с властями, начинают поддерживать вдруг совсем не тех кандидатов, которых предполагалось, что они их поддержат... К счастью, таких всё же подавляющее меньшинство. Но такие случаи есть.

ТТ: А вот как вы оцениваете историю с портретами? Фрунзенский муниципалитет, Павел Швец. Как предательство?

БВ: Я сперва скажу... То, что сделали в Литейном округе — мне это кажется куда более правильным, где первым же решением муниципального совета нового с яблочным большинством, было то, что вообще никаких портретов политиков, действующих и здравствующих, не будет висеть в муниципальном совете, а будет висеть только портрет академика Андрея Дмитриевича Сахарова, который тут же и повесили. Это — абсолютно верное решение, как мне представляется. Что касается того, что сделали в 72 муниципалитете: ну, ребята, вы уж

тогда будьте последовательны. Сперва торжественно снять портреты, а потом тихонечко повесить их в кабинете...

ТТ: Ну не очень тихонечко.

БВ: На мой взгляд, это постыдно. Абсолютно постыдно. Делать этого было нельзя. И с какой стати в муниципалитете должны висеть портреты Путина и Беглова? Кто они, вообще, такие, по отношению к муниципалитету? Какое они имеют к нему отношение? Меня, вообще, крайне раздражает эта практика, когда наши чиновники считают хорошим тоном держать у себя в кабинете портрет президента и губернатора. У меня этого нет. Таня, вы у меня в кабинете были – могли лично убедиться. У меня висит только портрет братьев Стругацких или портрет Бориса Натановича Стругацкого, моего друга и учителя. Никаких портретов политиков: ни президентов, ни губернаторов, ни лидеров моей партии, у меня нет и не будет.

ТТ: Это действительно так, а сейчас мы прервёмся и вернёмся после новостей.

ТТ: Мы продолжаем «Особое мнение», Борис Вишневский, депутат законодательного собрания у нас в студии. И мы говорили про муниципалитеты и, как я уже сказала, вас спрашивают о конкретных. Взаимодействует ли муниципалитет Дворцовый... Депутаты от «Яблока», представители «Объединённых демократов» Натальи Грязневич... Там меньшинство демократическое, но, тем не менее, общаются ли яблочники там с Наташей?

БВ: Насколько мне известно, общаются. К сожалению, поскольку их четверо только из 10, они не могут проводить свои решения. Вообще, эта территория – очень важная. Я напому, что это место, где когда-то пытались реализовать ту программу сохранения и развития двух территорий исторического центра. Это, как раз, территория Конюшенная... Я там работал, на этой территории, очень много, жителей там очень многих знаю, жаль, конечно, что там, фактически, «Единая Россия» всё-таки сохранила контроль над этим муниципалитетом.

БВ: Но, тем не менее, очень важно, что там есть оппозиционные депутаты: у нас там очень активная тройка депутатов, насколько мне известно. Особенно, Андрей Моисейкин – такой человек, который просто по два раза обошёл все квартиры

этого округа и благодаря этому был избран с очень хорошим результатом. Важно, чтобы депутаты знали, что происходит. Чтобы они могли совать свой нос во все дела местной администрации, разбираться с бюджетом, общаться с жителями, представлять их интересы во всех конфликтных ситуациях.

ТТ: Ну это очень важно, да. Потому что, если ты не можешь изменить ситуацию, ты можешь рассказывать, что там происходит. Таким образом, получается такая жизнь за стеклом и, соответственно, может быть, это позволит не случиться каким-то распилам и прочим интересным вещам, которые приняты во многих муниципалитетах.

БВ: По крайней мере, для любых злоупотреблений... Вот как для вампиров: для них яркий свет — смертелен.

ТТ: Давайте сейчас обратим взор к вашей казарме... Ой, простите, вашему Законодательному собранию Санкт-Петербурга.

БВ: Ну, всё-таки, пока это — ещё не казарма.

ТТ: Ну, тем не менее. Борис Лазаревич, а спикер Законодательного собрания, Вячеслав Серафимович Макаров, он считает, что физическая культура и культура — это одно и то же?

БВ: Я не думаю, что он так считает. Я понимаю, о чём вы говорите: о том, что новым председателем комиссии по науке, образованию и культуре избрали бывшего председателя спорткомитета Юрия Авдеева. Я, к сожалению, был в командировке и на этом заседании не был, поэтому даже не знаю, была ли там какая-нибудь дискуссия на эту тему. Но, на мой взгляд, там разница, конечно, есть. Физкультура и культура просто — это разные сферы. Ну я надеюсь, что всё-таки в комиссии 10 человек, и в ней остаются и Алексей Ковалёв, и Максим Резник — люди, которые хорошее имеют представление просто о культуре и вряд ли так изменится та линия, которую комиссия проводила.

ТТ: А, вообще, председатель комиссии — он много чего может?

БВ: Председатель комиссии, на самом деле...

ТТ: Или это — формальная должность?

БВ: Нет, это — не формальная должность. В чём важность этой должности? Во-первых, он, фактически, руководит небольшим аппаратом, который у комиссии есть. То есть, есть штат сотрудников, которым он может руководить, давать им

поручения, которые помогают ему в работе — это очень важно. Во-вторых, он представляет комиссию. Его обязаны приглашать на все важные городские совещания, рабочие группы, события, где обсуждаются эти вопросы. Но в комиссии у него точно такой же один голос, как и у других. И если у него 1 голос, у единороссов — 7, то понятно, что решения будут приниматься такие, которые нужны большинству. Большинство — это «Единая Россия». И только путём очень сложных переговоров, компромиссов и манёвров иногда можно провести какие-то решения, против которых хотя бы «Единая Россия» не будет возражать. Председатель комиссии, в данном случае, не имеет решающего влияния на голосование.

ТТ: То есть, по большому счёту, решение, которое принимается комиссией, зависит от большинства.

БВ: Конечно. А большинство каким было, таким и осталось: состав комиссии же не изменился. Поэтому я не жду никаких серьёзных изменений. Тем более, что комиссия только готовит проекты для законодательного собрания. А что будет принято на пленарном заседании, опять же, определяется большинством от всех депутатов. А там тоже большинство как было, так и осталось у «Единой России». Я, честно говоря, надеюсь, что через два года жители Петербурга эту ситуацию серьёзно очень поменяют.

ТТ: Посмотрим, поживём — увидим. Тем не менее, а к бюджету эта комиссия... Как-то распоряжается какой-то частью бюджета?

БВ: Нет, комиссия не распоряжается никакой частью бюджета. Комиссия, как и все другие комиссии — она обсуждает внесённый проект закона о бюджете. Комиссия может, у неё есть такое право, предложить к бюджету какие-то поправки ко второму чтению, но они рассматриваются только в общем порядке, так же, как и поправки депутатов — каждая ставится на отдельное голосование. В этом плане, скажем, я и любая комиссия — равноправны. Комиссия может внести поправку, я могу внести поправку. Другое дело, что, как правило, если комиссии вносят поправки и заранее договорились, что её примут — тогда её, наверное, примут.

ТТ: Вот расскажите вообще: что такое поправки? Потому что наши слушатели очень часто слышат слово «поправка»

загадочное, депутаты голосуют за поправку. Какое отношение эта поправка имеет к бюджету и как они распределяются?

БВ: Самое непосредственное. Бюджет принимается в первом чтении. Это значит, что принимается в первом чтении огромная таблица: вот на такие-то цели — столько-то, на другие — столько-то.

ТТ: Составляется бюджет Смольного...

Да. Бюджет разрабатывает и вносит правительство...

ТТ: Вот сегодня, кстати, по-моему, первое чтение.

БВ: Да. Только правительство имеет право вести бюджет. Дальше бюджет принимается в первом чтении. И мы видим, что такие-то суммы выделяются на разные расходы. После этого смысл любой поправки обычно такой. Депутат, или комиссия, или фракция предлагают: давайте на эти расходы столько-то добавим, но тогда надо откуда-то снять. Или внесём новую статью расходов, скажем, на миллиард рублей, но тогда укажите, откуда снять этот миллиард, потому что должен соблюдаться принцип сбалансированности бюджета. Это называется «поправкой». Каждая поправка должна ставиться на голосование: или приниматься, или нет. Если принимается, то, значит, в этой статье денег добавляется, а в этой статье денег, соответственно, убавляется. Вот смысл поправок к бюджету. После этого, все принятые поправки включаются в эту таблицу, и на третьем чтении окончательное голосование уже утверждает вот эту ведомость доходов и расходов города: сколько на что будет потрачено денег.

ТТ: Почему же поправки депутатские, они идут от конкретных депутатов? Что же такое депутатские поправки?

БВ: Здесь есть поправки двух видов. Есть поправки, которые может внести любой депутат, как я. И она отдельно ставится на голосование — принимается, или нет. Я могу сказать, к сожалению, за 8 лет только 2 мои поправки в таком порядке были приняты. Остальные «Единая Россия» уверенно отклонила, хотя я предлагал увеличить деньги на метрополитен, на расселение коммунальных квартир, на капитальный ремонт, на общество слепых, на лечение больных с рассеянным склерозом. Казалось бы, трудно против этого возражать, но поправки отклонялись.

ТТ: А другой вид поправок?

БВ: Теперь другой вид поправок. То, что мимикрирует последние 23 года. То это был резервный фонд депутатов, то коллективная поправка, то депутатская поправка, то поправка бюджетно-финансового комитета — теперь это поправки от фракций. Это то, что депутатам, грубо говоря, кидается, в обмен на их лояльность в голосовании за бюджет. Вы голосуете за бюджет, за это мы вашей фракции даём некую квоту, условно говоря, 50 миллиардов рублей... Ну я условно, конечно, говорю — не 50 миллиардов, а 50 миллионов, прошу прощения, или 100. Вот на вас на всех, если маленькая фракция — и в этих пределах можете написать какие-то поправки и их примут, точно. Потому что заранее об этом договорились, что эти поправки примут. Вот у вас квота — что хотите, то в пределах и предлагайте.

ТТ: А эта договорённость, что их примут — это договорённость в Заксе?

БВ: Конечно, причём, эта договорённость ещё и с администрацией. Если вы за бюджет не голосуете — вот «Яблоко» за бюджет не голосует все эти годы — значит, вы в этом не участвуете. Вы можете подать свои поправки, конечно, но, поскольку в этой договорённости вас нет, то за ваши поправки просто не проголосует большинство. А проголосуют только за поправки тех, кто поддерживал бюджет.

ТТ: Подождите, Борис Лазаревич, насколько мне известно, за поправки пакетно голосуют: за все поправки вместе. А если «Яблоко» предлагает свою поправку, скажем, неутверждённую...

БВ: Её выносят на отдельное голосование.

ТТ: А почему?

БВ: Потому что так договорились. Понимаете, Таня, в чём смысл: право парламента — поддержать или не поддержать любую поправку. Оно не может быть поставлено под сомнение. Но когда в парламенте есть внутренние договорённости, и когда воля большинства, в данном случае — «Единой России», определяет, кому дать, кому не дать: эти поправки мы примем, а эти не примем, то получается такая вот ситуация. Мы не раз ставили вопрос о том, чтобы эту систему просто ликвидировать.

БВ: Более того, мы когда-то даже с Григорием Явлинским, руководителем нашей фракции, были у бывшего губернатора

Георгий Полтавченко: «Георгий Сергеевич, ну давайте откажемся от этой системы, это — политическая коррупция, она развращает депутатов». Депутатам, грубо говоря, кидают их кость за то, что они поддерживают бюджет. И за это они обязуются не совать свой нос ни во что остальное. Полтавченко развёл руками и сказал: «Да, я всё понимаю, это, конечно, плохо, но не могу ничего с этим сделать». На наш вопрос «почему?», он говорит: «Корпоративный интерес. Они любое моё вето преодолеют, если я только попытаюсь только об этом заикнуться, скажем, внести какую-то норму такого рода в закон». Это вопрос политический. Изменится политический расклад в Законодательном собрании, значит, не будет и этой системы. И поправки будут обсуждаться не по принципу «поддерживаем тех, кто поддержал бюджет». А тех, кто не поддержал, поправки отклоним, независимо от содержания. А по принципу их важности и актуальности для города, как это происходит в любом нормально парламенте мира.

ТТ: А тогда смысл работы депутатов?

БВ: Смысл работы депутатов в том, чтобы защищать интересы своих избирателей.

ТТ: Мотивация, Борис Лазаревич, мотивация.

БВ: Вот мне хватает мотивации. Мне очень горько, что не принимаются поправки, которые я вношу, которые направлены как раз на реализацию интересов избирателей. Причём, даже против них не выступают. Год тянется ситуация с рассеянным склерозом: год тому назад пожалели 193 миллиона рублей на эти лекарства. Люди сидят без лекарств и вынуждены их покупать за сумасшедшие деньги — как можно было против этого выступать? Однако выступили, ничего.

ТТ: Борис Лазаревич, у нас осталась минута буквально до конца. Про велодорожки хочу сказать, что их передают Центральному управлению парковок. И, вообще, велодорожки вас заботят или нет?

БВ: Я, к сожалению, довольно давно не катаюсь на велосипеде и считаю, что велодорожки сами по себе нужны, но актуально это сегодня, скорее, в новых районах города, где для этого есть место. В центре огромные проблемы с устройством велодорожек, я понимаю, что там это создаёт очень много неудобств для пешеходов и автомобилистов. Но заниматься этим

надо. Надо, только последовательно и, чтобы все жили в мире, друг-другу не мешали.

ТТ: Хорошо, будем жить в мире и друг-другу не будем мешать. Во всяком случае, постараемся. Борис Вишневский, депутат Законодательного собрания, лидер фракции «Яблоко» был сегодня у нас в студии, спасибо.

БВ: Спасибо.

Видеозапись программы

<https://echo.msk.ru/programs/personalno/2519131-echo>

«С ОППОНЕНТАМИ БОРЮТСЯ НЕ ПУТЁМ АРГУМЕНТИРОВАННОГО ОТВЕТА НА КРИТИКУ, А ПУТЁМ ШЕЛЬМОВАНИЯ, КЛЕВЕТЫ И ГРЯЗИ»

«Эхо Москвы в Петербурге». Ведущая Александра Петровская.

26 ноября 2019

А. Петровская: У микрофона Александра Петровская. Своё особое мнение сегодня высказывает депутат Законодательного собрания Петербурга Борис Вишневский. Борис Лазаревич, здравствуйте.

Б. Вишневский: Доброе утро.

АП: Давайте к событиям сегодняшнего дня. Утро у нас началось с того, что в Петербург прибыло — по крайней мере, по расписанию должно было уже точно быть в порту судно с ядерными отходами из Германии. Вы пытались предотвратить транспортировку; как я понимаю, это требование уже позади — уже транспортировали, привезли. Какие дальнейшие ваши действия как депутата ЗакСа по этому вопросу?

БВ: Да, спасибо. Утро в этом плане не совсем доброе. 10 лет такого не было. Последний раз была такая попытка... Тогда её, кстати, остановили в том числе благодаря вмешательству депутатов ЗакСа тогдашнего созыва. Корабль «Михаил Дудин», 600 тонн объединённого гексафторида урана — одновременно радиоактивное и токсичное вещество, предназначенное для перегрузки на железную дорогу и направление дальше в Новоруральск в Свердловской области. Там, кстати, мои коллеги из «Яблока» сейчас тоже активно протестуют против того, что туда, к ним это привезут и будут там перерабатывать. Потом обогащённую часть отправят обратно в Германию, а 90% придётся захоронить опять же как радиоактивные отходы.

Так вот, вдумайтесь, дорогие радиослушатели: у нас же антисанкции так называемые, которые только что, как сказал Дмитрий Анатольевич Медведев, «наверное, надолго, если не навсегда». И сыр из Германии везти нельзя. А радиоактивные отходы — можно. нужна ли более чудовищная иллюстрация того, что происходит? В Германии, кстати, тоже протесты против такой операции. 10 лет назад Сергей Кириенко, тогдашний глава «Росатома», сейчас — первый зам руководителя Администрации президента, обещал, что контракты такого рода заключаться больше не будут. Тем не менее, всё повторяется. На моё обращение к «Росатому» и к губернатору Беглову ответа пока никакого нет, но на чём мы будем настаивать? Чтобы в дальнейшем такого не происходило. Наш город и наша страна — не свалка для чужих радиоактивных отходов.

АП: Борис Лазаревич, это всё правильно вы говорите, я думаю, что не найдётся человека, который будет с вами спорить. Но другой разговор, что ваши коллеги из «Яблока»...

БВ: Отчего ж не найдётся? Может, и найдётся! Вот «Росатом», Администрация наша, наверное, будет спорить: «Ну как же, мы же на этом деньги зарабатываем!» Знаете, нельзя на этом зарабатывать деньги. Это кощунственно, это опасно для здоровья наших граждан. Не дай бог какая-то авария — повторяю, это одновременно радиоактивные и токсичные вещества.

АП: Но тем не менее, ответа на те запросы, которые вами направлены, нет. Уже всё, уже, в общем, ждать ответа и нет смысла, уже всё приехало, сейчас всё погрузят и повезут дальше.

БВ: Значит, надо делать так, чтобы в дальнейшем это не повторилось. Нужна общественная кампания, нужно участие средств массовой информации, чтобы поставить навсегда шлагбаум перед такого рода операциями для нашей страны и нашего города.

АП: Но если вы говорите, что даже с трибуны, скажем, федеральной власти уже звучали разговоры, что не будет такого больше...

БВ: Федеральная власть передумала по каким-то причинам — значит, надо заставить её передумать ещё раз. Практика показывает, что только общественное сопротивление помогает остановить такие вещи.

АП: Шансы, на ваш взгляд, есть в общественном сопротивлении?

БВ: Есть. Потому что, повторяю, из нормальных людей вряд ли отыщется кто-то, кто в здравом уме и ясной памяти согласится с тем, чтобы к нам везли радиоактивные отходы из-за границы.

АП: Но при всём при этом где, как вам кажется, уже общественное мнение за последние несколько лет смогло переломить ту политику, которая существовала? Вот если решение принято. Были у нас такие?

БВ: Знаете, самый последний пример, когда общественность очень серьёзно повлияла — это, всё-таки, судьба части узников «московского дела». Часть уголовных дел прекращена, люди освобождены, хотя им грозили серьёзные сроки. И это — результат общественного давления.

АП: Ну хорошо, посмотрим. Будем надеяться на то, что действительно общество сможет свою версию этих событий предложить власти и к этому мнению прислушаются. Давайте как раз к этой самой власти — по крайней мере, петербургской. Кадровые перестановки ждут Смольный: вице-губернатор Любовь Совершаева покинет Смольный, вернётся на работу в полпредство. И более того, даже где-то я читала, что ходят разговоры, что не только выборами в Ленобласти и Архангельске будет заниматься, а вообще, может быть, даже Дрозденко сменит на посту.

БВ: Я не знаю, какие там планы в Кремле на госпожу Совершаеву. К сожалению, оценивать её работу в Петербурге я могу

только негативно, потому что то, за что она отвечала, ни малейшего отношения ни к демократии, ни к свободе слова, ни к честным выборам не имело. Я об этом говорил ей в лицо, когда её утверждали в качестве вице-губернатора. Наше информационное пространство городское замусорено огромным количеством пригожинских помоек. С оппонентами борются не путём аргументированного ответа на их критику, а путём шельмования, клеветы и распространения грязи в огромных количествах. На выборы не допускаются те, кто может их выиграть, они превращаются в фарс, итоги выборов потом пытаются подделать. И так далее, и тому подобное.

Поэтому я лично от неё ничего на посту вице-губернатора не ждал, и эти мои опасения оправдались. Я ждал только продолжения этой политики, ровно это и случилось. Документы новый вице-губернаторов ещё не поступили, я думаю, что сегодня они окажутся уже в городском парламенте. Фамилии я уже слышал, один человек — из федеральной службы охраны, говорят, что дачу Путина охранял. Это, конечно, крайне ответственная задача в структуре нашего государства. И Потехина, старая знакомая у нас в городе.

АП: Ну, он вообще занимается вопросами безопасности. У нас вот сейчас безопасностью занимается человек, который параллельно с этим занимается вопросами культуры, курирует эти вопросы. А так, в общем, каждому по делу, скажем так, будет. Тоже, в общем, логично.

БВ: Вы знаете, Саша, во-первых, я никогда не понимал, зачем нам нужен какой-то вице-губернатор по безопасности. Вопросами безопасности занимаются соответствующие органы.

АП: Комитет есть — и вице-губернатор нужен.

БВ: Комитет по безопасности в основном занимается тем, что старается запретить публичные акции. Во всяком случае, это самое главное, что видно снаружи из его деятельности. Подаёшь уведомление — тебе говорят «иди в Удельный парк, или Екатеринингоф, или Южно-Приморский парк, или ещё куда-нибудь, а в центре города не моги митинговать». И так далее, и тому подобное. Поэтому наличие ещё вице-губернатора, занимающегося этим вопросом, на мой взгляд, совершенно не очевидно.

АП: Хорошо. Что касается тех, кто к нам приходит... Кстати, в отношении оценки работы Любови Совершаевой, что

касается Александра Беглова — он высоко, как я понимаю, оценивает эту работу. И вот эти перестановки: говорят, что изначально — там «Фонтанка» писала, ссылаясь на источник — договаривались, что это будет такой как бы кризис-менеджмент на момент выборов. С другой стороны, для меня обывательски это кажется довольно неожиданно. В целом вот вы как оцениваете эту кадровую политику — со стороны кажется, спонтанную?

БВ: Кадровая политика является такой на протяжении многих лет, причём не только в нашем городе, но вообще в стране. Это системная беда. Решения о назначениях принимаются по неизвестным критериям, по неизвестным мотивам, не известным заранее кругом лиц, неизвестно, как и с кем они обсуждаются. Единственный в нашем городе публичный момент — это когда уже кандидатура вице-губернатора вносятся на утверждение Законодательного собрания. И то, при том раскладе, который есть сейчас, наше парламентское большинство голосует, что называется, не приходя в сознание, за любого, кого предложил Смольный.

Поэтому это обсуждение во многом сведено к формальности, к сожалению. Я не знаю, по каким причинам выбраны два новых вице-губернатора, хотя, повторю, одну из них я немножко знаю лично — я помню Ирину Петровну Потехину ещё вице-губернатором в начале 2000-х годов. Она около двух лет, по-моему, занимала эту должность.

АП: Да, она действительно с 2001 по 2003 была вице-губернатором главы Комитета по печати. Вот как раз к вопросу о том, что это как-то где-то кем-то решается, но с другой стороны, люди, которые приходят на должность — это люди, которые так или иначе работали с Александром Бегловым. И Ирина Потехина работала, и знакомый мой в том числе по работе в полпредстве. И это люди, которые знакомы Петербургу, в том числе работали на разных высоких должностях в городе. То есть, в общем, это неслучайно, это некое возвращение и создание команды.

БВ: В случае с Ириной Потехиной это, по крайней мере, логично. Это человек из Петербурга, который в Петербурге много лет работал, которого помнят старожилы городской политики. Потому что после 2003 года она уже именно в Петербурге на

политических должностях не работала; и которая, конечно, является профессионалом. По крайней мере, в сфере средств массовой информации уж точно — она до этого руководила «Комсомольской правдой», она профессиональный журналист, и тут как бы претензий предъявлять невозможно.

Интересно будет поговорить, потому что в последний раз мы с ней общались вот тогда, когда она была вице-губернатором — это было очень давно. Хотелось бы понять, как она себе видит ту сферу, которую ей предстоит курировать, будет ли она что-то делать для того, чтобы у нас изменилось, опять же, наше информационное пространство. Потому что сейчас на городском телевидении, например, вообще вы не увидите ни малейшей критики работы администрации — что, кстати, резко отличается от ситуации, когда Потехина была вице-губернатором. Были времена достаточно вегетарианские, Владимир Яковлев был губернатором, и на телевидении, на радио, в газетах критики в его адрес было более, чем достаточно.

АП: То есть, всё-таки получается, что не бездумно, выходит, процесс кадровой политики идёт в Петербурге. А что касается вице-губернатора по безопасности, то, как я понимаю, вице-губернатор по безопасности существует и в других регионах, это не мы ноу-хау придумали. И соединение в лице вице-губернатора Владимира Кириллова, который и культуру курирует, и безопасность — вроде как, действительно странно. Разгрузить одного вице-губернатора и отдать безопасность другому тоже выглядит логичным.

БВ: Давайте посмотрим. Самый интересный вопрос: кто будет руководить администрацией губернатора? Кто будет отвечать за внутреннюю политику? Условно говоря, кто будет Совершаевой? Если так, совсем просто. Потому что именно этот человек по уставу города замещает на время его отсутствия, этот человек отвечает за внутреннюю политику: за выборы, за отношение к массовым акциям и за многое другое. Посмотрим, кому будут поручены эти обязанности — но это будет понятно из документов, которые к нам поступят. Или завтра в среду, или в следующую среду, видимо, будет проходить рассмотрение кандидатур этих новых вице-губернаторов.

АП: Вы для себя уже приняли решение, как вы будете голосовать по этим двум кандидатурам?

БВ: Я всегда решения принимаю после разговоров с этими людьми, у меня такой принцип. Как правило, всегда фракции встречаются с кандидатами в вице-губернаторы перед их утверждением. Поговорим, посмотрим. Когда я составляю своё мнение, я тогда и скажу, как я буду голосовать. Потому что, повторяю, первого я не знаю вообще, а Ирину Потехину помню по очень давним временам — хочется понять, что она сейчас думает и планирует делать и как.

АП: Ещё ходили разговоры о том, что экс-министр транспорта Максим Соколов может переехать в Петербург и работать в администрации, и даже говорили о том, что он может стать неким первым вице-премьером — такой должности до этого мы не имели.

БВ: У нас нет первого вице-губернатора. У нас, скажем так, неформально первым среди равных, из вице-губернаторов, считается как раз руководитель администрации губернатора — тот, который, повторяю, по уставу замещает его, когда он отсутствует. Это должность, которую при Полтавченко занимал Александр Говорунов, а при Беглове занимала Любовь Совершаева. Вот посмотрим, кто будет назначен именно вице-губернатором и руководителем администрации губернатора. Это и будет де-факто первый вице-губернатор.

АП: Хорошо. Вот лично вы отдали бы свой голос за Максима Соколова на эту же самую должность условно первого вице-губернатора, который бы курировал внутреннюю политику?

БВ: Я бы с ним сперва поговорил. Я с ним лично не знаком. Я помню его немножечко по работе в Петербурге, он возглавлял у нас тут один из комитетов, я сейчас уже даже точно не помню, какой, скажу честно. В общем, на этой работе о нём оставались благоприятные впечатления, но, повторяю, лично мы с ним никогда не сталкивались. Если он будет представлен как очередной вице-губернатор — значит, поговорим, посмотрим. Выскажу свою позицию, естественно.

АП: Он работал в Комитете по инвестициям и стратегическим проектам в правительстве города — в общем, важный комитет для развития городского хозяйства и вообще городской экономики.

БВ: Важный, но во многом, к сожалению, бесполезный, а иногда и вредный, особенно в последние годы. Именно этот

комитет организывает нам так называемые стратегические проекты. Именно этот комитет организывает нам пресловутые государственные частные партнёрства и концессионные соглашения, где расходы оказываются государственными, а доходы — частными. У нас же постоянные скандалы вокруг проектов такого рода возникают: Западный Скоростной Диаметр, строительство апартаментов в устье Смоленки, где мы боремся за то, чтобы там был уже, наконец, парк, и никак не можем добиться, чтобы Росреестр зарегистрировал, наконец, расторжение аренды, чтобы парк этот создать. А привели туда инвестора как раз товарищи из Комитета по инвестициям. Так что много есть вопросов к этому комитету.

АП: Но с другой стороны, стадионов у нас бы не было, если бы не Комитет по стратегическим проектам, если бы не эта деятельность Комитета привлечения инвестиций.

БВ: Нет, строительство стадиона не имеет ни малейшего отношения к инвестициям. Дорогие радиослушатели, наверное, вы знаете, что стадион на Крестовском острове построен исключительно за деньги бюджета Санкт-Петербурга. Ни копейки не вложил ни федеральный бюджет, ни инвесторы.

АП: Но к стратегическим проектам относится.

БВ: Какой стратегический проект? Это даже не стратегический проект, там нет никаких инвесторов, понимаете. Единственные инвесторы — это мы с вами, друзья. Мы заплатили все эти 44 миллиарда рублей за строительство этого стадиона. Федеральный бюджет не помог ни копейкой, никакой инвестор копейку не вложил. Бедный нищий «Газпром», руководство которого получает в день, наверное, столько, сколько средний российский пенсионер за 10 лет, ни копейки не вложило в стадион для клуба, который им принадлежит — футбольного клуба «Зенит».

АП: Хорошо. Ещё момент в отношении утверждения, собственно, вице-губернаторов. Вообще роль вашего голоса, роль оппозиционных депутатов, которые в ЗакСе присутствуют, велика? Как обычно это происходит?

БВ: Как это происходит: вице-губернаторы потенциальные выходят на трибуну, отвечают на вопросы депутатов. Потом депутаты могут выступить. Дальше включается, естественно, механизм голосования. Я должен сказать, что последний раз,

когда депутаты не утверждали вице-губернатора, предложенного губернатором, был лет 15-16 назад. Кстати, один из последних случаев был именно с Ириной Потехиной: её дважды не утверждали, она работала в статусе и.о., только с третьей попытки утвердили её вице-губернатором.

Но в последний десяток лет, как минимум, даже полутора таких случаев уже не бывает, что, на самом деле, печально. Потому что большинство депутатов у нас сегодня, которые из «Единой России», как я уже сказал, принимают решения исходя не из содержательных соображений, а исходя из того, что Смольный сказал — значит, надо ответить «есть». Они так же и за бюджет голосуют. Вот завтра у нас третье чтение бюджета, где наше парламентское большинство уверенно проголосует за бюджет, который заранее программирует рост тарифов, рост платы за капитальный ремонт и много чего другого.

Все попытки объяснить нашим депутатам, что делать этого нельзя, или внести поправки, которые, скажем, ограничили бы рост тарифов — я их лично вносил — не закончились ничем, их тупо отклонили, даже особо и не возражая. Я пытался сделать так, чтобы тарифы у нас росли меньше, чем запланировано, это крайне важная тема, касающаяся всех жителей Петербурга. Но, к сожалению, решение об этом, решение о так называемой «Транспортной реформе», об исчезновении маршруток, принимают люди, которые сами на себе последствия этого не ощутят. Я один из тех, кто ощутит, я — «неправильный» депутат, не пользуюсь служебной машиной, мы от нее отказались всем «Яблоком» еще 8 лет назад. Я езжу на общественном транспорте, поэтому чувствую всё на себе.

Нужны очень серьезные обсуждения. Я, кстати, сейчас отчаянно настаиваю на парламентских слушаниях по транспортной реформе. Что касается тарифов — я провел несколько встреч в администрации, очень полезных и содержательных. То, что сейчас нам объявлено — рост тарифов на 10 рублей и в наземном транспорте, и в метро — это лучше, чем на 10 и на 15, как могло предполагаться вначале, но есть опасения, что к середине следующего года субсидии могут закончиться, возникнет финансовая дыра, и придется ещё увеличивать плату

за проезд или сокращать объём перевозок. Это, на мой взгляд, совершенно недопустимо.

И мне представляется очень важным изменить механизм изменения тарифов в нашем городе. Я реанимирую, доработав, старый «яблочный» законопроект о том, чтобы любому росту тарифов на транспорте предшествовал аудит монополистов-перевозчиков и парламентские слушания в ЗакСе, только с учетом этого может приниматься соответствующее решение.

АП: Подождите. Борис Лазаревич. Говорят: «Ну нет денег, закончились! Мы долго-долго не поднимали, но вот пришло время».

БВ: Что значит «нет денег, закончились»? мы каждый год давали по 5-6 миллиардов ЗСД на компенсацию якобы недополученной прибыли, обеспечивая ему гарантированную прибыль. Это как называется? Это называется «некое финансовое жульничество».

АП: Там такое соглашение заключили. Не надо было заключать тогда.

БВ: Только соглашения этого никто не видел! Наши депутаты голосуют, не приходя в сознание, за бюджет, где расходы на ЗСД основаны на соглашении, которое им не показывают. А сейчас еще одна замечательная история, недавно выясненная. Я пытался ограничить рост тарифов за счет того, чтобы перебросить на субсидии перевозчикам 2,5 миллиарда рублей, которые мы тратим на выплату процентов по облигациям. Когда-то эти облигации выпустили для строительства ЗСД, чтобы привлечь деньги. Но тогда предполагалось, что проценты будут платиться за счет платы за проезд.

После этого организовали компанию «Магистраль Северной столицы», которая собирает всю плату за проезд, с ней заключено то самое секретное соглашение, а обязанность платить проценты осталась за АО «ЗСД», принадлежащим городу. То есть город за счет своего бюджета платит эти проценты, а надо было платить за счет платы за проезд, собираемой с тех, кто ездит по магистрали. В результате вот этого экономического жульничества мы теряем 2.5 миллиарда рублей каждый год, наших денег, дорогие горожане.

АП: На миллиардах рублей мы заканчиваем сейчас. Перерыв на московские новости.

АП: Продолжаем программу «Особое мнение», у студии Борис Вишневский, депутат ЗакСа. Остановились мы на деньгах и бюджете.

БВ: Заканчивая тему денег: подробно в пояснительной записке к бюджету, который мне удалось получить, хотя депутатам почему-то его не раздавали, написано, что бюджет спроектирован, исходя из роста платы за капитальный ремонт на рубль, сейчас от 4 до 5 рублей с квадратного метра, планировалось 5-6. После этого было объявлено, что плата возрастает в два раза, до 8-9 рублей за квадратный метр. Это абсолютное безобразие. Будем пытаться, конечно, это останавливать. И здесь, как и с тарифами, нужно, чтобы плату за капитальный ремонт устанавливали законом, а не чиновники в тишине и в кулуарах. Да, сегодняшний городской парламент утвердил бы, наверное, и двойное повышение платы, но все-таки это сделать было бы сложнее, в публичном режиме и под давлением избирателей. Чиновникам сделать это гораздо проще.

Физически это грозит тем, что несколько сот лишних рублей каждый месяц придется платить в качестве взноса за капремонт, который еще неизвестно когда будет. Ваш дом могут включить в программу этого ремонта на 2035 год. Ко мне куча обращений избирателей поступает с просьбой передвинуть дату капремонта на обозримое время. Иногда удается этого добиться, хотя не всегда, к сожалению.

АП: Вы сказали: «Будем всячески пытаться менять ситуацию». Еще раз вопрос — все-таки как ее можно менять в условиях той политической системы и того законодательства, которые есть?

БВ: Два способа, Саша. Один — это давление. Общественное, политическое, огласка таких ситуаций.

АП: То есть вы обращаетесь к гражданам?

БВ: Мы обращаемся к обществу, да. А второе — это механизм выборов. Потому что нам очень серьезных изменений удалось добиться на муниципальных выборах прошедших. Через два года — выборы в Государственную Думу и Законодательное Собрание. Думаю, жители Петербурга уже сделали

свои выводы о том, что нам нужно и что нам необходима серьезная смена власти, в том числе и законодательной.

АП: Про муниципальные выборы заговорили. Может быть, есть уже свежие итоги работы ваших муниципалитетов, тех, где «Яблоко» имеет весомое значение? И еще был вопрос на смс-портале, не вижу, правда, чтобы этот вопрос был подписан... а вот, Лев. «Как работаете в вашем лице петербургскому «Яблоку» с депутатами от штаба Навального в муниципальных образованиях?»

БВ: Большой частью с ними работаете совершенно нормально. Есть редчайшие исключения, но в целом мы нормально с ними взаимодействуем; и там, где наших депутатов нет, а они есть. Никаких проблем, как правило, не возникает. Что касается того, как работают наши коллеги... Смотрите: у наших большинство во Владимирском округе, там всё нормально, там сейчас будет проходить сбор документов на главу местной администрации, процесс передачи власти прошел спокойно, депутаты работают для жителей активно. Недавно замглавы МО Виталий Боварь, вместе со мной участвовал в очень важной выездной встрече на Стремянной улице, 14, где возникла конфликтная ситуация с угрозой для дома. Там была администрация, жилищная инспекция, удаётся достичь определенных подвижек. Об этом уже муниципальная газета даже написала. То есть реально депутаты включились в решение проблем жителей.

В Литейном округе и в Смольнинском уже добиваются сокращения необоснованных бюджетных трат, очень внимательно анализируют местный бюджет, обнаруживают кучу денег, которые прежние муниципалы тратили, мягко говоря, неэффективно и нецелесообразно. В Литейном округе, правда, ситуация уникальная, там просто захват власти совершенно наглый. Избранное большинство от «Яблока» не может нормально руководить Муниципальным советом, потому что прежний глава считает главной по-прежнему себя, мошеннически изменен устав, где можно якобы только двумя третями избрать нового главу. Сейчас все это оспаривается в судах.

АП: Вы ждете решения суда по этому вопросу?

БВ: Да. В Смольнинском ситуация сложнее, там от «Яблока» только 7 депутатов, трое — от штаба Навального, четверо

«единороссов» и шестеро гражданских активистов, с которыми во время кампании нормально взаимодействовали, но сейчас, к сожалению, они почти всегда голосуют вместе с «Единой Россией», что печально. Я очень надеюсь, что у них как-то изменятся представления о жизни, потому что мне кажется, что там была бы естественной коалиция из «Яблока», штаба Навального и гражданских активистов. Будем надеяться, что получится. Но пока там наши депутаты заняты анализом бюджета и сокращением неэффективных расходов. Так что польза уже есть и очень серьезная.

АП: Вы еще сказали про выборы, которые будут – в Государственную Думу. И здесь вопрос в отношении федеральных партий. «Единая Россия» XIX съезд провела.

БВ: Очень смешная история. На XIX съезде «Единой России» долго говорили, что надо меняться, надо трясти чиновников, решили даже создавать правозащитный центр во главе с государственной пропагандисткой Маргаритой Симоньян и депутатом Старшиновым, который требовал до миллиона рублей повесить штрафы за участие в массовых акциях. Конечно, правозащитники, просто – мама, не горюй. Но я думаю, что впереди будет еще XX съезд «Единой России», и возможно Дмитрий Анатольевич Медведев будет выступать с докладом о культе личности Путина и его последствиях, а Вячеслав Володин будет рассказывать о найденном секретном политическом завещании Бориса Ельцина, что все должно было идти совсем не так. И это совершенно не исключено, потому что так уже было в нашей истории.

АП: Но подождите до XX-го, давайте все-таки здесь зафиксируем. Что касается «Единой России» – у них была партийная конференция перед съездом, звучали предложения позиционировать партию, как «хорошая партия», «партия добрых дел». Рейтинги-то не очень пока, так что разные варианты ищут.

БВ: Одно доброе дело они уже сделали – пенсионную реформу, которая вызвала массовую ярость у жителей. Думаю, им это аукнулось очень серьезно. Недаром на выборах ее кандидаты все больше и больше боятся выступать под флагом «Единой России».

АП: Но Дмитрий Анатольевич Медведев уже это заметил!

БВ: И уже выразил серьезное недовольство этим.

АП: Он недовольство выразил, да. Сказал «так нельзя, ай-ай-ай».

БВ: Посмотрим, как кони будут вести себя дальше на выборах. В Петербурге, например, на муниципальных они прятались, как могли, скрывая свою партийную принадлежность, чтобы не дай бог избиратель не узнал. Они же понимали, что это просто в камень на шее превращается. Думаю, это процесс будет и дальше продолжаться, усилия Дмитрия Анатольевича тут не очень помогут.

АП: Хорошо, оставим «Единую Россию». А что касается «Яблока», которое тоже, наверное, претендует на участие в выборах?

БВ: «Яблоко» всегда участвует в выборах.

АП: И через два года уже будет участвовать с новым председателем партии?

БВ: Через два года — выборы в Государственную Думу. В декабре у нас партийный съезд, пока три кандидата в председатели, которых Политкомитет в пятницу рекомендовал для участия. Но могут появиться еще, любой член партии вправе прямо на съезде выдвинуть свою кандидатуру, у нас демократическая партия. На прошлых выборах 4 года назад было 6, по-моему, претендентов, на место председателя, сейчас пока трое, но могут появиться еще и это очень хорошо. Все трое, кто сейчас рекомендован — Николай Рыбаков, Эмилия Слабунова и Лев Шлосберг — люди исключительно достойные, порядочные, честные и энергичные. И кто из них ни стал бы председателем — курс партии будет прежним. Какие-то тактические действия партии могут быть немножко другими, но идеология останется прежней: защита прав граждан, свобода, справедливость, права человека.

АП: Вы уже решили, за кого будете отдавать свой голос?

БВ: Посмотрим, как все претенденты будут выступать. Они будут вести избирательную кампанию, выступать на Политкомитете еще перед съездом, на самом съезде. И я буду тогда принимать решение. Но повторяю — я исключительно хорошо отношусь ко всем трем, потому что полагаю их людьми, способными руководить партией, и добиваться побед вместе с ней, что очень важно.

АП: То есть в принципе вы абсолютно поддерживаете Эмилию Слабунову в том, что она делала на протяжении этого времени и готовы дать зеленый свет на продолжение?

БВ: Я высоко оцениваю то, что делала Эмилия Эдгардовна за эти годы, но я столь же высоко оцениваю и то, что делал и делает Николай Рыбаков, и то, что делает Лев Шлосберг, который в Пскове, в сложнейших условиях умудряется добиваться впечатляющих побед. Как на недавних выборах, где они получили мандат депутата ЗакСа Псковской области, трех глав районов области – это вообще уникальное достижение, особенно для такого региона. Повторяю: все трое исключительно достойные люди, всех троих спокойно могу назвать своими друзьями.

АП: Но голосовать-то придется за одного.

БВ: Естественно, проголосовать я смогу только за кого-то одного. Немножко ближе к съезду я буду готов с вами поделиться этой маленькой тайной. Но я не вижу противоречия, все трое исключительно честные и порядочные люди, абсолютно «яблочные» и все они пригодны для того, чтобы занять должность председателя партии.

АП: Что касается Явлинского – не появится ли вдруг? Вы сказали, что может быть и больше кандидатов.

БВ: Явлинский точно не появится. 4 года назад Григорий Алексеевич на съезде приложил огромные усилия для того, чтобы изменить устав партии и закрепить в нем жесткую норму: никто не может руководить партией больше двух раз. Эта норма была принята и она абсолютно исключает участие Явлинского в этих выборах. Потом, понимаете, влияние Явлинского не зависит от того, какой пост он в партии он занимает. Он, конечно, один из самых уважаемых и влиятельных людей в партии, к нему прислушиваются, его точка зрения очень важна. Потом, у нас партия все-таки коллективная, в ней нет такого, что один председатель решает всё, и никогда не будет. Решают коллегиальные органы, Политкомитет, бюро, съезд.

АП: То есть – сменяемость есть, несмотря на то, что к Григорию Алексеевичу независимо от той должности, которую он в партии занимает, прислушиваются.

БВ: Без сомнения. Она у нас уже была дважды. 8 лет Явлинский руководил партией, потом 7 лет – Сергей Митрохин,

последний срок — Эмилия Слабунова. Вполне возможно, что будет новый председатель избран в декабре, и это тоже очень хорошо, это подтвердит наш курс, что идеология партии прежняя, а люди, руководящие партией, могут меняться. Это нормально.

АП: Спасибо, на этом заканчиваем. Борис Вишневский был сегодня гостем «Особого мнения».

Видеозапись программы

<https://echo.msk.ru/programs/personalno/2544023-echo>

«НЕЛЬЗЯ ДРУЖИТЬ С ТЕРРОРИСТАМИ, И ЗАЯВЛЯТЬ, ЧТО БОРЕМСЯ С ТЕРРОРИЗМОМ»

*«Эхо Москвы в Петербурге». Ведущая Татьяна Троянская.
10 января 2020*

Т. Троянская: 11 часов и 6 минут в студии. Я Татьяна Троянская. Программа «Особое мнение». Я приветствую Бориса Вишневского, депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга, лидера фракции «Яблоко». Добрый день.

Б. Вишневский: Доброе утро.

ТТ: Кому-то утро, кому-то уже день. Я напомню средства связи. Смс можете присылать на номер +7-931-291-58-00, ведется трансляция на YouTube, подключайтесь, ставьте лайки, заходите на YouTube, набирайте «Эхо Москвы в Петербурге» и сразу увидите нас, здесь общайтесь друг с другом и также задаете вопросы Борису Лазаревичу. Давайте про Боинг начнем. Последние известия: Иран пригласил США участвовать в расследовании крушения Боинга. Официальное приглашение было отправлено Национальному совету по безопасности на транспорте

Соединенных Штатов Америки. Хорошая новость, наверное. Иран, возможно, хочет, чтобы разобрались предельно честно.

БВ: Во-первых, все-таки самая плохая новость в том, что Боинг потерпел крушение. Огромное число погибших. Это большая трагедия. Мои соболезнования родным и близким тех, кто там погиб. И пассажирам, и украинскому экипажу этого самолета. Лучше бы не было бы такого повода для создания комиссии по проведению расследования. Что касается причин, то, что я знаю, — а я слежу довольно внимательно за тем, что выкладывается, — скорее говорит в пользу того, что самолет был сбит. Преднамеренно или нет — большой вопрос. Возможно, по ошибке. Возможно, пуляли в белый свет, как в копеечку, по любым чужим целям. Надеюсь, расследование это покажет. Но что важно в этой ситуации, начиная с ликвидации генерала Сулеймани: я внимательно слежу за реакцией российских властей. Она крайне показательна: скорбь и соболезнования в связи с ликвидацией человека, который был партнером и покровителем международных террористов. Это же является медицинским фактом, что он сотрудничал тесно с «Хамасом» и «Хизбаллой». Организации, на счету которых сотни терактов и тысячи жертв, которые в России не признаются террористическими организациями почему-то, по непонятным мне лично причинам. С лидерами которых Россия сотрудничает, которых открыто принимает у себя. Погуглите и найдете массу фотографий, когда лидер «Хамаса» в гостях у нашего министра иностранных дел и других высокопоставленных представителей. Российские власти скорбят по генералу Сулеймани, и это еще раз демонстрирует, что на словах они борются с международным терроризмом, а на деле они, как минимум, ему не противодействуют, дружат и обнимаются с террористами и их покровителями. Я почти уверен, хотелось бы ошибиться, но думаю, что не ошибусь, что сейчас официальная российская пропаганда будет делать все, чтобы заявлять о полной невиновности Ирана в крушении Боинга, настаивать на том, что что-то было с двигателями, пилоты ошиблись, двигатели перегрелись...

ТТ: А зачем?

БВ: А затем, чтобы отмазать своих. Иранские власти, все эти многочисленные аятоллы с их криками об уничтожении

Америки и Израиля — они классово близкие, социально близкие. Мы дружим с ними. Я хорошо помню, как дружили с президентом Ирана Ахмадинежадом, который многократно говорил, что Израиль надо уничтожить. Уничтожить ему, естественно, не удалось, но с ним обнимались в Москве, и не один раз. На ближнем Востоке наши друзья и партнеры — такие государства как Иран, который известен десятилетиями как спонсор и покровитель международного терроризма и, тем не менее, мы с ним дружим. На мой взгляд, дружить с Ираном, с Асадом, с «Хамасом» и при этом говорить, что боремся где-то с терроризмом — это фарисейство, лицемерие.

ТТ: Борис Лазаревич, я все-таки хочу вернуться к самому первому вопросу. То, что Иран пригласил участвовать в расследовании крушения Боинга. То есть Иран, я так полагаю, хочет честности.

БВ: Посмотрим, что будет предоставлено в распоряжение тех, кто будет вести расследование. Посмотрим, найдут ли черные ящики, записи переговоров. Я не летчик, не большой специалист по авиации, но все-таки провел несколько лет своей жизни (с перерывами) на летных испытаниях, когда был еще научным сотрудником, и мы испытывали навигационные системы, для которых я разрабатывал алгоритмы обработки информации. Я довольно много летал. Если что-то случается с двигателями, то пилоты обязательно, немедленно сообщили бы. Должны остаться следы, переговоры, разговоры. Это все должно быть зафиксировано. Посмотрим, будет ли найдено, будет ли предоставлено в распоряжение комиссии. Если следы будут скрыты, то все разговоры о том, что проводится международное расследование, будут абсолютным лицемерием.

ТТ: И тем не менее, Борис Лазаревич, допускаете, что в конце концов этого расследования Иран признает свою чудовищную ошибку? Такое возможно?

БВ: Нет ничего невозможного, есть только маловероятное.

ТТ: Это просто маловероятно?

БВ: На мой взгляд, это маловероятно. Хотя нельзя это исключать. Я хочу обратить внимание на то, что при всех этих криках и демонстрациях о том, что сейчас мы устроим кирдык Америке, весь ответ на ликвидацию генерала Сулеймани ограничился ударом, судя по всему, по каким-то пустым строениям

на военной базе США в Ираке. Разговор о том, что якобы погубило 80 иракцев, тоже пока ничем не подтверждается, потому что Ирак никак не сообщил о своих погибших, не предоставил списки, не устроил демонстрацию скорби по ним. Ничего нет.

ТТ: Трамп сказал, что обойдутся санкциями.

БВ: Хорошо, если бы обошлись санкциями. Но это очень серьезный вопрос. Но что делать с террористическими государствами? Что делать с диктаторами международными? Что делать с теми, кто не просто нарушает права человека у себя в стране, но и грозит миру ядерной гранатой? Что делать с такими, как северокорейский Ким? Что делать с такими режимами? Я не призываю к военным интервенциям и свержению этих режимов...

ТТ: Вопросы, на которые вы не знаете ответа.

БВ: Да. Я задаю вопрос, на который не знаю ответа. Но то, что жесточайший режим международных санкций, полная финансовая изоляция, призыв к тому, чтобы не продавали оружие таким странам, необходимо применять, это очевидно. Такого рода блокаду крайне редко удается установить. К сожалению, опять же, с такими режимами активно сотрудничают российские власти. В этом нет ничего нового: они — прямые наследники советского режима. Советский режим был известен как спонсор и покровитель, как штаб подготовки исламских террористов еще в 70-80 годы. Это рассматривалось как способ борьбы с американским империализмом.

ТТ: Вы же знаете, что можно запретить, но продолжать продавать и говорить «а мы не продаем». Так тоже можно.

БВ: Надо запретить и соблюдать эти запреты.

ТТ: Я понимаю, что вы говорите о желаемом.

БВ: Я говорю как человек, который в Иерусалиме несколько раз видел последствия террористических актов. Не из книг о них знаю. Один раз я оказался на месте одного из терактов буквально через 15 минут, как он произошел. Я помню, как моя мама, почти год назад ушедшая из жизни... она жила с папой в Иерусалиме почти 3 десятка лет, и папы тоже уже нет, к сожалению. Так вот, мама чудом уцелела, не попав под один из таких терактов. Чуть-чуть бы раньше приехала на то место, куда она шла, она могла бы стать одной из жертв такого теракта.

ТТ: Живущие в Петербурге тоже знают, что такое теракты.

БВ: Прекрасно помню, что случилось в метро почти 3 года назад.

ТТ: Только недавно закончился суд, тоже все далеко неоднозначно. Давайте вот про борьбу с терроризмом в нашей России. Мы здесь возвращаемся к группировке «Сеть»...

БВ: Очень важное есть одно соображение. Все время стараюсь его высказывать. Надеюсь, его услышат. Посмотрите, кто для нашей власти террорист? Олег Сенцов, освобожденный после огромного количества протестов. Обвиняемые по делам «Сети» и «Нового величия», которые сфабрикованы спецслужбами. Это что, действительно террористы? Нет, конечно. Это те, с кем удобно бороться. Хочу анонсировать в нашем эфире: буду очень рад, если откликнутся наши слушатели и придут на выставку материалов по делу «Сети» — организации, которая объявлена якобы террористической. Выставка откроется в офисе Питерского «Яблока» на Шпалерной, 13, в воскресенье 12 января в 14:00. Продлится не меньше месяца. Но вот в воскресенье будет открытие.

ТТ: Что там будет?

БВ: Будет много материалов, которые связаны с этим делом «Сети». Документы, фотографии, письма, свидетельства. Будут родители одного из арестованных по этому делу Юлия Бояршинова — Николай Николаевич Бояршинов и Татьяна Робертовна Копылова. Николай Николаевич каждую неделю стоит с плакатом, обычно на Невском, в поддержку сына и других обвиняемых. Надеюсь, смогут прийти две прекрасные девушки — Яна Теплицкая и Катя Косаревская, которые были членами общественной наблюдательной комиссии прошлого созыва, которые много раз общались с обвиняемыми по делу «Сети», в частности с Виктором Филинковым. Они написали доклад о том, как к арестованным по этому делу применялись пытки в ФСБ. Я с ними абсолютно согласен, что все показания по этому делу выбиты с помощью пыток, силой. Григорий Михнов-Вайтенко будет, член правозащитного совета Санкт-Петербурга, который был в Пензе не раз как епископ Апостольской православной церкви и был допущен к обвиняемым, арестованным по делу «Сети», он много знает про это дело. Будет руководитель аппарата Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге Ольга Штанникова. Буду я

участвовать. Я тоже много занимался этим делом — не просто участвовал в пикетах, митингах в защиту этих обвиняемых, я ездил в следственный изолятор ФСБ, отвозил письмо, настаивая на том, чтобы обеспечить Виктора Филинкова необходимыми лекарствами. К счастью, удалось решить эту проблему, а лекарства не давали передавать. Есть обвинение по делу «Нового величия», тоже совершенно чудовищное, где засланы провокаторы спецслужб, сами все организовали, а теперь молодых парней и девушек, которые на это повелись, их называют террористами. Вот кто террористы для нашей власти — это не «Хизбалла» с «Хамасом». Не генерал Сулеймани. Не те, кто действительно устраивает теракты, сбивает самолеты, взрывает автобусы, устраивает взрывы в школах, клубах и детских садах. А вот такие, как Юлий Бояршинов, Виктор Филинков, Олег Сенцов.

ТТ: Вот это наследие политзаключенных перешло уже из 19 года в 20 год. Каких-то позитивных изменений вы ждете?

БВ: Зависит от общественного давления. Если бы не общественное давление, то не были бы отпущены часть обвиняемых по «Московскому делу» — это молодые ребята, которые выходили на улицы Москвы, чтобы потребовать честных выборов. Часть на свободе — а другие уже отправлены в колонию, на зону. Я несколько дней назад отправлял личное письмо Константину Котову, должны были передать через Викторину Ивлеву, которая этим занимается, московская журналистка из «Новой газеты». Человек, который был подведен под уголовную статью просто за то, что несколько раз его задерживали с одиночными пикетами. Конституционный суд — помните знаменитое дело Ильдара Дадина? — признал, что невозможно превращать административные наказания в уголовные. Тем не менее, Котова арестовали, обвинили по этой статье, приговорили к 4 годам колонии. Сидят и другие обвиняемые. Повторяю, кого-то удалось вытащить, заставить крокодила немного разжать челюсти, но далеко не всех. Минувший год, как и несколько предыдущих, был чудовищен с точки зрения политических преследований.

ТТ: Я просто хочу понять, может ли быть еще чудовищнее?

БВ: Может. Я уверен, что может, потому что, к сожалению, на сегодняшний день наши спецслужбы это такое государство

в государстве. Это ударное строительство сталинского государства, которое, не устаю говорить, не все слышат, но надеюсь, что будут слышать все больше и больше, предусматривает обязательное применение принципа «органы не ошибаются, зря не сажают» и человеку, который попал в жернова этой машины репрессий, очень трудно из них выбраться. Кроме того, когда наша власть во главе с президентом Путиным видит, что перестала работать пост-крымская эйфория, война в Сирии как-то не очень приводит к сплочению вокруг властей, экономический кризис очевиден, инфляция и рост тарифов очевидны, пенсионная реформа вообще чудовищное действо. Конечно, падение доверия к себе власть всегда компенсирует усилением репрессий. Только общественное, гражданское сопротивление, сопротивление общества, оппозиционных политических партий может заставить этот маховик хотя бы крутиться медленнее.

ТТ: Главное, чтобы оппозиционные политические партии слышали друг друга и умели договариваться друг с другом.

БВ: Могу сказать, что в вопросе противодействия политическим репрессиям и протестам против них нет ни малейших разногласий между оппозиционными политическими партиями. Сегодня надеюсь поучаствовать в нашем традиционном метропикете, у нас сегодня пятница, с 6 часов у станции метро будут стоять пикетчики с одиночными пикетами в защиту политических заключенных. Тоже надеюсь постоять, принять участие в этом благородном деле.

ТТ: Про хорошее давайте. Решение суда по Шиесу. Это же хорошая новость?

БВ: Новость хорошая, хотя недостаточная. Я напомним слушателям, что суд признал незаконным строительство различного рода построек на месте, где планировали организовать этот мусорный полигон, чудовищный склад московского мусора. Мне очень нравится фраза, — не помню, кто сказал, — «Москва забирает от регионов деньги, а обратно посылает только мусор». Так вот, если бы не огромное общественное сопротивление, если бы не постоянная борьба жителей Архангельской области против того, чтобы там появился безумный полигон, если бы не поддержка СМИ, «Эха» в том числе, я все время на «Эхе» слышу и читаю новости, которые связаны

с этим сопротивлением, — думаю, что полигон уже начали бы организовывать. Хочу сказать, что очень благодарен моим коллегам из Архангельского «Яблока», в частности Юрию Чеснокову, который не раз задерживался, арестовывался за протесты против создания этого полигона. Они не ослабляют борьбу. Есть небольшое продвижение. Это очень здорово. Это показывает, что сопротивление не бесполезно. Мы часто слышим и от властей, и от их агентов, что все бесполезно, бессмысленно и ничего не выйдет, против лома нет приема. Нет, есть прием против лома. Этот прием — это общественное сопротивление. Надо продолжать борьбу. Не только против полигона в Шиесе.

ТТ: Вообще вот интересно... Где-то срабатывает общественное сопротивление, а где-то нет. Вы не находите...

БВ: Заранее нельзя предсказать. Надо бороться. Делай, что должен. Случится то, чему суждено. Я точно знаю, что, если не бороться, то власть делает все, что хочет. А если бороться, то есть шанс, хоть и не всегда, добиться своего. Остановили же в свое время безумную передачу Исаакиевского Собора церкви. А ведь, когда это начиналось, никто не верил. Слышал много голосов «ай, ничего не выйдет», «они решили, так все и будет». Я помню, как с трибуны Законодательного Собрания кричали, что Исаакиевский собор будет отдан церкви, даже постановление какое-то грозное принимали на эту тему. И ничего. Мы сказали, что «этого не будет, не допустим».

ТТ: Каковы шансы родителей и юных горнолыжников, которых выгоняют ради прихода? Речь про детско-юношескую горнолыжную школу, которую выселяют из здания на Выборгском шоссе из-за того, что на этот дом претендует соседний приход. Вы, я знаю, этим вопросом занимались.

БВ: Я думаю, что шансы есть. Я занимаюсь этим довольно плотно.

ТТ: Расскажите, в чем история. Почему претендуют?

БВ: История очень простая. Выборгское шоссе, дом 102. Здание, где находится детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва, готовит будущих лыжников, двоеборцев. Замечательная школа. Много детей там учится. Это здорово, когда развивается спорт. Тут вдруг приход старопарголовского храма заявляет, что это здание когда-то было домом причта.

Религиозное имущество, надо вернуть. Школе начинают предлагать здание... Даже не здание, а второй этаж на Сиреневом бульваре, который абсолютно неприспособлен для их нужд. Ни вестибюля не сделать, ни гардероба, ни поста охраны, нет места для парковки рядом. Никак не годится оно. Родители начинают возмущаться, писать во все инстанции. Было обращение ко мне, я написал в комитет имущественных отношений, получил вчера от них ответ, что да, архивными данными подтверждается, что это религиозное имущество, а здание на Сиреневом бульваре отремонтируем к лету 2020 года, потом будем выселять школу, а ее здание отдавать церкви. Уже после того, как направил это письмо в комитет, перед самым Новым Годом, родители прислали очень интересные документы, которые я выложил в открытый доступ. Они подтверждают, что это здание никогда церковным не было, не было религиозным имуществом, не совпадает по характеристикам с тем, в котором был дом причта. Много убедительных доказательств. Скорее всего, это был дачный домик, построенный графом Шуваловым для того, чтобы сдавать в аренду тем, кто там хотел отдыхать. Это ведь была дачная местность сто лет тому назад. Направлю сегодня письмо вице-губернатору Евгению Елину и потребую проверки тщательной всех этих данных. Если проверка подтвердит, на что надеюсь, что произошла ошибка, архивные данные неверно истолкованы и есть доказательство, что это не религиозное имущество, то надо отменять распоряжение о передаче РПЦ этого здания, о выселении школы... Оставлять школу, пусть приход обходится тем, что есть. Это не его имущество, он не может на него претендовать. К сожалению, это не первый и не последний случай, когда церковь претендует на то, что ей не принадлежало. Тот же Исаакиевский собор, который никогда не принадлежал церкви...

ТТ: Это вечная история.

БВ: История из двух компонентов. Один — рейдерство, стремление захватить даже то, что церковным имуществом никогда не было. Второй — стремление в уютный парк втиснуть очередной храм, когда прекрасно можно найти другое место для храма. Пример — парк Малиновка, хотя здесь мы решили проблему, остановили строительство, дали другое место под храм. Но это не только в Петербурге происходит.

ТТ: Здесь мы сделаем паузу, но останемся с Борисом Лазаревичем в YouTube, поэтому присоединяйтесь к нам.

ТТ: Мы продолжаем наш эфир. Борис Вишневский, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга у нас в студии. Напомню, мы не прекращали наш разговор на YouTube, поэтому, если слушаете в аудиоформате, то не поленитесь дома посмотреть за чашкой кофе или чай, кому как больше нравится. Борис Лазаревич, давайте поговорим об изменениях, которые постигли наш город прекрасный. То самое повышение цен на городской транспорт случилось. Сейчас парадоксально, но факт – маршрутки дешевле общественного транспорта. Уже скажу, что троллейбусы теперь – это роскошь, а не средство передвижения, потому что, честно говоря, 3 пересадки сделать и это уже примерно, как проехать на такси.

БВ: Тань, я об этом говорил. И в эфире «Эха», и с трибуны Законодательного Собрания, и через социальные сети, и всеми доступными способами, что, во-первых, повышение платы за проезд экономически необоснованно, никак не мотивировано, на 10 рублей которое произошло, и в наземном транспорте, и в метро. Если посчитать, а это очень просто, за 5 лет на 77 процентов выросла плата за проезд, за разовую поездку в метро. И только 27 процентов официальная инфляция. Если плату за проезд брать через «Подорожник», карту, то выросла она меньше. Но это все равно больше, чем инфляция. Если бы наши власти городские были честными, то такого повышения не должно было быть. Мои попытки этого не допустить закончились ничем. Законодательное Собрание большинство «единороссов» отклонило мои поправки к бюджету. Хочу напомнить, что, выделив 3 миллиарда рублей из бюджета, не очень большая сумма при нашем 730-миллиардном бюджете Петербурга на 2020 год, можно было ограничиться инфляционным повышением платы за проезд на 2 рубля. Не грабить горожан. Что касается маршруток, то это отдельная история. Транспортная реформа, которая нам предлагается – абсолютно сырая, непродуманная и с крайне негативными последствиями, на мой взгляд. У нас с лета 2020 года хотят отменить все маршрутки, люди будут вынуждены там, где раньше ехали на одной маршрутке, теперь ехать на автобусе и метро, или двух автобусах, или автобусе и троллейбусе, пересаживаться

и тратить дополнительные деньги, время. Это резко ухудшит транспортную доступность. Отменяются маршрутки, которые ходили там, где никакой общественный транспорт ходить не будет. Очень просто посмотреть это по схемам, которые вывешивал комитет по транспорту. Мы перед новым годом в офисе «Яблока» на Шпалерной устраивали подробное обсуждение транспортной реформы. Очень благодарен представителям «Организатора перевозок». Есть такая организация, к нам приходил замечательный Дмитрий Процкий. Очень подробно рассказал про их планы, ответил на все вопросы. Это пример того диалога, который надо налаживать власти с обществом. Но нас не убедили в том, что маршрутки надо отменять. Все время слышим сказки, что, якобы федеральный закон заставляет это делать. Нет, не заставляет. Можем иметь движение и по регулируемым тарифам, то есть обычный общественный транспорт, и движение по нерегулируемым тарифам, то есть маршрутки.

ТТ: Может, имеется в виду, что не совсем безопасно передвигаться?

БВ: Так следите за безопасностью. Куча водителей личного транспорта есть, которые тоже не соблюдают правила, нарушают их. И наказаний бывает совершенно недостаточно. Регулярно читаю про чудовищные случаи, когда гибнут люди, когда лихачи сбивают людей насмерть... Недавняя история, где двое подростков погибли, 15 и 16 лет. Выясняется, что тот, кто их убил, многократно задерживался за превышение скорости. Почему-то у него так и не отняты были права. Вот на что бы направить усилия наших контролирующих, проверяющих органов. Все время оказывается, что люди, которые убили других своим лихачеством, давно должны были быть пожизненно отлучены от права сесть за руль, но этого не происходит. То же самое с маршрутками. Следите, наладьте контроль, штрафуйте, если выводят неисправные маршрутки. Огромное количество возможностей. Вместо этого — просто запретить. Это же финансовый вопрос. Мы прекрасно понимаем, что речь идет о миллиардах рублей, которые могут перейти от тех компаний, которые эксплуатируют маршрутки, к тем, которые будут обслуживать маршруты общественного транспорта. Этим все и мотивировано. Не надо про опыт других стран рассказывать.

Наладьте движение общественного транспорта, чтобы он ходил как часы по всем нужным улицам. Чтобы я на общественном транспорте мог бы быстро, безопасно и не очень дорого проехать туда, куда мне надо. Тогда маршрутки естественным путем отомрут. Не выдержат конкурентной борьбы.

ТТ: Расписание бы работало. Когда придет следующий автобус или троллейбус...

БВ: Да. Но скажу, что есть места, где работает.

ТТ: Есть места, но хотелось бы, чтобы этих мест как можно больше. Борис Лазаревич, давайте поговорим про повышение цен на капремонт. Я так понимаю, что квитанции нам придут с удвоенной суммой?

БВ: Занимался этим. Абсолютно экономическая необоснованная вещь. Очередной грабеж горожан. Вот смотрите, что написано в пояснительной записке к бюджету города на этот год... Я, кстати, едва ли не единственный депутат, кто потребовал эту подробную пояснительную записку и ее прочел. Остальные не интересовались. Либо подняли руки и нажали кнопки, как приказали. Там прямо написано, что расходы бюджета на капитальный ремонт жилого фонда формируются исходя из того, что плата за капремонт с сегодняшних от 4 до 5 рублей за квадратный метр повысится до 5-6. После этого вдруг появляется проект постановления о том, что плата за капремонт будет от 8 до 9 рублей, то есть в два раза вырастет за квадратный метр.

ТТ: То есть просто поменяли сумму?

БВ: Да.

ТТ: А на каком основании?

БВ: А не на каком. Я направил запрос, не получил никакого ответа. Я внес проект закона, хотя не очень питаю иллюзии насчет того, что могут принять, — чтобы плата капремонта устанавливалась законом Санкт-Петербурга, а не Правительства. Дело в том, что, если внимательно прочитать жилищный кодекс, там четко совершенно сказано, что размер взноса за капитальный ремонт устанавливается нормативным правовым актом субъекта Федерации. То есть, законом Санкт-Петербурга. А у нас сделали такое мелкое юридическое жульничество. Написали в законе, что это полномочия передаются Правительству. Так не надо их Правительству передавать! Обсуждение публичное, даже с трибуны такого ЗакСа как наш, и даже при

таком политическом раскладе, — это все равно лучше, чем принятие решения Правительством в фактически кулуарном режиме. А могут и на «малом Правительстве» принять — туда ни депутаты, ни журналисты не допускаются. И мы потом узнаем, что приняли. Это ведь вопрос, который касается всего города: деньги, которые мы будем платить за капремонт. И неизвестно еще, когда этот капремонт будет проходить. Я очень много занимаюсь этой темой. В том числе, очень близко от места, где вы, Таня, живете, — улица Чайковского, дом 2, Сергиевский квартал, где власти отчаянно пытались перенести на 2021 год необходимый капремонт флигеля, где и жителей пытались заставить якобы добровольно отказаться от проведения ремонта в 2020 году. Огромные усилия мне пришлось приложить для того, чтобы все-таки в этом году капремонт этот был реально проведен. Так что в очередной раз нас хотят ограбить, пользуясь тем, что ЗАКС, большинством голосов «единоросов», дал правительству право устанавливать эту плату. Оно этим правом и пользуется. Но не надо ему это право отдавать.

ТТ: Не надо отдавать... Я знаю, у нас коллеги некоторые не платят, потому что не входит в общую квитанцию. У меня входит в квитанцию. Я не могу оплатить квитанцию и не оплатить эту сумму...

БВ: Сейчас еще существует возможность заплатить отдельно. Проблема в том, что, если не платить, — а эта плата введена на основании закона, — могут предъявить судебный иск, исполнительное производство, начать взыскивать со счетов у людей. Тут наше государство очень активное, когда надо с людей взять то, что они недоплатили. Когда оно само недоплатило, обязательство не выполнило — тут оно более скромное.

ТТ: У вас сменилось руководство партии. Председатель партии «Яблоко» Николай Рыбаков, наш петербуржец сейчас во главе партии. Что изменилось в партии?

БВ: Я думаю, что курс партии «Яблоко» не изменится — это самое главное.

ТТ: Получается, что председатель не имеет никакого значения?

БВ: Нет. Председатель имеет значение как капитан команды. Его задача организовать работу партии. Его задача, чтобы эта команда играла как команда. На «Эхе» то же самое: роль

главного редактора — роль капитана команды. И мне, как слушателю важно содержание передач, а не кто главный редактор. И точно так же важно, какой у партии курс, какая политическая позиция. Он не изменится от того, что Слабунову сменил Рыбаков. Интересно читать разных диванных экспертов, типа Валерия Соловья: мол, тот факт, что избрали Рыбакова, означает, что «Яблоко» будет действовать, как и раньше, в разрешенных властями рамках. Это, видимо, мы в этих «разрешенных рамках» в наших программных документах заявляем, что надо признать суверенитет Украины в границах 2013 года? Это в «разрешенных рамках» мы требуем, чтобы прекратили воевать в Сирии, чтобы сменилась власть в стране, и выступаем против политических репрессий? В результате чего против членов «Яблока» возбуждаются уголовные дела, их арестовывают и сажают... Я поддерживал на съезде Льва Шлосберга, моего давнего друга, мое выступление опубликовано у него в газете, которую раздавали на съезде. Но партия решила иначе. Тем не менее, ее курс останется прежним — кто бы ни был руководителем.

ТТ: Разрешенные рамки... Борис Лазаревич, знаете, о чем речь... О том, что Николай Рыбаков часто появляется на центральных каналах. И там об этом говорит. Все, что разрешено говорить на центральных каналах...

БВ: Николай Рыбаков постоянно старается сказать там то, что там никто другой не скажет. О прекращении войны с Украиной, о том, что надо уйти из Сирии, о том, что надо прекратить политические репрессии. Его перебивают, затыкают, обрывают.

ТТ: Но почему-то приглашают.

БВ: Можно открою страшную тайну? Меня тоже время от времени приглашают. Но я туда не хожу, мне это противно. Рыбаков считает, что он как зампредседателя партии (на тот момент) должен представлять там точку зрения партии.

ТТ: Навальный хотел, а его не приглашают.

БВ: Я думаю, что, если его бы пригласили, то он пришел бы. Это было бы интересно послушать.

ТТ: Но его даже не приглашают. Вас приглашают, а его нет.

БВ: Вопрос не ко мне. Если бы от меня это зависело, я бы первым его пригласил и других представителей политической

оппозиции. Когда-то серьезные преобразования в нашей стране начались с того, что была снята политическая цензура на телевидении. Стали обсуждать публично то, что раньше было запрещено. Это была та самая дырочка в плотине, которая привела к тому, что плотина советской власти потом рухнула. Я не раз говорил, что ситуация сегодня во многом напоминает ситуацию середины 80-ых. Когда власти не верят, когда она утомила ложью и лицемерием, когда от нее устали, когда хочется сказать президенту Путину: «мы устали, уходи!», а не ждать, когда он скажет «я устал, я ухожу». Я, кстати, надеюсь на перемены в нашей стране.

ТТ: Когда следующая перестройка?

БВ: Надеюсь, что скоро. Это и от нас зависит. От политиков, от граждан, от журналистов, от общественников. Чем больше правды будет в СМИ, тем ближе новая перестройка и изменения политического режима, которые так необходимы для граждан нашей страны.

ТТ: Спасибо. Еще раз напомним, что 12 числа в 14:00 на Шпалерной, дом 13, открытие выставки с материалами по делу «Сети». Борис Вишневский был у нас в студии, в программе «Особое мнение». Спасибо.

Видеозапись программы

<https://echo.msk.ru/programs/personalno/2568693-echo>

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
От автора	8

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЕТЕР ВЕРНЕТСЯ

Статьи в «Новой газете»

В Конституции не было слова «Ельцин»	13
Абсурд утратил силу	16
Свидетели либералов	18
Как сделать демократию	25
Парламент – место... для кого?	30
Клубок беззакония	33
Гуманизм в отдельных районах	38
Не вера, но жадность	42
«Проблема-43»: какой депутат нужен избирателям?	46
Мальчиш-Кибальчиш, он же – Плохиш	50
Муниципальный триллер в Петербурге продолжается	56
Комплексная депортация	61
Подписная уловка	64
Вниз по избирательной вертикали	67
Что может депутат	70
Ловкость слов и никакой отставки	76
Запрещено везде, где не разрешили	79
Неумное голосование	83
Нулевой цикл	87
Мал жетон Золотова	92
Ветер вернется	96
Локальное потепление	101
Они даже не представляются	107
Левосторонним вход запрещен	109
Безсудная Россия	112
Транзит к самому себе	118
Атаковать, а не защищаться	124

Прочь от парламентской республики	128
Переворот уже свершился	132

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДОЛГОЕ «ЭХО»

Блог на сайте «Эха Москвы»

«Но особо встал вопрос про Отца и Гения»	139
День политзека каратели встречают ударным трудом	142
Не спрашивай, по ком звонит колокол репрессий	144
В «керченской истории» нет «зеркальности»	147
Соучастники Путина	148
Сто дней Беглова в Петербурге:	
на переправе меняют не коней, а кучера	150
Пиар-субботник Беглова, или «Можем повторить бревно»	154
Чужие против Лопаты Беглова.	156
«Передайте товарищу Путину:	
произошла чудовищная ошибка».	157
Кремлевские «эксперты» о выборах в Украине —	
это секция импотентов на семинаре сексологов	159
Тбилиси. Апрель. 1989	161
Как «правозащитник по вызову» оправдал разгон	
первомайского шествия демократов в Петербурге	163
Те, кому не дают построить храм в сквере,	
никак не тянут на новых мучеников	166
«Колокол Голунова» звонит по тебе	167
Карательная система боится огласки,	
как вампир боится солнечного света	170
При таких архипастырях уже не нужна	
атеистическая пропаганда.	171
«Вместе с Юрой Визбором кончилась эпоха...»	174
Я был сочтен опасным соперником —	
и именно потому к выборам не допущен	177
Беглов и перегибы на местах	179
«Представьте справку, что Борис Стругацкий — писатель!»	182
Петербург и Москва как линия фронта	184
Плохие новости для Собянина и Путина	187
Как лжет московская власть	189
Классическая картина военного переворота	191
Костюм «оппозиционной принцессы» убран в шкаф	193
Расправосудие	194

Разворот Бортко	196
Несколько тезисов о голосовании 8 сентября	197
Давно МИД так громко не стучал снизу	202
Светлану Прокопьеву обвиняет то же государство, которое принимает в гости «ХАМАС»	206
Год временщика Беглова	208
«Нет государственных денег. Есть только деньги налогоплательщиков»	210
Подданные потерпят, не впервой?	212
Главные распространители фейков – государственные и окологосударственные пропагандисты	214
Недостойное правление	215
Бороться и стоять, спасти и не успокаиваться	218
Сам он не уйдет	220
«Вот так просто попасть в – палачи!...»	220
Три с половиной года колонии – за «испуг» опричников?	222
Последняя ошибка Ельцина	223
Кто бы говорил о международном праве...	227
«Охранительские» фильмы снимают тогда, когда власть очень сильно боится	228
Путин хочет остаться	230
Все, что вы хотели знать о фальшивой «оппозиции»	232
Надбавки для опричников	233
Спортивно-концертный комплекс: предрешенное убийство	234

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МИКРОФОН ВКЛЮЧЕН

Публичные выступления

Отнимают на рубль – а дают на копейки	241
Вы хотите, чтобы о вас вытирали ноги? Я не хочу	243
Тьма наступает, но мы должны приближать рассвет	245
Городу нужна альтернатива политике неуважения к гражданам и закрытости	247
Этой зимой ходить по улицам Петербурга стало опасно для здоровья и жизни	250
Отказ рассматривать антисталинский закон – шаг к сталинскому государству	252
Наш город не сломался и не прогнулся.	254
Выборы показали вопиющее неуважение власти к горожанам	256

Необходимо сломать машину политических репрессий раз и навсегда	257
Исправить систему можно только путем демонтажа самодержавия	259
Какие поправки в Конституцию действительно необходимы?	262

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОПРОС — ОТВЕТ

Избранные интервью

«Там, где нет свободы, колбаса обязательно исчезнет»	267
«Это все от понимания, что Беглов — крайне слабый кандидат»	278
Муниципальная «одиссея» депутата Вишневого	284
«Беглову подобрали соперников для победы в первом туре»	294
«У губернатора Вишневого никогда не будет висеть в кабинете портрет президента»	302
«РПЦ пытается создать для себя исключительные условия»	329
«Петербург заслуживает реального выбора губернатора, который будет уважать людей»	345
«Второй тур выборов кандидат от власти проигрывает даже сапогу»	357
«Московское дело» — это преступление против прав граждан»	366
«С оппонентами борются не путем аргументированного ответа на критику, а путём шельмования, клеветы и грязи»	382
«Нельзя дружить с террористами, и заявлять, что боремся с терроризмом»	397

БОРИС ЛАЗАРЕВИЧ ВИШНЕВСКИЙ
ТЕ ЖЕ БУКВЫ, НО ДРУГИЕ СЛОВА

Верстка
Наталии Введенской

Подписано в печать 18.03.2020.
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Baskerville.